ISSN 2304-0076

Семинар имени академика В. В. Седова

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Институт археологии РАН
Археологический центр Псковской области
Псковский археологический центр
Псковский музей-заповедник

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова

Выпуск 36

Материалы 66-го заседания
(20–22 апреля 2021 г.)

Москва • Псков
2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
А87

Ответственный редактор ***Н. В. Лопатин***, к. и. н. (Москва)
Ответственный секретарь ***Е. В. Салмина***, к. и. н. (Псков)

Редакционная коллегия

П. Г. Гайдуков, чл.-корр. РАН, д. и. н. (Москва), ***Т. Ю. Закурина***, к. и. н. (Псков),
И. В. Исланова, д. и. н. (Москва), ***Э. В. Королёва***, к. и. н. (Псков),
Л. Я. Костючук, д. ф. н., профессор (Псков), ***М. И. Кулакова***, к. и. н. (Псков),
И. К. Лабутина, к. и. н., профессор (Псков), ***Е. Р. Михайлова***, к. и. н. (Санкт-Петербург),
Вл. В. Седов, чл.-корр. РАН, д. иск. (Москва),
А. А. Селин, д. и. н., профессор (Санкт-Петербург), ***Е. В. Торопова***, к. и. н. (Великий Новгород),
Н. В. Хвощинская, д. и. н. (Санкт-Петербург), ***Е. А. Яковлева*** (Псков)

Археология и история Пскова и Псковской земли: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Выпуск 36. Материалы 66-го заседания (2021 г.). М., Псков: ИА РАН, 2021. 320 с.: ил.

Ежегодник издается по материалам регулярного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли», основанного в 1980 г. выдающимся ученым Валентином Васильевичем Седовым и ныне носящего его имя. В ежегоднике публикуются результаты исследований по археологии, истории и архитектуре Пскова и Псковской земли, а также разнообразным вопросам истории культуры Северо-Запада России и соседних территорий.

Archaeology and History of Pskov and Pskov Land: Annual of the Academician V. V. Sedov Seminar. Issue 36. Proceedings of the Session 66 (2021)

The annual is based on the papers from the regular seminar "Archaeology and History of Pskov and Pskov Land", founded in 1980 by the outstanding scholar Valentin V. Sedov and now bearing his name. The yearbook contains research materials on archaeology, history and architecture of Pskov and Pskov land, as well as a variety of cultural history issues concerning the North-Western Russia and neighbouring territories.

Издано при финансовой поддержке Правительства Псковской области,
за счет средств подпрограммы «Наследие» государственной программы «Культура,
сохранение культурного наследия и развитие туризма на территории области»

ISSN 2304-0076
ISBN 978-5-94375-382-4
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2021
© ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2021
© АНО «Псковский археологический центр», 2021
© ГБУК «Псковский государственный объединенный историко-
архитектурный и художественный музей-заповедник», 2021
© Авторы статей, 2021

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Содержание

АРХЕОЛОГИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Кулакова М. И. Полевые работы псковских археологов в 2019 и 2020 годах 7
Салмин С. А., Салмина Е. В., Стасюк И. В. Археологические исследования фундаментов псковского Троицкого собора в 2020 г. 31
Прибурова Т. Ф., Фисенко А. В. Предварительные итоги исследования углубленной постройки XI–XIII вв. на Запсковье (по материалам Ильинского-5 раскопа 2019 г.) 51
Михайлов А. В., Романовский А. Б. Археологические исследования на поселении Горожане в 2019 г. 67
Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Новые материалы из курганной группы у д. Калихновщина и ее окрестностей в Гдовском районе 78
Колпакова Ю. В. Янтарные кресты XVI–XVIII вв. в Пскове в контексте свидетельств путешественников 90

ИСТОРИЯ ПСКОВЩИНЫ: ГОРОД И ЛЮДИ

Яковлева Е. А. На псковских рубежах (памяти А. Н. Кирпичникова) 101
Постников А. Б. Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского 1477 г. и его вновь открытый список 1732 г. 111
Бессуднова М. Б. Ганзейская торговля Пскова первой половины XVI века по материалам Архива ганзейского города Любека 144
Бессуднов Д. А. Отражение роли Пскова и Псковской земли в материалах Герцогского архива (Берлин) 155
Попова Е. М. «А приходили де шарпальники изо Пскова»: к вопросу о взаимоотношениях псковичей и новгородцев в период Смуты 164
Иванова А. С. Анализ статистических и демографических процессов в приходах Вороничской земли Опочецкого уезда Псковской губернии в XVIII–XIX вв. 170
Яковлев А. В., Ершова Т. Е. Александр Семенович Хвоинский – хозяин клада-коллекции из раскопок 2016 г. в Пскове 181

СОСЕДИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

Петров М. И. Культурный слой Новгорода и вещевые хронологии 201
Данилов В. В. (†), Романова Е. А., Олейников О. М. Опыт реконструкции уличной сети Тверского кремля во второй половине XII – XVI в. 214
Данилов Василий Владимирович (1958–2021) 227

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Степанова Ю. В. Серьги XIV–XVIII вв. из археологических памятников и этнографических коллекций Тверской области 229
Сорокин П. Е., Андреева О. А., Матвеев В. Н. Деревянные изделия из крепости Ландскрона 248
Шуньгина С. Е. Археология Санкт-Петербурга. Почти юбилей с момента первых исследований 261
Тарасевич В. Н., Маковская В. А., Плавинский Н. А. Исследования комплекса археологических памятников Навры в 2020 году 272
Магалинский И. В. Химический состав изделий из цветного металла X–XI вв. из материалов исследований на территории археологического комплекса Кордон 300
Грицкевич Д. С. Случаи синусита среди населения г. Полоцка XIII–XVIII вв. 311

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Contents

ARCHAEOLOGY OF PSKOV AND PSKOV LAND

Kulakova M. I. Field Works of Pskov Archaeologists in 2019 and 2020 7
Salmin S. A., Salmina E. V., Stasyuk I. V. Archaeological Research of the Pskov Trinity Cathedral foundations in 2020 31
Priburova T. F., Fisenko A. V. Preliminary Results of the In-Depth Building of the 11th–13th Centuries in Zapskovye Study (Based on the Materials of the Ilyinsky-5 Excavation 2019) 51
Mikhajlov A. V., Romanovskij A. B. Archaeological Study of the Settlement Gorozhane in 2019 67
Mikhailova E. R., Sobolev V. Yu. New Materials from the Kurgan Group near the Village of Kalikhnovshchina and its Surroundings in Gdov Region 78
Kolpakova Yu. V. Amber Crosses of the 16th–18th Centuries in Pskov in the Context of Travelers' Testimonies 90

HISTORY OF PSKOV LAND: THE CITY AND PEOPLE

Yakovleva E. A. At the Pskov Frontiers (in Memory of A. N. Kirpichnikov) 101
Postnikov A. B. The Spiritual Testament of St. Euphrosyne of Pskov (1477) and his Newly Discovered Script (1732) 111
Bessudnova M. B. Hanseatic Trade of Pskov in the First Half of the 16th Century Following the Archives of Hanseatic City of Lübeck 144
Bessudnov D. A. Reflection of the Role of Pskov and Pskov Land in the Materials of Herzogbriefarchiv (Berlin) 155
Popova E. M. "And the Sharpalniks (robbers) Came from Pskov": to the Problem of Relationship between Pskovites and Novgorodians during the Time of Troubles 164
Ivanova A. S. Analysis of Statistical and Demographic Processes in Parishes of Voronich Land of Opochka Uyezd of Pskov Province in the XVIII–XIX Centuries 170
Yakovlev A. V., Ershova T. E. Alexander Semenovich Khvoinsky – the Owner of the Treasure Collection from Excavations 2016 in Pskov 181

NEIGHBOURS OF PSKOV LAND IN THE MIDDLE AGES AND MODERN TIMES

Petrov M. I. Cultural Deposits of Medieval Novgorod and Artifact Chronologies 201
Danilov V. V., Romanova E. A., Oleynikov O. M. An Attempt of Reconstruction of the Tver Kremlin Street Network in the Second Half of the 12th–16th Centuries 214
Danilov Vasilij Vladimirovich (1958–2021) 227

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Stepanova Yu. V. Earrings of the 14th–18th Centuries from Archaeological Monuments and Ethnographical Collections of the Tver Region 229
Sorokin P. E., Andreeva O. A., Matveev V. N. Woodwork from the Landskrona Fortress 248
Shungina S. E. Archaeology of St. Petersburg. Almost an Anniversary of the First Research 261
Tarasevich V. M., Makouskaya V. A., Plavinski M. A. Exploration of the Complex of Archaeological Monuments Naŭry in 2020 272
Mahalinski I. V. Chemical Composition of 10–11th Centuries Non-ferrous Metal from Research Materials of the Cordon Archaeological Complex 300
Gritskevich D. S. Cases of Sinusitis among the Population of Polotsk in the 13th–18th Centuries 311

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

АРХЕОЛОГИЯ ПСКОВА И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

М. И. Кулакова

Полевые работы псковских археологов в 2019 и 2020 годах

Резюме. В статье представлен обзор основных археологических работ (раскопок и разведок), проведенных археологами Государственного бюджетного учреждения культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» и Автономной некоммерческой организации «Псковский археологический центр» в 2019–2020 годах на территории Пскова и Псковской области.

Ключевые слова: Псков, Псковская область, спасательные раскопки, археологические разведки, обследование земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению.

M. I. Kulakova. Field Works of Pskov Archaeologists in 2019 and 2020

Abstract. The article provides an overview of the main archaeological works (excavations, archaeological exploration) carried out by archaeologists of the State Budget Cultural Institution of the Pskov region "Archaeological Center of the Pskov Region" and the Autonomous Non-Profit Organization "Pskov Archaeological Center" in 2018 on the territory of Pskov and the Pskov region.

Keywords: Pskov, Pskov region, rescue excavations, archaeological explorations, survey of land plots intended for economic development.

Обзор работ псковских археологов за 2019 г. ранее не был представлен, так как в 2020 г. конференция не состоялась из-за ограничительных мер, связанных с COVID-19. Однако в ряде случаев невозможно разделить работы по годам, так как работы 2019 г. продолжали ранее начатые, а работы 2020 г. являлись продолжением 2019 г. В настоящей статье представлен краткий обзор археологических раскопок и разведок, проводившихся на территории Псковской области сотрудниками государственного бюджетного учреждения культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области» и АНО «Псковский археологический центр».

Археологические раскопки в г. Пскове (рис. 1).

В 2019–2020 г. археологические исследования проводились на следующих площадках в Пскове:

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.7-30

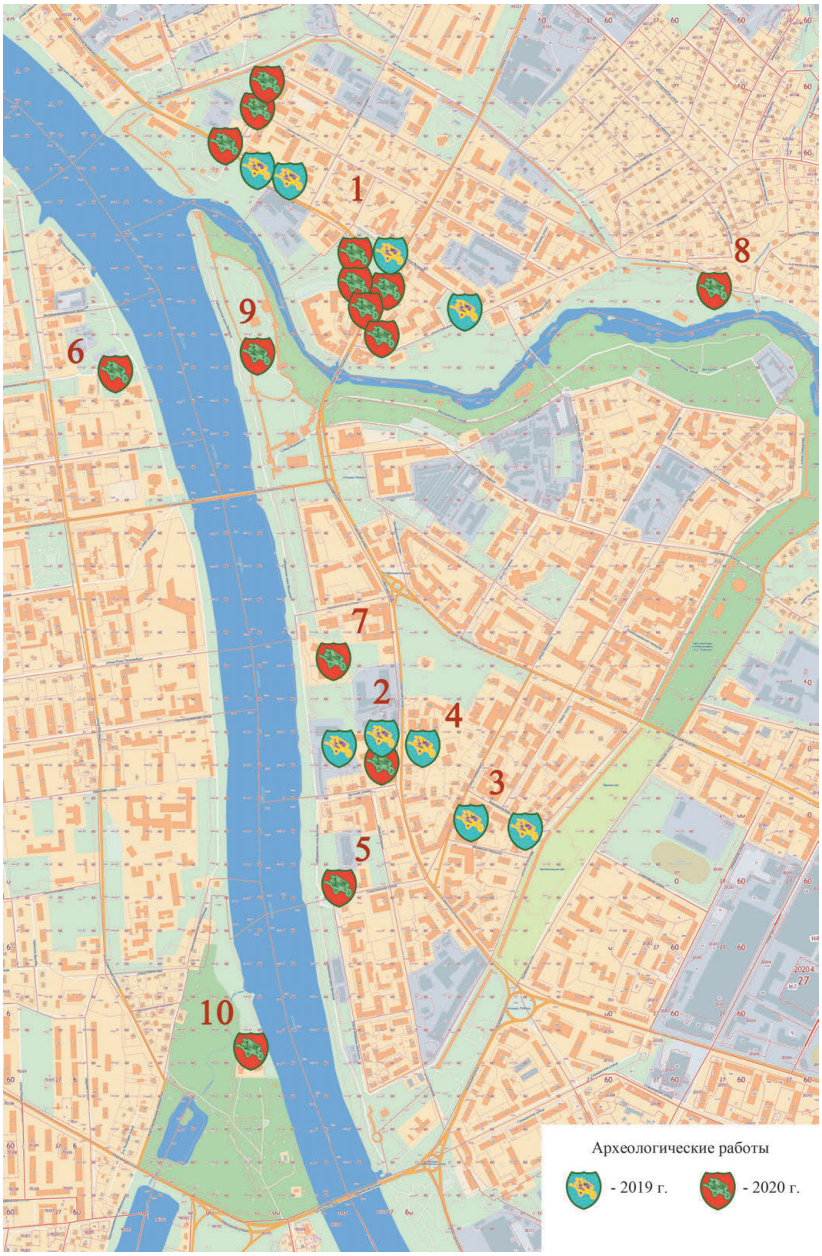


Рис. 1. Схема расположения археологических раскопов на территории г. Пскова в 2019–2020 гг.: *1* – ул. Леона Поземского; *2* – ул. Советская, 29; *3* – «Музейный квартал» и «дом Ксендза»; *4* – ул. Советская, 44; *5* – ул. Георгиевская; *6* – ул. Коммунальная, 1; *7* – архитектурно-археологические шурфы на Псково-Печерском подворье; *8* – Гремячая гора; *9* – Кремль (Троицкий собор); *10* – Мирожский монастырь

– г. Псков, ул. Леона Поземского (начаты в 2019 г., продолжены в 2020–21 гг.) (Рис. 1: *1*);

– г. Псков, ул. Советская, 29 (территория быв. ТЭЦ) (рис. 1: *2*);

– г. Псков, «Музейный квартал» (археологические раскопки вокруг здания «Поганкины Палаты» и у «дома Ксендза» 2019 г.) (рис. 1: *3*);

– г. Псков, ул. Советская, 44 (2020 г.) (рис. 1: *4*);

– г. Псков, ул. Георгиевская (инженерные сети к зданию первой Псковской гимназии) (2020 г.) (рис. 1: *5*);

– г. Псков, ул. Коммунальная, 1 (2020 г.) (рис. 1: *6*);

Археологические работы, связанные с проектными работами на памятниках архитектуры:

– на Псково-Печерском Подворье (2020 г.) (рис. 1: *7*);

Общая площадь исследований – чуть более 4600 кв. м.

Коллекция индивидуальных находок насчитывает около 6500 тыс. номеров.

Кроме того, сотрудники ГБУК ПО АЦПО приняли участие в работах Института истории материальной культуры РАН у Троицкого собора в г. Пскове.

Археологические раскопки на ул. Леона Поземского (рис. 2: *1–11*). (рук. – С. А. Салмин, общая площадь – 1735 кв. м).

Осенью 2019 г. начались и на протяжении сезона 2020 г. продолжались археологические раскопки в ходе реконструкции ул. Леона Поземского в городе Пскове в рамках объекта «Совершенствование обеспечивающей инфраструктуры туристско-рекреационного кластера «Псковский» (1 этап) на участке от Троицкого моста до пересечения с ул. Набат. В зону исследований также входили прилегающие ул. Герцена, ул. Набат, часть ул. Труда. Раскопки проводились только на участках новых трасс инженерных коммуникаций, где в ходе археологического надзора за земляными работами выявлены участки непотревоженного культурного слоя.

Раскопки позволили проследить характеристики культурного слоя на протяженном участке, выделить различные этапы освоения Запсковья.

Раскопы в «Сквере Парламентаризма» (рис. 3, 4) на месте прокладки ливневой канализации по ул. Волкова (Ильинский-4), археологические исследования на месте перекладки линии связи вдоль ул. Труда и ул. Л. Поземского (раскопы Ильинский-5,6).

В раскопах изучались отложения, датируемые XII–XVIII вв. Начало освоения участка следует отнести к концу XI – рубежу XI–XII вв. Раскрыты остатки деревянных построек этого периода, печных конструкций. С этим временем связаны также следы сельскохозяйственной активности на территории в пределах раскопов.

Работы по трассам канализации вдоль ул. Л. Поземского. Раскопы были заложены на нескольких участках – от ул. Набата до ц. Козьмы и Дамиана с Примостья. В результате работ были получены ранее не известные данные по первоначальному рельефу участка и периодам его освоения. Так, на участке исследования на перекрестке с ул. Набата культурный слой выявлен на глубине 20–30 см от уровня современной дневной поверхности. Позднесредневековые отложения снивелированы в позднейшее время; фактически, в раскопе

Рис. 2. Схема раскопов 2019–2020 г. на ул. Леона Поземского: *1* – Набат-1, 2 (2020); *2* – Званицкий-4, 5 (2020); *3* – Званицкий-3 (2019); *4* – Званицкий-1, 2 (2019); *5* – Ильинский-6 (2019); *6* – Ильинский-4, 5 (2019); *7* – Козьмодемьянский-12 (уч. 1, 4); *8* – Ильинский-7 (2020); *9* – Козьмодемьянский-12 (уч. 2, 3); *10* – Козьмодемьянский-13 (уч. 1, 5) (2020); *11* – Богоявленский-35, 36 (2019)

Рис. 3. Раскопки на ул. Леона Поземского 2019–2020 гг. Ильинский-4 раскоп. Вид с запада

Рис. 4. Раскопки на ул. Леона Поземского 2019–2020 гг. Ильинский-6 раскоп.
Каменная постройка XVIII в. Вид с востока

Рис. 5. Раскопки на ул. Леона Поземского 2019–2020 гг. Раскоп Козмодемьянский-12 (уч. 1). Раскрытие каменных построек XVI–XVII вв. Вид с юга

исследованы остатки построек XV–XVI вв., заглубленных в песчаный материк. Южнее в раскопах фиксируется понижение первоначального уровня дневной поверхности и мощность культурного слоя составляет до 1,5 м, причем выявлен он на глубине от 1 до 1,5 м от уровня современной дневной поверхности. На протяжении всего участка раскрыты и изучены подвальные части каменных жилых построек XVI–XVII вв. (рис. 5).

В раскопе на повороте ул. Труда, у церкви Козьмы и Дамиана (раскоп Ильинский-7) обнаружены остатки каменной постройки, которая, предположительно, относилась к комплексу построек ныне существующей церкви. Рядом раскрыто несколько погребений XV в., которые, вероятно, относятся к некрополю сгоревшей деревянной церкви Козьмы и Дамиана (рис. 6).

Раскопы в сквере между улицами Герцена и Волкова (территория бывшей Лесной площади), около проезжей части ул. Герцена. В результате исследований прошлых лет (Богоявленский-30 раскоп 2003 г.) стало известно, что в районе Лесной площади практически полностью отсутствуют балластные отложения Нового и Новейшего времени, а обширное пространство вдоль ул. Герцена занято каменными постройками подворья Снетогорского монастыря. По результатам археологических работ скорректировано местоположение колодца с целью сохранения построек подворья (рис. 7).

Рис. 6. Раскопки на ул. Леона Поземского 2019–2020 гг. Ильинский-7 раскоп на уровне каменных построек XVII в. Вид с юга

Рис. 7. Раскопки на ул. Леона Поземского 2019–2020 гг. Замощение Лесной площади XIX в. (ул. Герцена)

Рис. 8. Раскопки на ул. Леона Поземского 2019–2020 гг.
Раскоп Козьмодемьянский-13 (уч. 3). Вид с запада

В раскопе на ул. Герцена в прибрежной части Запсковья изучены отложения XVI–XVII вв., расположенные ниже слоя пожара XVII в. (предположительно – пожар 1682 г., в котором сгорел весь город) (рис. 8).

Археологические раскопки на современной ул. Набат проведены на фактической окраине средневекового города, куда были вынесены огнеопасные производства; некоторые из них изучены в раскопах.

Археологические раскопки на ул. Леона Поземского на участке от ул. Набат до крепостной стены Окольного города продолжены в 2021 г.

Археологические раскопки на ул. Советской, 29 (территория быв. ТЭЦ) (рис. 1: *2*) руководители: А. В. Михайлов – 2019 г.; С. А. Салмин – 2020 г. Общая площадь исследований – 610, 5 кв. м).

Рис. 9. Схема расположения археологических раскопов в «Музейном квартале»

Археологические раскопки на территории бывшей ТЭЦ были начаты в 2016 г. В зиму 2019–2020 г. продолжались раскопки на Мстиславском-6 раскопе. Там выявлены жилые и хозяйственные постройки XV–XVII вв; следы городской уличной планировки (XIV–XV вв.); остатки производственного комплекса (железоплавильный горн, жернова для измельчения железной руды). Продолжилось исследование выявленного в 2017–2018 гг. участка дохристианского городского некрополя.

Великоулицкий-1 раскоп располагался по адресу ул. Советская, 23 и являлся последним на площадке бывшей ТЭЦ. Работы на нем продолжались в 2019–2020 гг. В 2019 г. проведены раскопки на южном участке, в 2020 г. – на северном. На раскопе выявлены жилые и хозяйственные постройки XV–XVIII вв.; остатки дворовых замощений; остатки производственного комплекса (железоплавильный горн); нарушенные позднейшими сооружениями курганные насыпи.

Археологические раскопки в г. Пскове в «Музейном квартале» (ул. Некрасова – Свердлова – Музейный пер. – Комсомольский пер. (рис. 1: *3*; рис. 9) (рук. – Т. Е. Ершова, общая площадь – 1224 кв. м).

Рис. 10. Раскопки в «Музейном квартале». Раскоп у здания «Поганкиных Палат». Конструкция туалетов времени купца Поганкина (XVII в.): помещение для золотарей

Раскопки проводились с февраля 2019 г. по 30 декабря 2019 г. Необходимость проведения археологических работ была связана с реализацией проекта по реставрации и реконструкции на объекте культурного наследия федерального значения «Поганкины палаты» XVII века. Вдоль фундаментов палат были проложены дренажные сооружения, а также проведено укрепление фундамента.

В ходе работ были выявлены архитектурные объекты, связанные с палатами и относящиеся ко времени их строительства и бытования (рис. 10). Со стороны ул. Некрасова найдены два помещения, примыкающие к палатам и разделенные перегородкой. В перегородке устроен арочный проем для перехода из одного помещения в другое. Сложены они из достаточно больших известняковых плит на известковом растворе. Еще два подобных помещения, но однокамерных, были выявлены со стороны ул. Музейный переулок. Постройки примыкают к стене палат, где находились санузлы. В арочных проемах читаются внутристенные каналы, ведущие наверх к санузлам. Устроен подобный санузел был таким образом, что во внутристенном проеме непосредственно под туалетом ставилась емкость (бочка), в которую собирались испражнения. По мере наполнения бочку передвигали в пристройку и ставили пустую. Далее золотари вывозили наполненные бочки.

Для периода до строительства Поганкиных Палат исследован культурный слой XV–XVI вв. На данном участке также исследованы культурные отложения XII–XVI вв. Открыты фрагменты каменного замощения дороги XII–XIII вв., пробитые погребальными ямами.

Большая часть археологических исследований у «Дома Ксендза» проводилась на территории усадьбы владельцев каменных палат. Небольшие по площади раскопки проводились на сопредельных территориях (рис. 11, 12).

Впервые в истории археологического изучения Пскова представилась возможность проследить жизнь городской усадьбы XVII–XIX вв. на протяжении более чем 200 лет. Письменные источники называют нам практически всех ее многочисленных владельцев, что дает возможность соотнести археологические находки с конкретными историческими персонажами. Наиболее продолжительное время усадьба принадлежала двум владельцам: в XVIII веке – дворянам Рокотовым, а в XIX – начале XX в. – католическому приходу располагавшегося рядом костела Святой Троицы.

В ходе археологических исследований установлено, что первоначальное освоение данной территории Полонища начинается в XIV в. В этот период здесь располагались огороды и сады, относившиеся, возможно, к владениям соседних монастырей. В XV в. на участке начинается активная хозяйственная деятельность. Раскопками открыты небольшие погреба и хозяйственные ямы этого времени. В XVI–XVII вв. участок плотно застраивается. Археологические исследования позволяют проследить изменения планировки и особенности застройки этого времени. Раскопками выявлено не менее семи подвальных помещений и погребов данного периода. Прослежено традиционное расположение домов в течение длительного времени – вплоть до XVIII в. Одно из зданий, входивших в состав усадьбы, начиная с XVIII в. располагалось в северо-западном углу ограды. Оно представляло собой двухчастный жилой дом на каменном фундаменте с большой прямоугольной печью и погребом. Очевидно, именно это строение показано на плане Губернского города Пскова 1857 г. Находки поливных изразцов, железных светцов, подсвечников, свинцовых оконных переплетов, оконного стекла позволяют воссоздать его интерьеры. Точная датировка здания устанавливается по находкам монет.

Рис. 11. Раскопки в «Музейном квартале». Раскоп у «дома Ксендза». Фундамент каменного дома с опечком. Вид с севера

Рис. 12. Раскопки в «Музейном квартале». Раскоп у «дома Ксендза». Фундамент деревянного дома с печью, XIX век. Вид с северо-запада

В XIX – начале XX в. в центре двора стоял небольшой деревянный дом на каменных фундаментах с печами и выгребной ямой, о существовании которого не было известно по другим источникам.

Археологические раскопки в г. Пскове на ул. Советской, 44 (рис. 1: *4*) (рук. – С. В. Степанов, площадь – 225 кв. м).

Раскопки проводились в сентябре-ноябре 2019 г. и в июне 2020 г. и связаны с ремонтно-реставрационными работами на объекте культурного наследия регионального значения «Банк Государственный Российской Империи. Псковское отделение». Раскопки велись траншейным методом по внешнему периметру стен здания. Ширина траншей составляла 2 м. Их проведение было обусловлено необходимостью гидроизоляционной обработки фундаментов. При этом работы велись до технической отметки гидроизоляционного покрытия, что соответствовало глубине в 2 метра ниже уровня современной дневной поверхности.

Культурный слой средневекового времени, отличающийся от более поздних наслоений темной окраской (при отсутствии видимых нарушений), содержал перемешанный материал периода позднего средневековья, в основном конца XV – 2-й пол. XVII в. и достаточно большое количество находок, прежде всего керамики, периода XII – 1-й пол. XIII в. Несмотря на сильную нарушенность слоя, на отдельных участках раскопа удалось зафиксировать «чистые» комплексы, маркирующие позднесредневековый этап функционирования данной территории. Вдоль западного фасада здания, выходящего на улицу Советскую, верхнюю часть культурных отложений представлял влажный слой темно-коричневого цвета, сохранивший фрагменты деревянной застройки. Горизонт застройки датирован XVII в.

Археологические раскопки на ул. Георгиевской (рис. 1: *5*) (2020 г., рук. – С. В. Степанов, площадь – 698 кв. м). Исследования проводились по трассам сетей инженерно-технического обеспечения к реконструируемой городской усадьбе Н. А. Беклешева, в основании которой находятся каменные подклеты XVII в. По предварительным итогам работ можно говорить о первоначальном освоении данной территории с начала XII в. К этому времени относятся отдельные столбовые ямы. Выявлены деревянные сооружения периода активной застройки участка – XV–XVIII вв. (рис. 13).

При раскопках по внешнему периметру здания с его западной прибрежной стороны обнаружен участок кладки крепостной стены 1464/1465 г., прослеженной на расстоянии ок. 30 м, где кладка сохранилась на высоту до 1,2 м.

Археологические раскопки на ул. Коммунальной, 1 (рис. 1: *6*) (рук. – С. А. Салмин, площадь – 103 кв. м). Археологические раскопки 2019 г. проводились по трассам инженерных коммуникаций к строящемуся зданию Судебного департамента. В южной части раскопа выявлено каменное строение XVII в., относящееся к комплексу построек немецкого гостиного двора. Постройка представляет собой каменный подклет, сложенный из известняковых плит на известково-глинистом растворе, занимает площадь около 16 кв. м. Сохранился свод подклета и часть стен (рис. 14).

Западнее сооружений немецкого двора выявлены отложения конца X – 1-й пол. XIII в. Изучены два яруса построек. Верхняя прекращает свое существование в пожаре не позднее середины XIII в. (наиболее вероятная

Рис. 13. Раскопки на ул. Георгиевской. Раскоп Георгиевский-6.
Остатки застройки XVIII в. на участке 2. Вид с северо-востока

Рис. 14. Раскоп на ул. Коммунальной, 1. Раскоп Ольгинский-9.
Общий вид с запада

дата – военные действия 1212 г.). В постройке сохранились обугленные остатки настилов и печи в виде пятна углей, золы, обожженных булыжников и дресвы. Вещевой материал в основном относится к концу XII – началу XIII в. Вторая, более древняя постройка отличается крупными размерами (доступный промер в пределах раскопа достигает 10 м.). Котлован постройки заглублен в скальный материк. На дне котлована сохранились отпечатки настила из перпендикулярно расположенных фрагментов дерева (рис. 14).

Археологические шурфы у зданий Псково-Печорского подворья в г. Пскове (рис. 1: *7*) (2020 г., рук. – А. В. Михайлов, общая площадь – 36 кв. м). В рамках разработки проектной документации по реставрации Архиерейского дома и Надвратного корпуса Псково-Печерского подворья были проведены архитектурно-археологические работы на четырех шурфах. Наиболее важные с археологической точки зрения результаты получены в шурфах у Надвратного корпуса. Приобретены данные о культурном слое на площадке, которые позволяют определить объем археологических работ в ходе прокладки инженерных сетей и укрепления фундаментов зданий, запланированных на 2021–2022 гг.

Археологические работы в Псковской области (рис. 15).

На территории области псковскими археологами проводились раскопки и разведки с целью выявления памятников археологии, обследование земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению, мониторинг состояния памятников археологии.

Археологические раскопки в г. Печоры (рис. 15: *1, 2*) проводились в 2019 г. под руководством Романовского А. Б. (г. Печоры, ул. Псковская, д.3,5) и в 2020 под руководством С. В. Степанова (г. Печоры, Октябрьская площадь).

Общая площадь раскопов 2019 г. – 64 кв. м. Раскопки проводились по новой трассе газопровода у домов 3 и 5 по ул. Псковской, недалеко от Торговой площади (рис. 16).

Раскоп представлял собой две траншеи, которые перерезали поперек проезжую часть улицы Псковской, позволив изучить средневековую трассу дороги, которая вела из Пскова в Печоры. Средняя глубина от уровня асфальта составила 1,2 м, с учетом некоторых материковых ям – более 2 м. Мощность средневековых культурных отложений – в среднем до 0,8 м. Приятной неожиданностью стала хорошая сохранность органических материалов в раскопе, в том числе остатков деревянных конструкций. Общая датировка исследованных культурных напластований – XVII–XVIII вв. и более позднее время. В раскопах был раскрыт и зафиксирован участок деревянного замощения средневековой улицы. Конструкция мостовой традиционна: лежащие поперечно некрупные бревна на продольных бревенчатых лагах. Часть бревен мостовой обожжена. Сохранился один ярус уличной мостовой, предварительно датируемый XVII–XVIII вв. Также обнаружен участок открытого деревянного дренажа, располагавшегося по краю уличного замощения. Датировка дренажной системы относится к концу XVIII – началу XIX в. Выявлено несколько рядов частоколов, маркировавших внутридворовую территорию жилой застройки вдоль средневековой улицы. Внутри квартала обнаружен хорошо сохранившийся погреб, заглубленный в материк. В материковую яму был

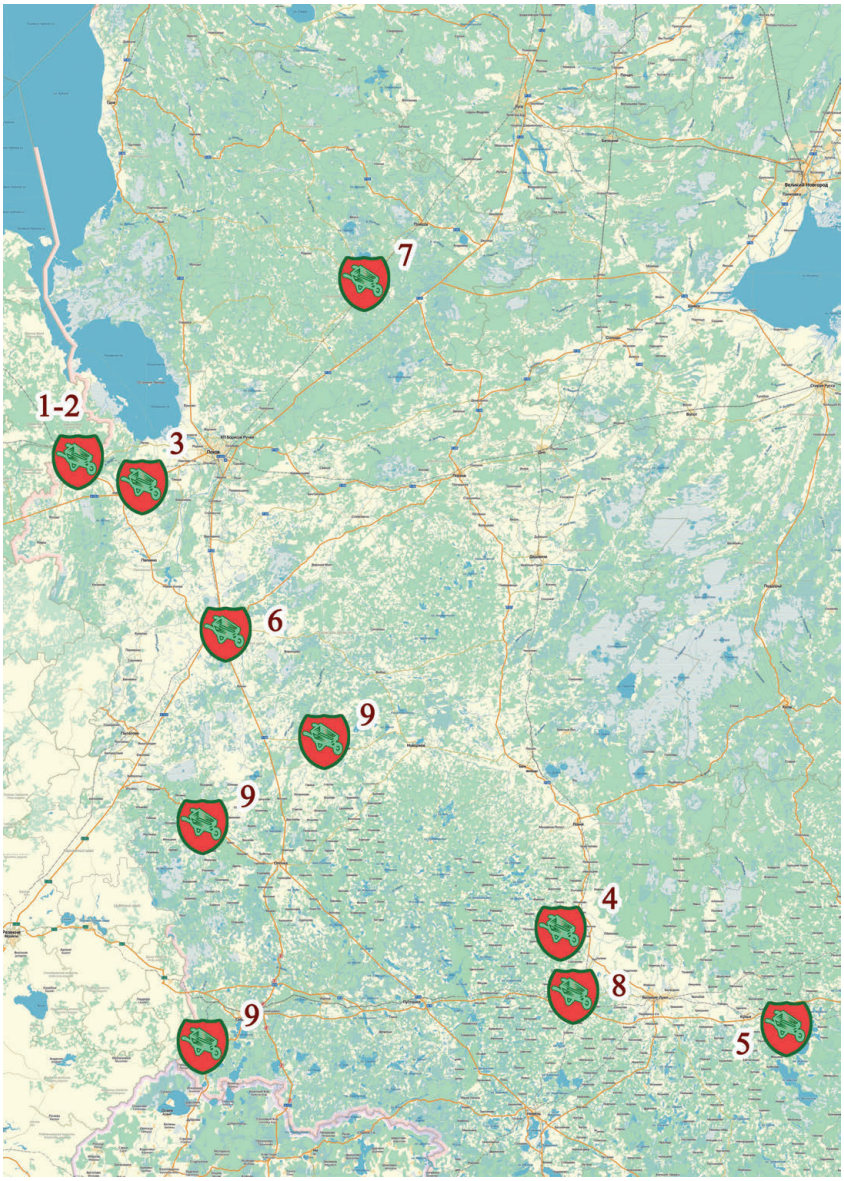


Рис. 15. Карта-схема археологических работ на территории Псковской области: *1–2* – раскопки в г. Печоры; *3* – раскопки курганной группы на восточной окраине д. Ст. Изборск Печорского района; *4* – раскопки на поселении «Горожане» (Новосокольнический район); *5* – археологическая разведка у д. Залучье (Куньинский район); *6* – археологическая разведка в ур. Ашвидово (Островский район); *7* – археологическая разведка в Новосокольническом районе; *8* – археологическая разведка в Стругокрасненском районе; *9* – археологическая разведка по трассе газопровода в Невельском, Красногородском, Пушкиногорском районах

Рис. 16. Раскоп 2019 г. в г. Печоры (ул. Псковская, 3–5). Вид с юго-востока

впущен сруб из 6 венцов, внутри устроен пол из толстых досок, сделана невысокая двускатная крыша. Погреб погиб в пожаре на рубеже XVII–XVIII вв.

По результатам раскопок на ул. Псковской можно сделать вывод, что первоначальное освоение этой части города приходится на XVI в. В XVII в. здесь появляются первые дворы и ближе ко второй половине – концу XVII в. формируется трасса Псковской улицы, вдоль которой и продолжает развиваться городская застройка.

Площадь раскопа 2020 г. – 592 кв. м. Необходимость проведения полевых спасательных работ была связана с намерениями собственника земельного

участка – Свято-Успенского Псково-Печерского мужского монастыря завершить строительство гостиничного комплекса. В раскопе прослежены остатки застройки и планировки северной части монастырского «дво́рца» – подмонастырской слободы XVI–XVIII вв.

Археологические раскопки на поселении у д. Горожане в Новосокольническом районе Псковской области (рис. 15: *4*) (рук. – А. В. Михайлов, общая площадь – 92 кв. м). В 2019–2020 гг. были продолжены исследования торгово-ремесленного поселения у д. Горожане (Новосокольнический район Псковской области). Целью работ стало получение новых данных о характеристиках культурных отложений в центральной части памятника, уточнение хронологии поселения, получение информации о топографии поселения. В 2019 г. раскоп площадью 40 кв. м был заложен в центральной части площадки поселени, рядом с местом расположения грабительских раскопов 2016 г. (раскоп 3). В 2020 г. исследования памятника были продолжены в юго-восточной части площадки поселения на мысу, образованном р. Илеменкой (приток Смердели) и пойменным лугом. Площадь раскопа (раскоп 4) составила 52 кв. м.

Археологические исследования на поселении Горожане будут продолжены в 2021 г.

Археологические раскопки «Курганной группы на восточной окраине деревни» XI–XII вв. в дер. Старый Изборск Печорского района Псковской области (рис. 15: *3*) (рук. – В. А. Деркач, площадь – 72 кв. м). Раскопки продолжали начатые в 2013–2014 гг. работы Б. Н. Харлашова. Памятник известен в литературе под названием Усть-Смолка 3. В 2020 г. исследовалась юго-западная четверть кургана 2 (юго-восточный сектор исследовался частично) (рис. 17). Полученные сведения позволили реконструировать этапы создания курганной насыпи, выявить ее конструктивные особенности.

На слое моренной глины, залегающей на материке, представленном трещиноватой известняковой скалой, была воздвигнута песчаная насыпь, которая, в свою очередь, была перекрыта горизонтом каменной обкладки. Нижние уровни обкладки преимущественно располагались по периметру насыпи. Верхний уровень перекрывал поверхность насыпи, образовывая каменный панцирь.

Завершены исследования кургана в 2021 г.

Археологические разведки с целью выявления памятников археологии в 2019–2020 гг. проводились в Куньинском (2019 г.), Островском (2020 г.), Новосокольническом (2020 г.), Стругокрасненском (2020 г.) районах.

Археологическая разведка 2019 г. в Куньинском районе у д. Залучье (рис. 15: *5*) (рук. – В. А. Деркач). Работы проводились в Куньинском районе Псковской области на берегу Жижицкого озера, у дер. Залучье (рис. 18). Цель работ – выявление и сохранение объектов археологического наследия, попадающих в границы участков, выделенных под застройку.

В результате полевых археологических работ были обнаружены три памятника археологии:

– «Селище I», XI/XII–XVII вв., (Псковская область, Куньинский район, Жижицкая волость, д. Залучье, в 0,5 км к югу от юго-западной окраины деревни);

Рис.17. Раскопки кургана из курганной группы на восточной окраине д. Ст. Изборск (Печорский район). Общий вид с севера

Рис. 18. Археологическая разведка у д. Залучье (Куньинский район). Общий вид на участок обследования

– «Селище III», XVII–XVIII вв., (Псковская область, Куньинский район, СП «Жижицкая волость», в 0,24 км к югу от южной окраины д. Залучье, в ур. Горка);

– «Могильник у д. Залучье», рубеж I–II тыс. н. э. (Псковская область, Куньинский район, СП «Жижицкая волость», в 0,9 км к югу от южной окраины д. Залучье, к юго-востоку от ур. Горка).

Также целью было уточнить сведения об ОКН ФЗ «Селище» 2-й пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Куньинский район, Жижицкая волость, д. Залучье, в 0,25 км к югу от юго-западной окраины деревни) и «Городище», 2-й пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Куньинский район, Жижицкая волость, д. Залучье, в 0,4 км к югу от деревни).

В ходе ***археологической разведки в Островском районе в 2020 г.*** (рис. 15: *6*) (рук. – В. А. Деркач) был выявлен «Грунтовый могильник у ур. Ашвидово» XIII–XIV вв. (Псковская область, Островский район, СП «Воронцовская волость», в 0,3 км к северу от ур. Ашвидово).

В рамках проведения разведочных работ в 2020 г. было исследовано женское погребение (рис. 19). Умершая была уложена на кору или дощатую подстилку. Об этом свидетельствуют фрагменты древесного тлена, фиксирующиеся в районе костяка. Погребение сопровождалось богатым могильным инвентарем. На ее голову был надет венец, украшенный бисером желтого стекла и бронзовыми спиральками. К нему в затыльной части крепился цепедержатель с четырьмя цепочками, на концы которых были прикреплены бубенчики и трапецевидные подвески. В районе шеи обнаружены две гривны и ожерелье из ракушек каури и стеклянных бусин. На пальцах рук, симметрично, – бронзовые спиралевидные перстни. На запястье правой руки – орнаментированный браслет. В районе пояса зафиксированы остатки органики, представляющие собой фрагменты ткани и вплетенные в них бронзовые дужки. Анализ могильного инвентаря позволяет высказать предположение, что выявленный могильник этнически относится к представителям латгальских племен и датируется XIII–XIV вв.

В ходе ***археологической разведки в Стругокрасненском районе в 2020 г.*** (рис. 15: *7*) (рук. – А. В. Фисенко) проведены обследования следующих памятников:

– «Одиночный каменный крест у д. Поречье». Предварительная датировка – XIV–XVII в.;

– «Каменные кресты у д. Заклинье». Предположительно, обнаруженные каменные кресты относятся к периоду средневековья и связаны с функционированием кладбища. Предварительная датировка – XIV–XVII в.;

– «Одиночная сопка у д. Мурово». Предварительная датировка – 1 тыс. н. э.

В ходе ***археологической разведки 2020 г. на территории Новосокольнического района*** (рис. 15: *6*) (рук. – К. С. Косовец) был выявлен памятник археологии «Два кургана и Сопка близ б. д. Чириково» 2-й пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Новосокольнический район, СП «Насвинская волость» в 0,2 км к северу от б. д. Чириково, в 0,5 км к югу от южной окраины д. Брагино, в смешанном лесу на возвышенности) (рис. 20). А также уточнены сведения

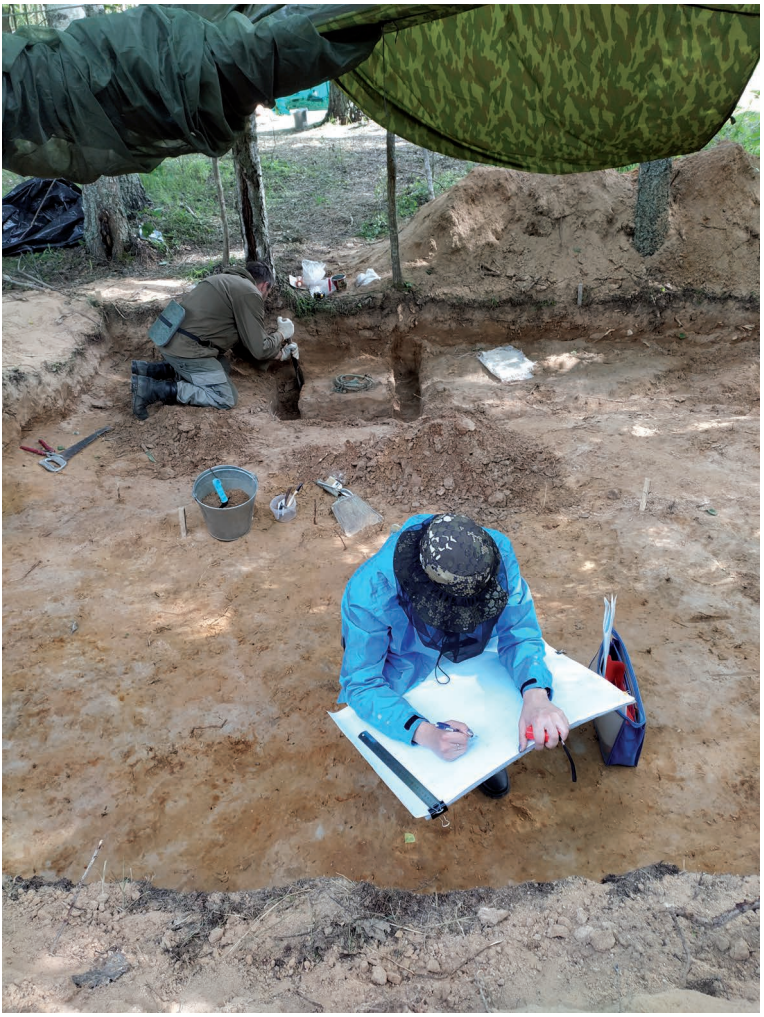


Рис. 19. Археологическая разведка в ур. Ашвидово (Островский район). Общий вид шурфа 1 на уровне раскрытия погребения 1. Вид с севера

об объекте «Сопка б. д. Ржавины» IX–X вв. (Островская волость, северо-западные оконечности б. д. Ржавины, в 0,7 км к юго-западу от д. Астратово, на правом берегу р. Смердель, на возвышенности).

Важным направлением в обследовании территории области являются разведки, которые проводятся в виде историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению.

Самым крупным в 2020 г. стало ***обследование участков по трассам проектируемых газопроводов***: «Газопровод межпоселковый до дер. Синяя Никола с отводом на дер. Влесно Красногородского района Псковской области»

Рис. 20. Выявленный ОАН Сопка близ б. д. Чириково», 2-я пол. I тыс. н. э. (Новосокольнический район, СП «Насвинская волость», в 0,2 км к северу от б. д. Чириково, в 0,5 км к югу от южной окраины д. Брагино, в смешанном лесу на возвышенности). Вид с севера

Рис. 21. Общий вид на участок обследования в районе трассы «Газопровод межпоселковый до дер. Синяя Никола с отводом на дер. Влесно Красногородского района Псковской области» в Красногородском районе

Рис. 22. Выявленный ОАН «Одиночный курган 2 у дер. Опухлики» 2-я пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Невельский район, СП «Ивановская волость», в 1,5 км к западу от южной окраины дер. Опухлики)

(код стройки 60/1685-1) (рис. 21); «Газопровод межпоселковый дер. Иваново – дер. Опухлики с отводами на дер. Крупевицы – дер. Чижевщина – дер. Гололобы Невельского района Псковской области» (код стройки 60/1686-1); «Газопровод межпоселковый ГРС Пушкинские Горы – ***р.п. Красногородск с отводами на д. Платишино и д. Ильинское Красногородского района Псковской области»*** (рис. 15: *8*) (рук. – А. Б. Романовский). Общая протяженность участков обследования на территории Невельского, Красногородского, Пушкиногорского районов – 104 км. В процессе полевых работ выполнено 107 разведочных шурфа. В результате проведения работ выявлены пять объектов археологического наследия:

– «Селище у д. Щемеровы Боровы» XIII–XV вв. (Псковская область, Пушкиногорский район, ГП «Пушкиногорье», в 1,2 км к северо-востоку от дер. Щемеровы Боровы);

– «Одиночный курган 1 у дер. Опухлики» 2 пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Невельский район, СП «Ивановская волость», в 0,85 км к западу от южной окраины дер. Опухлики);

– «Одиночный курган 2 у дер. Опухлики» 2 пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Невельский район, СП «Ивановская волость», в 1,5 км к западу от южной окраины дер. Опухлики) (рис. 22);

Рис. 23. Выявленный ОАН «Одиночный курган», 2-я пол. I тыс. н. э. (Пушкиногорский район, с. Велье, СП «Велейская волость», в 1150 м к юго-востоку от восточной окраины села)

– «Курганная группа у дер. Опухлики» 2 пол. I тыс. н. э. (Псковская область, Невельский район, СП «Ивановская волость», на южной окраине дер. Опухлики);

– ОКН «Одиночный курган», 2 пол. I тыс. н. э. (Пушкиногорский район, с. Велье, СП «Велейская волость», в 1150 м к юго-востоку от восточной окраины села) (рис. 23).

Для всех перечисленных выше памятников были подготовлены необходимые пакеты документов и Приказами Комитета по охране объектов культурного наследия Псковской области они добавлены в списки выявленных.

* * *

Кулакова Марина Ильинична, *к. и. н., Псков, директор ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области»; e-mail: marinakul@yandex.ru*

С. А. Салмин, Е. В. Салмина, И. В. Стасюк

Археологические исследования фундаментов псковского Троицкого собора в 2020 г.

Резюме. Осенью 2020 г. в рамках разработки проекта комплексной реставрации Троицкого собора выполнялись археологические шурфы по периметру памятника. Целью работ было исследование технического состояния фундаментов и выявление их конструктивных особенностей. Было установлено, что во всех шурфах отсутствует глиняный замок по периметру здания собора и отсутствие гидроизоляции в условиях обильных атмосферных осадков вызывает активную мацерацию плитняка, из которого сложен фундамент галереи и контрфорсов, его интенсивное морозобойное и химическое разрушение на уровнях, близких к поверхности, вымывание известково-песчаного раствора. Более того, что внешние стены стоят непосредственно на раннесредневековом культурном слое, причем на отдельном участке наблюдается полость, скорее всего, спровоцированная водотоком, собираемым кровлей собора. Этими обстоятельствами может объясняться значительная часть проблем с подвижками фундамента собора в его южной части.

Ненарушенные антропогенные отложения эпохи раннего средневековья зафиксированы по всему периметру объекта, достигая мощности более 1 м. Выявлены остатки печей-каменок, разобранные предположительно в XI в., что связано с обустройством общественного пространства в южной части Крома. Остатки печищ были перекрыты мощным слоем щепы, предположительно связанным со строительством 1-го Троицкого храма.

Ключевые слова: Псков, Кром, Троицкий собор, состояние фундаментов, печи-каменки.

S. A. Salmin, E. V. Salmina, I. V. Stasyuk. Archaeological Research of the Pskov Trinity Cathedral Foundations in 2020

Abstract. In autumn 2020, as part of the development of a comprehensive restoration project of the Trinity Cathedral, archaeological pits were carried out along the perimeter of the building. The purpose of the work was to study the technical condition of the foundations and identify their design features. It was found that in all the pits the clay lock along the perimeter of the cathedral building is absent and the lack of waterproofing under the conditions of heavy precipitation causes active maceration of flagstone, from which the foundation of the gallery and buttresses are composed, its intense frost and chemical destruction at levels close to the surface, and lime-sand mortar leaching.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.31-50

Moreover, the outer walls stand directly on the early medieval cultural layer, and there is a cavity in one area, most likely provoked by a watercourse collected by the roof of the cathedral. These circumstances can explain a significant part of the problems with the cathedral foundation movement in its southern part.

Undisturbed anthropogenic deposits of the early Middle Ages reaching the thickness of more than 1 m. were recorded along the entire perimeter of the object. The remains of the stone ovens were covered with a thick layer of wood chips, presumably associated with the construction of the 1st Trinity Cathedral.

Keywords: Pskov, Krom, Trinity Cathedral, state of foundations, stone ovens.

Собор Святой Троицы – кафедральный храм Пскова, расположенный в центре города в Кремле, его древнейшей части, занимающей мыс при впадении р. Псковы в р. Великую. Согласно позднейшему церковному преданию, первый, деревянный, Троицкий храм был основан повелением княгини Ольги в середине X в. Письменные источники сообщают о возведении князем Всеволодом-Гавриилом каменного храма Святой Троицы на территории Кремля около 1133–1136 гг. (*Михеев*, 2020. С. 61–64), а также о его сносе и постройке храма «по стараи основе» в 1365–1367 гг. (ПСРЛ, 2000. С. 27; ПСРЛ, 2018. С. 46).

Существующее ныне здание считается четвертым по счету (если признать за факт существование первого, «Ольгина» собора) храмом, построенным в 1690–1700 гг. (*Новикова,* 2011. С. 4–5) на месте предшествующих. Строительная история храма изучалась прежде всего на основании письменных источников, архитектурных обмеров и планов конца XVII в. (*Воронин,* 1952; *Тиц,* 1976; *Воронин, Раппопорт,* 1979; *Седов,* 1989; *Новосёлов*, 2014 и др.). Объем архитектурно-археологических данных, привлекаемых для изучения этого памятника, весьма незначителен (*Белецкий*, 1971; 1983).

Осенью 2020 г. в рамках разработки проекта комплексной реставрации Троицкого собора Институт истории материальной культуры Российской академии наук и Археологический центр Псковской области были привлечены к архитектурно-археологическим исследованиям фундаментов галереи, крыльца, апсид и контрфорсов. Общей целью работ было исследование технического состояния фундаментов, выявление их конструктивных особенностей. Кроме того, была зафиксирована стратиграфия культурных напластований, непосредственно окружающих здание. С южной и восточной сторон собора были заложены четыре шурфа общей площадью 60 кв. м (рис. 1). Раскопки велись стандартными пластами по 20 см, при этом в нижней части шурфов 1 и 3 на уровне сохранившихся раннесредневековых отложений их разборка осуществлялась послойно, с привязкой уровней фиксации к отметкам пластов 19–23.

Шурф 1 заложен у южной стены собора между её западным и центральным контрфорсами. В верхней части шурф имел размеры 4×4 м, но начиная с глубины 1,5 м от современной поверхности шурф по соображениям безопасности для предотвращения осыпания был уменьшен до размеров 2×2 в северо-восточной части, в углу стены собора и контрфорса (рис. 2).

Верхняя часть культурных напластований на глубину 2–2,2 м от современной дневной поверхности (до отметок 44,5–45,0 м по Балтийской системе

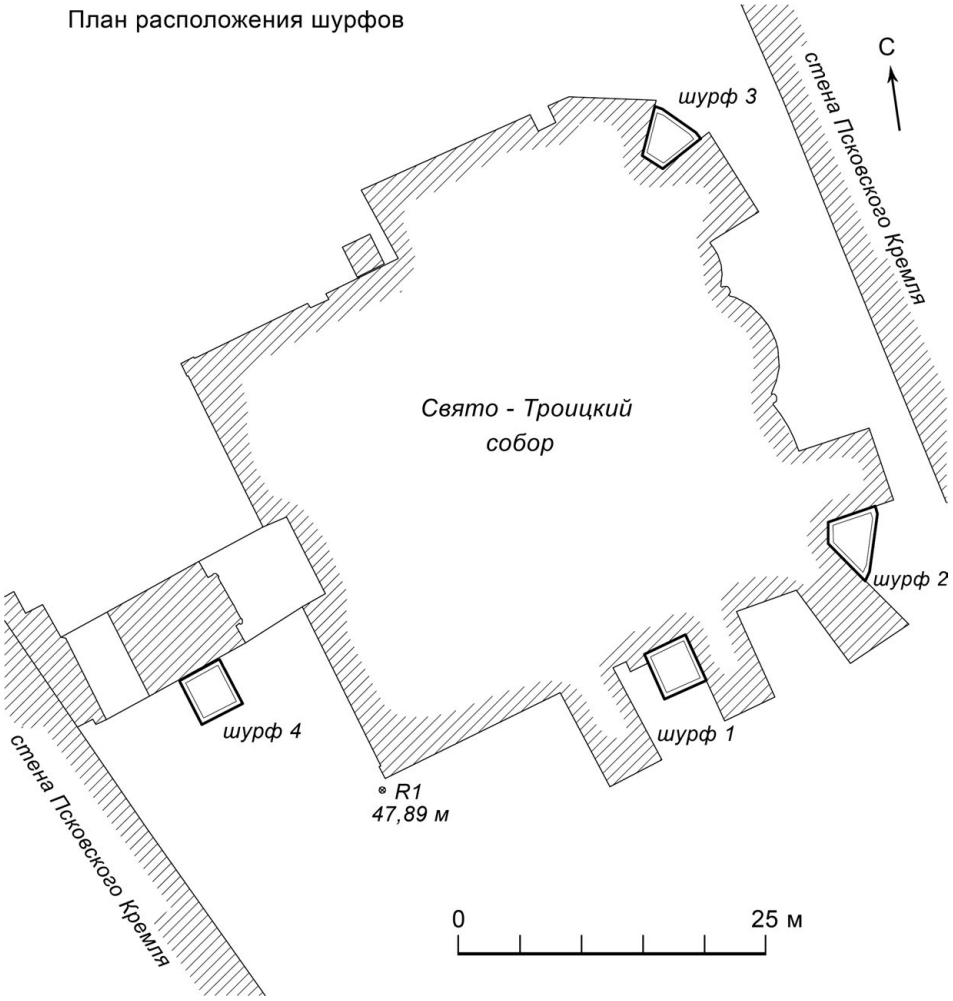


Рис. 1. План расположения шурфов 2020 г. у стен Троицкого собора

высот, далее БС) нарушена обширным поздним перекопом, в котором встречено значительное количество человеческих костей из разрушенных погребений церковного кладбища. В нижней части перекопа в северо-западном углу шурфа отмечено скопление перемешанных костей человека и животных, очевидно, представляющее собой перезахоронение потревоженных останков и прочих найденных костей. Из него происходит крупная литая из медного сплава пуговица с рельефным изображением зверя (рис. 3: *7*). В мешаном слое найдены два черешковых ножа средневекового облика (рис. 3: *1, 2*). Из участка, прилегающего к стене, с уровня 5 пласта происходит железный навесной замок XVII–XVIII вв. (рис. 3: *3*). В мешаных слоях также найдено значительное количество оплавленных фрагментов свинца, в том числе сохранивших форму

Рис. 2. Шурф 1. Общий вид на уровне 16 пласта. Показан стык фундаментов южной стены собора и центрального контрфорса. Вид с юго-запада

плоского листа толщиной 2–4 мм. Вероятно, это остатки кровли Троицкого собора, уничтоженной одним из известных по письменным источникам пожаров.

Относительно непотревоженным сохранился нижний ярус погребений, залегающих на глубине 2,1–2,3 м в диапазоне отметок 44,7–45,1 м БС. В нем открыто пять безынвентарных христианских трупоположений, ориентированных головой на запад параллельно южной стене собора (рис. 4). Погребения были совершены в деревянных гробах, от которых сохранились немногочисленные кованые гвозди и полоски древесного тлена под костяками. Погребенные, согласно предварительному определению Д. В. Пежемского, – четверо молодых мужчин (25–35 лет) и ребенок.

Погребения 1 и 2 совершены, возможно, в одном гробу или в гробах, непосредственно установленных один на другой таким образом, что голова вышележащего индивида (погр. 1) находилась над грудной клеткой нижележащего (погр. 2). В районе грудной клетки и предплечий погребённого 1 расчищены фрагменты золотного шитья – вероятно, от облачения священнослужителя (рис. 5). Какой-либо гумусовой прослойки или древесного тлена, разделяющего костяки и однозначно указывавшего на совершение погребений в двух отдельных гробах, не выявлено, что позволяет с некоторой вероятностью предположить захоронение обоих умерших в одном гробу. Аналогичная ситуация фиксируется и для погребений 4–5. В этом случае костяк ребенка (погр. 4) покоился непосредственно на костях молодого мужчины (погр. 5) головой

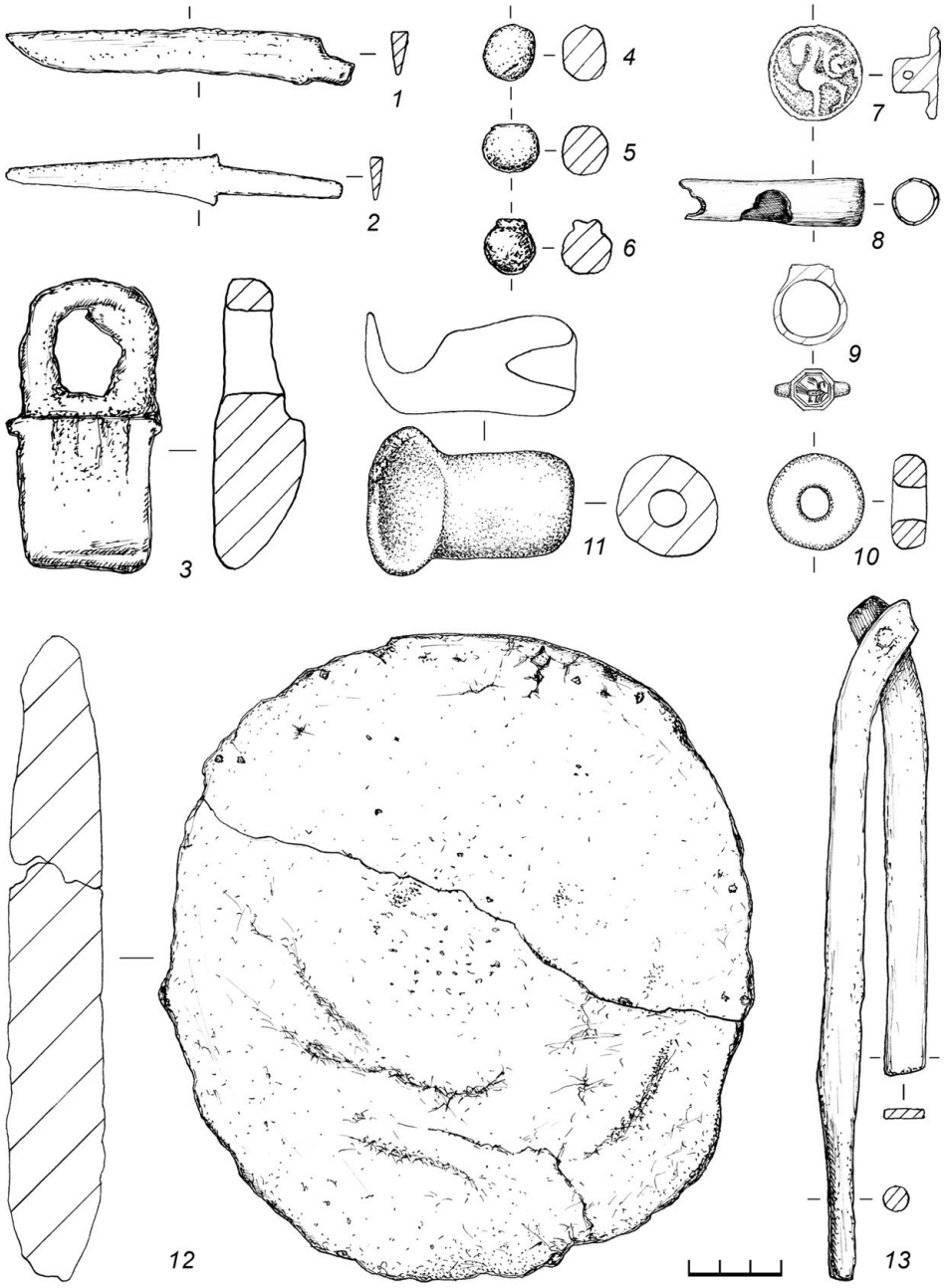


Рис. 3. Индивидуальные находки из шурфов у Троицкого собора. Шурф 1: *1, 2* – ножи; *3* – навесной замок; *7* – пуговица; *13* – строительный циркуль. Шурф 2: *4* – пуля; *8* – манокпищик. Шурф 3: *5, 6* – пули; *9* – перстень; *10* – пряслице; *11* – льячка; *12* – сковородка. *1–3, 13* – железо; *4–6* – свинец; *7, 9* – медный сплав; *8* – кость; *10* – камень; *11, 12* – керамика

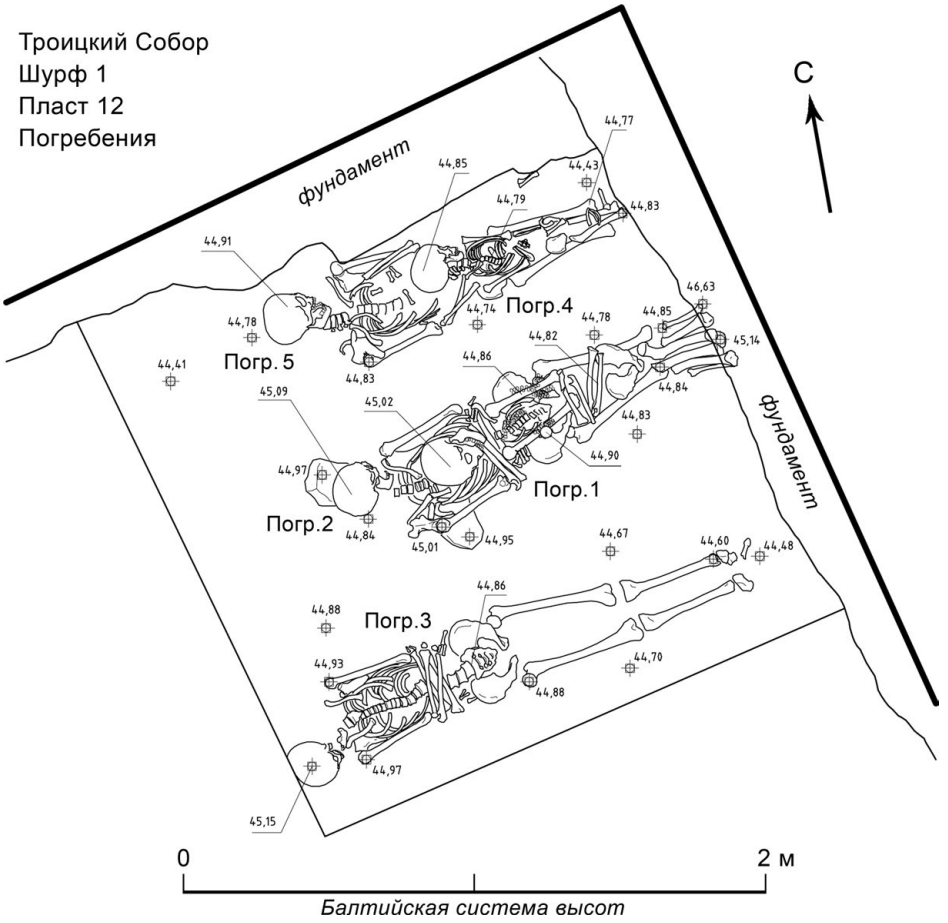


Рис. 4. Погребения в шурфе 1 у южной стены Троицкого собора. Общий план

в области живота. Тлен от досок и два кованых гвоздя отмечены ниже, непосредственно под костями рук и грудной клетки погребения 5.

При устройстве фундамента контрфорса погребения 1, 2, 4, 5 были нарушены фундаментной траншеей, прорезавшей их в области ниже колен. При этом в случае погребений 1–2 отделенные кости нижних конечностей были подзахоронены здесь же в вертикальном положении, прислоненные к фундаментной стенке (рис. 6). Кости голеней взрослого и ребенка, происходящие, по-видимому, из поврежденных траншеей погребений 4 и 5, были найдены выше в перекопе в северо-восточном углу шурфа.

Специфический половозрастной состав обнаруженных захоронений может объясняться особым статусным местом в структуре некрополя, однако вероятные захоронения четверых индивидов в двух гробах также позволяют предположить, что в данном случае мы имеем дело с погребением жертв мора.

Рис. 5. Шурф 1, погребение 1. Фрагменты золотного шитья на костях погребенного (предположительно, облачения священнослужителя) в процессе расчистки

Ниже погребений залегает слой темно-серого гумусированного влажного суглинка со щепой мощностью 0,4–0,8 м. В нем практически отсутствует керамика, но представлены кости свиньи, крупного и мелкого рогатого скота. Найден также крупный железный строительный циркуль (рис. 3: *13*). Для образцов щепы из слоя получены три радиоуглеродные даты, давшие идентичные интервалы в пределах 1030-х – 1150-х гг. н. э. (рис. 7). Данный слой интерпретирован как сформировавшийся в ходе масштабного строительства.

Рис. 6. Шурф 1. Перезахоронение костей ног потревоженных погребений 1–2 в изножии разрушенной могилы у фундамента центрального контрфорса, выполненное его строителями

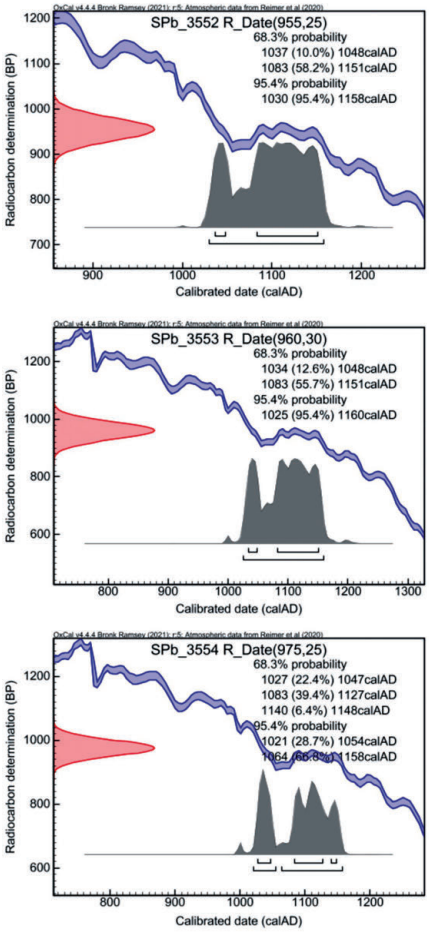


Рис. 7. Радиоуглеродные даты, полученные для трех образцов щепы из слоя строительства в шурфе 1. Лаборатория: Российский гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, ф-т географии, каф. геологии и геоэкологии, изотопный центр

Ниже на глубине 3,1–3,2 м от современной дневной поверхности в диапазоне отметок 43,4–44,1 м БС выявлены перекрытые слоем со щепой напластования периода раннего Средневековья. Они представлены как минимум двумя слоями темно-серого гумусированного суглинка общей мощностью примерно 0,7 м. Начиная с 16 пласта (от отметки 44,1 м БС и ниже) встречена исключительно лепная керамика.

Стратиграфические наблюдения на ограниченной площади шурфа носят сугубо предварительный характер. Тем не менее, они представляют определенный интерес как первые данные по стратиграфии древнейших напластований в этой части Псковского городища.

Непосредственно под слоем со щепой, в диапазоне отметок 43,9–44,1 м БС залегает слой темно-серого суглинка, углистый, как бы с блестящим графитовым оттенком, мощностью 0,2 м. Ниже залегает также темно-серый гумусированный суглинок, но с более матовым «сажистым» оттенком мощностью 0,3 м. В его верхней части, на границе двух названных слоев, в диапазоне отметок 43,75–43,9 м БС выявлено пятно рыжего прокаленного грунта мощностью 0,15 м. В диапазоне отметок 43,8–43,95 м БС выявлены соответствующие уровню прокаленного грунта остатки разрушенных отопительных конструкций – печей-каменок или, что менее вероятно, открытых очагов (рис. 8). Важно подчеркнуть, что печи были не просто деструктурированы как пришедшие в негодность, а разобраны при целенаправленном сносе построек. На уровне горизонта присутствуют следы нивелировки поверхности (равномерное распределение прокалённых булыжников и зольно-дресвяных пятен по площади шурфа), вероятно, предшествовавшей крупномасштабному строительству. Подобное разрушение жилых кварталов ради строительства общественных сооружений довольно широко известно для западноевропейских городов *(Эрс,* 2019. С. 54–55).

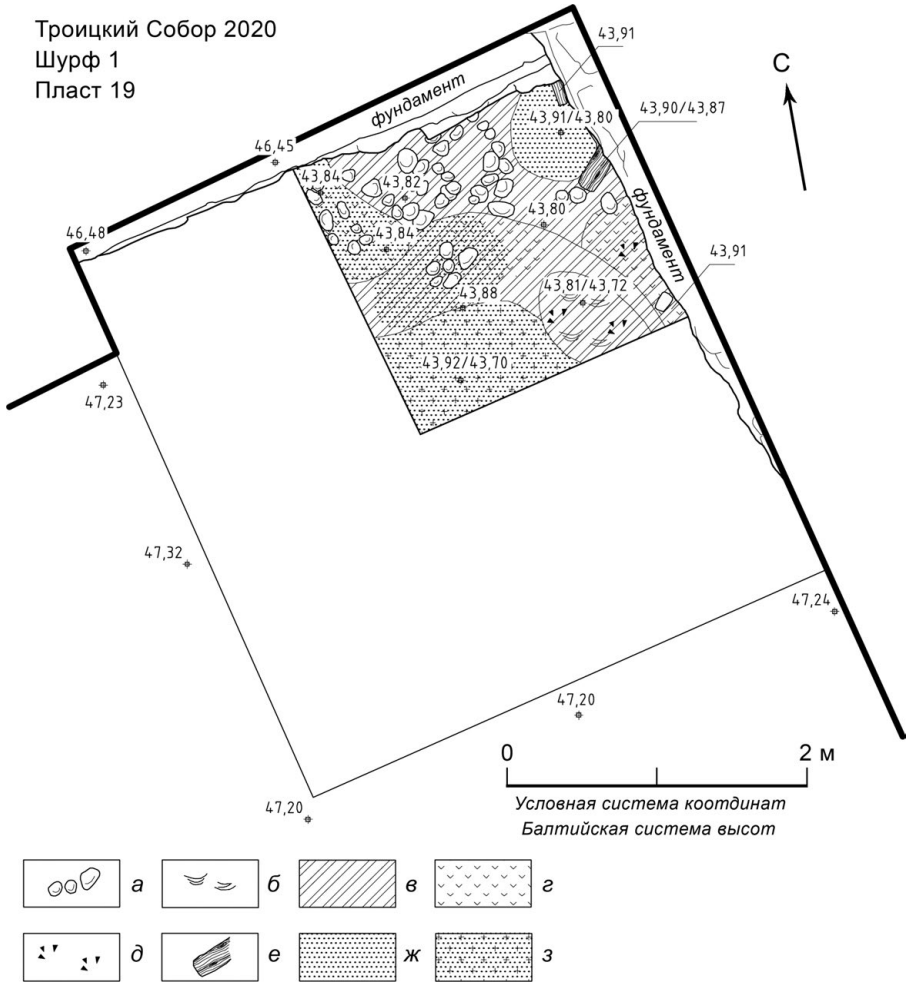


Рис. 8. Шурф 1. План горизонта разрушения очагов на уровне 19 пласта. Последняя четверть I тыс. н. э.

Из охарактеризованных отложений происходят две полихромные стеклянные бусины VIII–X вв. (благодарим за консультацию Я. В. Френкеля) (рис. 9). Материк – светло-желтый суглинок, зафиксирован на отметке 43,34 м БС. Общая глубина шурфа от дерна до материка составила 3,8 м.

Шурфом вскрыт стык фундаментов южной стены собора и контрфорса. Установлено, что внешняя стена южной галереи собора стоит непосредственно на раннесредневековом культурном слое – темно-сером гумусированном суглинке. Подошва ее фундамента не достигает материка и лежит на 70–80-см прослойке сильногумусированных раннесредневековых отложений (рис. 10: *А*). Между подошвой фундамента южного контрфорса и грунтом,

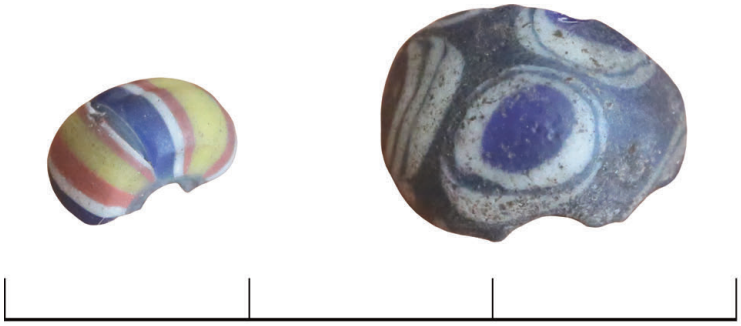


Рис. 9. Шурф 1. Бусы из предматериковых отложений

на который он поставлен, существует полость высотой до 20 см, скорее всего, спровоцированная водотоком, собираемым кровлей собора (рис. 10: *Б*). В результате основание контрфорса, расположенного на суглинистом материковом склоне, оказалось подмытым и в настоящее время контрфорс не поддерживает стену южной галереи, а «висит» на ней, прикреплённый металлическими стяжками. Этими обстоятельствами может объясняться значительная часть проблем с подвижками фундамента собора в его южной части.

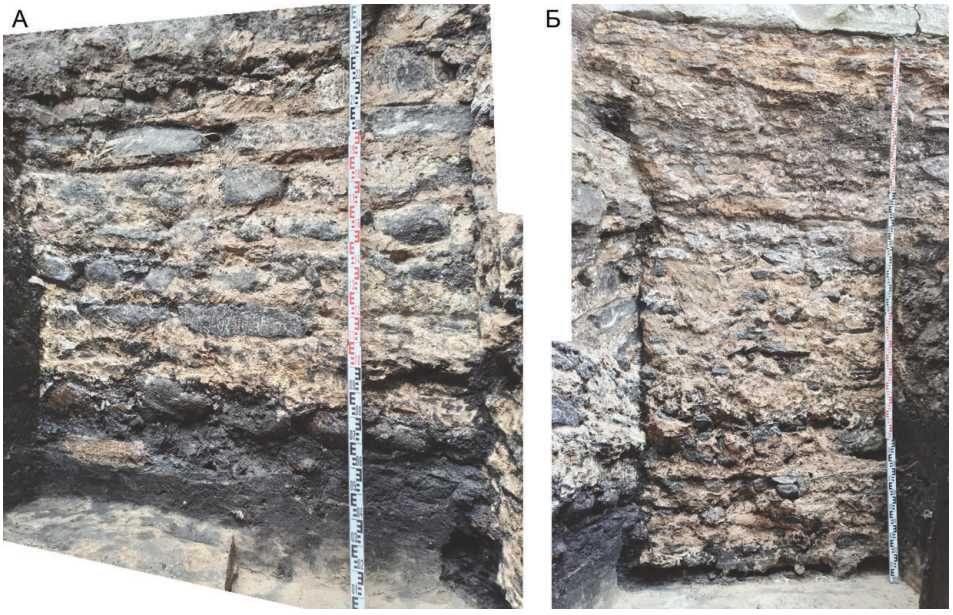


Рис. 10. Шурф 1. Нижняя часть фундаментов южной стены собора (А) и центрального контрфорса (Б). Подошва фундамента галереи зиждется на гумусированном раннесредневековом слое, под подошвой фундамента контрфорса имеется полость высотой до 0,2 м

Шурф 2 заложен между двумя контрфорсами, подпирающими с юга и с востока малую (южную) апсиду. Конфигурацией пространства между контрфорсами обусловлена трапециевидная в плане форма шурфа (рис. 11).

Верхняя часть напластований на глубину до 1 м представляет собой интенсивно перемешанный нестратифицируемый слой серой супеси с включениями известки, гумуса, гранитного и известкового щебня, строительных растворов. В слое начиная с уровня современного дерна встречаются единичные разрозненные кости человека, фрагменты гончарной керамики, кованые гвозди, осколки стекла с краевым валиком и следами доалмазной резки (ретушью). Примечательна находка костяного манка на рябчика – пищика (рис. 3: *8*). На глубине 1 м от современной поверхности (отметка 46,4 м БС) раскрыт фундамент легкой постройки 1 – вероятно, одной из клетей, показанных на планах 1840-х гг. вдоль внутренних стен Крома. С уровня постройки происходит свинцовая пуля (рис. 3: *4*). Постройка 1 возведена на засыпанном котловане, заполненном серым суглинком с обильным включением дробленого известняка. Из засыпки происходит серия обломков плинфы с налипшим цемяночным раствором, наиболее вероятная датировка – вторая четверть XII в. (определение Д. В. Пежемского, И. В. Антипова, Д. Д. Ёлшина). Таким образом, с высокой долей вероятности фрагменты плинфы могут иметь отношение к «Троице Всеволода-Гавриила».

Котлован выкопан в слое чёрного гумусированного суглинка, вероятно, с целью разборки постройки 2. От неё сохранился фрагмент стены или фундамента – участок капитальной плитняковой кладки на известковом растворе (рис. 12). Высота открытого фрагмента составляет 1 м, длина по линии запад-восток (в пределах шурфа) – 1,2 м, толщина – 0,3 м. Стенка представляет собой остаток некоего капитального сооружения, предшествовавшего существующему собору. Учитывая сообщения о сооружении храма «на старом основании» и присутствие фрагментов плинфы, можно с некоторой долей вероятности предположить связь сооружения, открытого в шурфе, с предшествующими храмами.

На уровне постройки 2 залегает горизонт гумусированного влажного суглинка мощностью 1,3 м. Он содержит угольки, фрагменты гончарной керамики XIII–XV вв., кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, речных рыб. В этом слое на отметке 45,09–45,11 найдены две железные крицы. По соображениям техники безопасности, а также из-за невозможности разборки выявленных фрагментов сооружений прежде их исследования на широкой площади, шурф не был доведен до материка, подошва фундамента не достигнута. Общая глубина шурфа составила 3,2 м, отметка остановки работ 44,5 м БС. Примечательно, что захоронения в околоапсидном пространстве не выявлены, а в мешаном слое, занимающем верхнюю часть напластований на глубину 1 м, встречены лишь единичные кости человека и их фрагменты, что составляет существенный контраст с обилием костного материала в шурфе 1 на сопоставимых глубинах.

Шурфом вскрыты ступенчатый цоколь и фундаменты южной (малой) апсиды и двух контрфорсов. Цоколь имеет вычинку крупными гранитными валунами. Плитняковая кладка фундаментов обоих контрфорсов находится

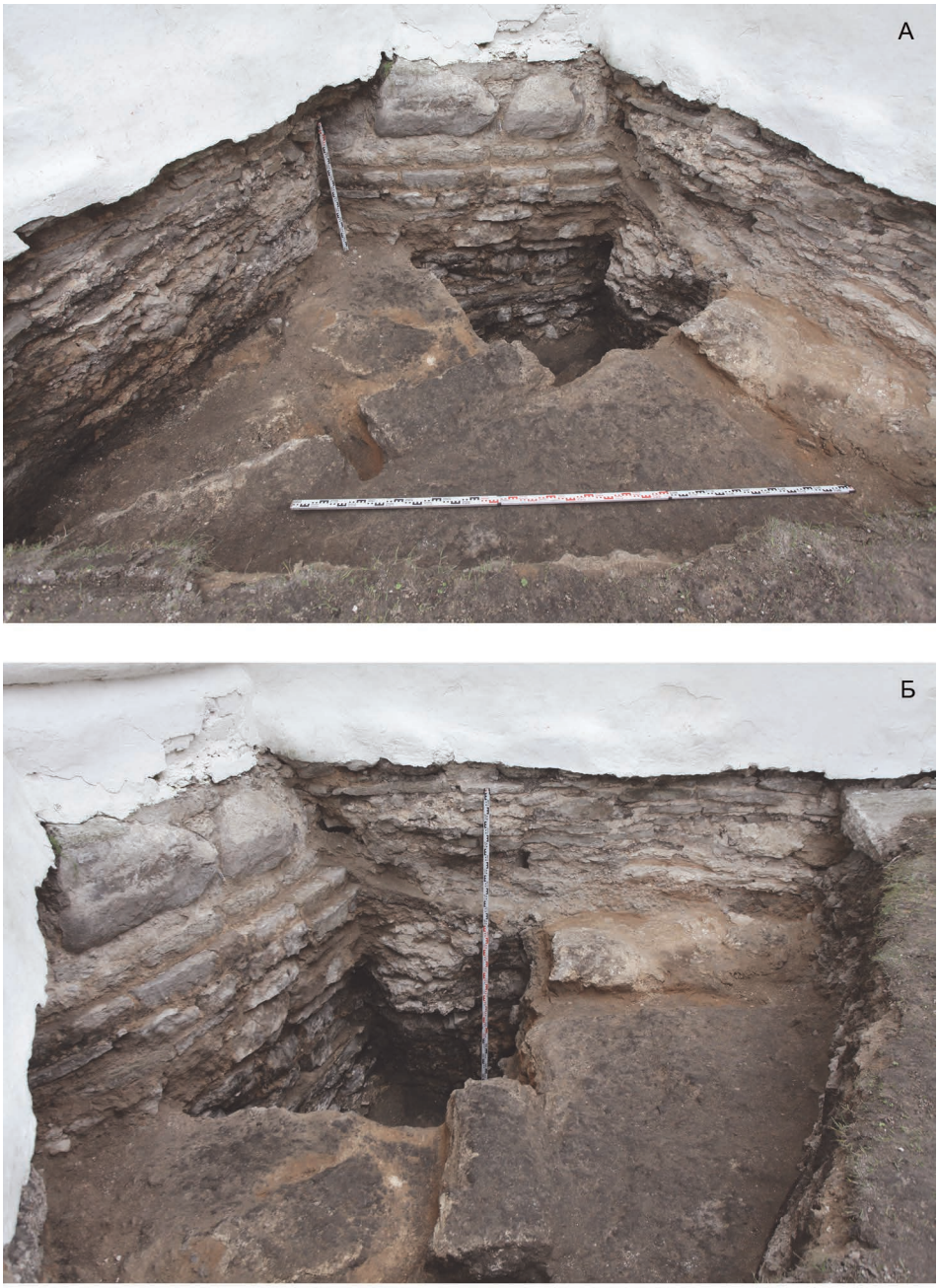


Рис. 11. Шурф 2. Общий вид с востока (*А*) и с юга (*Б*)

Рис. 12. Шурф 2. Постройка 2, фрагмент. Вид с севера. Участок капитальной стены, предшествующей возведению существующего Троицкого собора

в неудовлетворительном состоянии, фактически разрушается. Примечательно, что во всех шурфах отсутствует глиняный замок по периметру здания собора. Отсутствие гидроизоляции в условиях обильных атмосферных осадков вызывает активную мацерацию плитняка, из которого сложен фундамент галереи и контрфорсов, его интенсивное морозобойное и химическое разрушение на уровнях, близких к поверхности, вымывание известково-песчаного раствора. Этим объясняется обширная деградация кладки фундамента контрфорсов южной апсиды.

Шурф 3 заложен между контрфорсами, подпирающими с востока и с северо-востока малую (северную) апсиду. Конфигурацией пространства между контрфорсами обусловлена трапециевидная в плане форма шурфа (рис. 13).

На глубину до 0,7–0,8 м от современной поверхности вскрыт слой мешаного суглинка с немногочисленным разновременным вещевым материалом, преимущественно XVII–XIX вв. Примечательны находки свинцовых пуль (рис. 3: *5, 6*) и перстня-печатки с изображением птицы (рис. 3: *9*). Ниже в диапазоне отметок 47,4–47,5 м БС отмечена прослойка черного гумусированного суглинка, отделяющая перемешанные слои от нижележащего массива известки мощностью 1,2–1,6 м – предполагаемого заполнения гасильной ямы. Верхняя часть заполнения характеризуется более мелкой уплотненной фракцией извести, ниже отмечены известковый щебень и дробленый плитняк. Появление ямы, очевидно, связано с одним из этапов строительства или ремонта собора.

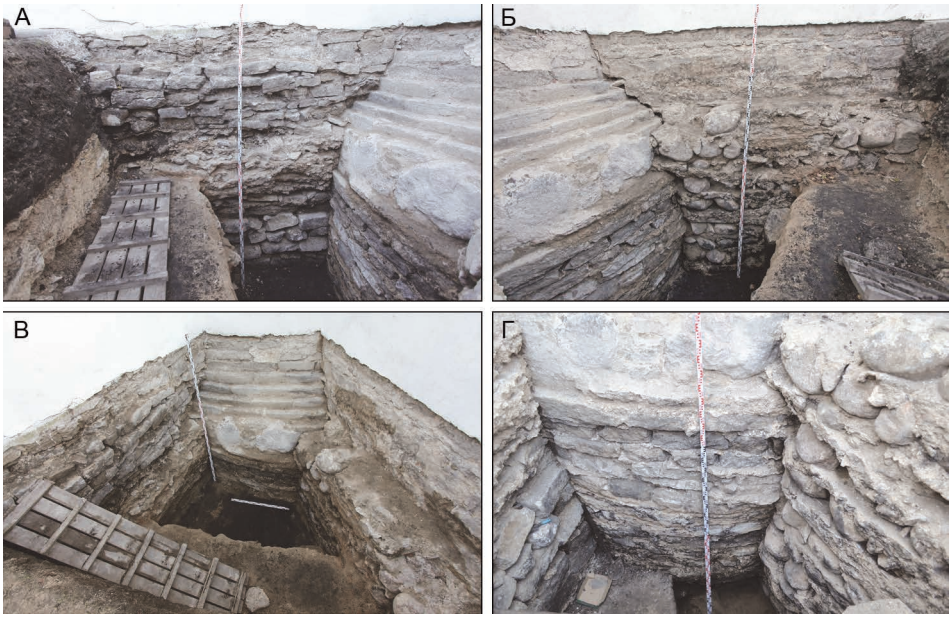


Рис. 13. Шурф 3. Вид на фундамент северной апсиды Троицкого собора, южный (*А*) и северный (*Б*) контрфорсы. Общий вид шурфа на уровне 15 пласта (*В*) и материка (*Г*)

Ниже известкового слоя с отметки 46 м БС фиксируется довольно мощный – до 1 м – аморфный слой черного гумусированного суглинка с обильной примесью угля и сажи, включающий многочисленные тонкие песчано-золистые прожилки и включения прокаленной глины. В связи с большой глубиной и опасностью осыпания шурф в нижней части был сужен с оставлением ступеньки. Ограниченное пространство, наличие ступеньки, а также тот факт, что из четырех стенок шурфа три включали в себя не доходившую до материка кладку разновременных фундаментов, делают стратиграфические наблюдения в этом шурфе весьма затруднительными, однако можно констатировать, что на уровне отметки 44,9–45,0 м характер слоя изменяется. Появляется коричневый оттенок, обильная сажевая примесь сменяется включениями органики. Ниже этой отметки можно говорить о наличии сохранных раннесредневековых напластований с остатками как минимум двух сменяющих друг друга построек с отопительными сооружениями, скорее всего – печами-каменками. Слой может быть охарактеризован как «сухой», однако остатки деревянных конструкций прослежены в виде тлена. Они представляли собой фрагменты настила из досок, ориентированных по оси С-Ю. Площадь и назначение настила неопределимы без расширения площади шурфа, однако факт примыкания настила к многослойному печищу позволяет счесть его деревянным полом жилой постройки. Горизонт содержит исключительно лепную керамику (рис. 14). Интересны находки керамической льячки (рис. 3: *11*) и развала плоской керамической сковородки (рис. 3: *12*) в очаге *in situ*. Очаги содержали значительное

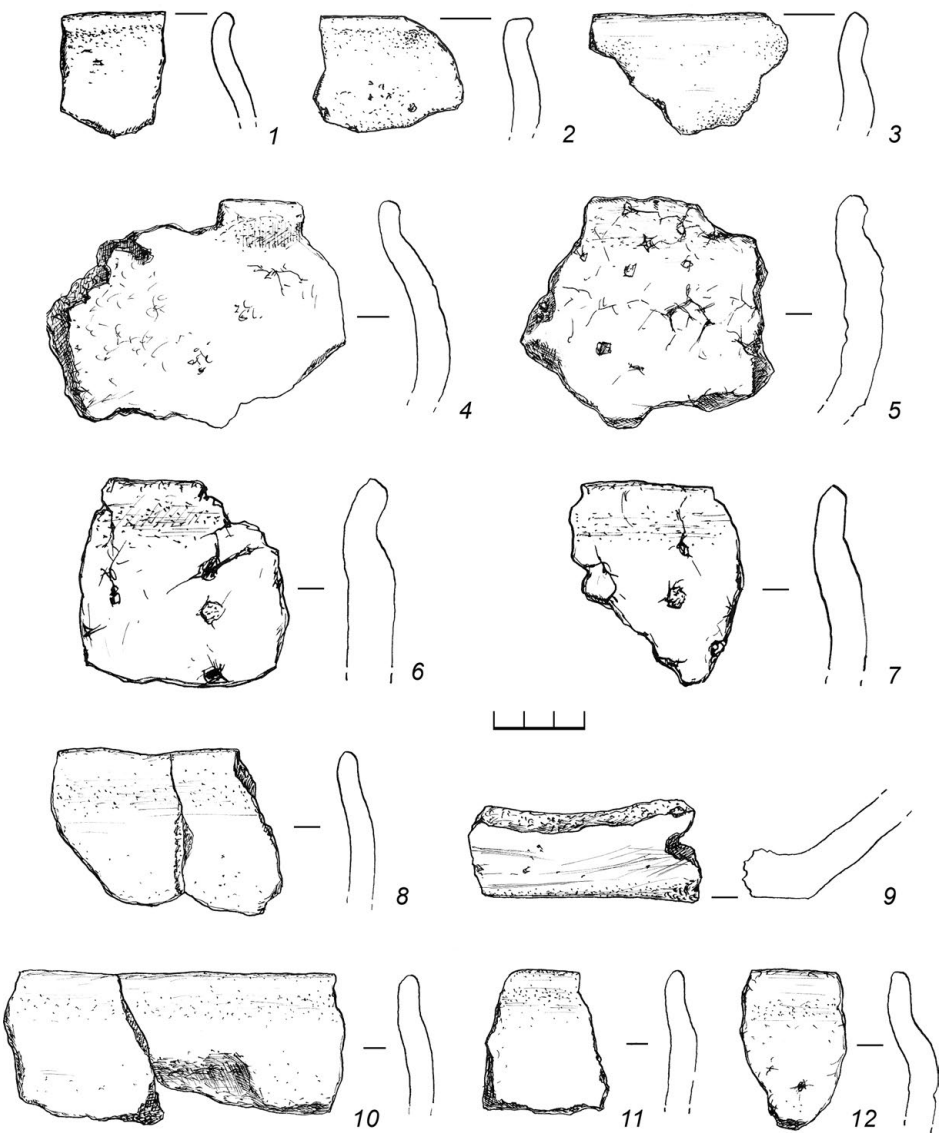


Рис. 14. Лепная керамика из раннесредневековых напластований.
Профили венчиков и донца. *1* – шурф 1; *2–12* – шурф 3

количество рыбьей чешуи и костей, некоторое количество костей млекопитающих со следами кухонной обработки.

Отметим, что более поздняя печь перекрывает предшествующую без какой-либо разделяющей грунтовой прослойки, что свидетельствует о преемственности сооружений (подобная ситуация была зафиксирована и при работах в псковском Кремле в 2016 г. – *Салмина и др.*, 2020. С. 64–66, 73–77). Таким

образом, смена печей-каменок была вызвана не временным запустением территории, а регулярной перекладкой печи после «прогорания» булыжников кладки. В отличие от шурфа 1, в шурфе 3 не прослеживается следов нивелировки поверхности на уровне раннесредневековых отложений, что позволяет предполагать, что на этом участке сохранялась жилая застройка. Мощность раннесредневековых отложений составляет примерно 0,7–0,8 м, датировка – последняя четверть I тыс. н. э. Общая глубина шурфа составила 5,16 м, материк отмечен на уровне 43,3 м БС, что соответствует уровню материка в шурфе 1.

Установлено, что фундамент северной апсиды зиждется на сильно гумусированном и рыхлом раннесредневековом культурном слое. Этим, вероятно, объясняются подвижки фундамента. Цоколь северной апсиды также имеет ступенчатую форму и вычинен крупными гранитными валунами (рис. 13). Резко различается техника кладки фундаментов северного и южного контрфорсов северной апсиды. Южный (рис. 13: *А*) сложен из грубо отесанных разнокалиберных известняковых блоков, в верхней половине – на известково-песчаном растворе, в нижней – насухо, причем нижние ряды фундаментной кладки деформированы под действием веса конструкции. Северный (рис. 13: *Б*) имеет сложную структуру и состоит из рядов гранитных валунов, разделенных горизонтально уложенными известняковыми плитами.

Шурф 4 квадратный в плане, размером 4×4 м, заложен у южной стенки крыльца собора. В южной части дневная поверхность шурфа представляла собой булыжное замощение, в северной части мостовая отсутствовала. Снятие балласта производилось заказчиком работ от уровня дневной поверхности (47,90 м БС) до глубины 47,60 м – уровня выявления верхнего угольного горизонта.

Угольный горизонт имеет максимальную мощность до 7 см, в северной части шурфа он перекрывает постройку 1 (рис. 15), в южной – мощный горизонт серого мелкого известнякового щебня с незначительными включениями известково-глиняного раствора и кирпичной крошки. Мощность горизонта около 30 см. Занимает всю площадь шурфа за пределами постройки. В заполнении постройки 1 этот слой отсутствует. Массовый керамический и вещевой материал относится к середине – второй половине XIX в.

Горизонт серого щебня перекрывает горизонт, имеющий сходный состав, но отличающийся преобладанием в нём дроблёного кирпича и известково-глиняного красноватого строительного раствора. Выявлен на глубине 47,36 м, имеет мощность до 12 см. В обоих горизонтах отсутствуют керамика и кости.

Ниже горизонта с дроблёным кирпичом залегает второй золисто-угольный горизонт пожара (с глубины 47,35 м). Общая мощность горизонта около 45 см. Он состоит из прослоек угля и золы толщиной до 10 см. Прослойки залегают ровно, что свидетельствует о последовательной целенаправленной нивелировке пожарища.

Горизонт угольно-зольных прослоек является уровнем возведения охарактеризованного выше фундамента.

Постройка 1. Чуть ниже уровня выявления первого угольного горизонта в северной части шурфа на глубине 47,60–47,56 выявлен фундамент, сложенный из крупных (до 60×8 см) известняковых тёсаных плит в 3–4 ряда

Рис. 15. Шурф 4. Постройка 1 – фундамент несохранившегося исторического крыльца или притвора Троицкого собора

на известняково-глинистом растворе, занимающий всю северную половину шурфа. Фундамент расположен параллельно южной стене современного храмового крыльца, высота его фасада около 30 см. Размеры в пределах шурфа 420×170 см. Толщина внешней (южной) стены фундамента 70 см в западной части, 58 см в восточной части. Изменение толщины стены соответствует расположению камер постройки.

Фундамент образует две камеры, разделённые стеной толщиной 46 см. Западная камера имеет внутренние размеры 160×90 см. Пол плитняковый, сложен из подтёсанных плит, аналогичных использованным для кладки фундамента. Верхние отметки пола 47,68–47,53 м БС.

Внутренние размеры восточной камеры – 146×80 см. Пол в камере отсутствует. Северная стена восточной камеры опирается в восточной части на гранитный валун, в западной – на серый известняковый блок. Между стеной и камнями-опорами (валуном и блоком) присутствует угольная прослойка толщиной около 7 см.

Горизонт золисто-угольных прослоек внутри восточной камеры постройки перекрывает собой горизонт серого мелкого однородного щебня, выявленного на глубине 46,34–46,22 м и, вероятно, маркирующего уровень дневной поверхности в момент проведения строительных работ, связанных с возведением храма XVII в., поскольку в местах отслоения штукатурки на галереях виден такой же серый, очень плотный известняковый камень.

Из-за невозможности продолжения работ без разрушения выявленного архитектурного сооружения раскопки в шурфе 4 были остановлены на глубине 1 м от современной поверхности на отметке 45,9–46,0 м БС.

Выводы

В ходе работ 2020 г. решались как сугубо археологические, так и инженерные и архитектурные задачи. Поскольку главной целью работ было исследование состояния фундаментов Троицкого собора, отметим наиболее значимые наблюдения, сделанные нами в ходе работ.

В шурфе 1 было выявлено, что внешняя стена южной галереи стоит не на песке, и тем более не на скальном материке, а на примерно 70–80-сантиметровой прослойке антропогенных отложений, сильно гумусированной и содержащей значительный объём щепы. Это обстоятельство уже само по себе бы могло объяснить часть проблем, связанных с аварийным состоянием храма. Однако выяснилось и другое: между пятой южного контрфорса, у которого велись работы, и грунтом, на который он поставлен, существует зазор высотой до 20 см. Таким образом, контрфорс не поддерживает стену южной галереи, а наоборот, своей массой висит на ней, прикреплённый металлическими стяжками. Учитывая, что стоит контрфорс на краю ныне практически скрытого, но, несомненно, резкого перепада высот от «троицкого места» к Довмонтову городу, вероятность того, что контрфорс постепенно будет продолжать оползание к югу, достаточно высока.

Шурф 3 показал, что и фундамент северной апсиды зиждется на сильногумусированном и рыхлом культурном слое. Этим, вероятно, объясняется то,

что именно с этой части собора начались подвижки фундамента. Северо-восточный контрфорс основательностью своей кладки заметно выделяется среди прочих исследованных.

Вероятной причиной возникновения трещины, идущей по южной стене крыльца храма, является неравномерное проседание основания крыльца. В шурфе 4 были выявлены остатки фундамента, возможно – предшествующего каменного крыльца (или притвора?), на котором располагается одна из опор современной постройки, что вызывает повышенную нагрузку на этот конкретный участок.

Итак, в результате раскопок были зафиксированы некоторые особенности возведения существующего Троицкого собора, возможно, оказывающие непосредственное влияние на сохранность его несущих конструкций и объясняющие ряд проблем.

* * *

Пристальное внимание исследователей традиционно привлекают раннесредневековые напластования Псковского городища. Они открыты в шурфах 1 и 3 и датируются в пределах последней четверти I тыс. н. э. В обоих шурфах нижний горизонт представлен горизонтом разрушения отопительных конструкций со значительным количеством лепной керамики. Но с определённого момента характер слоя стал различаться. Если в шурфе 3, находившемся севернее и, соответственно, ближе к внутренней части городища, предполагаемые печи идут в несколько ярусов и сохраняются в относительно непотревоженном состоянии (совсем точно ярусность определить сложно из-за малой площади шурфа, но не менее 3-х), то в шурфе 1 остатки отопительных устройств после разрушения подверглись дополнительному разравниванию и уже больше не восстанавливались. Поскольку именно с этим шурфом связано наличие мощной, практически стерильной прослойки древесной щепы, перекрывающей указанный горизонт, можно предположить, что южный край площадки у склона городища был специально очищен от остатков застройки перед началом какого-то крупномасштабного строительства не позднее рубежа X–XI веков. Были ли это работы, связанные с сооружением линии укреплений или строительством первой, полулегендарной «Ольгиной Троицы», – утверждать невозможно, но уже сам факт подобного мероприятия весьма показателен.

Довольно важно также выявление в профиле шурфа 3 значительного числа дегумусированных прослоек, составленных светлым, на фоне окружающего грунта почти белым песком, возможно, тех самых, которые послужили основанием гипотезы о периодическом запустении площадки городища. Генезис этих прослоек достаточно понятен: в случае если основной водоток приходится на период слабого травостоя, сильный поток воды вымывает из грунта лёгкие органические частицы. Таким образом на поверхности грунтов образуются тонкие прослойки, остающиеся в дальнейшем естественными водотоками внутри почвы.

Литература

Белецкий В. Д., 1971. Работа Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1968 г. // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXXIII. Л. С. 114–115.

Белецкий В. Д., 1983. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа // Археологические открытия 1981 г. М. С. 6.

Воронин Н. Н., 1952. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории искусств АН СССР. М. С. 257–361.

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.

Михеев С. М., 2020. Запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем: неожиданная находка на поле новгородской минеи XII века // Архитектурная археология. № 2. С. 61–64.

Новикова Н. Н., 2011. Некоторые страницы истории Троицкого кафедрального собора // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 34. С. 3–9.

Новосёлов Н. В., 2014. Храмы Мирожского типа и Троицкий собор XII в. в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 29. Материалы 59-го заседания (2013 г.). М.; Псков; СПб. С. 95–104.

ПСРЛ, 2018 – Полное собрание русских летописей. Т. XLV. Варшавский летописный сборник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018. 184 с.

ПСРЛ, 2000 – Полное собрание русских летописей. Т. V, вып. 2. Псковские летописи. М.: Языки русской культуры, 2000. 368 с.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Френкель Я. В., 2020. Раскопки в Псковском Кремле в 2016 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып 35. Материалы 65-го заседания (2019 г.). М., Псков. С. 53–87.

Седов Вл. В., 1989. Происхождение и становление псковской архитектурной традиции: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М.

Тиц А. А., 1976. Обмерные и проектный чертежи XVII в. Троицкого собора в Пскове // Средневековая Русь. М. С. 336–343.

Эрс Ж., 2019. Город в Западной Европе в Средние века: ландшафты, власть и конфликты. СПб.: Евразия. 496 с.

* * *

Салмин Сергей Анатольевич, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области»; e-mail: solvarg@yandex.ru*

Салмина Елена Вячеславовна, *к. и. н., Псков, Псковский ГУ, Лаборатория социо-гуманитарной регионики; ГБУК «Археологический центр Псковской области»; e-mail: muntrik102@yandex.ru*

Стасюк Иван Вадимович, *Санкт-Петербург, ИИМК РАН, e-mail: norroendrengr@mail.ru*

Т. Ф. Прибурова, А. В. Фисенко

Предварительные итоги исследования углубленной постройки XI–XIII вв. на Запсковье (по материалам Ильинского-5 раскопа 2019 г.)

*Резюме***.** При проведении охранных археологических работ в исторической части Пскова, р-н Запсковье, было выявлено и изучено заглубленное в материк на 0,7 м сооружение с отопительным устройством на дне котлована. Статья посвящена характеристике и интерпретации постройки. В статье представлены материалы, касающиеся датировок выявленного сооружения и этапов его функционирования, а также ставится вопрос о характере данного объекта.

Ключевые слова: раннее средневековье, Псков, начальное освоение территории, углубленная постройка.

T. F. Priburova, A. V. Fisenko. Preliminary Results of the In-Depth Building of the 11th–13th Centuries in Zapskovye Study (Based on the Materials of the Ilyinsky-5 Excavation 2019)

Abstract. A structure buried 0,7 m deep into the mainland with a heating device at the bottom of the pit was identified and studied while protective archaeological works in the historical part of Pskov, the district of Zapskovye. The article is devoted to the characterization and interpretation of this construction. It presents materials concerning the dating of the identified structure and the stages of its functioning, and also raises the question of the find's nature.

Keywords: early Middle Ages, Pskov, initial development of the territory, deep construction.

В 2019–2020 гг. в исторической части Пскова, на Запсковье, проводилась реконструкция ул. Л. Поземского от Троицкого моста до церкви Воскресения со Стадища. Охранные археологические исследования в пятне реконструкции проводились на отдельных участках археологических раскопов, расположенных вдоль указанной улицы. Площадь и конфигурация раскопов определялись трассами инженерных коммуникаций. Ильинский-5 раскоп был

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.51-66

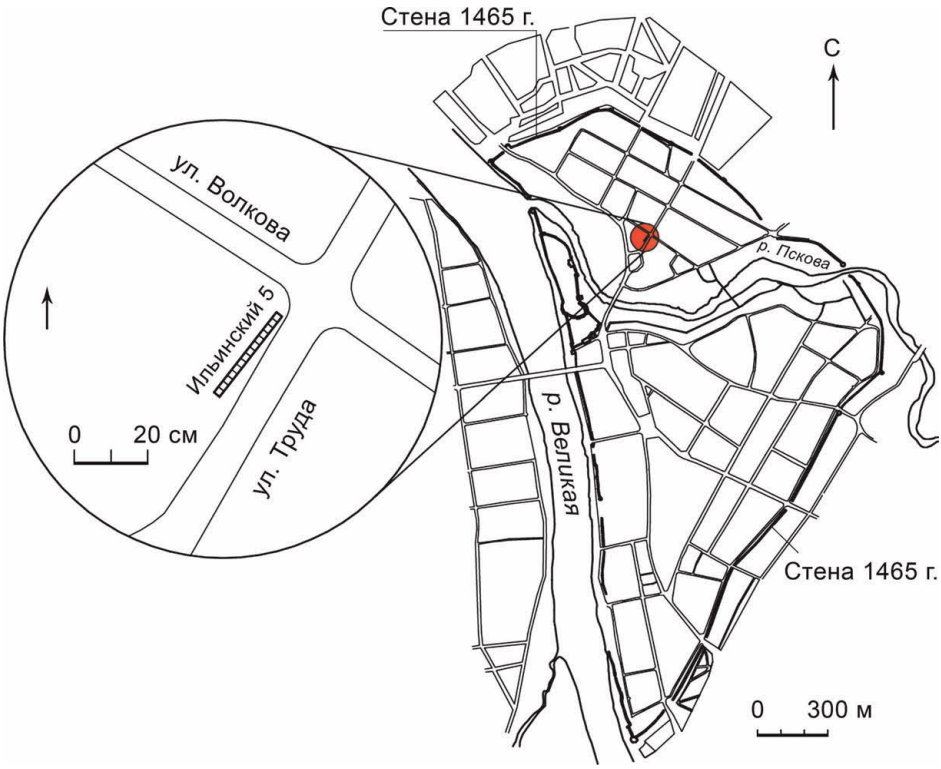


Рис. 1. Схема расположения Ильинского-5 раскопа на карте г. Пскова

заложен на месте перекладки линии связи, на перекрестке ул. Труда и Волкова (рис. 1). Площадь раскопа составила 58 м при ширине 2 м. Мощность антропогенных отложений достигала 1 м. Основная сложность в проведении работ заключалась в нависающих по центру траншеи трубах действующей линии связи, что в значительной степени мешало фотофиксации. Исследовались отложения XI–XVII вв. В результате были выявлены разновременные объекты освоения территории: позднесредневековые колодец и участок частокола, следы деревянного замощения и развалы печей-каменок XIII в., слои запустения и углубленные ямы раннего периода освоения. Характер использования участка отражен в находках, среди которых хочется отметить следующие: каменное ядро и наконечники стрел, рыболовные крючки и грузила, пряслица из розового шифера и массивный витой браслет. Следы раннего освоения Запсковья были обнаружены в ходе проведения археологических работ предыдущих лет на Ильинских, Богоявленских, Козьмодемьянских раскопах.

В связи с тем, что еще не завершены работы по отчету, мы не ставили перед собой задачу всестороннего освещения выявленного сооружения в этой статье. Обзор библиографических материалов, относящихся к вопросу археологического изучения углубленных построек XI–XIII вв. на Северо-Западе России

(жилых и производственных); конструктивные характеристики постройки и отопительного устройства, а также сравнение выявленного объекта с подобными объектами, ранее открытыми в Пскове, были представлены в докладе на Ладожском семинаре (26.06.2021 г.). Основной задачей настоящей статьи мы видим определение датировки углубленной постройки, выявленной в сезоне 2019 года, постановку вопроса о жилом характере постройки, о ее неоднократном использовании. Поэтому основной акцент делается на обзоре находок и систематизации полевых наблюдений, связанных с заполнением котлована. К сожалению, в связи с названными выше причинами во время проведения полевых работ не всегда удавалось четко отделить один горизонт от другого. Однако как тщательная полевая фиксация пластовых отложений, так и выполненная в масштабе 1:10 фиксация южного профиля (северный выполнен в обычном масштабе 1:20), сборка сосудов и проведение контрольной промывки грунта позволили сделать определенные выводы, которые мы и хотим предложить в данной статье.

В восточной части Ильинского-5 раскопа после снятия темно-серого слоя было выявлено пятно переотложенного песка длиной около 8 м, частично перекрывающего светло-серую супесь. На уровне материка пятно перемешанного песка сократилось до 4,3 м. В результате была открыта часть заглубленной в материк (до 0,7 м) постройки (яма 14) с отопительным устройством **на дне** котлована. Котлован постройки ориентирован по оси СЮ, с незначительным отклонением к западу. Расстояние между открытыми в раскопе стенами – 3,8 м. Северная и южная стенки уходят за границы раскопа. Восточная стена проходит вдоль торцевой части огромного материкового валуна (*высотой до 0,7 м*). Западная – отвесная, с оплывшим верхним краем, прослежена на высоту 0,67 м. Ступеньки входа и следы сруба не обнаружены. К наземной конструкции, возможно, относятся как столбовые ямы диаметром 0,16–0,22 м, расположенные в непосредственной близости от края котлована, так и две ямы в «центре» углубленной части. Их можно интерпретировать как следы столбов, поддерживающих перекрытие. Остатков древесного тлена в заполнении столбовых ям, как и других следов наземной конструкции, не обнаружено. Дно котлована постройки материковое, суглинистое, слегка чашеобразной формы. Максимальная глубина 0,7 м (рис. 2).

Заполнение ямы – слоистые и линзовые прослойки песка различной степени гумусированности. В заполнении выделено три основных горизонта, разделенных пятнами «древесного тлена и щепы». Площадь пятен «древесного тлена» постепенно увеличивается по мере углубления (рис. 3).

Горизонт I – (до *1 пятна древесного тлена и щепы*) отражает как период запустения ямы с естественным процессом заплывания впадины, так и процесс сознательного выравнивания площадки перед очередным этапом освоения территории. В нижних отложениях I горизонта в юго-западной части исследованной площади обнаружены хаотично расположенные известняковые плитки и несколько фрагментов деревянных кольев. Известняковые плитки и остатки дерева расположены наклонно к центру ямы, в 1 м от ее западной границы, на краю первого пятна древесного тлена и щепы. Является ли это

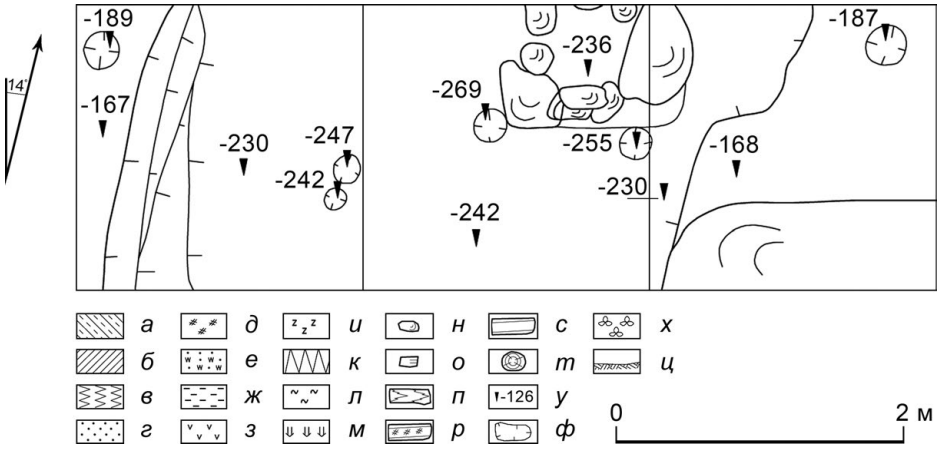


Рис. 2. Чертеж–план расположения ям столбов поддерживающей конструкции. Условные обозначения к рис. 2, 3, 5, 7: *а* – светло-серый слой; *б* – темно-коричневый слой; *в* – перемешанный слой; *г* – песок; *д* – уголь; *е* – гумусированный песок; *ж* – глина; *з* – зола; *и* – щепа; *к* – супесь; *л* – древесный тлен; *м* – погребенный дерн в плане; *н* – валун; *о* – известняк; *п* – доска; *р* – обгоревшее бревно; *с* – бревно; *т* – столб; *у* – нивелировочная отметка; *ф* – яма; *х* – пережженный раскрошенный булыжник; *ц* – материк

скопление остатками вторичной постройки или переотложено вместе с песком в результате выравнивания площадки, в ходе полевых исследований установить не удалось. Первое пятно древесного тлена и щепы перекрыто пятном намывной голубой глины. Горизонт выявления пятна имеет чашеобразную форму с понижением к центральной части ямы. Перепад глубин поверхности составляет около 0,4 м. Основная доля массового материала I горизонта обнаружена в подстилающем пятне древесного тлена.

Находки I горизонта *песчаных* отложений представлены мелкими фрагментами керамики, обломком кованного железного гвоздя, черепом свиньи, единичными фрагментами костей животных (в том числе кальцинированных). При этом нужно отметить, что горизонт I нарушен ходами норных животных, в связи с чем однозначного определения условий попадания находок в культурный слой нет. Так как в ходе основных полевых работ не удалось четко отделить массовый материал из пятна древесного тлена от верхних и нижних напластований, после завершения основных земляных и чертежных работ с целью уточнения характеристики массового материала у южного профиля была взята проба грунта для контрольной промывки. Глубина взятия пробы –210/-220. Общий объем – 30 л. В результате промывки обнаружено 5 костей животных (в том числе 3 обожженых), 1 позвонок рыбы, железистые «конкреции» – 22, в числе которых, окислы железных пластинчатых предметов (максимальный размер «пластин» – 2,5×2 см), 10 фрагментов стенок от 3 керамических сосудов. Все три сосуда относятся к тонкостенной керамике (толщина стенок 0,3–0,4 см), характеризуются светлым обжигом и включениями дресвы

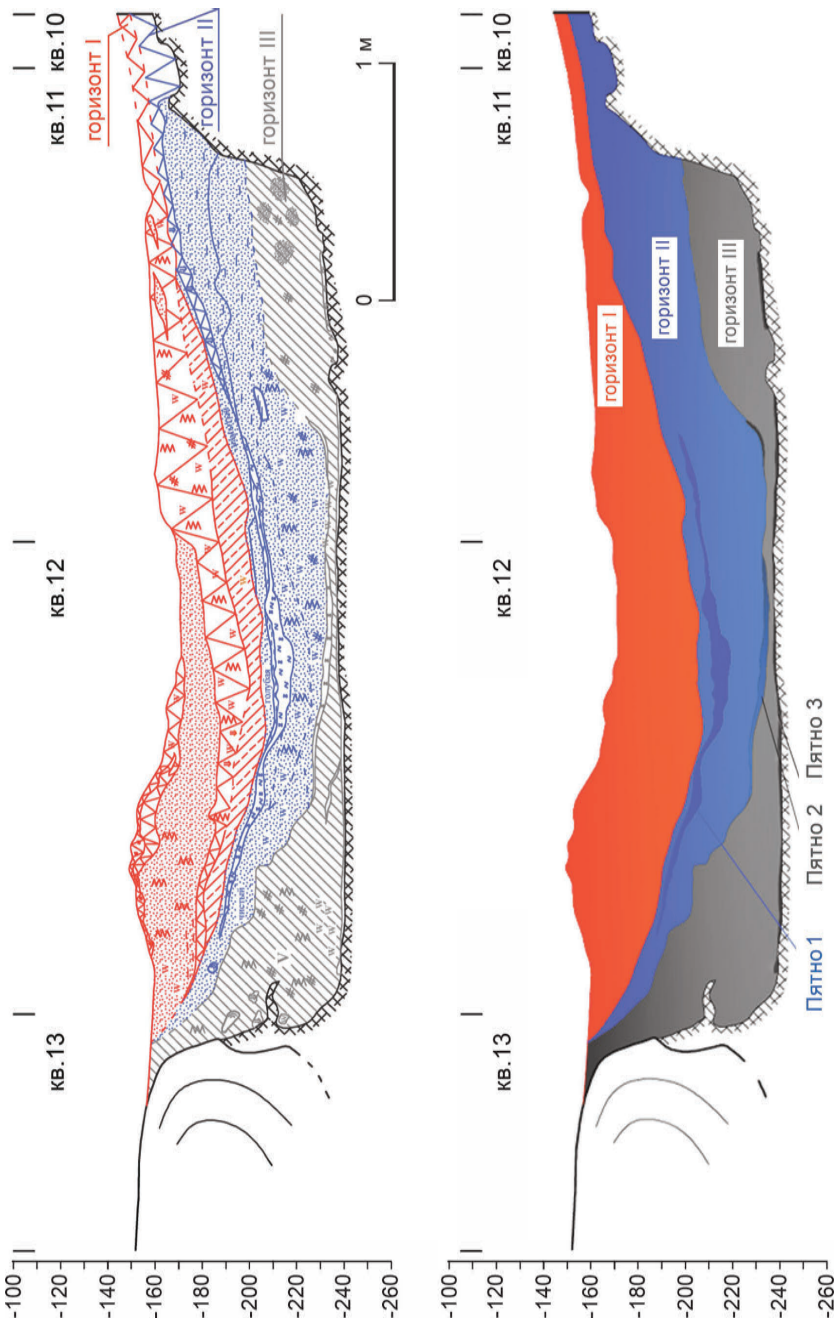


Рис. 3. Заполнение котлована постройки. Основные горизонты

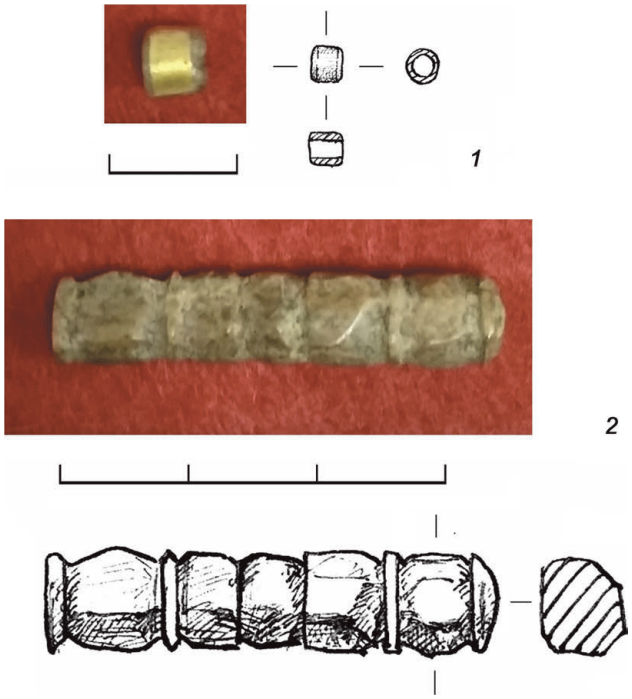


Рис. 4. Находки I горизонта (*1* – золотостеклянная бусина; *2* – костяная пуговица)

в тесте. Фрагменты декорированы многорядным линейным и волнистым орнаментом. Самой яркой находкой I горизонта является золотостеклянная бусина (рис. 4: *1*), она относится к типу малых бочонковидных (высота – 0,5 см, диаметр – 0,5 см), по находкам такого типа бусин в курганных захоронениях и в г. Новгороде они имеют рамки бытования X–XII вв. (*Щапова*, 1956. С. 171–172). За пределами ямы в пятне перемешанного песка найдена костяная пуговица (рис. 4: *2*), изготовленная из животной кости (трубчатой кости конечности рогатого скота). Пуговица относится к типу стержневидных с рельефно выделенными головками и валиком у перехвата, с волнистым профилем. Длина – 3,2 см, диаметр – 0,5 см, с одной стороны треугольная в сечении, с другой – круглая. Период использования такого типа пуговиц по материалам г. Суздаля и Киева – XI–XIII вв. (*Кокорина и др.,* 2015; *Сергєєва*, 2011, С. 57–58). Горизонт I отражает нежилой характер заполнения. Все вещи, обнаруженные в его заполнении, являются переотложенными.

Горизонт II расположен между «пятном древесного тлена 1» и «пятном древесного тлена 2». Вдоль западной стены прослежена полоса песка, перемешанного с материковым суглинком; с восточной – полоса коричневого песка с включениями крупного древесного угля. В северной части, где на уровне II горизонта открыт развал камней очага, четкого разделения слоя нет. В *центральной* части ямы пятна, насыщенные органикой, разделены тонкой (до 0,02 м)

прослойкой песка, *у стен* котлована мощность песка, разделяющего пятна, превышает 0,32 м. В северо-восточном «углу» котлована обнаружена каменная конструкция открытого очага. Очаг возведен на основании разрушенной печи-каменки, установленной на материковом останце высотой 0,08 м, размерами около 1,2×0,8 м (рис. 5).

В основании *стенок* отопительного устройства вертикально поставлены большие уплощенные валуны (до 0,3×0,5 м). Верхний край каменного основания выведен на один уровень. Восточной стенкой очага служит валун, возвышающийся над всей каменной конструкцией. Стенка валуна, обращенная к очагу, – плоская, отвесная. За восточной стенкой очага расположена яма круглой формы (диаметр – 0,44 м), заполненная золой (яма 14а). Пятно золы перекрывало и верхние камни очага. Пространство между крупными камнями отопительного устройства заполнено небольшими булыжниками, сложенными насухо, без связующего раствора. Все камни имеют следы пребывания в огне. Под каменным основанием очага в южной части обнаружены остатки деревянной дощатой стенки, вставленной в пазы столбиков. Сохранился только юго-западный столб диаметром 0,17 м, частично перекрытый большим угловым булыжником. Верхняя часть столба сильно обуглена. Доска, вставленная в паз, была перекрыта чистым песком и не имела следов обожженности. Восточный столб не сохранился. Его положение определяется только по столбовой яме, заполненной песком с включениями щепы и древесного тлена. Расположение волокон древесного тлена хаотичное, не соответствует остаткам сохранившегося столба. То есть столб был извлечен до момента установки тяжелой каменной конструкции. Следы круговой или трехсторонней обноски (опечка) не зафиксированы, так как хорошо сохранившийся благодаря обугленности верхней части юго-западный столб имеет только один паз, указывающий направление горизонтальных досок по оси ЗВ. Вероятно, только передняя стенка первоначального отопительного устройства (печи-каменки) была укреплена деревянной перегородкой. В нижней части печи выявлено два пятна золы, разделенных прослойкой прокаленного песка мощностью до 0,06–0,08 м. Пятна золы, расположенные на материковом останце, содержали отдельные фрагменты обожженной глины. С западной стороны отопительного устройства на расстоянии не более 0,3 м обнаружена «вымостка» из булыжников, относящаяся, возможно, к развалу печи-каменки.

Таким образом, в котловане постройки Ильинского-5 раскопа отопительное устройство отражает два периода его функционирования. Вероятно, изначально в полуземлянке была установлена печь-каменка, южная стенка которой была укреплена досками, закрепленными в пазы двух столбиков. Второй период использования отопительного устройства связан с разрушением жилища (не позднее XII в). Возможно, именно тогда основание печи было сложено из массивных, вертикально установленных булыжников (некоторые камни перекрывали обгоревший столб деревянной перегородки). Котлован постройки, частично затянутый песком, какое-то время сохранял углубленную поверхность, над которой возвышалось скопление крупных булыжников. Каменное

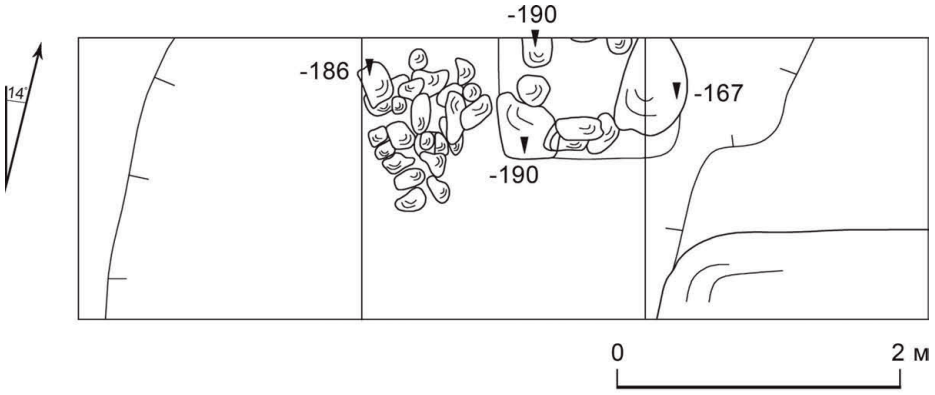


Рис. 5. Конструкция очага

основание было выровнено мелкими булыжниками и использовалось как открытый очаг и могло носить сезонный характер.

Песчаные отложения II горизонта отражают период запустения ямы, подтвержденный отсутствием массового материала. При этом не исключена возможность использования каменной конструкции очага, перекрытого легким навесом (столбовые ямы на краю котлована). О возможности использования очага в яме без расчистки всего объема говорит и чашеобразная форма залегания прослойки «пятна древесного тлена 2» и значительный объем массового материала, зафиксированный в зоне очага (рис. 6: *15–17, 20, 22, 23–26*). Кроме того, именно с восточной стороны в песчаных отложениях зафиксированы крупные куски древесного угля, который могли выбрасывать из очага, и пятна погребенного дерна.

Горизонт III. «Пятно древесного тлена 2», расположенное в нижней части горизонта II, содержит максимальное количество древесных останков, в том числе фрагменты веток и коры (береза, осина, сосна) и развал деревянных конструкций первоначальной постройки (рис. 7). Вероятно, в дальнейшем постройка не восстанавливалась. Во всяком случае, следов расчистки полного объема котлована и следов вторичной постройки не выявлено. Плохая сохранность дерева не позволяет однозначно определить, являются ли они остатками перекрытия или частью обшивки стен сооружения. В западной части ямы в пятне хаотично расположенных мелких обломков досок, жердей, перемешанных с песком, корой, щепой и ветками, удалось расчистить несколько относительно больших фрагментов – радиально расположенных «досок» (длиной до 1,1 м, шириной до 0,23 м), неошкуренного горбыля и бревен. Вероятно, выявленное скопление дерева является остатками перекрытия постройки, основу которого составляли горбыли или плахи с необработанной поверхностью. В восточной части зафиксировано еще одно скопление дерева в виде нескольких жердей и заостренных колышков (длиной до 1,16 м, диаметр – 0,04 м), расположенных хаотично. Остатки дерева в юго-восточной части ямы были «перемешаны» с камнями, залегали под разными углами наклона[1]. Среди камней-булыжников обнаружено несколько известняковых плиток. Возможно, это скопление дерева является развалом легкой плетневой конструкции стены, а известняковые плиты являются следами разрушенных ступенек входа.

«Пятно древесного тлена 3» существенно отличается от предыдущих пятен. Во-первых, оно имеет максимальную площадь, не доходя до восточной и западной стен на 0,2–0,3 м, что косвенно указывает на существование обшивки стен материкового углубления. Во-вторых, расположено тонким слоем по *плоской* поверхности материкового дна, а не залегает чашеобразно на песчаных отложениях. В-третьих, не содержит структурированных органических остатков, а показывает скорее «затоптанность», «загрязненность» поверхности и содержит сажистые включения.

[1] Из-за низко нависающих коммуникационных труб не всегда удавалось взять необходимое количество глубинных отметок. Визуально перепад наклонно лежащих остатков дерева составлял около 0,2 м.

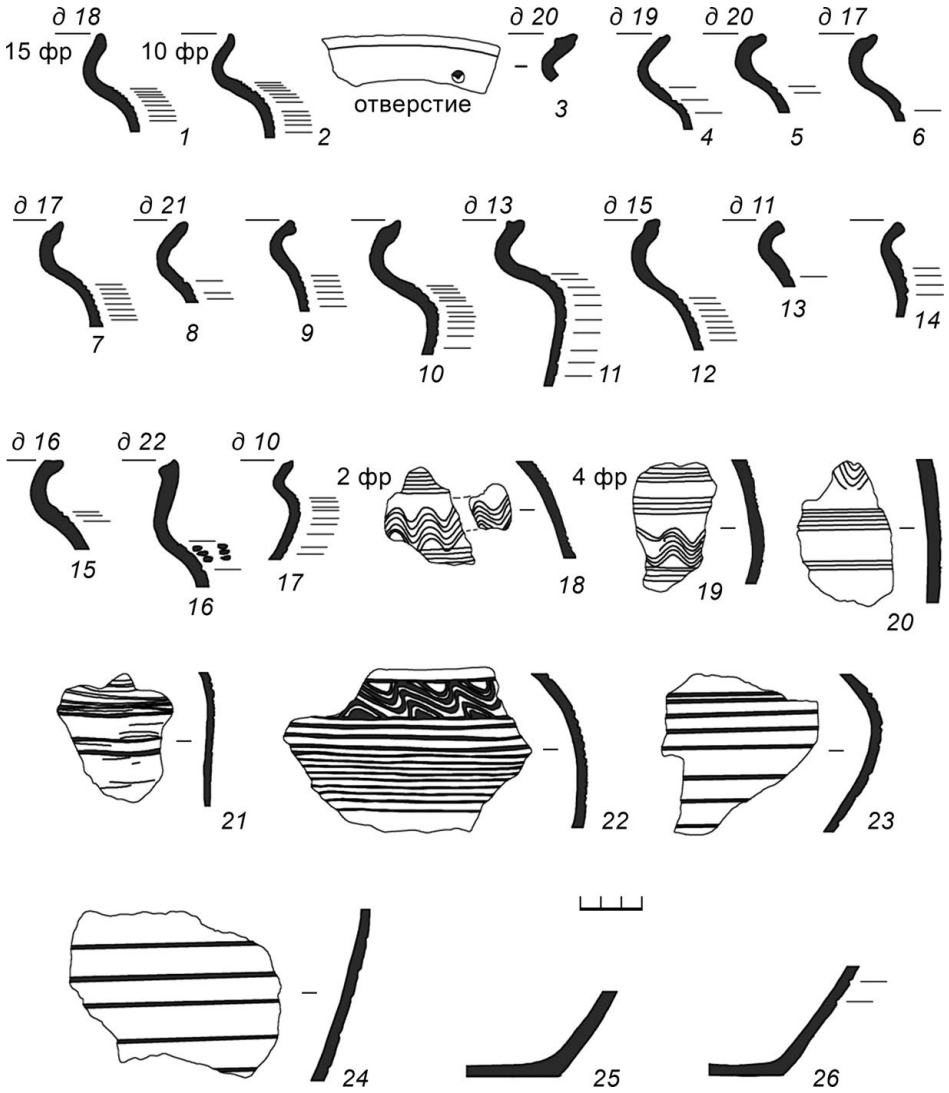


Рис. 6. Фрагменты керамической посуды (Пл. 12, кв. 11: *1, 2, 18, 19*;
Пл. 12, кв. 12: *3, 4, 5, 6, 9*; Пл-12, кв. 12, угольное пятно, скопление керамики №1: 7, 8, 21;
заполнение очага, Пл-11: *15, 16, 17, 20, 22, 23, 24, 25*;
заполнение очага, Пл-12: *10, 11, 12, 13, 14*)

Находки II и III горизонтов заполнения ямы: многочисленные фрагменты посудной керамики, кости животных со следами пищевой разделки и окислы мелких железных предметов сконцентрированы преимущественно в пятнах «древесного тлена» и в зоне очага. Анализ массового материала *по двум зонам* одного горизонта (по результатам контрольной промывки) рядом с очагом

Рис. 7. Развал деревянных конструкций

и на небольшом отдалении от него показал некоторое различие в использовании этих пространств. Так, у очага найдены почти все рыбьи челюсти, т. е., вероятно, здесь происходил процесс разделки рыбы или к «печке» бросали рыбьи головы. Костные останки рыб у очага в значительной степени превосходят количество рыбьих костей, обнаруженных в южной части ямы (1120 против 448). Кости животных, наоборот, в большем количестве зафиксированы на некотором удалении от очага – в южной (или центральной?) части постройки (173 против 82). Керамический материал представлен фрагментами сосудов, орнаментированных многорядной волной и горизонтальными линиями (рис. 6). Большая часть фрагментов характеризуется S-образным профилем с коротким или удлиненным плавным венчиком и датируется по материалам раскопов в Пскове XI–XII вв.

Кроме того, обнаружено несколько фрагментов сосудов с так называемым «цилиндрическим» горлышком (рис. 6: *16*, рис. 8: *2*). В нижней части горизонта III обнаружены три развала сосудов. Два сосуда найдены возле столбовых ям. Один из сосудов восстановить не удалось не только по причине измельченности

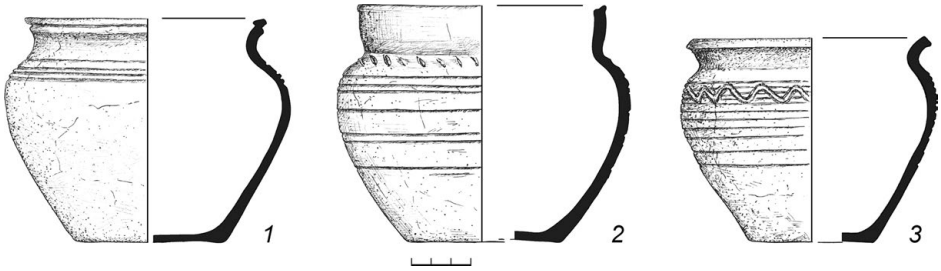


Рис. 8. Реконструкции форм керамической посуды

фрагментов, но и из-за плохого качества теста: куски керамики рассыпались и во время полевого сбора, и в результате последующей помывки. Диаметр 1 сосуда по венчику – 20 см. Сосуд имеет S-образный профиль, богато орнаментирован традиционным линейным орнаментом, сочетающимся с многорядной волной. Горшок, вероятно, был раздроблен в результате обрушения кровли. Из мелких осколков удалось реконструировать только его верхнюю часть. Сосуд 1 с плавно отогнутым венчиком и орнаментацией большей поверхности тулова относятся ко 2-й группе псковской керамики и датируется XI–XII вв. (*Харлашов*, 1994. С. 67). Второй сосуд (рис. 8: *1*), найденный у столбовых ям, высотой 12 см и диаметром 13/15,3/8[2] см отличается сложно профилированным венчиком с завернутым внутрь краем и кольцевым желобком на его внешней поверхности. Соотношение высоты и максимального диаметра тулова отражает приземистые пропорции горшка. Сосуд 2 орнаментирован только по плечику узкой полосой, образованной четырьмя глубокими линиями. Третий развал сосуда обнаружен в третьем пятне древесного тлена в центральной части постройки у южного профиля (рис. 8: *2*). Высота горшка – 12,3 см, диаметр – 13/15,3/8 см. То есть размеры сосуда 3 практически повторяют сосуд 2. Однако форма и орнаментация сосудов различаются. По форме горшок 3 ближе к типу «усеченно-конических горшков с вертикальным венчиком и слабо выраженным плечиком» (*Кильдюшевский*, 1996. С. 146; 2002. С. 10), но отличается меньшим объемом. Отличительными признаками (*Харлашов*, 1994. Рис. 24: *4* и рис. 25: *2*) являются: горизонтальный или косой срез верхнего края венчика, пропорциональное соотношение диаметров сосуда и особенности орнаментации. При этом сосуд 3, найденный на Ильинском-5 раскопе, имея косой срез более поздней датировки, сочетается с более стройными пропорциями и использованием орнаментальных элементов ранних форм. Расхождения в датировке данного типа сосуда с высоким цилиндрическим горлышком неоднократно отмечал Н. В. Лопатин: от первой половины XI в. (Г. П. Смирнова, В. М. Горюнова) до начала XIII в. (В. И. Кильдюшевский) (*Лопатин,* 2011. С. 248; 2013. С. 191). Сосуд 3 орнаментирован одним рядом коротких насечек

[2] Здесь и далее при обмерах указываются показатели, расположенные в определенном порядке: диаметр по венчику/диаметр максимального объема тулова/диаметр дна.

Рис. 9. Находки II–III горизонтов (*1* – пряслице, *2* – кремень, *3* – оселок, *4* – оселок из погребения 4 Мстиславского-6 раскопа, *5* – орудие (?) из плотного рога)

и линейным разряженным орнаментом со слабым зонированием. Несмотря на различия профилировки и орнаментации, сосуды 2 и 3 объединяет малый объем и пропорции. К наиболее древним формам (конец X – начало XI в.), относятся фрагменты, обнаруженные в угольном пятне за западной стенкой очага (рис. 6: *13, 14, 21*) и «закладной горшок» (рис. 8: *3*). Подобные горшки малого размера, диаметр устья которых «редко превышает» 16 см, хорошо известны по материалам раскопок в Псковском Кремле, некрополя в древнейшей части посада, на Завеличье (*Степанов*, 2010. С. 56).

Индивидуальные находки II горизонта (рис. 9) обнаружены только в зоне очага: обожженный фрагмент биконического пряслица и «припаянный» к камню неопределенный железный предмет. Также при разборке каменного основания очага обнаружены две закладные находки: оселок из серого сланца длиной 27 см, вертикально вставленный между камней. Второй закладной предмет – горшок, вкопанный в песок перед деревянным ограждением очага. Значительная длина оселка, обломанного с одной стороны, и вертикальное положение указывает на его ритуальное назначение. Оселок равномерно сточен с двух концов, на широких сторонах отмечены крестообразные царапины (рис. 9). Оселок длиной 21,3 см со следами использования и одним обломанным концом был обнаружен в Пскове на Мстиславском-6 раскопе в погребении 4. Горшок, вкопанный перед очагом (рис. 8: *3*), сохранился не полностью или был поставлен с уже утраченными фрагментами. Примеры того, что в качестве закладной вещи использовались испорченные изделия или их заготовки, в археологической практике встречаются неоднократно. Например, в кузнечной мастерской Староладожского Земляного городища под наковальню был положен деревянный ковш «крайне грубой выделки и не пригодный для какого-либо использования» (*Рябинин*, 1994. С. 19). Высота горшка 10,2 см, диаметр 12,5/13/6,5 см. Короткий венчик слабо отогнут наружу, тулово

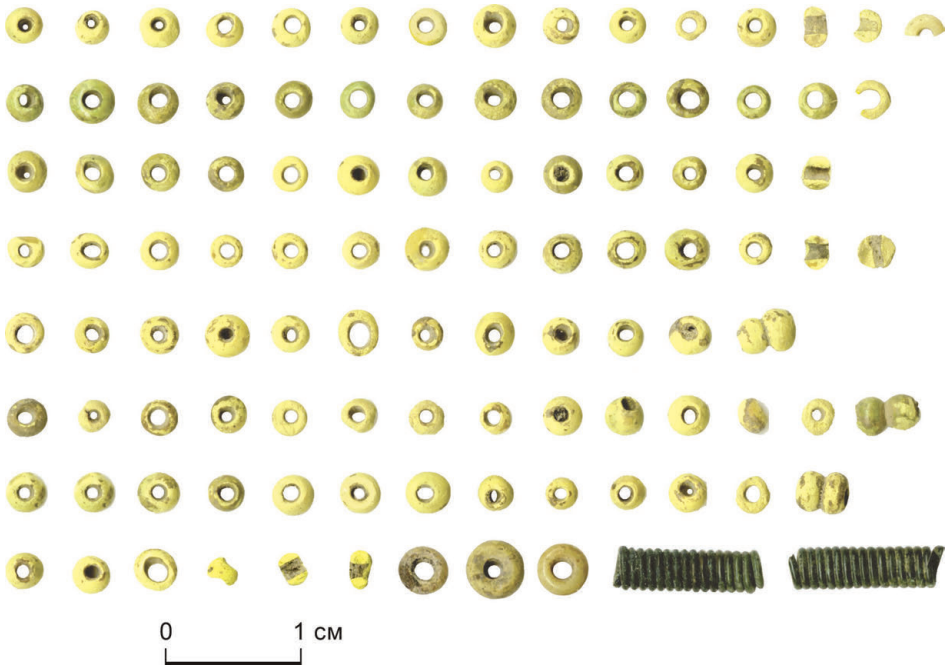


Рис. 10. Индивидуальные находки из контрольной промывки

декорировано однорядной грубой волной, расположенной поверх линейного орнамента. Сосуды подобного типа широко представлены в слоях X–XI вв. Пскова и других западнославянских поселений и относятся к группе 1 (*Харлашов*, 1994. С. 66–67).

Кроме того, в нижней части III горизонта найдены осколок кремневого орудия, кость (ребро КРС) со следами обработки и *орудие* (?) из плотного рога (*возможно, заготовка рукояти*). Орудие (?) имеет конусовидную форму с изгибом, длина – 13,9 см, толщина – 1–2,5 см, торцы изделия оформлены треугольными выступами (рис. 9: *4*). В результате контрольной промывки найден бисер (более 100 шт.) и 2 бронзовые спирали-пронизки (рис. 10). В археологической литературе спиральные пронизки упоминаются только в контексте погребального инвентаря, характерного как для «финно-угорско-балтского» населения, так и для «рязано-окских, мерянских и муромских могильников» и датируются, с учетом радиоуглеродного анализа, от VI до конца XI в. (*Вишневский, Новоселова*, 2010. С. 81). Упоминание бронзовых спиралек часто встречается и в составе погребений «псковских длинных курганов» (*Михайлова*, 2010. С. 106).

Таким образом, комплекс находок, обнаруженных в заполнении постройки Ильинского-5 раскопа, позволяет датировать период ее **функционирования** рамками XI–XIII вв. Часть посудной керамики, собранной в угольном пятне III горизонта, позволяет уточнить время ее **создания:** конец X – начало XI в. При

этом значительный процент содержания фрагментов богато орнаментированных сосудов, характерных для 2-й группы псковской керамики (XI–XII вв.), подтверждает возможность ее повторного использования.

В связи с тем, что исследована лишь часть сооружения, не выявлено ни одного углового пространства, определить однозначно тип сооружения (полуземлянка или срубно-столбовая конструкция с углубленным полом) и характер его использования (жилой или производственный) невозможно. Тот факт, что под толщей песка оказалась погребенной посуда большого промежутка времени (не менее 100 лет), дает возможность предложить версию (на основании стратиграфических наблюдений) о первоначальном создании жилой постройки полуземляночного типа и дальнейшем (сезонном) использовании очага в «овраге» после ее разрушения и начала естественного заполнения котлована. Остается открытым вопрос о назначении объекта. Как использовали очаг после разрушения постройки: в качестве «полевой кухни», для сбора золы (яма 14а, заполненная золой) или как часть производственного комплекса по обработке железа, расположенного к северо-востоку от постройки (Ильинский-4 раскоп 2019 г.)? Возможно, после написания отчета об археологических раскопках 2019 г. по ул. Л. Поземского на территориях, прилегающих к Ильинскому-5 раскопу, появятся новые сведения, проливающие свет на характер использования углубленной постройки, обнаруженной в 2019–2020 г.

На момент подготовки материала к публикации отчет о проведении археологических работ в зоне реконструкции ул. Поземского еще не был завершен. В статье использованы личные полевые наблюдения авторов, принимавших активное участие в руководстве полевыми работами. Выражаем искреннюю благодарность начальнику раскопа С. А. Салмину за оказанное доверие, консультативную поддержку и предоставленную возможность публикации материалов.

Литература

Вишневский В. И., Новоселова Т. Н., 2010. Раннесредневековый финно-угорский могильник на Ратьковском городище (по результатам раскопок 2006–2007 годов) // Археология Подмосковья. Вып. 6. М. С. 67–81.

Кильдюшевский В. И., 1996. Погребения Псковского некрополя (раскоп VII) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Псков. С. 140–147.

Кильдюшевский В. И., 2002. Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. С. 5–31.

Кокорина Н. А., Денисова А. Н., Князева Н. А., 2015. Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника: каталог. Владимир. 88 с.

Лопатин Н. В., 2011. К дискуссии о происхождении формы горшка с цилиндрическим горлом на Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 56-го заседания (2010 г.). М.; Псков. С. 248–256.

Лопатин Н. В., 2013. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го заседания (2012 г.). М., Псков. С. 186–191.

Михайлова Е. Р., 2010. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской обл.) // Исследование погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли. СПб. С. 81–107.

Рябинин Е. А., 1994. У истоков ремесленного производства в Ладоге // Новые источники по Археологии Северо-Запада. СПб. С. 5–55.

Степанов С. В., 2010. Керамический комплекс XI–XII вв. из Изборского XII раскопа (проблемы хронологии и датировок) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 55-го заседания (2009 г.). Псков. С. 55–60.

Харлашов Б. Н., 1994. Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков. С. 44–75.

Щапова Ю. Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М. С. 164–179. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).

Сергєєва М. С., 2011. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ: КНТ. 256 с.

* * *

Прибурова Татьяна Филипповна, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области», e-mail: tatyanapriburova@yandex.ru*

Фисенко Алексей Владимирович, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области», e-mail: f1son@yandex.ru*

А. В. Михайлов, А. Б. Романовский

Археологические исследования на поселении Горожане в 2019 г.

Резюме. Поселение Горожане располагается в юго-восточной части Бежаницкой возвышенности на водоразделе бассейнов рек Великой и Ловати. Площадь поселения составляет около 3 га, мощность культурных отложений – 0,6–0,8 м. Под слоем распашки сохранился непотревоженный культурный слой мощностью до 0,4 м, который содержит следы двух крупных пожаров. В слое пожара первой половины XI в. встречены остатки двух наземных срубных построек. Керамический комплекс на 85% состоит из лепной керамики. Находки гончарной керамики единичны. Коллекция индивидуальных находок представлена 500 предметами. Значительную часть коллекции составляют стеклянные и каменные бусы. Кроме того, среди находок представлены предметы вооружения, украшения, торговый инвентарь, бытовые предметы, несколько дирхемов. Поселение Горожане можно считать одним из ключевых пунктов торгового пути между бассейнами Ловати и Великой. Этот памятник по ряду параметров (достаточно узкая датировка – X в., мощность и хорошая сохранность культурных отложений, вещевая коллекция) является значимым археологическим объектом для изучения ранней истории Древней Руси.

Ключевые слова: Поселение Горожане, Древняя Русь, торговые коммуникации

A. V. Mikhajlov, A. B. Romanovskij. Archaeological Study of the Settlement Gorozhane in 2019

Abstract. Gorozhane settlement is located in the South-Eastern part of Bezhanitsky highland, on the watershed between the basins of the Velikaya and the Lovat rivers. The settlement area is about 3 ha, the cultural deposits density is 0,6–0,8 m. There is an intact cultural layer up to 0.3 m thick that contains traces of big fire under the plowed layer. There are remnants of an adobe oven and a heater in the fire layer. The fire dates from the end of the 10th century AD. 85% of the ceramics are molded ones. There are only several pieces of pottery. Individual findings are presented by 500 items. The significant part of them consists of glass and stone beads. There were weaponry, adornments, trading equipment, household utensils and several dirhams found. Gorozhane settlement is certainly one of the key points on the trading route between the Lovat river and the Velikaya river basin areas. The features of this monument (rather narrow dating – 10th c. AD., density and good preservation of cultural deposits, material collection) make it an important archaeological site for the early history of Ancient Rus.

Keywords: Pskov region, Gorozhane settlement, Ancient Rus, trade routes

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.67-77

С 2016 г. на поселении Горожане, расположенном на водоразделе рек Великой и Ловати, проводятся археологические исследования. Работы 2016–2019 гг. (помимо разведочных шурфов) велись на трех раскопах, общая площадь которых составила 109 кв. м. В 2016 г. с целью выявления памятника, определения основных характеристик слоя и площади его распространения было выполнено два шурфа в южной и северной частях поселения (шурф 1 и 2) площадью 4 и 1 кв. м соответственно. Кроме того, было проведено разведочное бурение механическим буром. На распаханной части поселения проводился сбор подъемного материала с фиксацией места обнаружения каждой находки с помощью тахеометра (*Михайлов*, 2018. С. 110–119).

В 2017 и 2018 годах работы велись на двух раскопах (раскопы 1 и 2). Раскоп 1 площадью 48 кв. м был заложен еще в 2017 г. в северной, наиболее возвышенной части поселения. Раскоп 2 (площадь 16 кв. м) был заложен в южной части поселения у западного края площадки. Дело в том, что по периметру южной части площадки прослеживается валообразная возвышенность высотой 30–50 см. Одной из задач стало определение происхождения этого образования, поиски остатков оборонительных сооружений, получение информации о периферийном участке поселения (*Михайлов*, 2019. С. 138–145; *Михайлов, Кулакова*, 2020. С. 382–390).

В полевом сезоне 2019 г. исследования велись в центральной части площадки поселения, площадь раскопа составила 40 кв. м (раскоп 3). Раскоп был заложен в северной части относительно ровной площадки на берегу р. Илеменки в основании склона, в верхней части которого в свое время проводились работы на раскопе 1. Раскоп ориентирован по сторонам света. Восточная граница раскопа практически примыкает к участку грабительских раскопок, совершенных осенью 2016 г. Зафиксированная площадь этих нарушений превышает 300 кв. м (рис. 1).

Целью работ стало получение новых данных о характеристиках культурных отложений в центральной части памятника, уточнение хронологии поселения, получение информации о его топографии.

В восточной части раскопа перед началом работ отчетливо прослеживался отвал грабительской ямы (сама она оказалась вне пределов раскопа). После снятия дерна по всей площади раскопа был изучен (перебран и просеян) отвал грабительской ямы. Основание отвала фиксировалось по тонкой прослойке погребенного дерна в основании отвала. Поскольку грабители пользовались металлодетектором, из отвала грабительского раскопа помимо фрагментов керамики происходят шесть бусин: синие и желтые кольцевые и круглые бусы, а также одна трехчастная пронизка.

В результате естественных процессов, а также в ходе распашки участка верхняя часть культурных отложений перемещалась вниз по склону и сохранила тем самым от разрушения достаточно значительный по мощности массив культурного слоя, включая наиболее ранние отложения.

Мощность культурного слоя на раскопе 3 составила 0,5–0,6 м (без учета материковых ям). Наиболее полно стратиграфическую ситуацию на раскопе отображает профиль бровки, заложенной в центральной части раскопа. Верхние 20–40 см культурного слоя повреждены многолетней тракторной распашкой, слой темно-

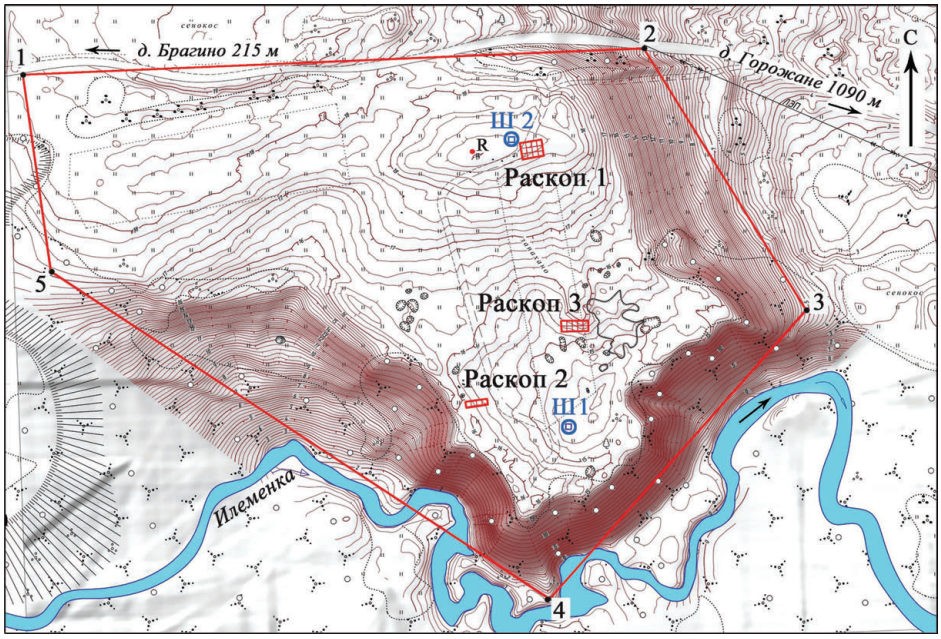


Рис. 1. План поселения у д. Горожане

серый, слабостратифицированый с включениями угля, дресвы, отдельных гранитных камней. Ниже под слоем распашки залегает непотревоженный темно-серый слой с выраженной стратиграфией, содержащий уголь, очажные камни, дресву. Мощность этого слоя составляет 25–30 см (рис. 2). Именно в непотревоженном слое присутствуют определимые остатки застройки, а также следы нескольких пожаров. Всего прослежено два горизонта пожара. Первый пожар случился на поселении вскоре после его возникновения. Следует отметить, что на раскопе 3 впервые был зафиксирован участок первоначальной погребенной почвы.

Непосредственно под слоем распашки был зафиксирован горизонт пожара (горизонт пожара 2) (рис. 3). Следы этого пожара встречены во всех шурфах и раскопах на площадке поселения начиная с 2016 г. В северной и западной частях раскопа выявлены остатки двух срубных построек, местоположение которых маркируется глиняными выравнивающими подсыпками под основание сруба. В одном случае на пятне глины отчетливо прослежен угол сгоревшего сруба. По своему виду эти глинобитные площадки весьма напоминают глинобитные полы построек, неоднократно встреченные на средневековых поселениях Восточной Прибалтики (Рыуге) и Северо-Запада России (Псков, Пилово-2) (*Белецкий*, 1996. С. 49, 56–57; *Михайлова и др.*, 2016. С. 265; *Tõnisson*, 2008. P. 119). Следует отметить, что остатки подобной глиняной подсыпки под основание сруба были обнаружены и в раскопе 1 2017 г. Большая часть этого объекта оказалась за пределами раскопа и первоначально он был атрибутирован как основание глинобитной печи. Исследования 2019 г. позволяют говорить, что

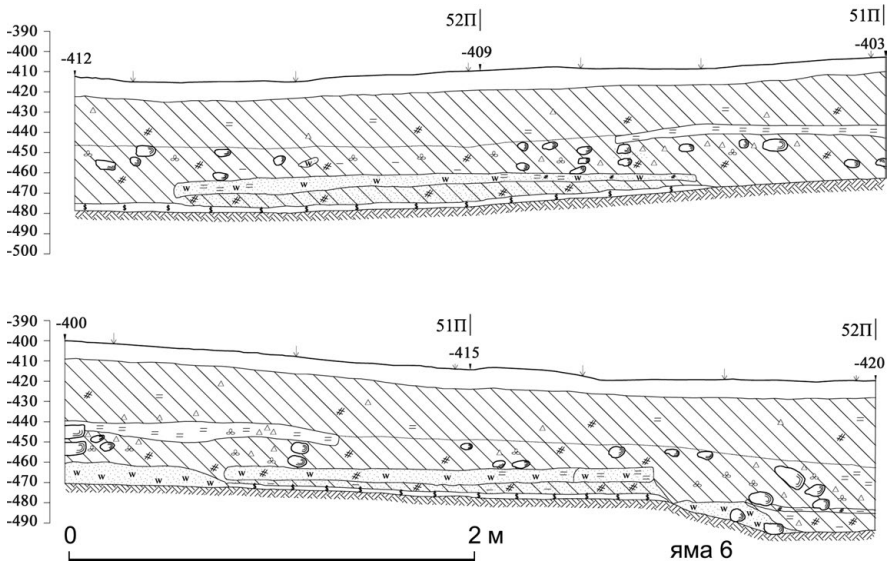


Рис. 2. Раскоп 3. Профили бровки

и в раскопе 1 обнаружено глинобитное основание срубной постройки. Кроме того, при осмотре массива грабительских раскопов 2016 г., к которым примыкает раскоп 3, в стенках нарушений отмечались линзы глины, аналогичные тем объектам, что были зафиксированы в нашем раскопе.

Для горизонта пожара 2 получена радиоуглеродная дата, на основании которой пожар может быть датирован кон. X – рубежом X–XI вв. Этой дате не противоречат ни находки монет, ни комплекс находок, происходящих из горизонта пожара 2 (рис. 4).

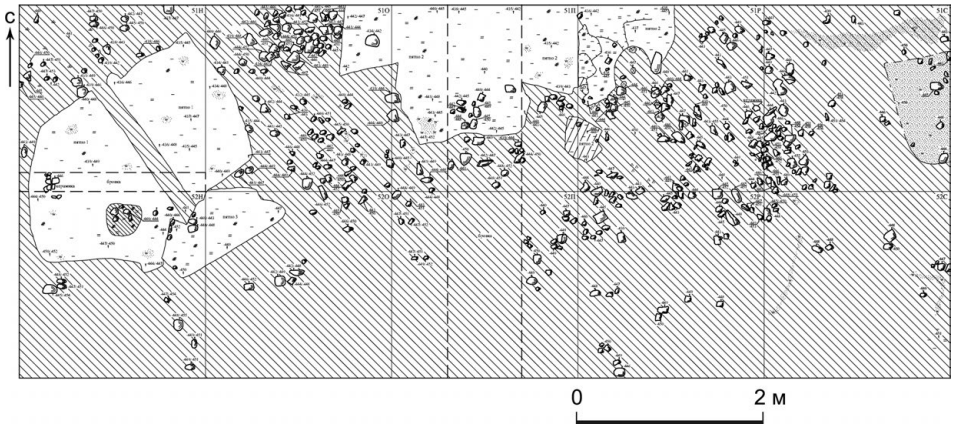


Рис. 3. Раскоп 3, план горизонта пожара 2

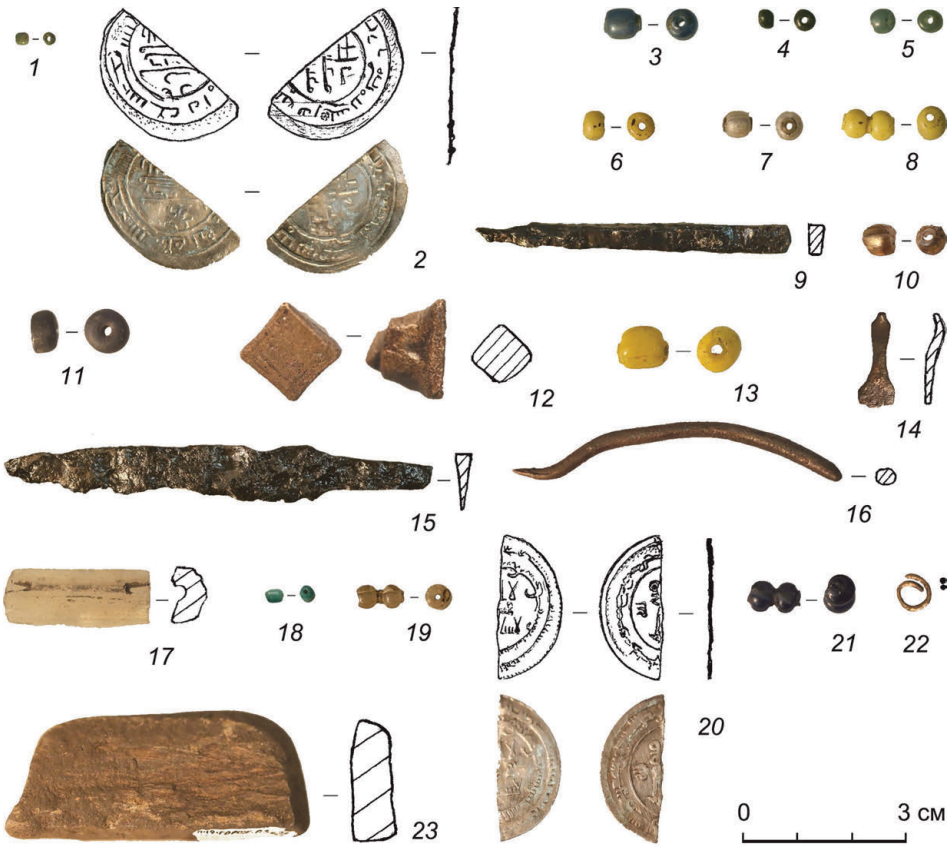


Рис. 4. Раскоп 3, находки из горизонта пожара 2: *1* – бисер стеклянный зеленый; *2* – дирхема серебряного фрагмент; *3* – бусина стеклянна лимоновидная синяя; *4* – бисер стеклянный черный; *5* – бисер стеклянный голубой; *6* – бусина стеклянная желтая; *7* – бусина серебростеклянная; *8* – бусина стеклянная желтая двухчастная; *9* – предмет железный; *10* – бисер стеклянный зеленый; *11* – бусина стеклянная синяя; *12* – головка фибулы (?) орнаментированная цветного металла; *13* – бусина стеклянная желтая лимоновидная; *14* – привеска (?) цветного металла фрагмент; *15* – нож железный; *16* – язычок фибулы цветного металла; *17* – бусина горного хрусталя фрагмент; *18* – бисер стеклянный бирюзовый; *19* – бусина сереберостеклянная двухчастная; *20* – дирхема серебряного фрагмент; *21* – бусина стеклянная синяя двухчастная; *22* – колечко проволочное цветного металла; *23* – оселка каменного фрагмент

Из слоя пожара происходят несколько развалов лепных сосудов, многочисленные находки украшений (рис. 4: *12, 14, 16*), предметов быта (рис. 4: *9, 15, 23*), монетные находки (рис. 4: *1, 2, 20*). В слое пожара встречено значительное количество бус. Наиболее распространенными являются лимоновидные (рис. 4: *7, 13*) и кольцевидные бусы (рис. 4: *6, 11*), бусы с металлической прокладкой (рис. *4: 10*), многочастные пронизки (рис. 4: *8, 19, 21*), а также бисер

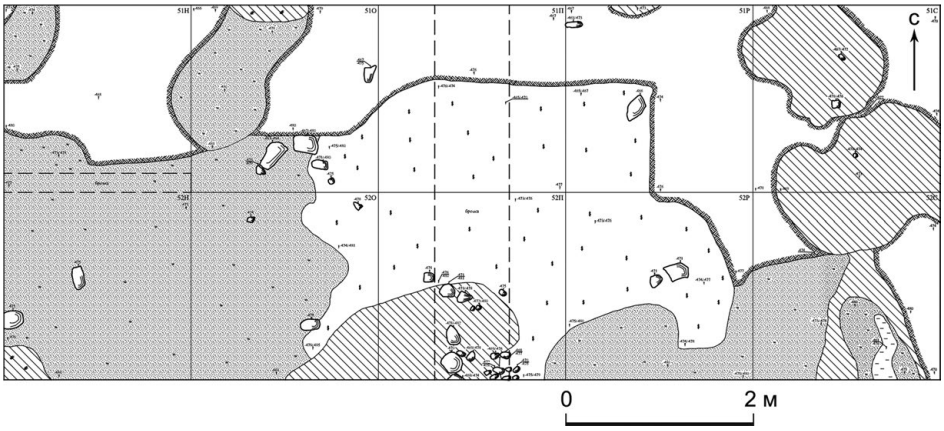


Рис. 5. Раскоп 3, план горизонта пожара 1

(навитой и рубленный) (рис. 4: *1, 4, 5, 10, 18*). Помимо стеклянных, из слоя происходят бусы из сердолика и горного хрусталя (рис. 4: *17*).

Горизонты двух пожаров разделяют 15–20 см культурного слоя, насыщенного очажными камнями, дресвой, угольками. Следы пожара 1 сохранились в центральной части раскопа в виде углистой прослойки мощностью около 5 см и перекрывающей ее линзы гумусированного песка с включениями обожженной глины и угольков. Углистая прослойка, в свою очередь, залегает на горизонте погребенного дерна. На остальной площади раскопа горизонт пожара 1 разрушен материковыми ямами и более поздними нарушениями (рис. 5).

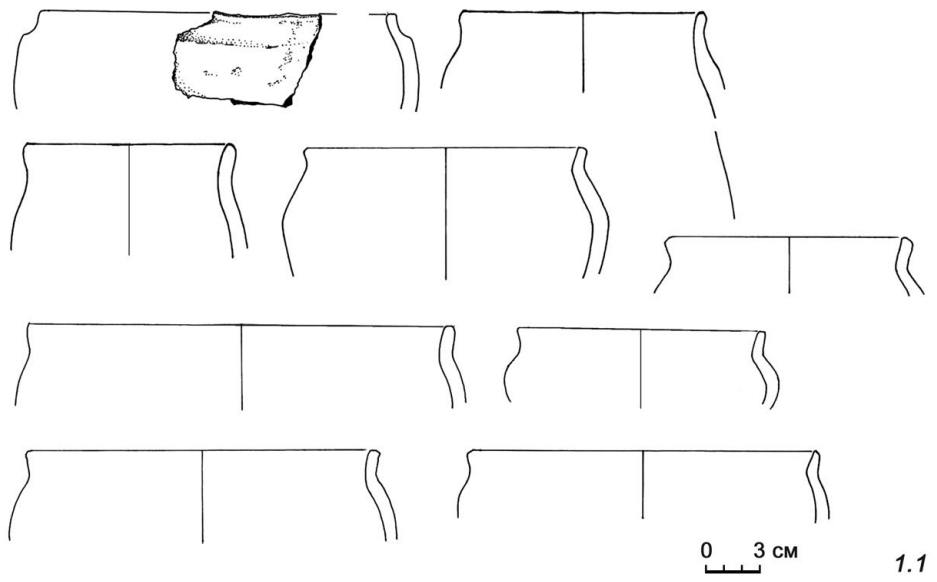
По всей видимости, первый пожар случился на поселении вскоре после его возникновения. Находок из этого слоя немного, среди них есть фрагмент арабской монеты – дирхема, который датируется 775–825 гг. (рис. 6: *10*). Бусинный набор не демонстрирует каких-либо серьезных отличий от более поздних слоев памятника: по-прежнему встречаются многочастные пронизки (рис. 6: *1, 2, 4*), в том числе с металлической прокладкой, желтые лимоновидные бусы (рис. 6: *17*). Из слоя первого пожара происходит чуть большее количество бисера (рис. 6: *3, 6, 7*). В слое пожара обнаружены несколько ланцетовидных наконечников стрел (рис. *6: 12, 15*). К числу наиболее ранних находок с территории поселения Горожане следует отнести фрагмент литого массивного браслета с двумя параллельными бороздками (рис. 6: *13*). Следует также отметить, что в слое раннего пожара впервые за время археологического изучения поселения обнаружены находки из кости – фрагмент орнаментированной накладки на роговой гребень и спил рога (рис. 6: *14*). Горизонт пожара 1 также прослеживался в шурфе 1 (2016 г.), расположенном ближе к берегу р. Илеменки. В раскопе 1 следы раннего пожара не зафиксированы.

Из раскопа происходят свыше 520 индивидуальных находок. Отчасти такое количество обнаруженных предметов связано с применяемой методикой раскопок: весь слой просеивался на мелкоячеистых ситах, предматериковый слой и заполнение ям промывались. Основную категорию находок составляют бусы и бисер. Помимо стеклянных бус встречены бусы из сердолика и горного хруста-

Рис. 6. Раскоп 3, находки из горизонта пожара 1: *1* – бусина золотостеклянная трехчастная; *2* – бусина стеклянная синяя двухчастная; *3* – бисер стеклянный синий; *4* – бусина двухчастная серебростеклянная; *5* – заклепка ладейная; *6* – бисер стеклянный желтый; *7* – бисер стеклянный зеленый; *8* – крючок цветного металла; *9* – пуговица цветного металла; *10* – дирхем серебряного фрагмент; *11* – кольцо цветного металла фрагмент; *12* – наконечник стрелы ланцетовидный; *13* – браслет орнаментированный цветного металла, фрагмент; *14* – спил рога; *15* – наконечника стрелы железного фрагмент; *16* – кремень; *17* – бусина стеклянная желтая; *18* – пряслице глиняное фрагмент

ля. В раскопе обнаружено 11 серебряных восточных монет – дирхемов, торговый инвентарь (около десятка гирек-разновесов для взвешивания монетного серебра). К украшениям и предметам одежды стоит отнести фрагменты браслетов и подковообразных застежек, привески из цветного металла, ременные накладки, литые пуговицы (рис. 6: *9*). О развитости металлообработки и ювелирного ремесла свидетельствуют находки шлаков, криц, выплесков цветного металла, а также фрагменты тиглей. Из бытовых предметов следует отметить глиняные пряслица (рис. 6: *18*), железные ножи, шилья и проколки. К предметам вооружения относятся несколько ланцетовидных наконечников стрел (все они происходят из слоя первого, наиболее раннего пожара). Наибольшее количество находок происходит из горизонта второго пожара (пласты 45 и 46).

Керамический комплекс раскопа 3 демонстрирует существенные различия по сравнению с материалами раскопов 1 и 2. В первую очередь это



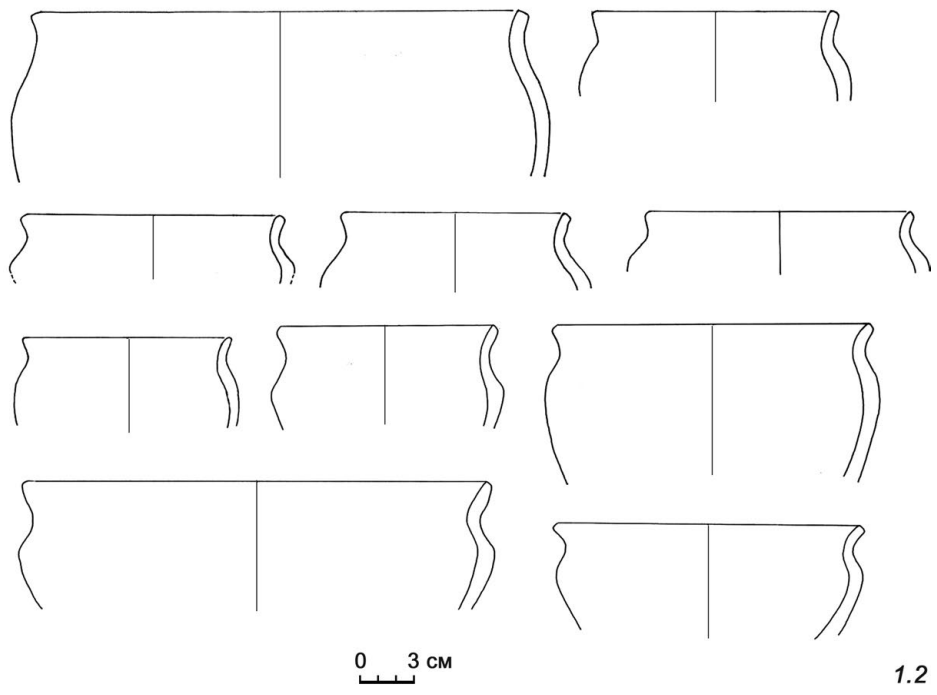


Рис. 7. Лепная керамика поселения Горожане. Группа 1 (варианты 1 и 2)

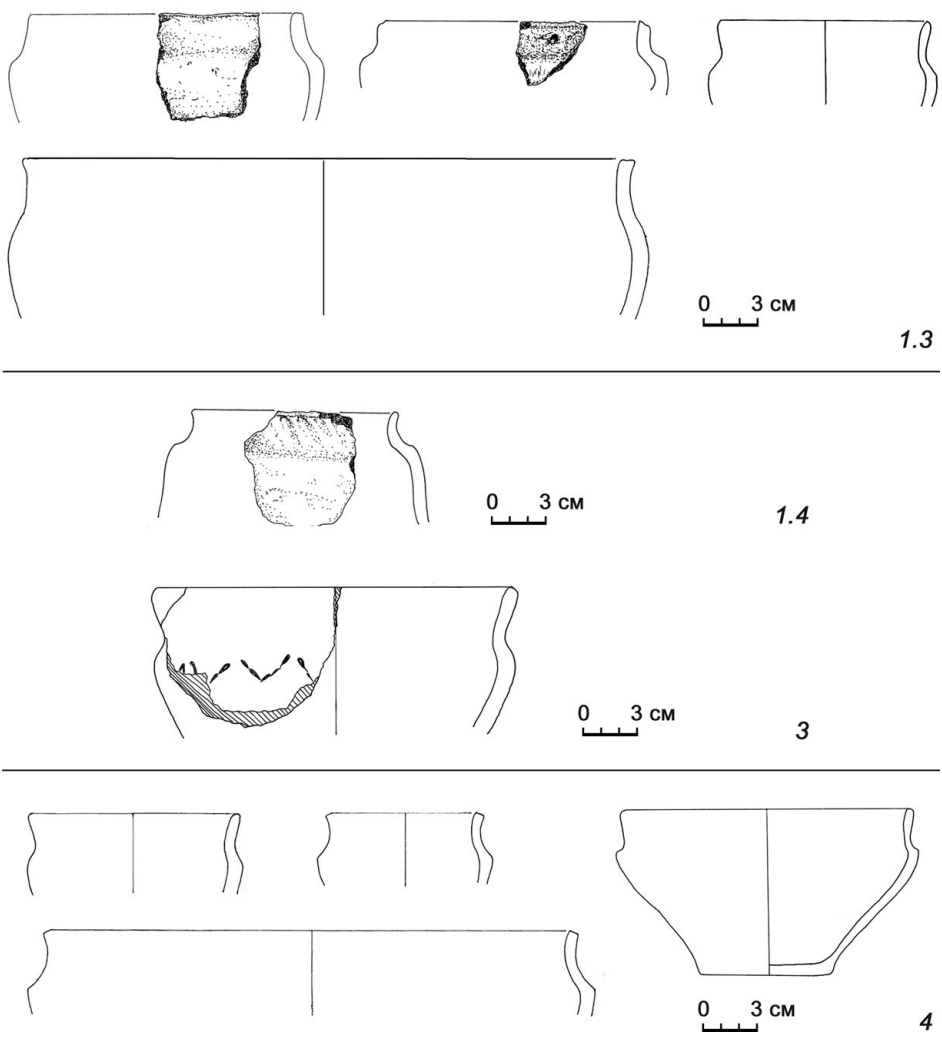


Рис. 8. Лепная керамика поселения Горожане. Группа 1 (варианты 3 и 4), группы 3 и 4

касается процентного соотношения лепной и гончарной керамики. Если в раскопах 2016–2018 гг. подавляющее большинство керамики составляет лепная (80–90%), то раскоп 3 дает несколько иную картину: в наиболее ранних отложениях фиксируется безусловное преобладание лепной керамики (около 90%), в пахотном перемещенном слое, а также в горизонте пожара 2 процент гончарной керамики составляет от 30 до 45%.

И. И. Еремеев выделяет пять типологических групп для лепной керамики Смоленско-Псковского Подвинья и Северной Белоруссии (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 481–482). В керамической коллекции раскопа 3 представлены лепные сосуды 1, 3 и 4 групп (рис. 7, 8). К первой группе относятся горшки с округлым

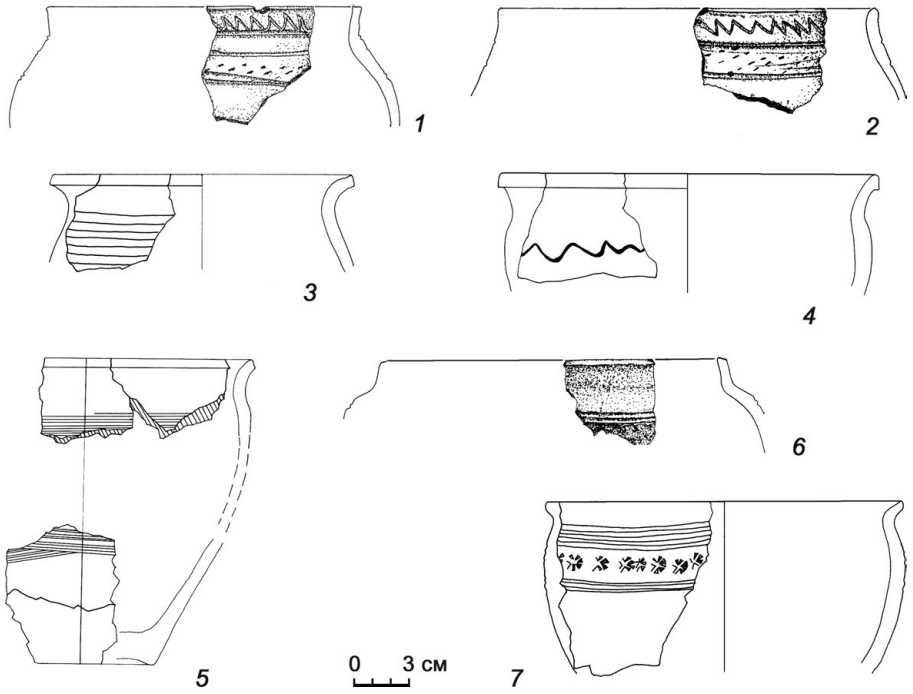


Рис. 9. Гончарная керамика поселения Горожане

в верхней трети (или четверти) туловом, плечиком, резко сужающимся к четко выделенному венчику. По форме венчика сосуды разделяются на четыре варианта: с коротким прямым венчиком (1.1), с S-видным отогнутым венчиком (1.2), с высоким прямым венчиком (1.3), с ребром в верхней части плечика. В третью группу отнесены конические сосуды с менее выделенным, чем в группе 1, плечиком. Диаметр венчика равен или чуть больше диаметра плечика. В четвертой группе представлены биконические горшки с ребром в верхней половине тулова. Традиционно эта посуда определяется как «керамика ладожского типа».

Наиболее распространенным типом лепной керамики в раскопе 3 (впрочем, как и на всем поселении) являются горшки первой группы, первого и второго вариантов.

Гончарная керамика представлена фрагментами богато орнаментированных сосудов, имеющих достаточно короткий, отогнутый наружу венчик. В ряде случаев внешний край венчика профилирован и имеет выраженный выступ или валик. Также достаточно широко представлены сосуды мисочных форм с широким устьем, коротким округлым венчиком и выраженным плечиком (рис. 9).

В результате проведенных исследований на раскопе 3 мы считаем возможным предположить, что первоначально поселение возникло на достаточно ровной площадке у края берега р. Илеменки, впадающей в р. Смердель, не затрагивая при этом мысовую часть площадки. Комплекс находок, происходящий

из предматериковых отложений, позволяет достаточно осторожно отнести время возникновения поселения к рубежу IX–X вв. Вскоре после появления поселка происходит пожар (пожар 1). Какого-либо перерыва в существовании поселения после пожара 1 по материалам раскопа 3 не прослеживается.

На протяжении X в. поселение демонстрирует достаточно активное развитие: его площадь значительно увеличивается, появляется разделение «районов» поселка на жилые и производственные (производственный «район» тяготеет к берегу реки, тогда как на возвышенной части площадки следов ремесленного производства найдено гораздо меньше), в культурном слое встречается много импортных предметов. Второй пожар затронул все поселение, его следы отчетливо прослеживаются во всех раскопах. По результатам радиоуглеродного датирования он относится к кон. X в. – рубежу X–XI вв.

Как уже отмечалось, верхний горизонт культурных отложений поселения Горожане значительно поврежден многолетней тракторной распашкой. Судя по происходящим из него находкам, поселение прекращает свое существование не позднее сер. XI в.

Литература

Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.: ИИМК РАН.

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., 2010. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб. (Труды Ин-та истории материальной культуры РАН; т. XXXIII).

Михайлов А. В., 2018. Исследования поселения Горожане в 2016 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания (2017 г.). М.; Псков.

Михайлов А. В., 2019. Открытое торгово-ремесленное поселение Горожане: исследования 2017 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 34. Материалы 64-го заседания (2018 г.). М.; Псков.

Михайлов А. В., Кулакова М. И., 2020. Исследования поселения Горожане в 2018 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 35. Материалы 65-го заседания (2019 г.). М.; Псков.

Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А., 2016. Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 31. Материалы 61-го заседания (2015 г.). М.; Псков; СПб.

Tõnisson E., 2008. Eesti muinaslinnad / Toim. A. Mäesalu, H. Valk. Tartu: Tartu Ülikooli ajaloo ja arheoloogia instituudi arheoloogia õppetooli; Tallinn: Tallina Ülikooli ajaloo instituudi arheoloogiaosakond. (Muinasaja teadus, 20).

* * *

Михайлов Александр Валерьевич, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области», e-mail: navigarch@gmail.com*

Романовский Антон Борисович, *Псков, ГБУК «Археологический центр Псковской области», e-mail: rantonpsk2010@mail.ru*

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев

Новые материалы из курганной группы у д. Калихновщина и ее окрестностей в Гдовском районе

Резюме. Статья вводит в научный оборот ряд новых находок с территории курганно-жальничного могильника близ д. Калихновщина Гдовского района. Анализируемые находки распадаются на две хронологические группы, одна из которых относится к Средневековью и связана с функционированием курганно-жальничного могильника, другая представляет собой несколько железных изделий первых веков н. э. Рассматривается также возможность существования рядом других археологических памятников.

Ключевые слова: Гдовские курганы, Причудье, римское время, средневековье, случайные находки.

E. R. Mikhailova, V. Yu. Sobolev. New Materials from the Kurgan Group near the Village of Kalikhnovshchina and its Surroundings in Gdov Region

Abstract. The article introduces a number of new finds from the territory of the kurgan-zhalnik burial ground near the village of Kalikhnovshchina, Gdov region. The analyzed finds fall into two chronological groups, one of which dates back to the Middle Ages and is associated with the functioning of the kurgan-pit burial ground, and the other represents several iron items dated by the first centuries AD. The possibility of the existence of a number of other archaeological sites in the neighborhood is also being considered.

Keywords: Gdov barrows, the district of Peipsi Lake, Roman times, Middle Ages, chance finds.

Курганно-жальничный могильник у деревни Калихновщина Гдовского уезда Петербургской губернии – один из «хрестоматийных» древнерусских памятников Северо-Восточного Причудья. Находящийся «в 4-х верстах от г. Гдова и полуверсте от означенной деревни»[1] (*Глазов*, 1900. Л. 50), могильник расположен в микрорегионе, обследование которого было начато в 1899–1900 гг. земским

[1] Деревня Калихновщина в настоящее время составляет западную часть деревни Черма Гдовского района Псковской области.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.78-89

начальником Гдовского уезда, членом-сотрудником Императорского Русского археологического общества Владимиром Ниловичем Глазовым[2] (*Медведева, Соболев,* 2014; 2015). Его отчеты о раскопках сформировали комплекс документов в архиве ИИМК РАН – это хорошо-документированные полевые материалы, включающие зарисовки внешнего вида отдельных погребальных объектов и очень тщательно снятые топографические планы памятников. Большинство из них, несмотря на прошедшие 120 лет, может быть надежно привязано к современной топографии. Некоторые рисунки, выполненные В. Н. Глазовым, были включены А. А. Спицыным как иллюстрации в издание «Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова»: у выбранных рисунков в архивных делах сохранились карандашные редакторские пометки и масштаб (чаще всего 1/2), в котором изготавливались иллюстрации (сравни, напр.: *Глазов,* 1900. Л. 17, рис. 1а = *Спицын*, 1903: рис. 9; *Глазов,* 1900. Л. 36, рис. 8 = *Спицын*, 1903: рис. 4 и др.).

В 1900 г. раскопки были начаты в мае, но материалы показались В. Н. Глазову столь интересными «ввиду обилия находок многих новых интересных типов вещей» (*Глазов,* 1900. Л. 40 об.), что он возвращался в Калихновщину в течение лета-осени четыре раза (в июне, июле, августе и сентябре) (Там же. Л. 40). В итоге было исследовано 82 кургана и жальника.

На топографическом плане, снятом перед началом работ (рис. 1), форма участка, занятого могильником, близка к правильному прямоугольнику. Кладбище со всех сторон было окружено крестьянскими наделами, и можно уверенно предполагать, что в древности курганов было больше, но к началу XX века часть памятника уже была распахана. О том же говорит и оторванный от группы жальник № 71 («грунтовая могила», по выражению В. Н. Глазова), отмеченный северо-западнее группы за полевой дорогой (*Глазов,* 1900. Л. 42).

Современные спутниковые снимки показывают, что за прошедшие годы размеры участка, занимаемого могильником, в целом не изменились (см. космоснимки, напр., GoogleEarth, фото июня 2013 и далее). Территория, как и в начале XX в., густо заросла лиственным лесом и кустарником, наиболее существенное отличие – наличие вырубленной полосы, отделяющей западную четверть могильника от остальной части: в пределах этой полосы все намогильные сооружения полностью разрушены. Кроме того, необходимо отметить, что несколько лет назад участок поля, вплотную примыкающий к могильнику с севера, был выделен для дачного строительства, в настоящее время на нем продолжаются строительные и ландшафтные работы.

В своем описании группы В. Н. Глазов отмечал, что в ее составе в основном небольшие курганы с валунными обкладками по основанию насыпей и без оных и жальники. Особняком стоят два особенно больших кургана в центральной части могильника (высотой 3,5 аршина), которые исследователь

[2] В указанном микрорегионе, кроме могильника у д. Калихновщина, В. Н. Глазовым частично исследованы средневековые кладбища у д. Бакин Конец и мызы Верхоляны (*Спицын*, 1903. С. 105–110); кроме того, на составленной им в 1899 г. археологической карте Гдовского уезда учтены жальники у д. Семенов Брод, Гривы, Колодье и др. (Археологическая карта...).

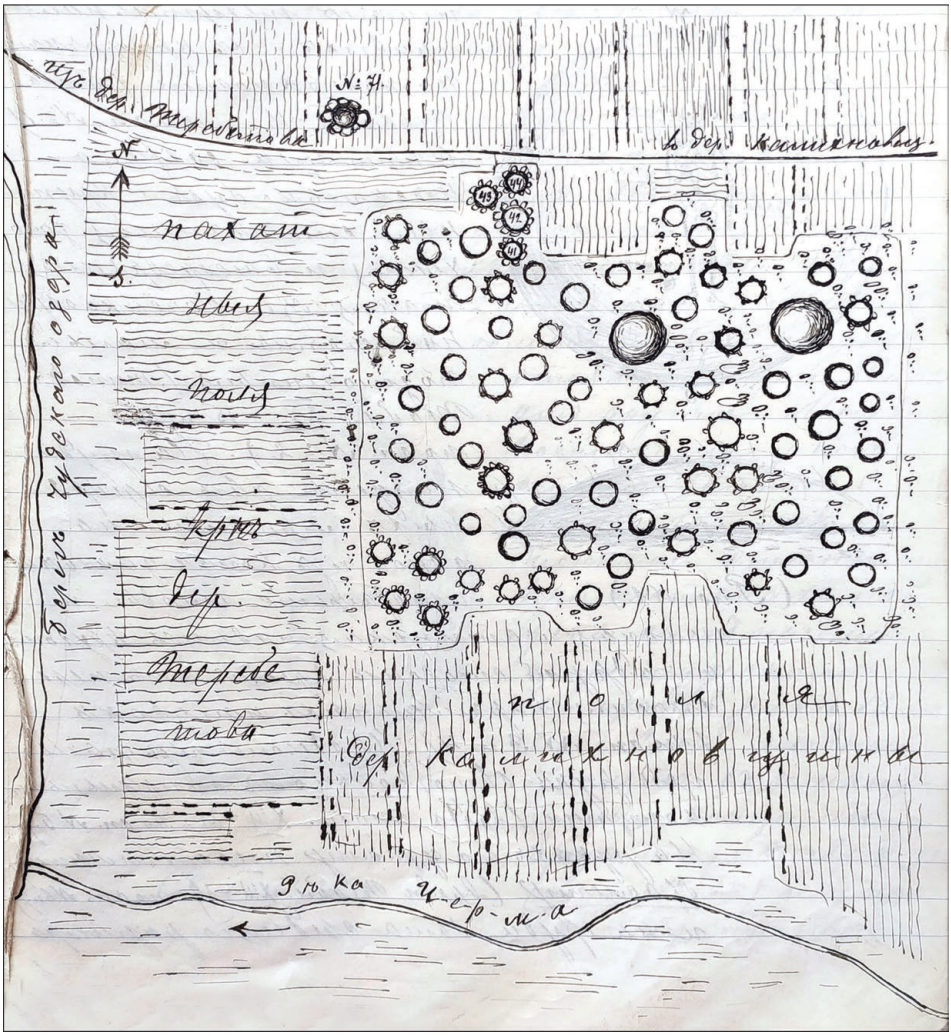


Рис. 1. Курганно-жальничный могильник Калихновщина. План В. Н. Глазова. Научный архив ИИМК РАН. РО. Ф.1. оп. 1. 1900. 50. Л. 42

по размерам и устройству сравнивал и связывал с новгородскими сопками, давая отсылку на раскопки Н. К. Рериха (*Глазов,* 1900. Л. 41).

Полевые исследования показали, что в могильнике представлены как кремации, так и ингумации; последние включают несколько разновидностей: захоронения на различных грунтовых подсыпках или «подушках», на древней дневной поверхности, в могилах. Часть курганов, в том числе все курганы с каменными валунными кольцами в основании (на плане именно они пронумерованы и составляют компактную группу в северо-западной части могильника) имели ограждение из больших валунов. В. Н. Глазов обратил внимание на ин-

тересный состав находок и высокий процент оружия в погребениях, отметив, что «гораздо труднее разобраться в вопросе, к какой народности должны быть отнесены погребения данной группы» (*Глазов,* 1900: Л. 41 об.).

Важно отметить, что пронумерованные на плане (рис. 1) погребальные сооружения – небольшие насыпи округлой формы (высота не более 4/3 арш; диаметр до 4 аршин), обставленные «огромными» валунами, – содержали остатки погребений по обряду кремации, например, – «Кострище до 2^{x} вершков толщины шло по материку, по всей площади кургана и содержало много золы, довольно крупного угля и пережженного песку, перемешанных с мелкими человеческими костями разной степени обугливания...». В каждом из курганов с кремациями найдены предметы вооружения: два наконечника стрел, наконечник копья и, кроме того, нож с обмоткой рукояти тонкой витой двойной проволочкой и кресало.

Как и остальные вещи из раскопок В. Н. Глазова, находки из Калихновщины были по его просьбе переданы Императорской археологической комиссией в коллекцию Русского археологического общества, которая в итоге поступила на хранение в Государственный Эрмитаж (ОАВЕС, колл. № 856).

Новые материалы из Калихновщины появились в поле зрения исследователей в середине – второй половине 1990-х гг. в связи с незаконными (грабительскими) раскопками курганов. В эти годы памятнику был нанесен существенный ущерб: подавляющее большинство насыпей оказалось в той или иной степени затронуты грабительскими работами, раскопы на самых крупных насыпях достигали размеров 4×4 м. По словам одного из гдовских сотрудников милиции, вещи он изымал у кладоискателей, однако местные жители связывали незаконные работы именно с ним.

В конце 1990-х годов сотруднику ИИМК РАН С. Г. Попову были переданы меч, два ланцетовидных втульчатых наконечника копий, всаженных одно в другое, и топор. По словам передавшего, вещи были найдены «во время весенней рыбалки в воде под обрывистым берегом Чудского озера близ впадения в него р. Чермы»[3]. Авторы публикации связали находки с открытыми С. Г. Поповым в 1992 г. на самом берегу озера могильником Калихновщина-2 и находившимся здесь же небольшим поселением X–XIV вв. (*Кирпичников, Попов*, 2012. С. 90), однако сами же обратили внимание, что находки не имеют следов длительного пребывания в воде. Впрочем, авторы допускали и возможность «добычи» оружия в курганно-жальничном могильнике Калихновщина. Комплекс находок 1990-х гг. был рассмотрен А. Н. Кирпичниковым и С. Г. Поповым достаточно подробно в публикации, здесь нам хотелось бы лишь акцентировать внимание только на нескольких моментах.

Весь берег Чудского озера в том месте, где локализованы могильник Калихновщина-2 и поселение и далее на север распахан под лесопосадки и засажен соснами. По всей вероятности, данные лесоустроительные работы были связаны с берегоукреплением, так как берег озера в этом месте размывается.

[3] В этой же статье авторы опубликовали еще три втульчатых ланцетовидных наконечника копий, найденных в окрестностях дер. Калихновщина ранее и также поступивших в Гдовский историко-краеведческий музей (*Кирпичников, Попов*, 2012. Рис. 8).

К середине 1990-х гг. возраст деревьев составлял приблизительно 25–30 лет. По наблюдениям одного из авторов этой статьи, в 1994 и 1996 гг. в обрезе берега никаких следов разрушающихся курганов не было заметно, а на территории лесопосадок была собрана небольшая коллекция лепной керамики (см. ниже), связанная, вероятно, с упомянутым выше поселением. Также сто́ит отметить, что В. Н. Глазов, много раз посещавший эту местность как по долгу службы земского начальника, так и с исследовательскими целями и расспрашивавший крестьян о мо́гилах и жальниках, курганы на берегу озера не фиксировал.

Набор предметов вооружения, их сохранность, способ «использования», более чем вероятное происхождение из захоронения по обряду кремации – все это вызывает ассоциации с т. н. дружинными могильниками. Однако специфика Новгородской земли заключается в том, что в ее пределах до сих пор не только не известно ни одного могильника «дружинной» культуры, но крайне редки даже и отдельные погребения «дружинного» облика. В то же время уже проведенные параллели с Залахтовским могильником не заканчиваются территориальной близостью и находкой столь редких для древнерусского времени мечей[4]. «Случайные» находки 1998 г. происходят из погребения, близкого грунтовому погребению 22 и захоронениям под курганами 131 и 202 Залахтовского могильника (см.: *Хвощинская*, 2004. С. 189, 194–195, 201, табл. XV, XVIII–XXX, XL). Стоит также обратить внимание на то, что меч из Калихновщины, как и меч из кургана 131, не имеет следов пребывания в огне.

К сожалению, описанные выше находки – не единственные результаты грабительских раскопок Калихновщинского могильника, попавшие в руки археологов. В разные годы нами были зафиксированы еще около двух десятков находок. Некоторые из них были брошены грабителями как неинтересные и собраны на краю могильника[5]. Несколько предметов, также выброшенных грабителями, попали в музей Сланцевской специальной школы благодаря усилиям преподавателя школы А. Ю. Дорошенко. Некоторые вещи были только показаны авторам. Рассмотрим эти находки подробнее.

Еще первый исследователь могильника отмечал находки монет и гирек, выделявшие могильник среди других им исследованных[6]. В рассматриваемой

---

[4] К сожалению, в публикацию уважаемых коллег закралась неточность: в Залахтовье, кроме описанного меча, происходящего из кургана 131, были найдены детали еще одного: с площади грунтового могильника происходит деталь рукояти меча (*Хвощинская*, 2004. Табл. 1: *21*).

[5] Эти находки подготовлены авторами для передачи в фонды Псковского музея-заповедника.

[6] В рукописи автор раскопок указывает на «значительное сравнительно количество находок в этой группе западноевропейских монет, а также и куфических. Всего найдено ... монет, ... европ. и ... куфических (*Глазов*, 1900. Л. 42), однако в тексте так и остались пропуски, итоговые цифры вставлены не были. Всего в описи находок из исследованных курганов (Там же. Л. 12) учтено 14 монет, только про три из них, происходящие из кургана 52, уточнено «куфич.» (Там же. Л. 13 об. № 93–95). Еще одна «Малая серебр. монетка», происходящая из того же кургана, помечена как отсутствующая (Там же. Л. 13 об. № 101).

здесь коллекции находок имеется серебряная западноевропейская монета без ушка – денарий, чеканенный в г. Девентер (Нижняя Лотарингия) от имени епископа Бернольда (1027–1054) (*Dannenberg*, 1894. S. 568, 1551)[7] (рис. 2).

Рис. 2. Денарий. г. Девентер (Нижняя Лотарингия), еп. Бернольда (1027–1054). Серебро

Гирьки для малых взвешиваний представлены двумя предметами. Одна из них бочонковидная, железная, обтянутая бронзой, повреждена коррозией (рис. 3: *1*). На верхней грани знаки кратности (рис. 4: *1*). Сохранившийся вес – 13,29 г. Аналогии широко представлены в погребальных и поселенческих древностях X–XI вв., территориально ближайшие происходят из раскопок В. Н. Глазова и Н. В. Хвощинской (*Хвощинская*, 2004. С. 104).

Вторая гирька значительно более редкого типа (рис. 3: *2*; 4: *2*). Это усеченно-биконическая свинцовая гирька с центральным железным стержнем. Знаки кратности отсутствуют, вес составляет 99.76 гр. Подобные гирьки значительно более редки на древнерусской территории, ближайшая аналогичная по весу происходит из грабительских раскопок Которского погоста. Гирьки весом около ста граммов и более тяжелые экземпляры встречаются преимущественно в культурных напластованиях поселений, связанных с транзитной торговлей (Старая Ладога, раскоп Н. И. Репникова 1912 г. (*Давидан*, 1987.

Рис. 3. Гирьки-разновесы. *1* – железо, бронза, *2* – свинец, железный стержень

[7] Avers: в центральном круге альфа и омега под крестами, разделенные епископским посохом, Revers: равноконечный крест с шариками между лопастями.

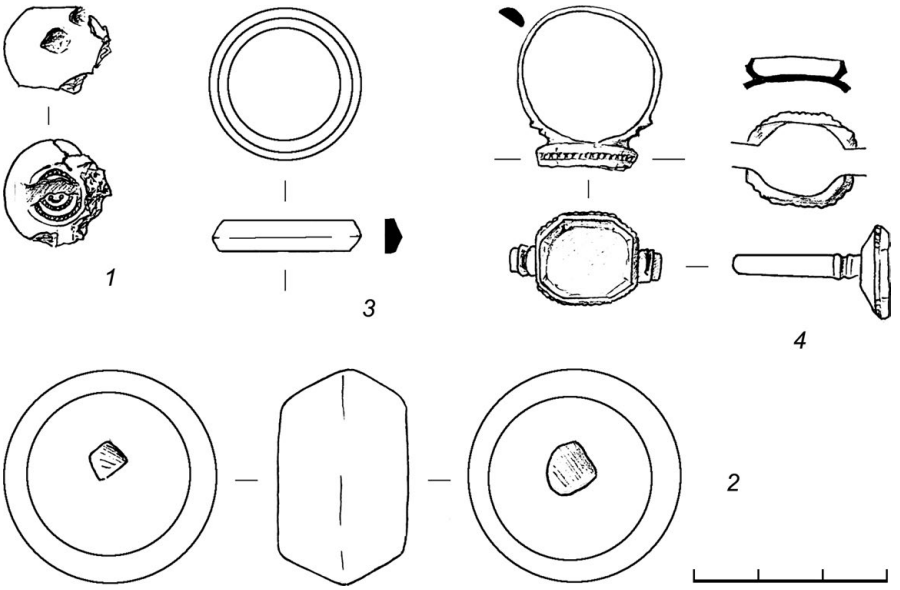


Рис. 4. Гирьки-разновесы и перстни. *1* – железо, бронза, *2* – свинец, железный стержень, *3* – оловянистая бронза, 4 – бронза

С. 124), Новгород, «купеческий кошелек» (*Строков и др.*, 1939; *Монгайт*, 1951. С. 136), Горожане[8], Гнёздово, Шестовица (посад) (*Моця, Скороход,* 2020. Табл. 7: *35*), Новогрудок (*Павлова*, 1972. С. 80), Друцк, Брест (*Бектинеев*, 1987. С. 236). Несколько экземпляров, опубликованных на сайтах любителей металлопоиска, происходит из грабительских раскопок (как минимум одна найдена на Украине, еще для двух места находки не известны).

Среди находок, попавших в Сланцевский школьный музей, есть черешковый наконечник небольшого дротика или длинной стрелы с листовидным пером линзовидного сечения (рис. 5: *1*). Абрис пера схож с формой лезвий копий, выделенных А. Н. Кирпичниковым в тип IV (возможно, ближе к IVA). Появление на Руси наконечников этого типа – с уплощенным пером продолговатояйцевидной или лавролистной формы и скругленными плечиками – А. Н. Кирпичников связывает с восточно-прибалтийскими образцами (*Кирпичников,* 1966. С. 13–14), относя к охотничьему оружию (рогатинам). Назначением всех сулиц А. Н. Кирпичников также считал скорее охоту, указывая при этом и возможность боевого их применения (Там же. С. 13, 19, 23). Черешковые дротики – в целом немногочисленная категория находок. В погребениях Залахтовского могильника преобладают втульчатые наконечники, число черешковых наконечников мало, их размеры не позволяют уверенно отделить небольшие

[8] Благодарим А. В. Михайлова за любезную консультацию.

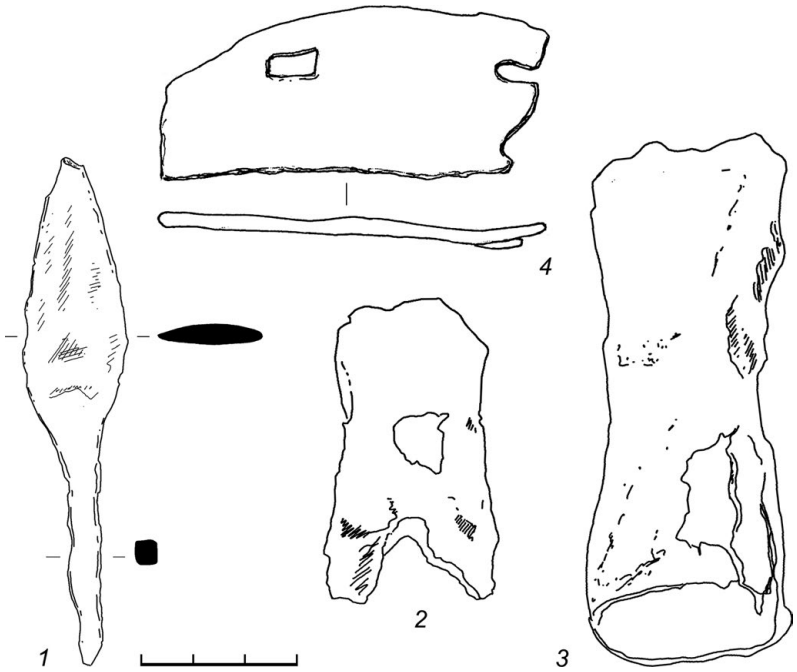


Рис. 5. *1* – наконечник стрелы (дротика?), *2, 3* – тесла, *4* – фрагмент подковы. *1–4* – железо

дротики от наконечников стрел (*Хвощинская,* 2004. С. 95–96). Небольшая серия наконечников черешковых дротиков была открыта в мужских захоронениях Которского погоста (*Соболев*, 2019а. С. 375; 2019б).

Если сопоставить рассматриваемый наконечник со стрелами, то он может быть отнесен с вариантом 2 типа 61 – остролистные – по А. Ф. Медведеву (*Медведев,* 1966. С. 73), отличаясь квадратной в сечении формой черешка. По пропорциям (отношению длины и ширины пера) он может быть отнесен к ранней группе, датируемой интервалом VIII–XI вв. А. Ф. Медведев отметил, что наконечники с без упора при переходе от черешка к перу более характерны для северной части древнерусской территории.

Также в музее Сланцевской школы находится половина небольшого струга – инструмента с ножевидным лезвием и двумя поперечными черенками (у описываемого экземпляра половина лезвия и один из черенков обломаны). Находки инструментов деревообработки в целом более характерны для поселенческих слоев, в погребальных памятниках такие находки практически не встречаются. Исключение составляют три мужских погребения Залахтовского могильника (180, 181, 186) (*Хвощинская*, 2004. С. 102).

Среди попавших в руки авторов железных изделий выделяется серия ножей с широким тонким лезвием (сравнительно широкое лезвие при общей тонкости спинки и всего клинка – их важный типологический признак).

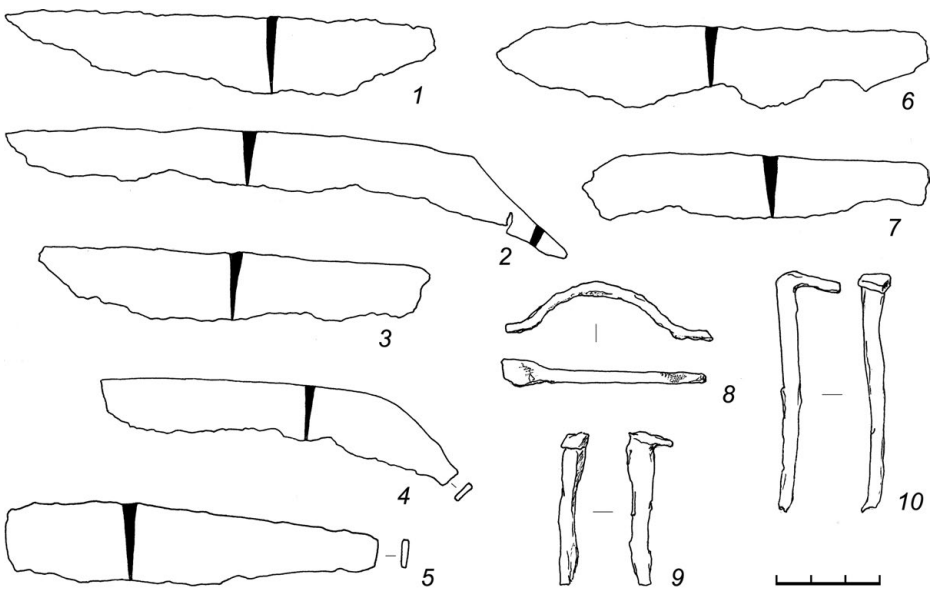


Рис. 6. Ножи и костыли. *1–10* – железо

Предметы сильно корродированы, только у двух сохранились отогнутые вниз черенки. Один из ножей – с угловатым перегибом на месте перехода клинка в черенок (рис. 6: *2*) – можно отнести к так называемым ножам-косарям, хорошо известным в римское время на территории Эстонии (*Лаул, Тыниссон,* 1991. С. 90, рис. 5; *Lang,* 2007. P. 142, fig. 78). С. Лаул и Э. Тыниссон датировали орудия этого варианта II веком, отметив их распространение в Северо-Восточной Эстонии. Прочие изделия (рис. 6: *1, 3–7*) можно отнести к ножам-косам по терминологии Лаул и Тыниссона, к 1-й группе ножей-кос их классификации (ножи-косы с прямым ножевидным клинком). Орудия этой группы датируются от II–III вв. до сер. I тыс. (*Лаул, Тыниссон,* 1991. С, 90, рис. 6). Похожие ножи неоднократно находили к востоку от Эстонии, в каменных могильниках Ижорского плато (Удосолово, Керстово, Малли, Ратчино) (*Михайлова и др.*, 2015. С. 109; *Стасюк,* 2012. С. 66, рис. 2: 4).

Для Восточного Причудья важно отметить также набор железных предметов из кургана 46 в могильнике Залахтовье (ранее его в контексте находок римского времени уже рассматривал В. С. Кулешов (*Кулешов,* 2005. С. 188–189)) – два ножа с характерными широкими тонкими клинками и горбатыми спинками, три кельта или тесла. Контекст этой находки не вполне ясен: железные предметы, а также бронзовое поясное кольцо и отдельные разрозненные кости человека (три черепа, кости рук и ног) лежали на дне неглубокой (всего 18 см) ямы, впущенной в полу кургана. По мнению автора раскопок, яма была вырыта в кургане «в недавнее время» (*Хвощинская,* 2004. С. 222, табл. CXI). Не исключено, что это тоже результат кладоискательства.

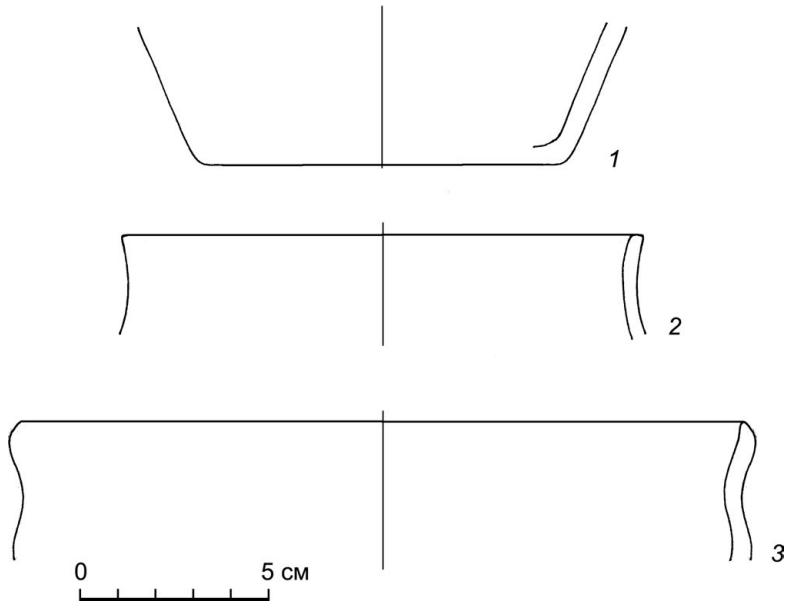


Рис. 7. Керамика. Реконструированные формы

Два железных тесла или кельта из случайных находок у д. Калихновщина (рис. 5: *2, 3*) имеют аналогии в уже упомянутом комплексе из кургана 46 в Залахтовье (*Хвощинская,* 2004. Табл. CXI: 18–20) и в каменных могильниках Ижорского плато (*Рябинин*, 1994. С. 25, рис. 2: 1; *Юшкова*, 2015. С. 193 рис. 2: 16).

Собранные на территории могильника Калихновщина железные гвозди и костыли (рис. 6: *9, 10*), возможно, свидетельствуют о совершении части захоронений в деревянных конструкциях. Хотя столь же вероятно, что часть из них была собрана на ближайших полях и не связана с разрушенными погребальными комплексами. То же можно сказать о фрагменте подковы (рис. 5: *4*)[9].

Описываемая коллекция практически не включает в себя украшений, что, впрочем, не удивительно, учитывая способ ее формирования. Исключение составляют два перстня. Один из них – замкнутый, гладкий, неорнаментированный, изготовленный из бронзовой проволоки пятиугольного сечения. По наружной грани перстня ребро, по верхней грани идет неглубокая выемка (рис. 2: *3*).

Второе кольцо, также изготовленное из бронзы, более сложное (рис. 2: *4*). Его шинка имеет уплощенно-линзовидное сечение с приливами, имитирующими накладку по сторонам от оправы для вставки. Каст (оправа) – восьмиугольный, глухой, орнаментированный по ранту имитацией зерни, вставка отсутствует – вероятнее всего, она была стеклянной.

[9] По мнению К. В. Шмелева, фрагмент подковы может быть соотнесен с типами, характерными для XVI–XVII вв. Авторы благодарны за любезную консультацию.

Датировка или надежное отнесение обоих украшений к какому-то определенному хронологическому периоду затруднена. Первый из них мог бытовать начиная со времени развитого Средневековья, второй же скорее относится к более позднему времени.

Следами раннего обитания близ устья р. Чермы могут быть также мелкие фрагменты сравнительно тонкостенной неорнаментированной лепной керамики, собранные одним из авторов в 1996 г. Вся керамика лепная, оранжевых и светло-коричневых тонов, довольно тонкостенная, изготовлена с примесью дресвы. Все собранные фрагменты невелики по размеру; частично реконструировать можно только два или три сосуда, все они слабо профилированы (рис. 7).

Таким образом, публикуемая коллекция двусоставна. Первая часть включает в себя ряд предметов, которые могут относиться к первым векам нашей эры. Вторая – широко датируемые вещи, бытовавшие в хронологическом интервале XI–XVII вв. Большая часть артефактов происходит из разрушенных погребений курганно-жальничного могильника Калихновщина. По нашему мнению, именно в одном из ограбленных курганов и были найдены меч, копья и топор, переданные А. Н. Кирпичниковым и С. Г. Поповым в Гдовский музей, и копья, уже хранящиеся в фондах музея (*Кирпичников, Попов*, 2012. С. 93–97). Меньшая часть находок происходит из сборов на окрестных полях. Степень сохранности и непонимание научной ценности определили судьбу артефактов – быть выброшенными на краю ограбленной курганной группы.

Литература и архивные материалы

Археологическая карта Гдовского у., составленная В. Н. Глазовым // Научный архив ИИМК РАН. РО. Ф. 37. Д. № 4.

Бектинеев Ш. И., 1987. Весы и гирьки-разновесы X–XIV вв. из Белоруссии // Советская археология. № 1. С. 231–238.

Глазов В. Н., 1900. Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде С.-Петербургской губ. // Научный архив ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. Д. № 50.

Давидан О. И., 1987. Весовые гирьки Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 28. С. 119–126.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Вып. II. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1–36).

Кирпичников А. Н., Попов С. Г., 2012. Меч с Чудских берегов // Ладога и Ладожская земля в эпоху Средневековья. Вып. 3 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Нестор-История. С. 90–101.

Кулешов В. С., 2005. Памятники культуры Tarandgräber на северо-западе Европейской части России // Альманах молодых археологов. 2005. По материалам II Международной студенческой конференции «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири» / Гл. ред. В. Е. Еременко. СПб.: Нестор-История. С. 183–198.

Лаул С., Тыниссон Э., 1991. О развитии древних форм серпов и кос на территории Эстонии // Muinasaja teadus, I. Arheoloogiline kogumik. Lk. 90–101.

Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука. (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-36).

Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2014. Археолог Владимир Нилович Глазов // Археологические вести. Вып. 20. С. 395–426.

Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2015. В. Н. Глазов и его исследования на Северо-Западе России // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 7. Липецк. С. 163–178.

Михайлова Е. Р., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Федоров И. А., Шмелев К. В., 2015. Полевые исследования Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г. С. Лебедева СПбГУ в 2012–2013 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук. Охранная археология. № 5. С. 107–122.

Монгайт А. Л., 1951. Археологические заметки // КСИИМК. Вып. XLI. С. 124–137.

Моця О., Скороход В., 2020. Протоміста Подесення в процесі одержавлення регіону. Вип. I. Шестовицький археологічний комплекс. Київ; Чернігів.

Павлова К. В., 1972. Хозяйственные постройки XII–XIII вв. на детинце древнего Новогрудка // КСИА. Вып. 129. С. 77–83.

Рябинин Е. А., 1994. К проблеме этногенеза води // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: памяти Д. В. Бубриха: сб. науч. тр. / Отв. ред. О. М. Фишман. СПб.: Рос. этногр. музей. С. 23–29.

Соболев В. Ю., 2019а. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли // Земля наша велика и обильна: сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография. С. 368–378.

Соболев В. Ю., 2019б. Копьё и топор. Оружие в средневековых погребениях запада Новгородской земли // Stratum plus. № 5. С. 113–121.

Спицын А. А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб. (Материалы по археологии России; № 29).

Стасюк И. В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н. э. // Stratum plus. № 5. С. 65–88.

Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К., 1939. Раскопки в Новгородском кремле в 1938 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 5. Новгород. С. 3–17.

Хвощинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин. 290 с. + 135 табл.

Юшкова М. А., 2015. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // Археологические вести. Вып. 21. С. 187–198.

Dannenberg H., 1894. Die deutschen Münzen der sächsischen und fränkischen Kaiserzeit. Bd 2. Berlin. 138 S.

Lang V., 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu University Press. (Estonian Archaeology; 3). 298 p.

* * *

Михайлова Елена Робертовна, *к. и. н., Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com*

Соболев Владислав Юрьевич, *Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: vlad.sobolev@gmail.com*

Ю. В. Колпакова

Янтарные кресты XVI–XVIII вв. в Пскове в контексте свидетельств путешественников[1]

Резюме. В статье ставится вопрос о возможности датирования группы янтарных крестов из раскопок в Пскове периодом позже XV века. Приводится обзор янтарных крестов с поздними датировками из музейных собраний России. Автор делает попытку выявить комплекс типологических признаков, свойственных янтарным нательным крестам позднего Средневековья – Нового времени: 1) трапециевидные, расширяющиеся к концам лопасти; 2) завершение одной из вертикальных лопастей углом (ромбовидная лопасть); 3) изображение креста на Голгофе с монограммами; 4) завершение лопастей в виде трех закруглений.

Ключевые слова: Псков, христианство, нательные кресты, янтарные кресты, предметы личного благочестия.

Yu. V. Kolpakova. Amber Crosses of the 16th–18th Centuries in Pskov in the Context of Travelers' Testimonies

Abstract. The article considerers possibility of dating a group of amber crosses from excavations in Pskov to the period later than 15th century. An overview of late dated amber crosses from museum collections in Russia is given. The author tries to identify a set of typological features characteristic of amber pectoral crosses of the late Middle Ages – Early modern period. They are 1) trapezoid, widening towards the ends of the cross; 2) diamond-shaped, ending one of the vertical bars with an angle; 3) image of the Golgotha cross with monograms; 4) with the bars of the cross, ending in the form of three roundings.

Keywords: Pskov, Christianity, pectoral crosses, amber crosses, private devotion objects

Бытование крестов из янтаря в период позднего средневековья и Нового времени – явление в общих чертах небезызвестное, однако не получившее до сих пор сводного рассмотрения документированных свидетельств.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-000 15 «Антропология дороги: коммуникации русско-белорусского пограничья в XIV–XVIII вв.».

The study was funded by RFBR and BRFBR, project number 20-59-000 15 «Anthropology of the road: communications of the Russian-Belarusian borderland in XIV–XVIII centuries».

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.90-100

Янтарные кресты предшествующего времени (X–XV вв.) достаточно хорошо изучены, тема обеспечена региональными обзорами по Великому Новгороду, Пскову и Изборску, Киеву и Поднепровью, Владимиро-Суздальской земле, Рязанскому княжеству и др. (*Розенфельдт*, 1978; *Зоценко*, 1985; *Полубояринова,* 1994; *Колпакова*, 2004, 2013; *Родина*, 1998, 2002; Янтарные украшения...; Нагрудные кресты..., 2013; *Милованов*, 2012; *Смирнов*, 2018).

Обратим внимание на то, что датировка самых поздних из янтарных крестов, рассмотренных в классической археологической литературе, формально обрезана по линии 1500, а точнее 1478 года. В контексте истории археологических исследований это понятно: Е. А. Рыбина пишет о торговле прибалтийским янтарем до XV века включительно (*Рыбина*, 2001. С. 65–80), Р. Г. Шаповалов приводит статистику янтарных изделий до 1500 года (*Шаповалов,* 2000. С. 150–157) – не оттого, что после этого янтарные изделия исчезают, а оттого, что таковы хронологические рамки исследования, заданные периодизацией политической истории Великого Новгорода. Тем не менее, в археологической хронотипологии остаются усеченные по верхней границе датировки. По Б. А. Колчину: «крестики четырехконечные» – с 2 десятилетия XIII в. до XV в. включительно (*Колчин*, 1982. С. 171–174). Точно так же – в соответствии с хронологическими рамками работы – по М. Д. Полубояриновой, владимиро-суздальские янтарные кресты и бусы не выходят за рамки XI–XIV в. (*Полубояринова*, 1994. С. 75–82).

Поводом для повторного исследования археологических контекстов псковских находок послужило выявление некоторого количества упоминаний подарков из янтаря в письменных источниках XVII в., связанных с путешествиями по России и сопредельным территориям иностранцев, как находящихся на русской службе, так и участвующих в посольствах.

«Написал к моей возлюбленной и ее матери и послал возлюбленной янтарный крест со слугой Якобсом», писал Патрик Гордон в 1664 г. (*Гордон*, 2003. С. 147). В данный момент автор дневника, пребывая на русской службе, находился в районе театра русско-польских боевых действий и лишь готовился к вступлению во второй брак.

В 1686 году он снова писал о покупке креста: «Мы доехали до Мемеля... Повсюду здесь море, особенно при шторме, выбрасывает янтарь, что на польском берегу вольны собирать все там живущие, а на бранденбургском – никто, кроме назначенных к его сбору... Февраля 24... Я дал горничной 15 пенсов и купил янтарный крест, чарку и 3 браслета за 4 ½ талера» (*Гордон*, 2009. С. 92).

«Ларчик из янтаря» упомянут в долгом перечне даров Алексею Михайловичу, привезенных голландским посольством 1664–1665 гг., описанном Николасом Витсеном (*Витсен*, 1996).

Мероприятия по докупке чрезвычайно дорогих янтарных изделий в Кёнигсберге в качестве посольских даров Бранденбургского посольства описывал посланник Скультет в своем отчёте о поездке 1673 г. В инструкции курфюрста Скультету содержались указания приобрести к уже имеющимся дарам различные дополнения: среди них были янтарный ларец, три подвесных люстры

из янтаря и два «таких же» светильника, чаша из янтаря с крышкой. (*Hirsch*, 1906. С. 272–273).

Часть свидетельств отчетливо группируется вокруг Кёнигсберга. Как отмечают исследователи истории янтаря, в жизни янтарщиков этого региона в XVI и XVII вв. происходили важные изменения.

По данным современных исследований, с 1500 г. янтарное дело было организовано со стороны Тевтонского ордена, а затем герцогства Прусского, следующим образом: в замке Лохштедт располагался янтарный мастер или магистр (Bernsteinmeister), который исполнял свои обязанности по договору с Великим магистром Ордена. В зону ответственности «янтарного мастера» входили охрана побережья, сбор янтаря и концентрация его в «янтарной камере» замка для учета и сортировки по качеству и размеру. Оттуда янтарь поступал в Кёнигсберг для дальнейшей торговли крупными партиями по всему янтарному пути позднего средневековья. В замке Фишхаузен (современный г. Приморск) с ноября 1525 года располагались Янтарный и Береговой суды, которые выносили решения о наказании за нарушение регламентов (некоторое время они не действовали, но с 1644 г. Янтарный суд был восстановлен в Гермау).

В 1581 году «янтарная палата» и «янтарный мастер» переместились в епископский замок Гермау (современный пос. Русское), в 1693 г. – в охотничий замок курфюрста в поселке Пальмникен (современный пос. Янтарный), позже – в замок Фишхаузен (*Зацепин* и др., 2017. С. 48–49). В самом Кёнигсберге дворцовая янтарная мастерская функционировала с 1360 года (Там же. С. 49), но при этом в городе обработка янтаря была запрещена. Это в целом характерно для истории янтарного промысла – центры обработки основной части янтаря были разнесены с местами его массовой добычи. При этом, как отмечают исследователи, янтарные цеха действовали в городах Брюгес (ныне Брюгге, Бельгия), Любек (Германия), Столп (Слупск, Польша), Данциг (Гданьск, Польша), Кослин (Кошалин, Польша), Кольберг (Колобжег, Польша), Эльбинг (Эльблонг, Польша). С XIV в. существовали мастерские во Львове (Там же. С. 49).

Письменные источники свидетельствуют, что в середине 1580-х был создан союз янтарных цехов с центром в Данциге. В него вошли цеха Кольберга, Столпа и Эльбинга. Янтарный цех в Кёнигсберге был организован последним на побережье Балтийского моря – в 1663 г. Он был и самым малочисленным, но от этого не менее знаменитым (*Герловска, Герловски*, 2011. С. 62).

Основной продукцией западноевропейских мастерских были «предметы церковного обихода (чётки, запрестольные образа, распятия, подсвечники, небольшие домашние алтари, рельефы и фигурки святых) и светского назначения (люстры, кубки, сосуды, чашки, бокалы, фляги, ручки столовых приборов, шкатулки и ларцы, мелкие личные вещи, скульптура, шахматы, рамы для зеркал и мозаичные панели, инкрустированные мебель и музыкальные инструменты)» (*Зацепин* и др., 2017. С. 49).

Как справедливо отмечает исследовательница истории янтарного дела З. В. Костяшова, «в европейских странах, куда Реформация не проникла,

по-прежнему делались четки, фигурки святых и кресты» (Балтийский янтарь..., 2007. С. 42). Эта продукция была востребована в качестве статусных подарков.

В Эрмитаже и сейчас хранится распятие второй половины XVII века с предстоящими Марией и Иоанном, изготовленное из резного наборного янтаря в Кёнигсберге, ларцы из Кёнигсберга и Гданьска (Балтийский янтарь ..., 2007. С. 42, 47, 50, 65). В Оружейной палате Московского Кремля сохранился ряд янтарных изделий XVII–XVIII вв., часть которых была позже передана в Музей янтаря в Калининграде, в том числе – трость русского патриарха предположительно немецкой работы 1-й пол. XVII в., декоративные тарелки XVII в. из непрозрачного рисунчатого янтаря, янтарное католическое распятие конца XVII в., двухъярусная янтарная шкатулка немецкой работы XVII в. (*Костяшова*, 2007).

Поток в Россию изысканных янтарных изделий не прервался и в XVIII в., и, как известно, апофеозом его стало изготовление на заказ Янтарной комнаты. Первоначально в 1701–1707 гг. в Берлине работами руководил копенгагенский дворцовый мастер Готфрид Вольфрам, в 1717 г. комната была торжественно подарена прусским королем Вильгельмом Фридрихом I русскому царю Петру I и позже смонтирована в Санкт-Петербурге (*Плоуг*, 2007. С. 58).

В документах Царского Села упоминаются не дошедшие до наших дней янтарные предметы, в 1765 г. переданные из кладовых Камерцалмейстерской части императорского Двора, в том числе семь немецких шкафов и поставцов из дерева, облицованных янтарной мозаикой. В царскосельских описях XVIII века упоминаются 29 культовых предметов из янтаря – кресты, распятия с дарохранительницами (Янтарь из собрания..., 2005). Это преимущественно крупные изделия, предметы интерьера.

Таким образом, письменные и материальные свидетельства поступления в Россию янтарных изделий из прибалтийских цеховых и дворцовых мастерских имеются в достаточном количестве.

При этом в описи русских дворцовых драгоценностей не попадали предметы личного благочестия, которые бытовали у простого, хотя и зажиточного населения. По данным археологии, письменных источников и устных свидетельств, нам известны кресты, которые приобретал и отсылал в Москву Патрик Гордон, крест из могилы Анны Ларионовны Голенищевой-Кутузовой (Ушаковой), а также есть ряд археологических находок, которые позволяют точечно отслеживать существование традиции.

Из янтарных крестов, происходящих из раскопок в Пскове, 14 не могут быть уверенно связаны с традиционным периодом бытования средневековых крестиков из янтаря – с X–XV вв. Типологически часть из них относится к XIV–XV вв. по Б. А. Колчину, однако стратиграфические данные указывают на необходимость омоложения датировки. Из этих 14 предметов к слоям XVI–XVII вв. мы можем твердо отнести 4 находки из раскопок на ул. Ленина (ПЛ-83-V, № 126; ПЛ-86-XIII, № 27; рис. 1: *1, 2*), из Петровского-IV 2000 г. (Петр IV-2000, № 994; рис. 3) и Никольского-IV 2012 г. раскопов (НИК-IV-2012, № 91; рис. 4). У этих крестов есть определенные общие признаки – три из них

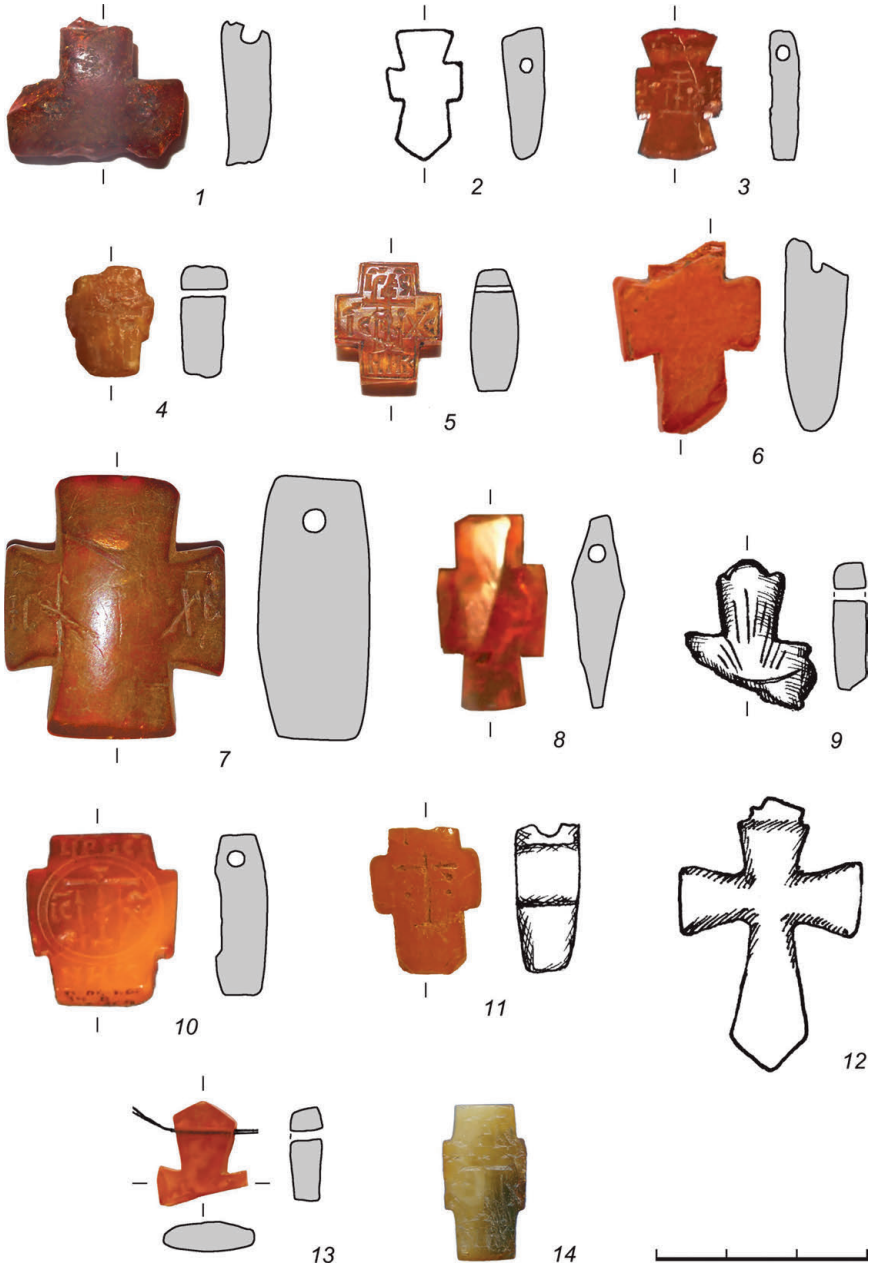


Рис. 1. Позднесредневековые янтарные нательные кресты из раскопок в Пскове:
1 – ПЛ-83-V, № 126; *2* – ПЛ-86-XIII, № 27; *3* – Петр IV-2000, № 994; *4* – НИК-IV-2012, № 91; *5* – П-93-ЛУБ I, № 12; *6* – БОГ-XX-2000, № 115; *7* – БОГ-XXVI-03, № 24; *8* – БОГ-XXXII-2004, № 230; *9* – БОГ- XXXIV-2005, № 30; *10* – БОГ- XXXIV-2005, № 264; *11* – ПН-81, № 204; *12* – П-92-УБ, б/н, № пол. 1; *13* – П-ПЕТР-XIV-2011, № 23; *14* – НТ-VI-2008, № 364

миниатюрные (рис. 1: *2, 3, 4*), два имеют верхнюю и нижнюю лопасти в виде сильно расширяющейся к концу трапеции с различным завершением (рис. 1: *2, 3*), на двух крестах процарапана композиция в виде креста на Голгофе с Орудиями Страстей (рис. 1: *3, 4*).

Еще 2 креста из Лубянского раскопа 1993 г. и Богоявленского XX раскопа 2000 г. происходят непосредственно из и из-под сооружений XV–XVI вв. (П-93-ЛУБ I, № 12; БОГ-XX-2000, № 115; рис. 1: *5, 6*). Первый из этих крестов также миниатюрный, с довольно искусно гравированной голгофской композицией и надписями «ЦРЬСЛ», «IC», «XC», «NИК» под титлами (рис. 1: *5*).

Предположительно, с меньшей точностью датировки по слою к ним можно добавить 4 находки из Богоявленских раскопов (БОГ-XXVI-03, № 24; БОГ-XXXII-2004, № 230; БОГ- XXXIV-2005: № 30, № 264; рис. 1: *7–10*). Два креста разных пропорций: крупный равноконечный и средний вытянутых пропорций обладают трапециевидно расширенными лопастями (рис. 1: *7, 8*), на боковых лопастях первого процарапаны высокие буквы надписи «IC», «XC» и крест с косой перекладиной (рис. 1: *7*), один из крестов украшен аккуратной резьбой в виде голгофской композиции в круге с надписями «ЦРЬСЛ», «IC», «XC», «NИК» под титлами (рис. 1: *10*), напоминающей вышеупомянутую находку из Лубянского I раскопа (рис. 1: *5*).

Два креста из раскопок на ул. Некрасова и Лужском раскопе контекстно связны с перемешанным слоем, и мы не можем быть уверены в дате выпадения предметов в слой (ПН-81, № 204; рис. 1: *11*; П-84-УЖ, № 2 (фрагмент). Крест из раскопок на ул. Некрасова также содержит голгофскую композицию. Вероятно, с сооружением XVIII века или с перемешанным слоем по контексту связан крупный крест с ромбической нижней лопастью, обнаруженный на Лубянском раскопе (П-92-УБ, б/н, № пол. 1; рис. 1: *12*). Неясен контекст обнаружения фрагмента креста с ромбической лопастью из Петровского XIV раскопа (П-ПЕТР-XIV-2011, № 23; рис. 1: *13*) и Новоторговского VI раскопа (НТ-VI-2008, № 364; рис. 1: *14*), где помимо нательного креста с гравированным изображением креста на Голгофе с Орудиями Страстей найден дисковидный янтарный медальон с аналогичной голгофской иконографией – вероятно, часть чёток.

Часть перечисленных изделий можно визуально объединить по нескольким группам признаков. Среди них: 1) трапециевидные, расширяющиеся к концам лопасти; 2) завершение одной из вертикальных лопастей углом (ромбовидная лопасть); 3) изображение креста на Голгофе с монограммами. Некоторые признаки индивидуальны на псковском материале – такие, как 4) завершение лопастей в виде трех закруглений. Однако, как показал подбор аналогов, четвертый признак таже является значимым. Размер, судя по всему, не имеет датирующего значения, хотя нельзя не отметить серию миниатюрных изделий буквально в рамках одного размерного ряда.

Если сравнить выделенную коллекцию с крестами X–XV вв. и охарактеризовать кресты XVI–XVIII вв. методом от противного, то среди поздних изделий не будет прямоугольноконечных крестов с удлиненной верхней лопастью, будет меньше изделий с короткими боковыми лопастями.

При этом жесткого хронологического водораздела по концу XV века между ними не будет: кресты с изображением креста на Голгофе встречаются с последней четверти XIV в., так же как и некоторые разновидности трапециеконечных крестов с не столь ярко выраженным расширением лопастей. Наблюдаемая разница признаков между крестами X–XV вв. и крестами XVI–XVIII вв. скорее статистическая, она менее заметна на конкретном предмете.

В других регионах, судя по опубликованным данным, такие находки также есть. Среди них кресты из раскопок 1989 г. в Переяславском кремле, из Житного раскопа 2005 г. в Переяславле, из раскопок 2006 г. в Переяславле и Коломне (*Остапенко*, 2015. С. 125, 140; *Мазуров и др.*, 2002. С. 169–172). В Эрмитаже хранится новгородский крест XVI в. из «собрания И. П. Попова – М. Б. Александровой» из каленого красного янтаря в обкладке из золоченого серебра (Балтийский янтарь..., 2007. С. 82–83. Кат. № 34). Известен крест из раскопок Крестовоздвиженского некрополя последней четверти XVIII – начала XIX в. города Иркутска, имеющий изящные вытянутые пропорции и трехчастное завершение лопастей (*Благова*, 2020. С. 32, 61. Цит. по: *Бердников*, 2017. С. 170).

В коллекции Государственного исторического музея, согласно данным Госкаталога музейного фонда РФ, хранится не менее 7 поздних янтарных крестов. В их числе:

– нательный янтарный крест II половины XVIII в. с трапециевидно расширяющимися боковыми лопастями и гравированным Голгофским крестом, орудиями Страстей и надписями «ІС» «ХС»; над крестом вместо надписи ІНЦИ – три палочки с точками, возможно, попытка написать «ЦІ» (Госкаталог, № 24671746; ГИМ 54722/2852, ПЯ 332);

– фрагментированный нательный янтарный крест, предположительно, 2-й половины XVIII в. (Госкаталог, № 24671747, ГИМ 54722/2853, ПЯ 333);

– крестик, идентичный по форме находке из Лубянского раскопа 1992 г. – с ромбической нижней лопастью и трапециевидно расширяющимися верхними лопастями (по атрибуции ГИМ: XVIII в. либо I половина XIX в., предположительно (Госкаталог, № 24671757; ГИМ 53142/1271; ПЯ 258);

– крестик идентичный по форме утраченной находке из раскопа на ул. Ленина – с трапециевидно расширяющимися лопастями и со снятыми по ребрам фасками (по атрибуции ГИМ: предположительно, XVII/XVIII в. (Госкаталог, № 24671845, ГИМ 71075, ПЯ 282);

– равноконечный миниатюрный янтарный крест XVII в. с резным образом Спаса Нерукотворного в латунной золоченой прорезной оправе с надписями «ИС» «ХС» и простой резьбой (Госкаталог, № 24671851, ГИМ щ4717, ПЯ 318);

– крестик близкий по форме и размерам находкам из Петровского XIV раскопа и раскопа XIII на ул. Ленина – небольшой, предположительно, XV в., с верхней и нижней ромбическими лопастями, с трапециевидно расширяющимися боковыми лопастями со скругленным контуром края и сточенными фасками (Госкаталог, № 24671806, ГИМ 93039, ПЯ 401);

– крестик, близкий по форме и размерам находкам из Богоявленского XXXIV раскопа и его аналогам – миниатюрный, со слабо выраженными ло-

пастями, изображением креста на Голгофе с орудиями страстей и надписями «IC» «XC» (Госкаталог, № 24671839, ГИМ щ5043, ПЯ 275, по атрибуции ГИМ: XVIII – начала XIX вв.).

В фондах Эрмитажа хранится крестик, датированный XIX в. и идентичный по форме и пропорциями находке из Богоявленского XXVI раскопа – равноконечный с трапециевидно расширяющимися лопастями и стертой надписью (Госкаталог, № 9708844; КПГЭ.1951–67/247, ЭРКм-567).

Также в Таллинне при раскопках некрополя Спасо-Преображенского собора в 1967 г., были найдены три нательных креста из янтаря. Храм до начала XVIII вв. был цистерцианским, с 1716 г. стал православным. Эти находки чрезвычайно важны, поскольку составляют небольшую, но очень представительную коллекцию, которую можно анализировать без риска смешать ее часть с древнерусскими тельниками.[2]

Кресты из таллинской коллекции характеризуются такими чертами: 1) трапециевидные расширяющиеся лопасти; 2) завершение одной из вертикальных лопастей углом (ромбовидная форма лопасти); 3) наличие благочестивых надписей: IHS (Iesus Hominum Salvator) для латинской веры и IC XC NIKA (Иисус Христос, Ника), ЦРЬ СЛКИ (Царь Славы; с ошибкой) для православной. Обращается на себя внимание тот факт, что выраженное трапециевидное расширение лопастей характерно и для определенной группы монументальных каменных крестов в Европе.

Особенности таллинской коллекции позволяют подтвердить значимость выделенных признаков формы и иконографии для датировки балтийских янтарных крестов из раскопок на территории России.

По итогам обзора можно наметить 3 поздних типа янтарных крестов:

1) кресты с вырезанной или процарапанной композицией Голгофы и надписями, в том числе, разновидности:

– прямоугольноконечные с процарапанным голгофским крестом и надписями (их бытование начинается с последней четверти XIV в.);

– тяготеющие к равносторонним пропорциям: с прямоугольными концами, трапециевидными концами, с приподнятыми кверху боковыми лопастями и характерной иконографией страстей в круге (последние встречаются и в перламутровом исполнении);

2) кресты вытянутых пропорций с сильно расширяющимися к концам лопастями, в том числе разновидности с завершением вертикальных лопастей углом;

3) кресты с гравированным изображением Распятия: в том числе разновидность с трехлепестковым завершением лопастей и разновидность с удлиненными прямоугольными лопастями и «сиянием» в средокрестии.

Резюмируя, хочется добавить, что поздние янтарные кресты-тельники и кресты от четок – это не массовое, но аутентичное своей эпохе явление русской материальной культуры. Их следует рассматривать в археологии как полноценный

[2] За возможность знакомства с данной коллекцией сердечно благодарим Rimas Šimkunas, магистранта Тартуского университета.

датирующий и информативный материал. При обнаружении их в спорном слое они, наряду с курительными трубками разных видов, изразцами и стеклянной посудой, могут выступать как аргументы в пользу уточнения датировки.

Вероятнее всего – и судя по данным письменных источников – в XVI–XVIII вв. источником посольских даров и частных заграничных подарков в виде предметов христианского культа, привозимых путешественниками в Россию, был Балтийский регион и традиционные места обработки балтийского янтаря (Гданьск, Кёнигсберг). Поднепровский янтарь появится в структуре восточноевропейской торговли лишь в XIX веке.

Поздние нательные янтарные кресты в целом нельзя отнести к шедеврам янтарного дела, каковыми являются знаменитые изделия мастеров европейских янтарных цехов. Открытым остается вопрос о точных местах производства этих крестиков. Например, на Мемель как место покупки указывает лишь единичное свидетельство Патрика Гордона. Предположим, что изготовление небольших предметов личного благочестия, судя по их кустарному качеству, было побочным продуктом деятельности цехов, и, вероятно, исполнялось учениками или не самыми видными мастерами. Учитывая строгий контроль над оборотом янтаря, трудно предположить существование широкой торговли изделиями вне официальных объединений. Однако и введенный запрет на обработку янтаря, неподконтрольную дворцовой мастерской, в городе Кёнигсберге позволяет предположить, что попытки мелкой нелегальной торговли имели место.

Привлекает внимание и такое явление, как ошибки в православных надписях и небрежность техники их нанесения. На наш взгляд, ошибки возникали под рукой зарубежного мастера при нанесении надписей в стремлении удовлетворить спрос приезжего заказчика. Некоторые надписи и композиции креста на Голгофе, возможно, были процарапаны на крестах владельцами после их приобретения уже в России.

Литература

Балтийский янтарь в собрании Государственного Эрмитажа: каталог выставки. СПб.: Славия, 2007. 92 с.: ил.

Бердников И. М., 2012. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 11, вып. 7. С. 164–178.

Благова Н. В., 2020. Русские погребальные комплексы Сибири и кресты-тельники как исторический источник: выпускная квалификационная работа бакалавра по направлению подготовки 46.03.01. История. Томск. 69 с.

Витсен Н., 1996. Путешествие в Московию. 1664–1665: Дневник / Пер. со староголланд. В. Г. Трисман. СПб.: Симпозиум. 272 с.

Герловска Г., Герловски В., 2011. Продажа сырья и распространение изделий из янтаря в XVI–XVIII веках // Торговые пути янтаря: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 июня 2011 г.). Калининград. С. 55–83.

Гордон П., 2003. Дневник, 1659–1667 / Ред. М. Р. Рыженков; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. М.: Наука. 315 с.

Гордон П., 2009. Дневник, 1684–1689 / Ред. М. Р. Рыженков; пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. М.: Наука. 339 с.

Госкаталог – Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru (дата обращения: 26.08.2022).

Зацепин М. И., Ермак А. В., Костяшова З. В., Кулаков В. И., Сивкова С. Г., Литвинов Н. Н., Попов М. П., 2017. Янтарный мир: 70 лет Калининградскому янтарному комбинату: монография. М.; Калининград; Янтарный: Московская первая типография. С. 48–49.

Зоценко В. Н., 1985. О происхождении и использовании янтаря в Киеве (X – первая половина XIII в.) // Археологические исследования Киева 1978–1984 гг. Киев. С. 137–142.

Колпакова Ю. В., 2004. Каменные и янтарные нательные кресты Пскова и Изборска // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50-го заседания. Псков. С. 102–110.

Колпакова Ю. В., 2013. К осмыслению роли крестиков из камня и янтаря в религиозной жизни средневековых псковичей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го заседания (2012 г.). Псков. С. 48–60.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М. С. 171–174.

Костяшова З. В., 2007. Коллекция Калининградского музея янтаря // Современные янтарные коллекции: состав, принципы формирования и особенности использования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 июня 2007 г.). Калининград.

Мазуров А. Б., Алексеев А. В., Жданов А. Н., 2002. Раскопки в Коломне // Археологические открытия 2001 г. М.: Наука. С. 169–172.

Милованов С. И., 2012. Янтарные и каменные предметы импортного происхождения из раскопок городища Старая Рязань (изделия из пирофиллита, драгоценных и полудрагоценных камней) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань: Изд-во Рязанский ист.-архитектур. музей-заповедник. С. 77–89.

Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. Н. А. Кокорина. Владимир, 2013. 76 с.: ил.

Остапенко А. А., 2015. Христианские древности Рязанской земли XI–XVI вв. (мелкая пластика): дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М. 237 с.

Плоуг М., 2007. Коллекция Датского Музея янтаря // Современные янтарные коллекции: состав, принципы формирования и особенности использования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 июня 2007 г.). Калининград. С. 56–62.

Полубояринова М. Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения: материалы науч. конф., посвящ. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября – 2 октября 1992 г.). Великий Новгород: Тип. «Новгород». С. 75–82.

Родина М. Е., 1998. Янтарные украшения из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Историческая археология. Традиции и перспективы. М. С. 196–201.

Родина М. Е., 2002. Изделия из полудрагоценных камней в археологических коллекциях Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Городецкие чтения. Вып 3. С. 191–192.

Розенфельдт Р. Л., 1978. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М.: Наука. С. 197–208.

Рыбина Е. А., 2001. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород. 389 с.
Смирнов Ю. М., 2018. Находки янтаря в средневековом Муроме: к вопросу о торговых связях // Сообщения Муромского музея – 2017: материалы отчётной конференции Муромского ист.-худож. музея. Владимир. С. 181–183.
Шаповалов Р. Г., 2000. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород. С. 150–157.
Янтарь из собрания Государственного музея-заповедника «Царское Село»: каталог. Калининград, 2005. 80 с.: ил.
Hirsch F., 1906. Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg. Band 19: Politische Verhandlungen. Berlin: G. Reimer. 907 c.

* * *

Колпакова Юлия Вячеславовна, *к. и. н., Псков, Псковский государственный университет, e-mail: pskov-sova@mail.ru*

ИСТОРИЯ ПСКОВЩИНЫ: ГОРОД И ЛЮДИ

Е. А. Яковлева

На псковских рубежах (памяти А. Н. Кирпичникова)

Резюме. Статья посвящена памяти известного русского археолога А. Н. Кирпичникова, который был тесно связан с Псковской землей не только научными интересами. В публикации сделан акцент на общественную и просветительскую деятельность ученого последних лет, направленную на сохранение и популяризацию объектов культурного наследия Псковской области.

Ключевые слова: Анатолий Николаевич Кирпичников; общественная деятельность; культурное наследия Псковской области

E. A. Yakovleva. At the Pskov Frontiers (in Memory of A. N. Kirpichnikov)

Abstract. The article is dedicated to the memory of the famous Russian archaeologist A. N. Kirpichnikov, who was closely connected with the Pskov land not only by scientific interests. The publication focuses on the public and educational activities of the scientist in recent years, aimed at preserving and popularizing the objects of cultural heritage of the Pskov region.

Keywords: Anatoly Nikolaevich Kirpichnikov; public activity; cultural heritage of the Pskov region

«История должна помогать современной жизни,
должна ее окрылять, должна ее упрочнять и
должна ее продолжать уже на новом уровне».
А. Н. Кирпичников. «Псковская губерния», май 2009 года

16 октября 2020 года не стало Анатолия Николаевича Кирпичникова. Идет время, но чувство большой потери и нехватки этого человека во многих делах и проблемах только возрастает.

В марте 2021 года вышел в свет второй номер журнала “Studia Slavica et Balcanica Petropolitana” («Петербургские славянские и балканские исследования») за 2020 год, где коллеги и друзья со всей страны и ближнего зарубежья собрали небольшие воспоминания и посвящения Анатолию Николаевичу. И наш семинар помнит его.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.101-110

Псковская область, ее люди и памятники всегда занимали особое место в жизни Анатолия Николаевича. Здесь жили его друзья и родственники, здесь встретил он свою жену Ольгу Александровну Кондратьеву, здесь находились многочисленные объекты его научных интересов: древние крепости; реалии Ледового побоища и знаменитых оборон-осад Пскова от войск Стефана Батория и армий Густава Адольфа; мечи псковских князей Всеволода-Гавриила и Довмонта; свидетельства иностранцев о Пскове и многое другое.

Уже начиная с первых работ 1957 года военная история древнего Пскова постоянно присутствует в работах Кирпичникова. Из опубликованного списка трудов, состоящего из почти 700 наименований, псковская тематика напрямую или в виде отсылок присутствует почти в четвертой части его научных и просветительских публикаций.

Когда Анатолий Николаевич впервые появился в Пскове, установить уже сложно. Оказалось, что о псковских страницах его жизни второй половины прошлого века мы знаем не так уж и много.

По воспоминаниям И. К. Лабутиной, в январе 1969 года он приезжал на похороны Ю. П. Спегальского, великого Хранителя псковского зодчества, которого хорошо знал и с которым «сдружился» в 1949 году во время совместной работы в ЛОИА СССР. Известно о том, что Спегальский подарил Кирпичникову литографии «Двор на Званице», «Плавучий мост» и «Нижние решетки» с посвящениями. Их счастливый обладатель пояснял: «Они написаны языком древних грамот и воспринимаются то ли в шутку, то ли всерьез. Пусть читатель извинит откровенный, личный характер этих надписей, не предназначавшихся для публикации, составленных с озорством и остроумными поворотами» (*Кирпичников*, 1999. С. 98–101).

Идеи Спегальского о выдающейся ценности средневековой псковской архитектуры Кирпичников поддерживал и продвигал всю жизнь.

Летом 1979 года у стен и башен Окольного города, на участке от Варлаамских ворот до Высокой башни, прошли раскопки под руководством Кирпичникова. К оборонительным сооружениям этой крупнейшей в Европе крепости ученый обращался неоднократно, высоко оценивая ее значение в истории России.

Одна из основных научных тем – история фортификаций Северо-Западной Руси – познакомила его с жизнью малых городов и поселений Псковской области, некогда бывших грозными крепостями: Велья, Опочки, Острова, Гдова, Порхова. Их археологическое исследование имело значение не только для академической науки, но и легло в основу краеведения, дало импульс для развития интереса и внимания к Истории и Наследию на местах.

В 1974–76 гг. Кирпичников занимался раскопками крепости в д. Велье Пушкиногорского района. Там и сегодня практически «на общественных началах» работает уникальный музей, где представлены материалы его исследований. Он сам подготовил их для экспозиции, помогал с оформлением. Вопросы о судьбе уникальных купеческих усадеб, археологизированных остатков крепости, самого исторического поселения были подняты им в 2010 году на выездном заседании губернаторского Совета по культурному наследию. Редко

когда удавалось вытащить столь представительное собрание в такую глубинку, чтобы решать наболевшие вопросы на самом высоком уровне.

Директор порховского музея в 1990–2005 гг. Людмила Тимофеевна Васильева вспоминает: «...когда Порхов призывал Кирпичникова – он всегда приходил на помощь». В 1987–1989 гг. усилиям специалистов совместно с Г. В. Проскуряковой, Н. Н. Масленниковой, И. А. Эрф, А. П. Гагариным, М. А. Миролюбовым А. Н. Кирпичниковым была проведена огромная работа по подготовке 850-летия первого упоминания города в летописи. Впервые на столь высоком уровне удалось провести юбилей малого города, добиться понимания со стороны местной власти значимости не только самого праздника, но и его социокультурного содержания.

Гдов всегда будет помнить своего почетного гражданина – А. Н. Кирпичникова, так много сделавшего для понимания исторического значения этого маленького городка на побережье Чудского озера. Раскопки в крепости (1978), участие в возрождении Свято-Державного Димитриевского собора (1989–91), подготовка монографии «Крепость древнего Гдова» (2000), воссоздание бюста Александра II (2018), ежегодный фестиваль реконструкции «Ледовое побоище», ходатайства об улучшении жилищных условий сотрудников, поиски путей реставрации крепости, консервация и атрибутирование меча X в. из местного музея и ремонт самого музея – все эти и другие важные для Гдова дела происходили при самом активном участии Кирпичникова. Он всеми силами поддерживал идею создания военно-исторического и природно-ландшафтного музея-заповедника «Ледовое побоище». «Сдвинуть вопрос с мертвой точки, преодолеть сопротивление чиновников, безразличие людей, от которых зависело многое – ему это удавалось», – вспоминает директор гдовского краеведческого музея Н. Л. Сингатуллова.

В последние годы ни одно значимое событие в сфере культурного наследия Псковской области не проходило без участия Анатолия Николаевича. Его «возвращение» в Псков пришлось на 2002–2003 годы, сложные для псковской археологии, в период борьбы против «плит» – свайных фундаментов, которые предлагались строительным лобби как альтернатива спасательным раскопкам и чуть ли не универсальное средство сохранения культурного слоя. Тогда авторитетные и уже яростные голоса В. В. Седова, А. Н. Кирпичникова, С. В. Ямщикова, И. Б. Голубевой, Б. Н. Харлашова в защиту древнего Пскова позволили приостановить на псковских рубежах эту напасть.

В 2003 году при раскопках под руководством автора статьи были обнаружены подземные части построек подворья Снетогорского монастыря, подвалы Евфимиевской церкви, служившие основанием уникальному сооружению XVI в. – столпообразному храму-колокольне. Удивительная колокольня обратила на себя внимание голландского путешественника XVII в. Николаса Витсена, материалы странствий которого издал Кирпичников. Радость открытия была недолгой: через прекрасно сохранившиеся средневековые сооружения должна была пройти труба магистрального водопровода. Кирпичников активно включился в нашу борьбу: писал куда только можно, давал интервью, выступал в СМИ.

И все же труба была проложена, а дома «на плите» на «Золотой набережной» и на ул. Некрасова – построены. Впору было признать поражение и заняться другими делами, но активный профессиональный отпор, во острие которого тогда встал А. Н. Кирпичников, на долгие годы вперед сформировал устойчивый общественно-резонансный «иммунитет» от новых попыток беспрепятственного и невежественного самоуправства в вопросах сохранения археологических памятников древнерусских городов.

Большую поддержку псковским археологам Анатолий Николаевич оказал в 2006–2008 годах, когда вследствие неуклюжих административных действий нового руководства археологам пришлось покинуть Псковский музей-заповедник и начать самостоятельный путь, который в итоге привел к созданию нового государственного бюджетного учреждения культуры – «Археологического центра Псковской области».

В начале 2009 года по его инициативе и при активной поддержке в Москве, в Совете Федерации, прошла выставка «Сокровища древнего Пскова: находки и открытия». Она имела успех и широкий общественный резонанс, позволивший псковской археологии укрепить свои позиции.

«Ради дела я готов стать мостиком между любыми сторонами конфликта и непонимания». И он стал таким связующим звеном между властью и профессиональным сообществом. В 2008–2017 гг. Кирпичников был увлечен идеей создания, а затем и самой работой Общественного совета при губернаторе Псковской области под председательством А. А. Турчака. Подобный Совет был одним из первых в России. Состоялось более 20 заседаний (несколько прошло в формате рабочих групп) и каждое становилось событием региональной культурной жизни. Это был прямой, очень нужный, хотя и не всегда простой диалог.

В апреле-августе 2011 года в Себеже на Замковой горе при подготовке к юбилею города было начато благоустройство и готовилась установка нового памятного знака. Работы не были согласованы ни с местными жителями, ни с органом охраны объектов культурного наследия. В результате возникла угроза уничтожения того самого памятника, которому собирались отмечать юбилей – «Городище и посад. XV–XVII вв.». Благодаря в том числе авторитету и мудрости заместителя председателя Совета, советнику губернатора Псковской области по культурному наследию А. Н. Кирпичникову, были проведены спасательные раскопки под руководством Б. Н. Харлашова, получены уникальные материалы по истории Себежа, снята общественная напряженность, скорректирован внешний облик монумента.

Кирпичников не уставал повторять простую мысль: в Псковской области нет залежей алмазов, нефти и газа, но есть не менее ценный ресурс развития – уникальное культурное наследие, имеющее не только научный интерес, но и стратегическое значение для развития региона. Уделите ему и людям, работающим с ним, достойное внимание и все вернется сторицей.

Историю и культуру древнего Пскова, он называл «чашей неиспитой», имея в виду богатство и пока еще малое внимание к нему со стороны специалистов и власти, недостаточность исследования и раскрытия его потенциала.

15 сентября 2020 года Анатолий Николаевич побывал в Пскове в последний раз. Он принял участие в первом заседании возрожденного при его активнейшем участии нового Совета по культурному наследию при губернаторе области «третьего созыва». В неоднократных письмах, на каждой встрече он подчеркивал его необходимость и значимость.

В тот приезд он посетил новые объекты, прошедшие реставрацию и приспособленные для музейных нужд. По воле судьбы это были те самые места, где более 40 лет назад он проводил свои раскопки: стены и башни северной части Окольного города. Их результаты использовались реставраторами. Увидел он и новые музейные пространства в Варлаамской башне и в каменных палатах Постниковых XVII в., о необходимости особого отношения к которым, как и к другим памятникам каменного гражданского зодчества Пскова, он всегда говорил...

В прощальном слове на смерть великого русского археолога известный политик и публицист Лев Шлосберг, хорошо знакомый с Кирпичниковым по работе в Совете, писал (*Шлосберг*, 2020): «23 апреля 2009 года после ... долгого интервью в Археологическом центре Псковской области Кирпичников эмоционально произнес: “Так, за Псков надо выпить!” и попросил принести коньяк. Его глаза светились радостью и даже какой-то хитростью. Всем своим видом он говорил: “Все получится, все преодолеем, все сделаем!”. Он был воодушевлен, одухотворен и окрылен разговором о культуре и духовно родном ему городе. Переживший блокаду, советскую власть и разруху безвременья, великий гражданин и ученый был великим историческим оптимистом. Теперь эта воля и эта вера стали его завещанием Пскову и всей России. Коллеги по науке и общественным трудам звали его между собой (и он это знал) просто: Кирпич. Теперь Кирпич навечно лежит в великой стене русской культуры. Держит ее на себе. Не сдвинется с места».

Литература

Кирпичников А. Н., 1999. Автографы Юрия Павловича Спегальского // Псков: Памяти Юрия Павловича Спегальского. 1909–1969 / Отв. ред. Т. В. Медникова. Псков: Изд-во Обл. гос. центра народного творчества. С. 97–100.

Шлосберг Л., 2020. Оруженосец истории [Электронный ресурс] // Псковская лента новостей. 17.10.2020. Url: https://pln-pskov.ru/society/394222.html (дата обращения 15.11.2021)

* * *

Яковлева Елена Александровна, *Псков, АНО «Псковский археологический центр», e-mail: lensanpsk@yandex.ru*

Рис. 1. Общественный совет по культурному наследию при Губернаторе Псковской области. Весна 2010 г. Пушкиногорский район, с. Велье (слева направо: Е. А. Яковлева, И. Б. Голубева, А. Н. Кирпичников, Л. М. Шлосберг, директор школы в д. Велье О. А. Козырева, И. И. Лагунин) (фото Р. Г. Подгорной)

Рис. 2. На конференции, посвященной 1100-летию первого упоминания Пскова в летописях (А. Н. Кирпичников, В. В. Седов, Н. Ф. Левин)

Рис. 3. На торжественном мероприятии, посвященном Ледовому побоищу. Гдовский район, д. Кобылье Городище (с о. Олегом, настоятелем храма св. блгв. Александра Невского в Пскове) (фото Н. Л. Сингатулловой)

Рис. 4. На заседании Совета по культурному наследию. Председатель Совета – Турчак А. А., заместитель председателя – Кирпичников А. Н. 2010 год. (фото Л. М. Шлосберга)

Рис. 5. Первое заседание Совета по культурному наследию в Изборском музее. Вручение А. Н. Кирпичникову подарка к дню рождения – символического кирпича. 25 июня 2009 года (фото Р. Г. Подгорной)

Рис. 6. На раскопках в Кремле (А. Н. Кирпичников, А. В. Михайлов, С. В. Белецкий, С. А. Салмин) (фото Е. В. Салминой)

Рис. 7. Псковские коллеги в гостях у Староладожской экспедиции. 2012 г. (фото Р. Г. Подгорной)

Рис. 8. Передача копии меча Довмонта владыке Псковскому и Великолукскому Евсевию. 2011 г. Псковский Кремль (фото из открытых источников)

Рис. 9. «Раскопкам быть!» После встречи с горожанами по поводу установки памятного знака на Замковой горе в Себеже (фото Л. М. Шлосберга)

А. Б. Постников

Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского 1477 г. и его вновь открытый список 1732 г.

Резюме. С 2008 г. автором этих строк проводилась работа по выявлению и научному описанию наличного состава документов XVI–XVIII вв. в собрании Древлехранилища Псковского музея. Результатом ее стало издание полного обозрения старинных актовых материалов этого архива (*Постников*, 2013). В составе Обозрения были описаны две грамоты XVII в., относившиеся к вотчинному архиву Елеазарова монастыря. Кроме того, при исследовании рукописных фондов Древлехранилища были открыты и новые списки 1732 г. с прежде неизвестных псковских харатейных грамот XV в., также происходивших из этой обители. При проведении архивных изысканий в составе переплета рукописи из фонда Псковской духовной консистории была обнаружена тетрадь на восьми листах, содержавшая списки с 21 харатейной грамоты. Это полные документы и их фрагменты. Все они некогда находились в архиве Трехсвятительского монастыря, о чем свидетельствует надпись в начале этой тетради: «Копии с харатейных крепостей Елеозарова м(о)н(а)ст(ы)ря». Один из вновь открытых документов уже был опубликован автором в статье «Харатейные грамоты Елеазарова монастыря – новый источник для изучения древнепсковской письменности» (*Постников*, 2017. Ч. 1. С. 273–287). Там же было рассказано об истории происхождения копийной тетради, приведено ее палеографическое описание. Остальные документы также готовятся к печати в составе монографической работы.

В настоящей статье предлагается вниманию опыт изучения еще одного акта из числа документов, обнаруженных в составе Копийной тетради Трехсвятительской обители. Это грамота № 19 по порядку следования в сборнике. Она представляет собой уже известный в историографии памятник письменности – Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского. Однако до сих пор его текст был знаком историкам и филологам по публикации И. Я. Бередникова, осуществленной в 1836 г. Впоследствии подлинная харатейная грамота была утрачена. Ее вновь найденный список 1732 г. является в настоящее время древнейшим из известных. Кроме того, список отличается некоторыми особенностями, что побуждает к его отдельному археографическому исследованию, поскольку это редкий документ эпохи Псковского вечевого государства, имеющий самостоятельное историческое значение. В статье прослеживается судьба подлинной харатейной грамоты и четырех ее списков, предлагается новая версия для уточнения хронологии написания завеща-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.111-143

ния в январе 1477 г. Впервые по оригинальным рукописям публикуются буквальные тексты двух списков грамоты, составленных в 1732 и 1800 гг. Они сравниваются с текстами других списков, известных по изданиям 1836 и 1906 гг.

Ключевые слова: харатейная грамота, духовное завещание Евфросина Псковского, Елеазаров монастырь, список, рукопись, Древлехранилище Псковского музея.

A. B. Postnikov. The Spiritual Testament of St. Euphrosyne of Pskov (1477) and his Newly Discovered Script (1732)

Abstract. Since 2008, the author of these lines has been working to identify and scientifically describe the available composition of documents of the 16th–18th centuries in the collection of the Pskov Museum's Ancient Repository. The result of it was the publication of a complete review of the ancient assembly materials of this archive. As part of the Review, two letters of the 17th century were described. They belonged to the patrimonial archive of the Eleazar monastery. In addition, during the study of the manuscript funds of the Ancient Repository, new scripts were discovered with previously unknown Pskov charate letters of the 15th century, also originating from this monastery and dating back to 1732. During the archival research, as part of the binding of the manuscript from the fund of the Pskov Spiritual Consistory, an eight-sheet notebook containing lists with 21 parchment letters was found. Those are complete documents and their fragments. All of them were once in the archive of the Three-Holy Monastery, as evidenced by the inscription at the beginning of this notebook: "Copies from the parchment letters of Eleozarov monastery." One of newly discovered documents has already been published by the author in the article "Parchment letters of the Eleazar Monastery – a new source for the study of the Ancient Pskov script". History of origin of the copy notebook was also discussed, its paleographic description was given. The remaining documents are also being prepared for printing as part of a monographic work.

This article presents the experience of studying another act from among the documents found in the Copy Book of the Three-Holy Monastery. This is act No. 19 in the order of the document's collection. It is already a well-known monument of writing in historiography – the Spiritual Testament of St. Euphrosyne of Pskov. However, until now, its text was familiar to historians and philologists from the publication of I. Ya. Berednikov (1836). Subsequently, the original parchment charter was lost. Its newly found script of 1732 it is currently the oldest known. In addition, the script differs in some features, which prompts its separate archaeographic study, since it is a rare document of the Pskov Veche state era, which has an independent historical significance. The article traces fate of the original parchment charter and its four scipts, a new version is proposed to clarify the chronology of the writing of the will in January 1477. For the first time, according to the original manuscripts, the literal texts of two lists of letters, compiled in 1732 and 1800, are published. They are compared to the texts of other scripts known from the editions of 1836 and 1906.

Keywords: parchment charter, spiritual testament of Euphrosyne of Pskov, Eleazar Monastery, script, manuscript, Ancient repository of the Pskov Museum.

История издания и исследования текста духовной грамоты Евфросина

Святой преподобный Евфросин (ок. 1386 г. – 1481 г.) был основателем псковского пустынножительства, он прославился суровым подвижничеством и духовными писаниями, а также как защитник сугубой аллилуйи и творец первого известного на Руси сохранившегося общежительного монастырского Устава (*Серебрянский*, 2013. С. 218–273).

Собственное рукописание древнерусского подвижника – один из редчайших памятников письменности Средневековой Руси. Подлинная харатейная грамота с духовным завещанием Евфросина сберегалась в Елеазаровском монастыре более 400 лет. Примечательно, что духовное завещание святого Евфросина – это единственный документ среди харатейных грамот Елеазарова монастыря, который был сохранен в самой обители от изъятия и уничтожения после вотчинной тяжбы 1732 г. и секуляризации 1764 г. Его удалось удержать внутри обители лишь потому, что это было прижизненное творение самого преподобного. Харатейную грамоту как реликвию содержали сначала в монастырском архиве и библиотеке, а потом при гробнице святого Евфросина до конца XIX в., но затем она оказалась похищена и бесследно пропала. Так что уже в начале XX в. о ней вспоминали в прошедшем времени.

До сих пор текст завещания был знаком исследователям по двум позднейшим спискам, которые были опубликованы в 1836 и 1906 гг. Оттого вновь обнаруженный нами список 1732 г. с духовного завещания Евфросина является в настоящее время древнейшим из известных. Хотя его физическое состояние довольно ветхое, с многочисленными утратами основы с фрагментами текста, но эти недостатки могут быть восполнены благодаря сличению с другими дошедшими до нас списками.

Кроме того, в настоящей работе к исследованию впервые привлекается еще один сохранившийся псковский рукописный список 1800 г., который сам по себе еще не являлся предметом особого изучения.

Первым исследователем, обратившим внимание на «Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского», был архиепископ Псковский Евгений (Болховитинов). С февраля 1816 г. до января 1822 г. он возглавлял Псковскую епархию и здесь изучал местные древности, обращаясь к монастырским архивам и библиотекам. В период своего служения на местной кафедре он продолжал свои занятия по сбору исторических сведений о местных святынях и древностях, составлял первые описания ряда действующих монастырей и готовил материалы для «Истории княжества Псковского». Кроме того, в 1818 г. преосвященный Евгений подготовил к изданию составленный им «Словарь исторический о бывших в России писателях духовнаго чина Грекороссийския церкви». В нем среди биографий русских книжников была помещена статья о преподобном Евфросине Псковском. Там сообщается, что сей подвижник «оставил для братии своей *Завещание* и довольно изрядный в 25 главах *общежительный устав*. Первое уцелело до ныне подлинником и писано на пергамене полууставом, с приложением в засвидетельствование свинцовой печати Новгородскаго Архиепископа Феофила, в Епархии коего состоял тогда Псков. Печать сия, величиною в грошевик, привешена на зеленом не сученаго шелку снурке, имеет с одной стороны изображение Святыя Троицы в виде трех Ангелов за столом, а на обороте строчная подпись *Θеофилъ Архиеписъ Великаго Новагорода и Пскова*» ([*Евгений (Болховитинов)*], 1818. С. 173–174).

Позднее, уже в качестве митрополита Киевского и Галицкого, Евгений (Болховитинов) издал в 1831 г. «Историю княжества Псковского», в третьей части которой содержится «история псковской церковной иерархии». Там

в кратком описании «Елизарьева Трехсвятительскаго» монастыря также упоминается духовное завещание Евфросина с уточнением о его местонахождении. «В Монастырской библиотеке доныне сохраняется и подлинное Духовное Завещание Преподобнаго Евфросина, писанное на пергамене с свинцовою печатью Новгородскаго Архиепископа Феофила» (*Евгений (Болховитинов)*, 1831. С. 98). Таким образом выясняется, что первоначальным местом хранения грамоты была книжница обители, по-видимому, совмещенная с архивом.

Впоследствии к этому письменному памятнику обратился профессиональный археограф и источниковед Яков Иванович Бередников (1793–1854) (*Плетнев*, 1854). В 1830–1834 гг. он участвовал в Археографической экспедиции П. М. Строева, обследуя библиотеки и архивы целого ряда русских монастырей, в том числе тех, что действовали тогда на территории Псковской губернии. Находясь в Спасо-Елеазаровом монастыре, Я. И. Бередников сделал рукописную копию с хранившейся там подлинной харатейной грамоты с духовным завещанием святого Евфросина. Ему принадлежит заслуга первой публикации текста завещания в собрании «Актов... Археографической Экспедиции». Тем самым он ввел этот замечательный памятник в научный оборот. Подготавливая публикацию сего акта, он обозначил его дату указанием: «Прежде 1479» г. В конце текста им были сделаны некоторые палеографические уточнения относительно внешнего вида и формы документа, а также сведения о скреплявшей грамоту печати, которая послужила источником для датировки: «Подлинник писан уставом на пергамене. В конце, на зеленом шелковом шнурке, привешена печать средней величины с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой надписи в кружке: Ѳеофил Архиепископ Великого Новагорода и Пскова. – Хранится в Псковском Спасо-Елеазаровом монастыре». Однако никаких пояснений к содержанию публикуемых документов в издании ААЭ сделано не было, поскольку это не входило в задачу Комиссии (ААЭ, 1836. № 108. С. 83).

В середине XIX в. подлинное духовное завещение преподобного, писанное на харатье, уже находилось при его гробнице в Трехсвятительском храме. Вероятно, к тому времени монастырские власти осознали значимость грамоты как святыни и решили переместить ее из библиотеки внутрь храмового четверика на южную стену для поклонения богомольцев и назидания монашествующих. Профессор С.-Петербургской духовной Семинарии соборный иеромонах Иосиф в своем очерке, посвященном истории Елеазаровской обители, оставил описание грамоты на новом месте. «При гробнице преподобнаго Евфросина висит за стеклом в раме полулист бумаги, с надписью “копия с Завещения преподобнаго Евфросина”. Если вам позволят полюбопытствовать, то за этою копиею увидите пергамент в осмушку, с привешенною к нему свинцовою печатию Архиепископа Новгородскаго Феофила. Вот это и есть подлинное “Завещание” преподобнаго Евфросина, которое вы можете смело поцеловать, как дорогой и даже священный предмет. Полууставное письмо сего “Завещания” не так разборчиво; но при помощи копии можете заметить главныя мысли его следующия: “братии жить вместе и пользоваться имуществом изопча”, т. е. в общем хозяйстве; “Настоятелю Харлампию братия должна повиноваться во всем”; “Немецких одежд не носить монахам”; – видно украшения, распространявшияся тогда чрез немец-

ких купцов Ганзейских городов, составляли общий соблазн. Но о сугубой аллилуии во всем “Завещании” нет ни слова <...>» (*Иосиф*, 1858. С. 12–13).

В марте 1860 г. в газете «Псковские губернские ведомости» появилась статья младшего чиновника особых поручений при псковском губернаторе Михаила Львовича Миротворцева о старинных актах Елеазарова монастыря. Статья имела археографическое значение, поскольку к ней прилагались тексты семи из девяти выявленных М. Л. Миротворцевым документов XVII века в составе копийной книги Елеазарова монастыря начала XVIII в. В предисловии к изданию автор упомянул о завещании Евфросина. Он сообщал: «Елеазаровские акты, замечательныя и по древности, и по некоторым особенностям содержания, как видно не были в руках у членов Археографической экспедиции, путешествовавших по разным краям России для обозрения монастырских и других библиотек и архивов с целию собирания старинных актов. Из бумаг Елеазарова монастыря Археографическою Экспедициею напечатано только завещание Преподобнаго Евфросина, писанное во второй половине 15 века и хранящееся открыто в соборной монастырской церкви» (*Миротворцев*, 1860а. С. 273).

Тогда же в Памятной книжке Псковской губернии за 1860 г. М. Л. Миротворцев поместил очерк под названием «Спасо-Елеазаровский монастырь», где в общих чертах представил историю обители, обратив особенное внимание на сохранившиеся там рукописные документы. Отметив, что «мощи Преподобнаго Евфросина» покоятся «под спудом в правой стене» церкви, а «над ними издавна устроена гробница», автор указал, что здесь же находится и древняя духовная грамота святого, а затем описал ее внешние особенности и вкратце изложил содержание. «Против гробницы в рамке висит копия с завещания Евфросина и под копиею хранится самое завещание, писанное полууставным церковным почерком на лоскуте пергамена в четвертку; внизу лоскутка на шелковом снурке привешена свинцовая печать Новгородскаго Архиепископа Феофила, управлявшаго паствою до 1479 года; из этого видно, что завещание писано не позже, как за два года до кончины Преподобнаго. – В нем Евфросин, закрепляя за монастырем свое и монастырское имущество, наказывает игумену с братиею не корыстоваться собственностию обители, предписывает монахам иметь общее содержание, завещает, может быть по поводу истории с Кононом, чтобы иноки и миряне, пожертвовавшие что нибудь в обитель, не требовали назад своего приношения, сделаннаго Богу, предписывает монахам не носить немецких одежд и пушных шуб и в заключение приказывает служить сорокоусты по умершей братии и по мирянах, проживших два или три года в монастыре» (*Миротворцев*, 1860б. С. 39–40). Вдобавок М. Л. Миротворцев заметил: «из завещания Преподобнаго Евфросина видно, что в его время находились в монастыре две церкви; одна во имя трех Святителей и другая – Ануфрия и Петра Афонских» (Там же. С. 39).

В 1857–1883 гг. вышел в свет фундаментальный многотомный труд митрополита Макария (Булгакова) «История Русской Церкви», основанный как на опубликованных, так и на архивных источниках (*Макарий (Булгаков)*, 1857–1883, переиздание: 1994–1996). Повествуя об уставах монастырского общежития второй половины XV–XVI в., Макарий рассмотрел содержание

всех пяти уставов, дошедших до нашего времени. Каждый из них имел свои особенности. «Самый древний из этих уставов написан около половины XV в. преподобным Евфросином Псковским для основанной им обители, и написан не в форме кратких и сухих правил, а в форме обширного наставления, в котором старец от собственного лица обращается к своей братии и подтверждает или раскрывает излагаемые правила то текстами Священного Писания, то постановлениями Соборов, то изречениями святых отцов-подвижников» (*Макарий (Булгаков),* 1996. С. 240). Преосвященный автор предположил, что «по началу Ефросинова устава можно догадываться, что он написан преподобным вскоре после основания им обители, как только построена была в ней церковь» (Там же. С. 241). Этот Устав был исследован Макарием в подлиннике по списку из сборника XVII в., находившегося в «нашей библиотеке» под «№ 100 [96]». Что же касается духовного завещания Евфросина, то о нем митрополит лишь упомянул, сославшись на его издание в первом томе ААЭ: «Под конец жизни те же правила (Устава. – *А. П.*) старец повторил вкоротке и в своем завещании братии» (Там же. С. 241, 511 (прим. № 76)).

В исследовании А. И. Никитского «Очерк внутренней истории Пскова», посвященном устройству областного быта и самоуправления в Псковской земле эпохи вечевой государственности, особый раздел посвящен состоянию церкви. Рассматривая характер управления в редких общежительных монастырях, автор сослался на опубликованное духовное завещание Евфросина, чтобы проиллюстрировать свое наблюдение относительно существования в Псковской области таких обителей, «которые хотя и не отказывались от вкупа, тем не менее, на безусловное требование вклада смотрели неблагосклонно и принимали к себе желающих без вкупа “за богорад”» (*Никитский*, 1873. С. 234).

К 1895 г. духовное завещание Евфросина было взято со старого места хранения у надгробия преподобного и перемещено в ризницу. Об этом сообщается в «Ведомости Псковскаго Спасо-Елеазарова Великопустынскаго второкласснаго мужского монастыря за 1895 год», составленной при игумене Павле (Спасо-Елеазаровский монастырь... 2016). Там записано: «За правым клиросом, у стены под спудом, почивают мощи прп. Евфросина. Над мощами устроена гробница, на которой положена древняя его икона, писанная иноком его Игнатием. При гробнице висит на стене в рамке за стеклом полулист бумаги с надписью – копия завещания прп. Евфросина. *В ризнице, в северном приделе храма, в особом ящике, сохраняется подлинное завещание*, писанное на лоскутках пергамента в осьмую долю листа, с приложенною к нему свинцовою печатью Новгородскаго архиепископа Феофила» (Спасо-Елеазаровский монастырь... 2016. С. 180–181; ГАПО. Ф. 340. Оп. 3. № 15).

О перемещении древнего документа было доложено лишь в Псковскую духовную консисторию вместе с предоставленной «Ведомостью». Но богомольцам и заинтересованным исследователям этот факт остался неизвестен. Поэтому, например, в 1904 г. смотритель Александро-Невского духовного училища архимандрит Никодим в своем очерке о псковских святых сообщал устаревшие сведения о святынях Елеазарова монастыря, заимствованные из имеющейся литературы. В частности, описывая место в церкви Трех Святителей,

где находилось надгробие Евфросина, он отметил, что «при той же гробнице за стеклом висит полулист бумаги с подписью: "*копия с завещания преподобнаго Евфросина*". Под этою копиею сохраняется подлинное завещание его, писанное на лоскуте пергамента в осьмушку, с приложенною к нему свинцовою печатию Новгородскаго архиепископа Феофила. Главныя мысли завещания: братии подвизаться в посте и молитве, призревать странных и убогих, во всем повиноваться настоятелю, пользоваться имуществом "съ опча", немецких одежд не носить. (См. у преосвящ. Филарета. Русские Святые, май, 108–110)» (*Никодим*, 1904. С. 355–356).

Профессор Киевской духовной академии В. Н. Малинин в 1901 г. опубликовал историко-литературное исследование «Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания». Первый отдел своего труда исследователь посвятил Житию преподобного Евфросина «как источнику начальной истории Елеазарова монастыря». Автор внимательно разобрал первоначальные тексты Жития святого старца, составленные двумя агиографами около 1505 г. и в 1547 г. Уточняя хронологию преемственного правления в обители трех первоначальных братьев-игуменов Игнатия, Харлампия и Памфила, В. Н. Малинин отметил, что Харлампий упоминается в записи на книге Исаака Сирина, списанной в Елеазаровом монастыре в 1472 (6980) г., а также в духовном завещании преподобного Евфросина, составленном «еще при жизни этого святого и скрепленном печатию архиепископа новгородскаго Феофила», рукоположенного в декабре 1471 г. и сведенного с кафедры в январе 1480 г. (*Малинин,* 1901. С. 3).

Далее, рассматривая вопрос о «сословном происхождении» Евфросина, В. Н. Малинин отметил его состоятельность и достаток, что следует из свидетельства источников. По сказанию Жития, во время путешествия Елеазара в Царьград состоялась его встреча с Константинопольским патриархом, который «оказал преп. Евфросину» «почетный прием» и подарил ему образ Богородицы. Эта икона впоследствии «была пожертвована преп. Евфросином в свой монастырь». «По всем соображениям преп. Евфросин был человек зажиточный, а таким лицам всегда оказывалось на востоке предпочтение <...>». Профессор также обратил внимание на то, что «о зажиточности преп. Евфросина говорит его духовное завещание. Будучи сам родом из селения Виделепьскаго, за 30 верст от города Пскова, он в то же время имеет недвижимую собственность в самом Пскове, по видимому довольно значительную, которую и завещает монастырю» (*Малинин,* 1901. С. 14). В другом месте своего исследования автор высказывается более определенно. «Каким образом у преп. Евфросина оказалась недвижимая собственность в Пскове, из жития не видно. Всего вероятнее это находится в связи с сословным происхождением преп. Евфросина. Что родители его не были из духовнаго звания, можно отчасти видеть из того, что он уклонился от принятия священства. В уставе своему монастырю преп. Евфросин говорит о себе: "не учитель, ни прозвитер есть саном". Не принадлежал он и к сословию привилегированному. <...> Отсюда представляется наиболее вероятным считать родителей преподобнаго Евфросина зажиточными собственниками из крестьян или купцов. На зажиточность преп. Евфросина, кроме духовнаго его завещания, может указывать и почетный прием, котораго

он был удостоен от патриарха константинопольскаго» (Там же. С. 27). Поскольку В. Н. Малинин работал в Киеве, он не мог видеть подлинной грамоты, хранившейся в псковском Елеазаровском монастыре, но использовал в своем сочинении текст духовного завещания, опубликованный в первом томе Актов Археографической Экспедиции (Там же. Примечания. С. 1. № 10).

В 1901–1902 гг. при игумене Кирилле в Спасо-Елеазаровском монастыре произведена полная перестройка южного теплого придела в честь Рожества Богородицы при Трехсвятительском храме. Старинный придел был снесен, а на его месте возведен новый, более вместительный. Перемены затронули и место за правым клиросом четверика, где под спудом почивают мощи святого Евфросина, а над ними находится его гробница. Во время строительных работ вместо аркосолия в стене собора была пробита ниша насквозь и устроена «арка, так что богомольцы получили возможность прикладываться к гробнице преподобного Евфросина как со стороны собора, так и со стороны придела» (Спасо-Елеазаровский монастырь..., 2016. С. 192–193).

Масштабные работы в монастыре, свидетельствующие о его благоустройстве и успешном хозяйственном положении, впоследствии привлекли внимание хищников, когда в России началась смута в период первой революции 1905–1907 гг. Тогда участились случаи грабежа церковных ризниц и кражи имущества из обителей. Волна разбойных нападений прокатилась по Псковской епархии (Похищения... [В июне описаны 12 эпизодов, в сентябре – 5, в декабре – 6. – *А. П.*]).

«В сентябре 1905 г., при игумене Кирилле, был ограблен Елеазаровский монастырь» (Спасо-Елеазаровский монастырь..., 2016. С. 212). Как сообщалось в газете «Псковские епархиальные ведомости» (Далее: ПЕВ): «Ночью на 28 сентября неизвестные злоумышленники, проникнув посредством взлома замков входных дверей в церковь и ризницу Спасо-Елеазаровскаго монастыря, похитили из сундука, хранившагося в ризнице, по взломе его замка, государственныя процентныя бумаги и документы, а также наличныя деньги, всего на сумму двадцать шесть тысяч двести пятьдесят один рубль. О похищении сообщено полиции, которою произведены осмотр и дознание, а равно сообщено о том-же в Псковское Губернское Казначейство, в местное Отделение Государственнаго Банка и Псковские Коммерческий и Городской Банки» (Похищения [Грабеж № 2. – *А. П.*] // ПЕВ. 15–31 декабря 1905 г. № 24. С. 508). Очевидно, именно тогда вместе с ценными бумагами и документами святотатцами была похищена из ризницы и подлинная харатейная грамота с духовным завещанием Евфросина. Разбойники, вероятно, даже не поняли, какая святыня попала им в руки, они могли ее уничтожить как ненужную улику, а если даже и осознали ее антикварное значение, то постарались от нее избавиться, найдя покупателя[1]. С тех пор древняя грамота пропала бесследно...

[1] Ныне приходится лишь сожалеть об утрате этой древней реликвии. Но ничего не бывает случайным. В таких обстоятельствах действует Божий промысел. Пока грамота находилась, как святыня, над гробницей преподобного Евфросина, она сохранялась при благоговейном к ней отношении и осознании ее духовного значения. Как только

В сентябре 1906 г. в «Псковских епархиальных ведомостях» появилось издание списка с рукописания Евфросина вместе с переводом славянского текста на современный русский язык (Духовное завещание...). Если бы в монастыре в то время сохранялась подлинная грамота, не было бы необходимости обращаться к тексту копии, но между тем опубликован оказался именно поздний список. Как можно видеть при сопоставлении его текста с публикацией 1836 г. это был особенный список, отличающийся написанием многих слов. Автор публикации в газете не указан. Можно предположить, что это был Н. И. Серебрянский, изучавший тогда историю монастырской жизни в Псковской земле. В пользу этого наблюдения свидетельствует такое обстоятельство: «в 1906 году Спасо-Елеазаровский монастырь издает составленное им [Н. И. Серебрянским. – *А. П.*] по просьбе настоятеля о. Иувеналия "Житие преп. Серапиона, псковского чудотворца"» ([*Пантелеимон (Губенко), иеромонах*], 2013. С. 12.). В то же время житие святого Серапиона, а также «Житие преподобного Евфросина Псковского» были опубликованы в «Псковских епархиальных ведомостях» в июле-августе 1906 г. (Житие преподобного Серапиона...; Житие преподобного Евфросина...), непосредственно перед изданием духовного завещания Евфросина Псковского, появившегося в следующем номере газеты. Данные публикации были объединены тематически для популяризации духовного наследия преподобного Евфросина и его ученика Серапиона. Отсюда следует, что все вышеназванные издания подготавливал Н. И. Серебрянский по заказу нового настоятеля Спасо-Елеазаровской обители иеромонаха Иувеналия (он был назначен игуменом вместо провинившегося Кирилла, при котором произошло ограбление монастыря).

Сей молодой и деятельный настоятель 24 августа 1906 г. подал псковскому архиепископу Арсению (Стадницкому) «докладную записку о возстановлении общежития в Спасо-Елеазаровом монастыре на строгих началах Российских пустыней», желая поднять «духовно-нравственный уровень монастырских насельников» по примеру «аскетических идеалов древнерусского монашества, давшаго нам великих преподобных святых: Евфросина, Серапиона, Никандра и др.» (К преобразованию ...). Это и побудило обратиться к текстам древних памятников письменности: Уставу и Духовному завещанию Евфросина Псковского.

Тем не менее, сам Н. И. Серебрянский не придавал своей популярной безымянной публикации в «Псковских Епархиальных Ведомостях» научного значения. К тому времени он уже завершил работу над рукописью основательных «Очерков по истории монастырской жизни в Псковской земле», увидевших свет в 1908 г. Поэтому для местной периодической печати жития псковских преподобных отцов были переложены им на современный русский язык, пересказаны и сокращены для простоты восприятия. Также и «Духовное

монастырские власти, поглощенные попечением о хозяйственном благоустройстве, утратили к ней должное почитание и переместили ее в казну, положив в сундук вместе с процентными бумагами и деньгами, то есть уравняли ее с материальными ценностями, она была похищена и уничтожена. Как тут не вспомнить о нестяжательном учении старца Евфросина, изложенном в его уставе и духовном завещании для своей обители!

завещание» было издано в переводе, но с помещением старинного подлинного текста в подстрочнике. Эта публикация оставлена им без каких-либо комментариев. Единственным уточнением служат слова в примечании: «Переведено с древней копии “Завещаннаго Писания Преподобнаго Евфросина Псковскаго Чудотворца”, славянский текст которой, с соблюдением орфографии, приводим ниже» (Духовное завещание...). Вероятно, это как раз и была та самая копия, что находилась в Елеазаровском монастыре, о которой упоминает иеромонах Иосиф: «При гробнице преподобнаго Евфросина висит за стеклом в раме полулист бумаги, с надписью “копия с Завещения преподобнаго Евфросина”» (*Иосиф (Баженов)*, 1858. С. 12–13). В таком случае ее мог предоставить Н. И. Серебрянскому настоятель обители отец Иувеналий для перевода и подготовки к изданию в газете.

Следует заметить, что при сравнении текста этой публикации с другими списками завещания XVIII–XIX вв. можно увидеть многочисленные разночтения, касающиеся написания отдельных букв, окончаний слов и передачи имен, которые разнятся с изданием Археографической Экспедиции. Всё это также указывает на то, что для газетной публикации ПЕВ использовался другой рукописный список, который бытовал при гробнице преподобного в Трехсвятительском монастыре, для чтения паломников-богомольцев. Однако этот список с подлинной грамоты был не совсем точен. Как можно видеть по его изданию в ПЕВ, он имел погрешности, иногда довольно существенные, искажающие смысл. Например, в начале грамоты (по изданию 1836 г.), где перечисляются недвижимые угодья Елеазара-Евфросина в миру есть слова: «и **отчинѣ** своей, **и исадомъ своимъ**, и клѣтемъ на городѣ, и всему сполу что **ни есть**». Между тем в монастырском списке допущены неточности воспроизведения. Вместо такого текста в газетном издании значится: «**иочинѣ** своей **и садомъ** и клѣтемъ на городѣ, и всему сполу что **ниесть**». Здесь имеются пропуски слов, союзов, их неверные соединения и разделения, влекущие за собой искажения смысла. Например, вместо рыболовецких исадов написаны некие «сады», которые воспринимаются как насаждения плодовых деревьев.

Поэтому неслучайно, что в своем труде о псковском монашестве, описывая «Духовное завещание» Евфросина, Н. И. Серебрянский ссылался на текст этого памятника, изданный в I томе Актов Археографической Экспедиции под № 108, используя его как наиболее точный список. Обратиться к подлинной грамоте для палеографического изучения он уже не успел.

Н. И. Серебрянский внимательно рассмотрел содержание завещания преподобного, отметив, что оно находится «в тесной связи с уставом» и «кратко повторяет правила общежития». При этом в своем рукописании Евфросин более подробно «говорит о вкладах и о пожертвованиях на монастырь» и «этим вопросам он посвящает более трети своего завещания». Также «в завещании подробнее, чем в уставе, изложен порядок» избрания игумена, которому передается вся власть в обители. По наблюдению Н. И. Серебрянского, «из новых правил в завещании встречаем лишь распоряжение о совершении в монастыре сорокоуста по умершим инокам и по тем из мирян, которые послужат на обитель не меньше двух-трех лет» (*Серебрянский*, 2013. С. 258–259).

При этом Н. И. Серебрянский сделал важное замечание о том, что оригинал завещания «до последнего времени хранился в монастыре, при гробнице преподобного. Теперь в монастыре нет этого ценного памятника – и неизвестно, когда и как он утрачен» (Там же. С. 258). Этим свидетельством Николай Ильич подтвердил, что пропажа грамоты произошла уже в начале XX в. Однако он умолчал об известных обстоятельствах, при которых произошла потеря[2]. С тех пор и до сего времени подлинная харатейная грамота нигде не была обнаружена. К сожалению, теперь эту священную древность следует признать утраченной.

После революции 1917 г. Спасо-Елеазаровский монастырь был закрыт и разорен. Многие его древности оказались уничтожены. Не сохранилось также и копии с «Завещаннаго Писания Преподобнаго Евфросина Псковскаго Чудотворца», висевшей над гробом святого вместе с подлинником.

В 1949 г. состоялось издание сборника «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», подготовленного к печати в Институте истории АН СССР коллективом археографов под редакцией С. Н. Валка (ГВНП). В него вошли все известные на то время грамоты XIII – начала XVI вв. двух феодальных республик. По замыслу составителей в сборник помещались как прежде изданные документы, так и те, что были выявлены вновь при подготовке данного издания. Таким образом, впервые в значительном объеме были систематизированы и собраны воедино древнейшие актовые материалы Новгородской и Псковской земли «времен их государственной самостоятельности (до 1478 г. для Новгорода и до 1510 г. для Пскова)». Однако исчерпывающей полноты в подборе актов составителям сборника достичь не удалось. Так, духовное завещание преподобного Евфросина по неизвестным причинам не было включено в общий состав псковских грамот, хотя авторам сборника был хорошо известен первый том «Актов Археографической Экспедиции», где оно было впервые опубликовано. При этом на ААЭ делались ссылки, оттуда же заимствовались извлечения грамот для переиздания. Кроме того, духовные грамоты как таковые были помещены среди новгородских и псковских актов этого сводного издания. В чем же причина такого забвения, отчего духовное завещание Евфросина не было добавлено к псковским грамотам данного сборника? Возможно, на это указывает оговорка в предисловии, сообщающая о том, что «две грамоты оказались не включенными, хотя они и должны были бы войти в том. Это – церковный устав кн. Всеволода и грамота церкви Ивана на Опоках. Они оказались вне данного тома, так как, по существующим предположениям, отдельный том будет отведен уставным церковным грамотам и обе эти грамоты предназначены ко включению именно в этот том» (ГВНП. С. 4.). Но духовное завещание Евфросина по форме и виду документа никак не являлось уставной грамотой, хотя в нем и оговаривались преимущественно уставные правила

[2] Монастырские власти, чувствуя свою вину за недосмотр и утрату бдительности при охране обители, а может быть, по причине опасения за свою жизнь при ограблении, не смогли оказать сопротивления разбойникам и предотвратить беду. Оттого они стыдливо скрывали свою оплошность, не желая огласки.

монастырской жизни после смерти старца. Однако остается лишь догадываться, что завещание Евфросина могло бы попасть в предполагаемый к изданию второй том, который так и не появился. В этой связи следует признать, что составители сборника сделали досадное упущение. Впоследствии такой недостаток отразился на отсутствии рукописания Евфросина среди набора известных документов эпохи Псковского вечевого государства, который использовали исследователи актового источниковедения.

Осознавая крайне малое количество известных текстов грамот Псковского господарства, Л. М. Марасинова поставила себе целью найти их новые списки в более поздних документах. Исследуя псковские столбцы XVII в. из архивных собраний Пскова и Москвы, она обнаружила новые копии с 29 прежде неизвестных псковских грамот XIV–XV вв., одну подлинную харатейную грамоту и 4 новых списка с уже знакомых актов. Среди открытых ею источников был выявлен замечательный документ 1459–1465 гг. – «Данная сябров Великопольской земли старцу Евфросину и игумену Игнатию на землю под монастырь» в списке 1678 г. (*Марасинова*, 1966. С. 61–62). Автору удалось точно локализовать участок пожалованной земли, датировать грамоту и связать ее с начальным этапом устроения обители еще при жизни преподобного ее основателя. В этой связи следовало ожидать, что тема изучения древнего архива Елеазарова монастыря получит в работе Л. М. Марасиновой дальнейшее развитие с привлечением других известных письменных источников XV в. Однако Л. М. Марасинова не рассматривала духовное завещание преподобного Евфросина как самостоятельный памятник вечевой эпохи и не включила его в состав актовых материалов изучаемого периода. Хотя она публиковала списки с таких грамот, сравнивая их с прежде изданными текстами, но ей не был известен какой-либо рукописный список этого документа. Кроме того, в ее обзор опубликованных псковских земельных актов XIII–XV вв. даже не попала ссылка на издание этого завещания, осуществленное Я. И. Бередниковым в ААЭ (Там же. С. 5–9).

Позднее к опубликованному тексту духовного завещания обращались преимущественно как к литературному и церковно-каноническому памятнику, продолжая сравнивать его содержание с общежительным уставом Елеазарова монастыря.

Так, Т. В. Круглова, исследуя устройство псковских монастырей в XIV–XV веках (*Круглова*, 1991. С. 116–117), вслед за Н. И. Серебрянским отмечает: «Свои взгляды на монастырское устройство Ефросин изложил в двух документах: иноческом уставе и духовном завещании. <...> Духовное завещание Евфросина датируется временем не позднее 1479 года на основании свинцовой печати, скреплявшей грамоту. Печать содержала имя архиепископа Великого Новгорода и Пскова Феофила (1472–1480). <...> Евфросин изложил в уставе основные принципы устройства и жизнедеятельности основанного им монастыря. В завещании главные из этих положений даны в сжатой и лаконичной форме. <...> Вслед за [Суздальским архиепископом – *А. П.*] Дионисием, грамоту которого он положил в основу своего устава, Евфросин полагал, что в монастыре все имущество должно быть общим <...>. “А который чернець или

белець, даст что в обитель святых святитель и преподобного Отца Ануфреа церкви, в область из добрые воли, спасениа ради душа своеа, такоже и милостыню, а не вкуп, занеже вкупа несть в монастыре, ино того не искати на игумене и на чернецехъ, занеже то дано святеи церкви, ни игумену ни братьи..." [ААЭ, 1836. С. 82–83]. В этом положении духовного завещания Евфросин еще раз подчеркнул, что в монастырь принимается только добровольный вклад, данный не игумену и монахам, а церкви; он решительно выступал против распространенной в других монастырях вкупы» (*Круглова*, 2000. С. 13–15).

В 1991 г. вышел «Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника», составленный Н. П. Осиповой. Среди показанных в нем древностей есть описание литературно-агиографического сборника 1800–1810 гг., созданного в Пскове. Как явствует из приведенных записей, в 1845 г. эта рукописная книга принадлежала псковскому купцу Ивану Михайлову, о чем была сделана владельческая запись на л. 314. Из описания сборника можно видеть, что он содержит воинские повести и жития псковских святых, в том числе преподобного Евфросина. Вслед за «Похвалой Ефросину» следует текст под названием «Завещание Ефросина ("Копия с завещательнаго писания преподобнаго Ефросина Псковскаго чудотворца, писаннаго на пергамине") – л. 246–248» (*Осипова*, 1991. С. 134–136). Таким образом, здесь впервые в печати было отмечено существование еще одного прежде неизвестного исследователям списка с духовного завещания Евфросина. Однако Н. П. Осипова вряд ли догадывалась об этом факте и не придавала ему особого значения как открытию, поскольку не занималась изучением истории литературных памятников как таковых. Избранный ею лаконичный подход к описанию рукописей не позволял охарактеризовать содержание памятника подробнее, поскольку все произведения были представлены в Каталоге лишь заголовками и начальными словами. Несомненная заслуга Н. П. Осиповой в том, что в ее Каталоге были объединены и заявлены находящиеся в Древлехранилище источники, что облегчило поиск материалов и работу с рукописями для других исследователей, которым предстоит обращаться к отдельным памятникам письменности для их обстоятельного изучения и осмысления.

Филолог В. И. Охотникова при исследовании псковской агиографии XIV–XVII вв. тщательно разбиралась в редакциях и многочисленных списках Жития преподобного Евфросина Псковского. Ей также были известны и собственные сочинения Евфросина: его Устав, послания и духовное завещание (*Охотникова*, 2007а. С. 6). Зная о существовании двух публикаций текста духовного завещания (1836 и 1906 гг.), а также о его рукописном списке в составе привлекавшегося ею Сборника псковских произведений 1800–1810 г. из фонда И. Михайлова в собрании Древлехранилища Псковского музея (№ 229) (*Охотникова,* 2007б. С. 501), В. И. Охотникова, тем не менее, не занималась его специальным изучением[3]. Это не входило в задачу ее исследования, хотя

[3] Благодарю В. И. Охотникову за любезное уточнение о том, что при работе в столичных архивах и библиотеках с рукописями, содержащими Житие Евфросина и его Устав, ей не встречались списки с Духовного завещания преподобного. Исключение составляет

«рукописание» преподобного напрямую связано с его житием и учением, на что она все же обратила внимание, заметив, что «Евфросин оставил после себя духовное завещание, в котором он кратко излагает историю своей жизни <...>» (*Охотникова*, 2007а. С. 6).

М. В. Первушин в своей диссертации «"Житие Евфросина Псковского": История текстов, проблема авторства, идейно-содержательная специфика» (2008) также отметил, что «Евфросин Псковский был не только подвижником, но и писателем, который, кроме "Устава", написал еще несколько посланий и "Духовное завещание". Послания Евфросина дошли до нас в составе его "Жития" (Унд. 306), а текст "Духовного завещания" был издан в: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 108. С. 83; а также в: Псковские епархиальные ведомости, № 17, 1906. С. 406–409» (*Первушин*, 2008). Впрочем, упомянув эти произведения, автор диссертации не привлекал их содержания к своему исследованию.

Специальную статью, посвященную источникам Устава Евфросина Псковского, посвятила М. В. Корогодина (*Корогодина*, 2018. С. 40–47). В ней рассматривается выявленный автором рукописный Иерусалимский устав, созданный в Елеазаровском монастыре повелением святого Евфросина. Он также использовался при составлении правил иноческой жизни, разработанных преподобным для Трехсвятительской обители наряду с другими церковно-каноническими произведениями, уже отмеченными ранее Н. И. Серебрянским. По наблюдению М. В. Корогодиной, «одновременное распространение Иерусалимского и Скитского уставов, предназначенных для монастырей, устроенных по диаметрально противоположным принципам, говорит о значительном различии во внутренней жизни обителей, что, очевидно, и влекло за собой стремление игумена изложить собственные правила монастырской жизни, отражающие его взгляды на монашество. Это привело к созданию в конце XV–XVI веках целого ряда древнерусских иноческих уставов, первым из них стал Устав Евфросина Псковского. Подобные авторские уставы носили почти исключительно дисциплинарный характер, дополняя, но не заменяя богослужебные уставы, подобные Иерусалимскому или Студийскому» (Там же. С. 41). О Духовном завещании Евфросина в статье М. В. Корогодиной не упоминается, несмотря на его явную связь с Уставом. Поскольку завещание писалось позднее, чем Устав, оно, конечно, не может быть отнесено к его источникам, но, по сути, у них единое происхождение и много общего в содержании основных идей.

Итак, из обзора существующей литературы можно видеть, что до сих пор Духовное завещание преподобного Евфросина само по себе еще не являлось предметом особого изучения как памятник древней псковской письменности. Полный текст Завещания был известен по двум публикациям Я. И. Бередникова

лишь Сборник псковских произведений 1800–1810 г. из фонда И. Михайлова в собрании Древлехранилища Псковского музея (№ 229), где «Копия с Завещательнаго писания преподобнаго Евфросина...» помещена как приложение к основному тексту его Жития.

и Н. И. Серебрянского. Авторы, обращавшиеся к его содержанию, в основном сравнивали его с Уставом Евфросина. Именно на эти издания (1836 и 1906 гг.) всегда делались ссылки, поскольку подлинная грамота оказалась утраченной. Обнаружение нового списка 1732 г. побуждает нас обратиться к духовному завещанию Евфросина как актовому документу XV в., который имеет самостоятельное значение и заслуживает отдельного внимания.

Публикация и археографический обзор списков

Публикуемые тексты приводятся буквально с использованием гражданского шрифта. Сохраняются имеющиеся в словах славянские буквы: от, фита, ять, омега, кси. Титла раскрываются, и скрытые в них буквы вносятся в строку в круглых скобках. Выносные надстрочные буквы выделяются курсивом. Воспроизводятся паерки. Знаки препинания не расставляются за исключением тех, что указаны в источнике. Имена собственные и географические названия приводятся с заглавной буквы. Для списка 1732 г. сохраняется построчное расположение текста как в источнике. Утраченные части слов восстановлены в квадратных скобках по изданию 1836 г. Поскольку история происхождения Копийной тетради Елеазарова монастыря уже была нами рассмотрена в отдельной статье (*Постников*, 2017. С. 273–287), где также описаны внешние особенности рукописи и обоснована ее датировка, здесь эти сведения не повторяются.

[Около 1477 (6985) г. января до 21 дня]. – Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского.

Список 1732 г. публикуется впервые[4]**.**

ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 242. Елеазаров монастырь. О. Ф. 36622. ДОК-21512. Л. 7–8.

«‖ Л. 7 ‖ Д(у)ховная
[Во имя О(т)ца и С(ы)]на и С(вя)таг[о Д(у)ха.]
[Се азъ рабъ Б(о)жій Ефросинъ] іно[къ ходя при животѣ своемъ]
[учинихъ крѣпость манастырьскому житію и отчинѣ своей,
и исадомъ своимъ, и клѣтемъ на городѣ,
и всему сполу что ни есть: а то приказываю]
‖ Л. 7 об. ‖ Отцю своему [д(у)хо]вному игумену Х[а]р[лампію]
Служителю с(вя)тыхъ С(вя)тителей Василіа Великаго [Григоріа]
Б(о)гослова Іоана Златоустаго и пр[еп(о)д(о)бнаго]
Отца Онуфреа и всей яже о Хр(и)ст[ѣ]
братіи своей. А игумену в томъ [не ко-]
рыстоватися ни братьи моей ни кела[ремъ][5]

[4] Утраченные фрагменты текста восстановлены в квадратных скобках по изданию: ААЭ, 1836. С. 83. № 108.

[5] В слове «келаремъ» – сверху над естем написан ять, то есть исправлено по старому: «кѣларемъ».

ни по[сел]никомъ ни в монастырѣ[6] служа[щимъ;]
А ис того [ж]итія ѡкручати братью
изъ[7] ѡбчя, А которой братъ придет[ъ]
в монастырь[8] і иметь бити чело*м* игумен[у]
и всей[9] брат[ь]и, а пріяти игумен[у]
з[10] братиею по пословицѣ, А которо[й]
чернецъ или бѣлецъ дастъ что в[ъ]
ѡбитель [с](вя)тых [с(вя)тит]ель и пр(е)п(о)*д*(о)бнаго ѡ[*т*ца]
Ануфріа ц(е)ркви во ѡбласть из до[брые]
воли спасения ради д(у)ша своея, [такоже]
и милостыню, а не вкупъ: зане[же вкупа]
нѣсть в монастырѣ, ино того н[е искати]
на игуменѣ и на черньце*х*, занеже [то дано]
с(вя)тѣй ц(е)ркви ни ігумену ни братьи, [А ино]
которой чернецъ или бѣлецъ [того]
не вѕыскивали бы на с(вя)тѣй ц(е)рк[ви понеже]
[т]ѣхъ людей [правила] с(вя)тых о(т)цъ п[роклинаютъ]
[которые отнимаютъ] свое дан[іе отъ с(вя)тей ц(е)ркви
И напрасною смертію умираютъ по Б(о)жію суду.
Подобаетъ намъ и сего смотрити, како были обѣщали даръ свой
Г(о)*с*(по)деви Ананіа и Самфира и потомъ солгали Г(о)*с*(по)деви,]
‖ Л. 8 ‖ [и абіе най]де на ни*х* н[а]пра[сна] см(е)рть люта[11]
[такоже Д]аѳанъ и Авир[онъ][12] иже несо
[храниш]а заповѣди Божия [н]апрасно ихъ
[земля] п[оже]*р*ла. Такоже и намъ братие
[велми] подобаетъ блюстися о*т* та[кова]го дѣла
[поне]же тую оби*ду* намъ Б(о)гъ мс̑титъ в се*м*
[вѣцѣ] и в бу[ду]щемъ. А [по п]ра[вило]*м* с(вя)т[ы]*х* о[т(е)цъ]
[въ кел]іахъ чернецемъ не ясти р[азв]ѣ [п]раздника
[или] пиршества какого ни же[нам]ъ быти в м(а)н(а)*с*т(ы)рѣ
[ни мы]лни держати [н]и немец[ко]го платья но-
[сити] ни с пухомъ ш[у]бъ н[осит]и, а которой
[брат]ъ преставится в м(а)н(а)*с*т(ы)рѣ ино пѣти по не*м*
[соро]коустъ, а которой [по]слу[жи]тъ мир[яни]*н*

---

[6] Слово «монастырь» исправлено на «манастырь».

[7] Над ером в слове «изъ» надписана буква «о», так как в подлинной рукописи было, по-видимому, написано слитно «изоѡбчя».

[8] У слова «монастырь» над первым слогом надписана буква «а», поскольку в древней рукописи слово было написано как «манастырь».

[9] Исправлено на «всѣй».

[10] Исправлено на «съ».

[11] Деяния святых Апостолов 5: 1–10.

[12] О гибели Корея, Дафана и Авирона, восставших против избранности Моисея см.: Библия. Книга Чисел 16: 1–35.

[два] года или три [а п]о то*м* тако *ж* пѣт[и.]
[А к]то начнетъ преобижати [дом]ъ с(вя)ты(*х*)
[С(вя)тителей и] преподобнаго отца Ануфреа да
[будетъ] по*д* тягостію с(вя)тѣи ц(е)ркви; А на то
[Б(о)гъ по]слухъ и от(е)цъ мой [д(у)хов]ной игуменъ
[Харлам]пьи служитель с[(вя)тых с(вя)ти]тель и пр(е)п(о)*д*(о)бнаго
[отца А]нуфреа. А преставится игуменъ
[Харлампей] и по его животѣ А кого *Бъ изберетъ*[13] [и с(вя)тыи Три]
[С(вя)тите]ли и пр(е)п(о)д(о)бный [от(е)цъ] Ануѳрей п[о]
[бл(а)гословенію отца] нашего [Харлам]піа; А [кого]
[себѣ братьа въз]любятъ [игумена того себѣ держать.
Да буди намъ Б(о)гъ помощникъ.
У той крѣпости печать свинцовая.][14]

Список 1800 г.

В Древлехранилище Псковского музея сберегается рукописный «Сборник житий псковских святых и воинских повестей 1800–1810 гг.», содержащий список 1800 г. с духовной грамоты преподобного Евфросина (ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. На 315 листах. Л. 246–247). В 40-е годы XIX в. этот сборник принадлежал псковскому купцу-староверу Ивану Михайлову (ум. 24 апреля 1849 г.) (*Осипова*, 1991. С. 149. № 329), который приобрел его уже в готовом виде. Владелец рукописной книги упоминается в собственноручной записи на л. 313: «Из книгъ Псковскаго купца Ивана Михайлова 1845 1/28 г.». Почерк этой записи отличается от первоначальной руки составителя книги. Скоропись же писца относится к более ранним почеркам конца XVIII в. В сем сборнике на л. 149–245 содержится «Житіе и Дѣянія Преподобнаго отца нашего Евфросина Псковскаго чудотворца», а также его послание к архиепископу Евфимию с ответом на него и похвала Евфросину. В конце текста на л. 245 отмечено тем же почерком: «Списывано 1800 года». Из этого можно полагать, что и помещенное вслед за тем Духовное завещание преподобного Евфросина было скопировано тогда же, в 1800 г., еще до обнаружения его членами Археографической экспедиции. Таким образом, это второй по времени известный список завещания. Он имеет свои разночтения по сравнению с более ранним списком 1732 г. Приведем его дословно и буквально, поскольку этот список 1800 г. ранее не издавался.

---

[13] *Бъ изберетъ* – написано сверху над зачеркнутыми словами: «выберутъ». Т. е. исправлено на верное написание, как было изначально: «А кого Богъ изберетъ».

[14] В примечании к изданию грамоты в ААЭ сообщается: «Подлинник писан уставом на пергамене. В конце, на зеленом шелковом шнурке, привешена свинцовая печать средней величины, с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой надписи в кружке: “Ѳеофилъ Архіепископъ Великого Новагорода и Пскова”. – Хранится въ Псковском Спасо-Елеазаровом монастыре».

Список 1800 г. публикуется впервые.

ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. Л. 246–247.

«‖ Л. 246 ‖ **Копія съ Завѣщательнаго писанія преподобнаго Евфросина Псковскаго Чудотворца писаннаго на пергаминѣ**.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,

Се азъ рабъ Божій Ефросинъ инокъ, ходя при животѣ своем учинил крѣпость монастырскому житію и очинѣ своей, и исадомъ своим и клѣтем на городѣ, и всему сполу что ни есть. А то приказываю отцу своему духовному игумену Харлампію, служителю Святых Святителей Василіа Великаго, Григоріа Богослова, Іоанна Златоустаго, и преподобнаго отца Онуфреа, і всей яже о Христѣ братьи своей, а игумену в том не корыстоватися ни братьи моей, ни келарем, ни поселником, ни в҃ монастырѣ служащим, а ис того житія окручати братью изопчя, а которой братъ и придетъ въ монастырь и иметъ бити челомъ игумену і всей братьи, а пріяти игумену съ братіею по пословицѣ, а которой чернецъ или бѣлецъ дасть что во обитель Святых Святителей и преподобнаго Онуфрея церкви во область изъ доброй воли спасенія ради ‖ л. 246 об. ‖ душа своея такоже и милостыню а не вкупъ, занеже вкупа нѣсть въ монастырѣ ино того не искати на игуменѣ и на черньцѣхъ, занеже то дано святѣй церкви, ни игумену ни братьи, А ино которой чернецъ или бѣлецъ того не взыскивали бы на святѣй церкви. Понеже тѣхъ людей правила Святых Отецъ проклинаютъ, которые свое даніе от Святѣй Церкви [отнимаютъ. – пропущено слово. – *А. П.*] и напрасною смертію умираютъ по Божію Суду. Подобаетъ нам сего смотрити како были обѣщали даръ свой Господеви Ананіа и Самфира, и потом солгали Господеви, и абіе найде на них напрасная смерть люта, такоже Дафанъ и Авиронъ иже не сохраниша заповѣди Божія напрасно их земля пожерла, такоже и нам братье велми подобаетъ блюстися от таковаго дѣла, понеже тую обиду нам Богъ мститъ въ сем вѣцѣ и въ будущем, А по правилом святых Отецъ въ келіях чернецем не ясти, развѣе праздника или пиршества какого, ни женам быти въ монастырѣ ни мылни держати, ни немѣцкаго платія носити, ни ‖ л. 247 ‖ съ пухомъ шубъ носити, а которой братъ преставится въ монастырѣ, ино пѣти по нем сорокоустъ, а которой послужитъ мирянинъ два года или три, А по том такоже пѣти, А кто начнетъ преобиждати домъ Святыхъ Святителей и преподобнаго отца Онуфрея, да будетъ под тягостію Святѣй Церкви, А на то Богъ послухъ, и отецъ мой духовный игуменъ Харлампьи служитель Святых Святителей и преподобнаго отца Онуфрея, А преставится игуменъ Харлампьи, а по его животѣ, а кого бъ изберутъ и Святіи Три Святители и преподобный отецъ Онуфрей, по благословенію отца нашего Харлампея, а кого себѣ братьи возлюбятъ игумена того себѣ держать

Да буди намъ Богъ помощникъ.

Въ низу у подлинной печать свинцовая висучая на зеленом шелку, на ней на одной стороны изображеніе Святыя Троицы Авраамскія, а на другой сторонѣ надпись таковая. Ѳеоѳилъ Архіепископъ Великаго Новаграда и Пскова».

Исторический и хронологический комментарии

Первый издатель «Духовнаго завещания преподобнаго Евфросина Псковскаго», списавший его в монастыре с подлинной харатейной грамоты, Я. И. Бередников обозначил дату документа указанием: «Прежде 1479» г., но не сделал пояснений к своим наблюдениям (ААЭ, 1836. С. 83. № 108.). Действительно, сию духовную крепость следует датировать временем правления Феофила, архиепископа Великого Новгорода и Пскова, чья печать заверяла грамоту. Святитель был поставлен на архиепископию 15 декабря 1471 г. и служил в Новгороде до 19 января 1480 г., когда был смещен с кафедры, пленен и заточен в Чудовом монастыре Москвы по приказу Ивана III (*Макарий (Булгаков)*, 1996. С. 42, 50).

Как отмечал П. А. Шорин, «печати новгородских архиепископов XIII–XV вв. четко разделяются на две группы: именные и анонимные. Именные печати несут на себе изображение Богоматери «Знамение» и строчную надпись на другой стороне: Такой-то (указывается имя) архиепископ Новгородский. Анонимные печати вместо надписи имеют изображение креста в различных вариантах» (*Леонтьева, Шорин, Кобрин*, 2003. С. 192).

По данным П. Г. Порфиридова, подлинной именной печати архиепископа Феофила, к сожалению, не сохранилось. Но известны его анонимные буллы, «т. е. не содержащие в надписи определенного имени» (*Порфиридов*, 1959. С. 82–83). Исследователь также обратил внимание на одновременное использование как именных, так и анонимных печатей. «Любопытно, что употребление печатей новгородских владык к концу существования Новгородской республики приводит, по существу, к стиранию различия между тем и другим видом. Известные печати последнего выборного владыки Феофила (1470–1482) принадлежат в целом к виду анонимных. Однако, лишенные надписи как таковой, они, тем не менее, сохраняют некоторую связь с именными, так как несут имя владельца, почти зашифрованное среди титл, которыми окружено изображение креста» (Там же. С. 90).

Между тем, духовное завещание Евфросина было заверено именной печатью Феофила. Согласно описанию Я. И. Бередникова, «в конце, на зеленом шелковом шнурке, привешена печать средней величины с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой надписи в кружке: “Ѳеоѳилъ Архіепископъ Великого Новагорода и Пскова”» (ААЭ, 1836. С. 83. № 108).

По определению В. Л. Янина, буллы такого вида относятся к печатям владычных наместников. В статье, посвященной вислым печатям Пскова, он привел описание этой буллы диаметром 27 мм, представил прорисовку надписи в шесть строк и на рисунке 7 опубликовал ее фотографическое изображение под № 68 (*Янин*, 1960. С. 256. № 68 (описание); рис. 7 № 68 (фото аверса и реверса печати)). В другой статье В. Л. Янин указал время появления печатей такого типа и разъяснил хронологию их бытования. После Болотовского договора, когда самостоятельность Псковского господарства была признана Новгородом, на псковских печатях владычных наместников происходят изменения. Если раньше они имели на аверсе изображение Богоматери «Знамение», а на реверсе – изображение креста, то с тех пор, как наместники стали

назначаться «только из числа псковичей», «внешним проявлением этой самостоятельности стало обозначение на печатях владычных наместников главной псковской святыни – Троицы». В XV в. «изображение Троицы на печатях владычных наместников Пскова сочетается с именем и развернутым титулом владыки. При Евфимии (1434–1459): “Еуфимии архиепископ Великого Новаграда и Пскова”, при Ионе (1460–1471): “Иона преосвященныи архиепископ и владыка Великого Новагорода и Пскова”, при Феофиле (1472–1479): “*Феофил преосвященныи архиепископ Великого Новагорода и Пскова владыка*”» (*Янин*, 1966. С. 165).

При раскопках Г. П. Гроздилова в Домантовой стене Пскова в 1961–1962 гг. был найден погребенный «архив», от которого уцелело 528 свинцовых печатей, некогда скреплявших харатейные грамоты. Эта находка «дала обильные группы булл владычных наместников как времени Ионы и Феофила, так и периода, последовавшего за падением новгородской независимости» (Там же. С. 168). Таким образом, печать, скреплявшая духовное завещание Евфросина, хорошо известна сфрагистике.

Для законного оформления и заверения «рукописаний», как по-псковски назывались духовные грамоты в XV в., нужно было обратиться к местным властям для написания и скрепления харатейной грамоты вислой свинцовой печатью с уплатой за то полагающейся пошлины. Для мирян это можно было сделать, прибегнув к помощи псковских посадников или Господы во главе с князем. По наблюдению А. И. Никитского, основанному на тексте Псковской Судной грамоты, «если, например, княжеский дьяк отказывался, под условием установленной платы, от написания грамоты или от приложения к ней печати, то истцу вольно было написать грамоту, где случится, а печать обязан был приложить городской (вечевой) дьяк у Св. Троицы <...>» (*Никитский*, 1873. С. 124, 125). Духовные лица заверяли свои грамоты у владычных наместников Пскова. Описание моливдовула изучаемого документа как раз соответствует виду печати псковского владычного наместника (Подробнее см.: *Белецкий*, 1994. С. 17–18) периода правления архиепископа Феофила (декабрь 1471 – январь 1480).

Это указывает на место создания и заверения грамоты в городе Пскове при Троицком соборе, где «на сенях» существовала канцелярия веча и находился «ларь», то есть государственный архив с грамотами. Согласно исследованию Л. В. Черепнина, «при Троицком соборе оформлялись приложением псковской государственной печати частноправовые акты. <...> Оформление документа при Троицком соборе и передача его в архив сообщали ему юридическую силу, и в случае судебных споров наличие в “ларе” документа, служащего доказательством на суде, или заверенной с него копии решало часто дело» (*Черепнин*, 1948. С. 408–410).

Там же при храме Святой Троицы в XIV–XV вв. располагалось делопроизводство владычного наместника и осуществлялся суд по духовным делам. Это отмечает В. Л. Янин, высказывая догадку о том, что в последней четверти XV в. «после падения новгородской независимости» происходит «исчезновение владычных печатей и появление на их месте посадничьих “Троицких

печатей"», а связано это было с тем обстоятельством, что «посадники Пскова действительно были наследниками владычных наместников, приняв от них не только ту часть юрисдикции в гражданских делах, которая еще оставалась у них, но и самое место судопроизводства с ларем святой Троицы» (*Янин*, 1960. С. 257).

Таким образом, выясняется, что все документы и «рукописания» для лиц духовного чина должны были составляться в канцелярии владычного наместника при Троицком соборе, где в «ларе» хранился список с подлинной грамоты, выдаваемой владельцу.

На основании статьи 14 Псковской Судной грамоты Л. В. Черепнин сделал важное наблюдение о значении «"рукописания" как документа, составленного с соблюдением всех формальностей и не подлежащего сомнению в силу своего хранения в "ларе святой Троицы"». Он отмечал: «Если окажется, что умерший при жизни оставил письменное распоряжение своим имуществом, положив в государственный архив духовное завещание, то предъявивший иск на основании простой "доски" без заклада или формальной записи проигрывает его» (*Черепнин*, 1948. С. 409).

В этой связи необходимо также рассмотреть вопрос о том, была ли подлинная духовная грамота автографом самого Евфросина? По представлению монастырских насельников XIX в., она вполне могла быть собственноручным писанием преподобного и даже почиталось братией как священная реликвия. Благоговейное отношение к древней грамоте в 1858 г. выражал профессор С.-Петербургской духовной Семинарии соборный иеромонах Иосиф: «При гробнице преподобнаго Евфросина висит за стеклом в раме <...> пергамент в осмушку, с привешенною к нему свинцовою печатию Архиепископа Новгородскаго Феофила. Вот это и есть подлинное "Завещание" преподобнаго Евфросина, которое вы можете смело поцеловать, как дорогой и даже священный предмет» (*Иосиф, иеромонах*, 1858. С. 12–13). Действительно, зная о том, что Евфросин был человеком книжным, любителем богословия, автором общежительного Устава, посланий и писем, следует полагать, что и свое духовное завещание на харатье он написал сам, не прибегая к услугам писца. Именно с этим текстом «рукописания» он ездил во Псков для его заверения в канцелярии владычного наместника. Тогда при регистрации этой крепости дьяком была снята точная копия с грамоты и положена в «ларь» при Троицком соборе. Отсюда следует, что подлинная грамота, писанная мелким полууставом, действительно являлась собственноручным творением святого отца.

Чтобы прояснить время написания акта, не имеющего точной датировки, необходимо представить, в каких обстоятельствах он мог быть создан. Ясно, что завещание было составлено на закате земной жизни старца, скончавшегося 15 мая 1481 (6989) г. «на память преподобнаго отца нашего Пахомия Великаго» (ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. Житие и Деяния преподобнаго отца нашего Евфросина Псковскаго чудотворца. Л. 150, 209). Причем Евфросин мог написать его заранее, воспользовавшись удобным для этого случаем, даже за несколько лет до смерти.

Известно, что Евфросин согласовывал с высшей духовной властью текст составленного им впервые Устава Трехсвятительского общежительного монастыря. Об этом сообщается в заголовке рукописи: «По благословению митрополита Феодосия Богоспасаемаго града Москве и преосвященнаго архиепископа Еоуфимия великих градов Новагорода и Пскова <...>» (*Серебрянский*, 2013. С. 434). Хотя, по наблюдению В. Н. Малинина, «заглавие это написано после преп. Евфросина», «как это можно видеть из других списков устава». Тем не менее, на основании упоминания в нем новгородского архиепископа Евфимия, умершего в 1458 г., он датирует устав Евфросина временем его правления, «не позже 1458 года» (*Малинин*, 1901. С. 31. Примечания. С. 3. № 91).

Точно так же и духовное завещание, в котором кратко излагался разработанный Евфросином Устав общежительного монастыря, важно было заверить печатью архиепископа Великого Новгорода и Пскова. Тем самым основные положения иноческого Устава получали санкцию святителя на будущие времена. Для встречи с владыкой подвижнику-аскету ехать самому в Новгород было не нужно. Все духовные грамоты оформлялись и заверялись в Пскове у владычного наместника. Тем более что старец считал неудобным для себя надолго покидать место своего монашеского служения, чтобы не сообщаться с миром. Но воспользоваться возможностью встречи с архиепископом Феофилом во время его приезда во Псков Евфросин мог вполне. Это было необходимо, чтобы получить благословение владыки и узаконить «крѣпость манастырьскому житію и отчинѣ своей».

Во время приездов во Псков новгородских святителей в городе собиралось все духовенство для соборного богослужения в главном храме Святой Троицы. Кроме того, «владычный подъезд» имел целью соблюдение канонического порядка в церкви, а также осуществление архиерейского суда по духовным делам. Но основная задача владычного «подъезда» состояла в собрании оброчных пошлин «с подчиненнаго духовенства». Это была выплата так называемой «поплешной дани», поступавшей от всех священно- и церковнослужителей Псковской земли в Софийскую казну. Новгородские архиереи относились к посещениям Пскова с разной степенью усердия, нередко тяготясь правильным пребыванием в городе в течение целого месяца и раз в четыре года, как того требовала традиция. Зачастую они отслеживали в первую очередь «получение богатого дохода» и ограничивали срок своего визита двумя-тремя неделями или приезжали в неурочное время, чем вызывали негодование псковичей (Подробнее об этих «владычных подъездах» см.: *Никитский*, 1873. С. 224–226).

Но не таков был архиепископ Феофил – последний святитель периода новгородской независимости. Он исправно бывал во Пскове два раза, останавливаясь на положенный срок. Первое посещение его было в декабре 1472 (6981) г. По сказанию летописи: «Тоя же осени приеха во Псков, месяца декабря в 9, владыка Феофил на свои подъезд, и соборовав, и Псков своих детеи благословил; и поехал в Новгород декабря, и проводиша его с честью» (Псковские летописи. Вып. II. С. 192).

По нашему представлению, заверение грамоты Евфросина могло произойти во время второго приезда владыки Феофила в Псков. Наиболее вероятно,

что встреча преподобного Евфросина со святителем Феофилом могла состояться в конце декабря 1476 (6985) г. или в начале января 1477 г., когда архиепископ приезжал во Псков на целый месяц. В 3-й Псковской летописи об этом сообщается: «Тоя же зиме <...> приехав владыка Феофил в Дом Святыя Троица, и часы повеле своим мастером самозвонныа поставити на Снетогорском дворе, а тыа часы преже сего сам же владыка своим боярином Овтоманом в Дом Живоначалныа Троица прислал, и они такы стояли просто и до него. Владыка же Феофил съборовав в Святеи Троици, генваря 13, в неделю, и быв во Пскове и благословив своих детеи всь Псков, и поеха с честью и с проводом изо Пьскова, месяца генваря 21 в понедельник; а был во Пскове всь свои месяць, всю 4 недели; ни за много время ини владыки во Пскове так всего месяца в свои приезд не живали» (Псковские летописи. Вып. II. С. 207).

Таким образом, допустимо предположить, что старец Евфросин заранее составил духовное завещание и при личной встрече с архиепископом Феофилом в Доме Святой Троицы или на подворье получил благословение и заверение своей грамоты. При этом была использована именная печать архиерея, находившаяся у владычного наместника. Предложенная гипотеза позволяет уточнить время создания документа периодом с конца декабря 1476 (6985) г. до 21 января 1477 г. Скорее всего, выехать из Новгорода Феофил мог после великого праздника Рождества Христова 25 декабря. Около трех дней его поезд добирался до Пскова. Соответственно, появиться в городе архиерейский обоз мог в последних числах декабря. О его приближении было заранее известно всем псковичам, которые встречали владыку за городскими стенами на Новгородской дороге и провожали его к Дому Святой Троицы. В такой обрядной встрече непременно участвовало все городское и пригородское духовенство, а также настоятели псковских монастырей, в том числе и Трехсвятительского Елеазаровского. Первым делом по прибытии совершались торжественные архиерейские богослужения в Троицком соборе, и лишь затем спустя несколько дней Феофил переходил к своим делам, связанным со святительским судом, духовным управлением и сбором корма и дани. Именно тогда и было уместно для Евфросина бить челом архиепископу о рассмотрении своего духовного завещания. Отсюда следует, что грамота подавалась для заверения уже в январе, до 21 числа, когда Феофил покинул Псков.

Текстологический анализ списков грамоты

Как отмечал Н. И. Серебрянский, «не только по своему характеру, но и по изложению правила завещания совершенно сходны с правилами устава» преподобного Евфросина (*Серебрянский*, 2013. С. 259). Как можно было видеть из вышеприведенного обзора литературы, почти все авторы обращали внимание на это подобие в содержании двух источников, созданных одним человеком. Поэтому не станем повторять имеющихся наблюдений, а сосредоточимся на отличительных особенностях различных списков духовного завещания.

При сравнении текстов заметно, что все три списка 1732, 1800 и 1836 гг. довольно схожи между собой, но разнятся отдельными словами и буквами. Поскольку список 1732 г. самый ранний, его можно считать наиболее близким к оригиналу по части буквальной передачи подлинного текста. Однако из-за

многочисленных утрат основы недостающие части завещания пришлось восстанавливать по другим позднейшим спискам, сохранившим полный текст. Предпочтение было отдано изданию Археографической комиссии, поскольку копию с древней грамоты в 1830–1834 гг. снимал Я. И. Бередников – известный палеограф, старавшийся передавать особенности написания памятников.

Например, в списках 1732 и 1836 гг. слово «м**а**настырь» в тех случаях, когда оно не сокращено под титлом, пишется через «а». Но в списке 1800 г. оно исправлено на современное написание «м**о**настырь». Также имя «преподобнаго отца **А**нуфреа» в «консисторском» и «археографическом» списках пишется в народной форме через «а», хотя на Руси оно бытовало и в календарной форме как «Онуфрий». Так, в рукописном Требнике второй половины XVII в. из Древлехранилища Псковского музея есть Месяцеслов, в котором под 12 июня записан день празднования «Пр(е)п(о)д(о)бнаго о(т)ц(а) нашего Онуфрія Великого и Петра Ѳеонскаго» (ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 54. Батов П. Д., псковский купец-старовер. О. Ф. 30373(20). РУК–71. Л. 269). Таким образом, можно сделать вывод о том, что для святого Евфросина было привычно псковское диалектное «аканье», то есть неразличение ***о*** и ***а*** в безударном положении. Между тем в списках 1800 и 1906 гг. эта особенность древней грамоты не учтена, и везде значится имя «Онуфрий» и слово «монастырь».

Список 1800 г. появился при создании рукописного сборника житий псковских святых и воинских повестей. Этот сборник составлялся в местной старообрядческой среде, о чем свидетельствуют различные признаки: традиционное оформление переплета, написание священного имени Исуса Христа, особое внимание к житию преподобного Евфросина как защитника сугубой аллилуии и другие особенности. Книга писана гражданской скорописью на голубой бумаге ручного дела ярославского производства с водяными знаками «ЯМВСЯ», герб Ярославля (медведь с секирою) и «белой датой»: «1796». Кроме того, использована бумага с филигранью «PRO PATRIA» и «белой датой»: «1807». Сборник составлялся в 1800–1810 гг., о чем свидетельствуют записи в конце отдельных произведений. Причем в некоторых случаях протографами служили другие более ранние копии, находившиеся в распоряжении составителя. Так, в конце «Повести о прихождении свейскаго короля Густафа Адольфа ко граду Пскову» на л. 54 отмечено: «Списывано (со списанной прежде 1793 года декабря 28 дня) 1810 года, сентября 1-го дня, в четверток» (ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(1). РУК–229. Л. 54). Таким образом, писец, очевидно, воспользовался своим же списком, исполненным ранее, в 1793 г. Отсюда следует, что он работал в Пскове, собирая тексты древних рукописей и старопечатных книг для копирования и составления сборников по заказу псковских купцов-староверов. Известна и другая рукописная книга того же писца, сберегаемая в Древлехранилище Псковского музея. Это сборник, составленный в первые годы XIX в., содержащий выписки из Пролога старообрядческого издания. Он также принадлежал псковскому купцу Ивану Михайлову (ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349(2). РУК–232. На 244 листах).

Четвертый список с рукописания Евфросина, изданный в «Псковских епархиальных ведомостях» в сентябре 1906 г. можно признать наименее точным по многочисленным погрешностям в передаче текста (Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского, 1906. С. 406–409). Он был сделан с несохранившейся ныне копии «Завещаннаго Писания Преподобнаго Евфросина Псковскаго Чудотворца», висевшей над его гробницей в монастырской церкви.

Итак, в настоящее время известны четыре списка с подлинного завещания преподобного Евфросина. По своему происхождению их можно условно наименовать так:

1) «Консисторский», составленный в 1732 г. в Псковской духовной консистории для тяжбы о церковных вотчинах между архиереем и псковским посадом (Псковский музей. Древлехранилище. Настоящее издание; рис. 1–3).

2) «Старообрядческий», сделанный около 1800 г. при написании сборника житий псковских святых (Псковский музей. Древлехранилище. Настоящее издание; рис. 4–6).

3) «Археографический», выполненный в 1830–1834 гг. Я. И. Бередниковым в Елеазаровом монастыре с подлинной харатейной грамоты (Издан в ААЭ, 1836 г.).

4) «Монастырский», списанный «славянским текстом» примерно во второй четверти XIX в. для помещения при гробнице святого Евфросина (Издан в ПЕВ, 1906 г.).

В 2021 г. исполнилось 540 лет со времени преставления преподобного Евфросина Псковского и 544 года с написания его духовного завещания. Трехсвятительский монастырь, созданный им, действует. Память его основателя почитается. Но вопрос о том, насколько соблюдался устав и завет святого старца в позднейшей исторической жизни Елеазаровской обители, может являться предметом отдельного рассмотрения.

Рис. 1. Консисторский список 1732 г. с харатейной духовной грамоты преподобного Евфросина. Л. 7.

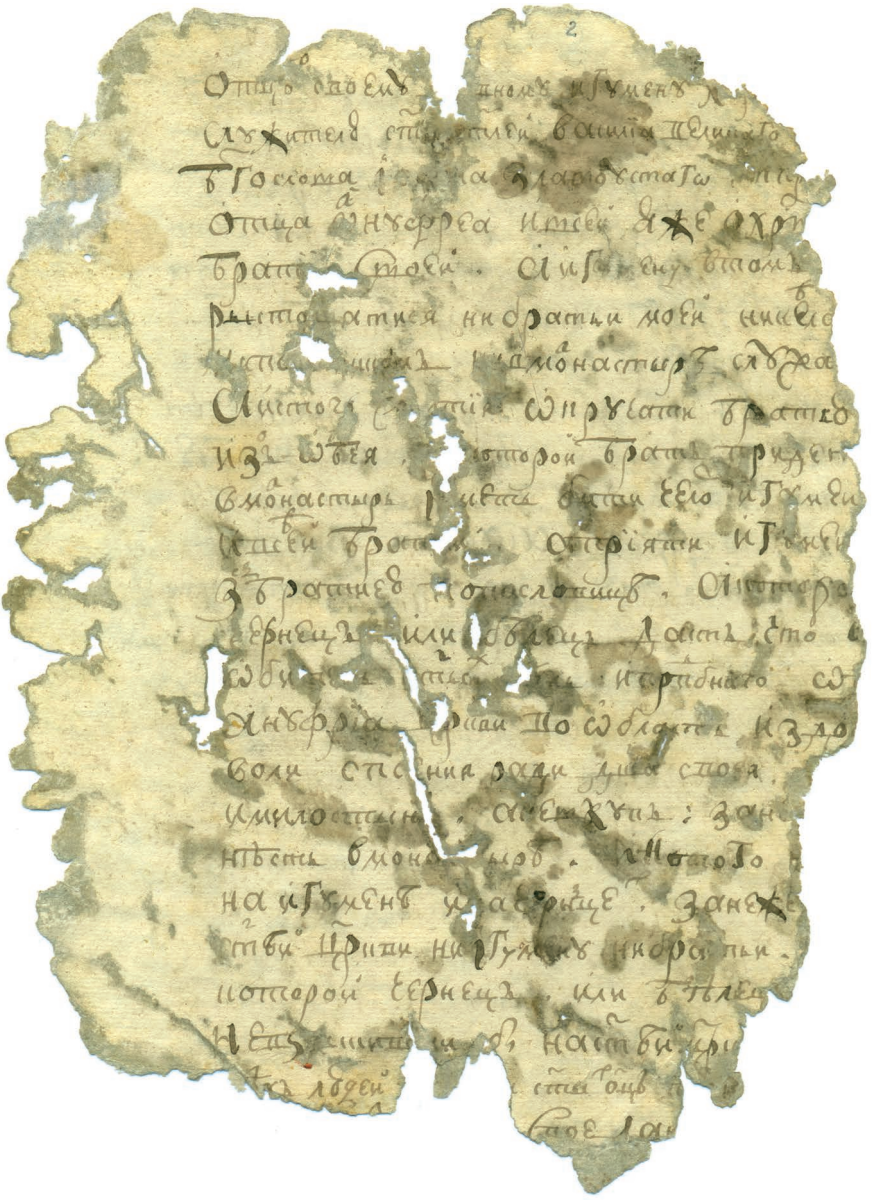


Рис. 2. Консисторский список 1732 г. с харатейной духовной грамоты преподобного Евфросина. Л. 7 об.

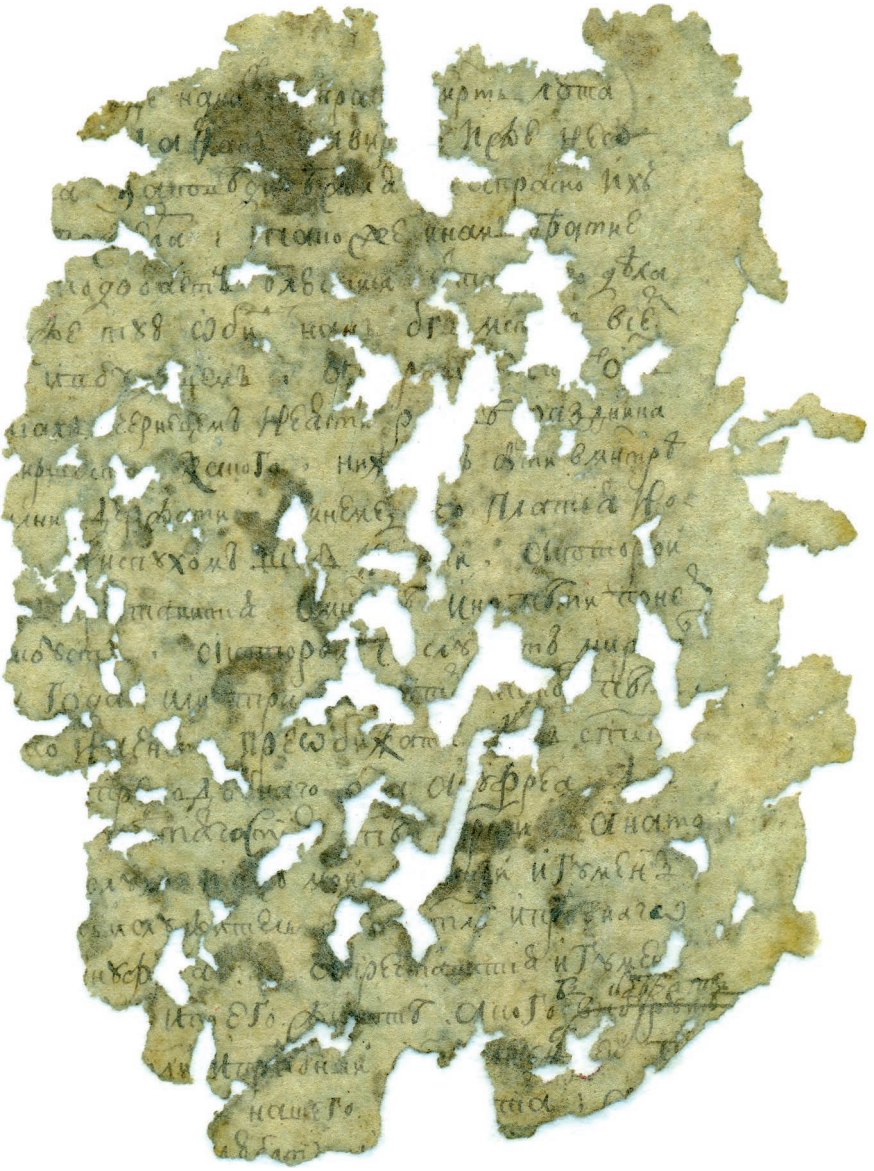
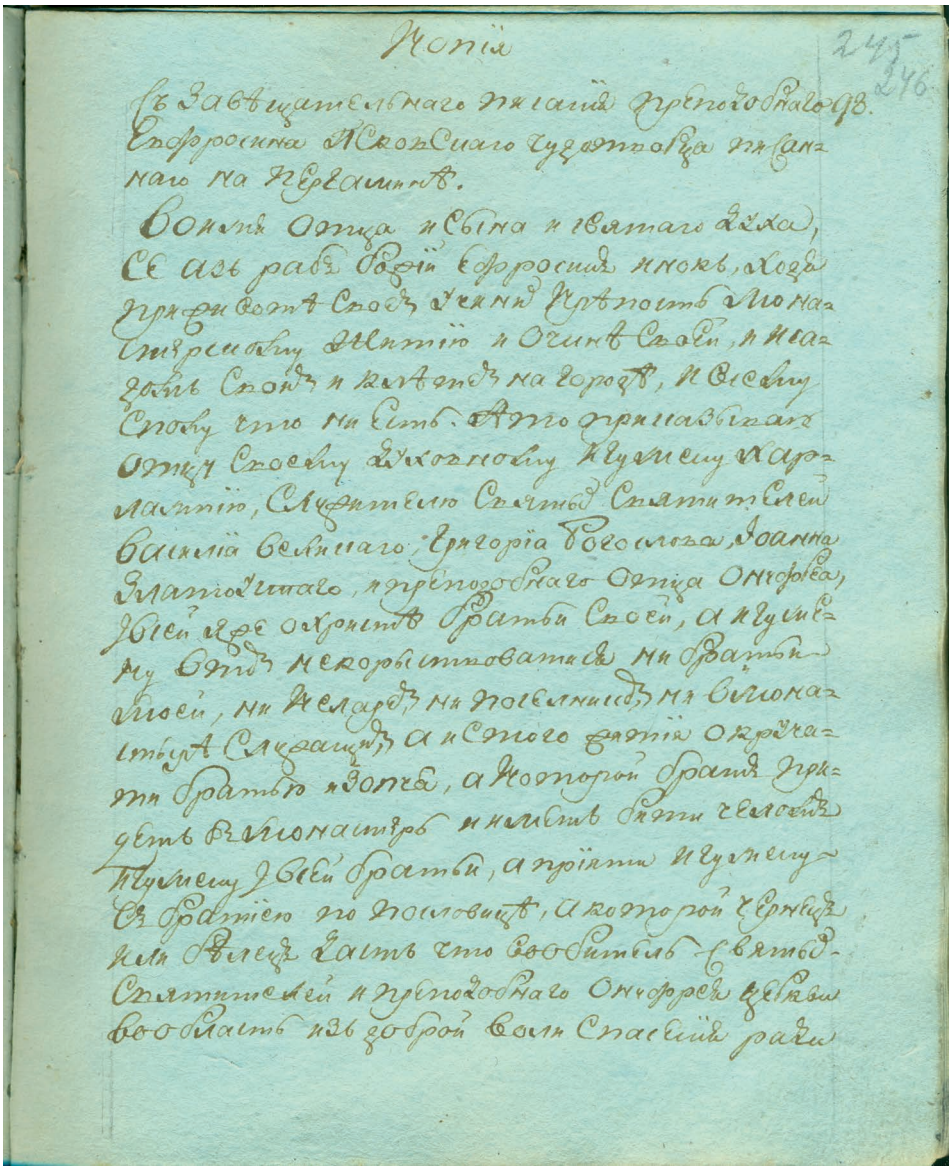


Рис. 3. Консисторский список 1732 г. с харатейной духовной грамоты преподобного Евфросина. Л. 8.



Копія

Съ Завѣщательнаго писанія преподобнаго 98.
Евфросина Псковскаго чудотворца писан-
наго на Пергаминѣ.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа,
Се азъ рабъ Божій Ефросинъ инокъ, ходя
при животѣ своемъ учиню прѣпость мона-
стерскому житію и очинѣ своей, и иса-
домъ своимъ и клѣтомъ на городѣ, и всему
сполу что ни есть. А то приказываю
Отцу своему духовному игумену Хар-
лампію, служителю святыхъ святителей
Василія великаго, Григорія Богослова, Іоанна
Златоустаго, и преподобнаго Отца Онуфрея,
и всей яже о Христѣ братьи своей, а игуме-
ну отъ некорыстоватися ни братьи
моей, ни желаемъ, ни поселникомъ, ни в мона-
стырѣ служащимъ, а и с того житія окруча-
ти братью изопча, а которой братъ при-
детъ въ монастырь и имѣетъ быти челомъ
игумену и всей братьи, а пріяти игумену
съ братіею по пословицѣ, а которой чернецъ
или бѣлецъ дастъ что вообитель святыхъ
святителей и преподобнаго Онуфрея церкви
вообласть изъ доброй воли спасенія ради

Рис. 4. Старообрядческий список 1800 г.
с Духовной Евфросина. Л. 246.

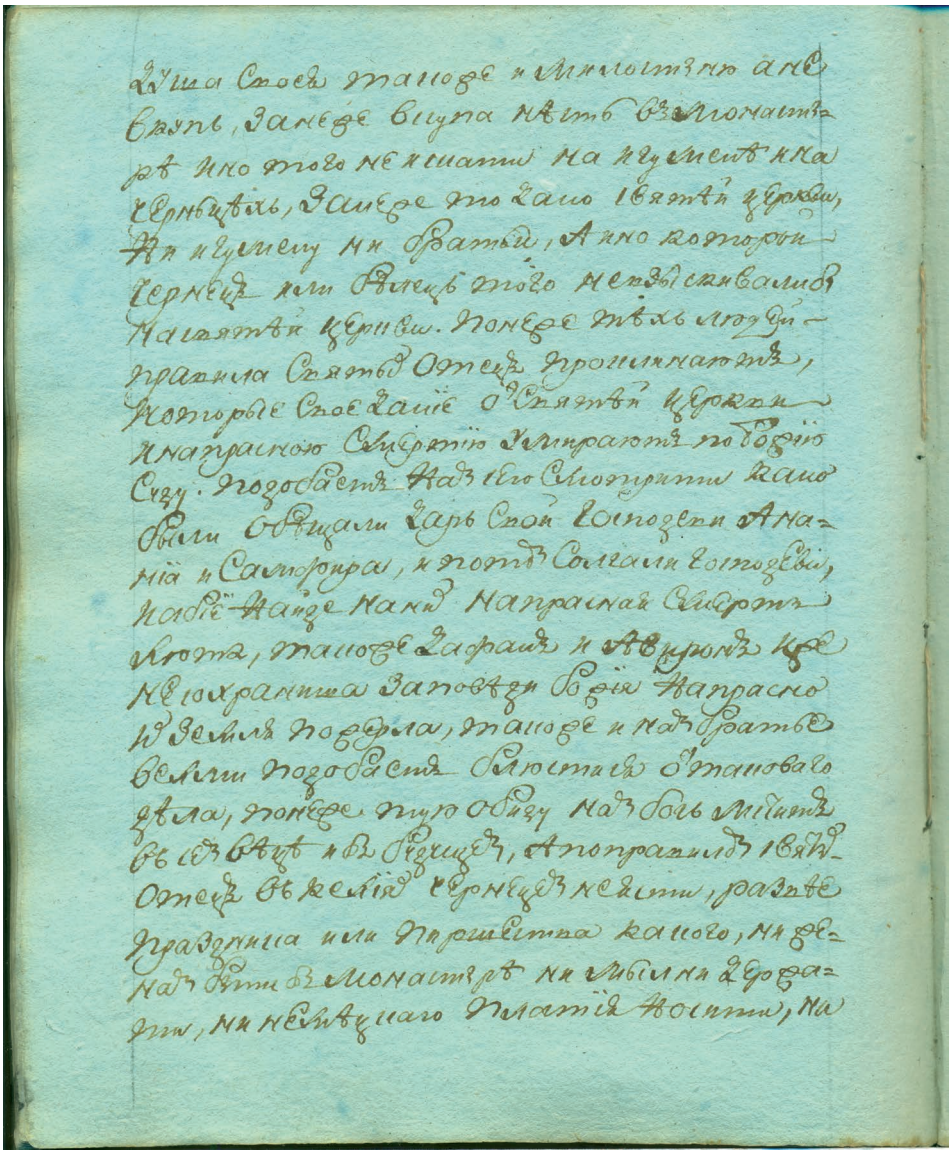


Рис. 5. Старообрядческий список 1800 г.
с Духовной Евфросина. Л. 246 об.

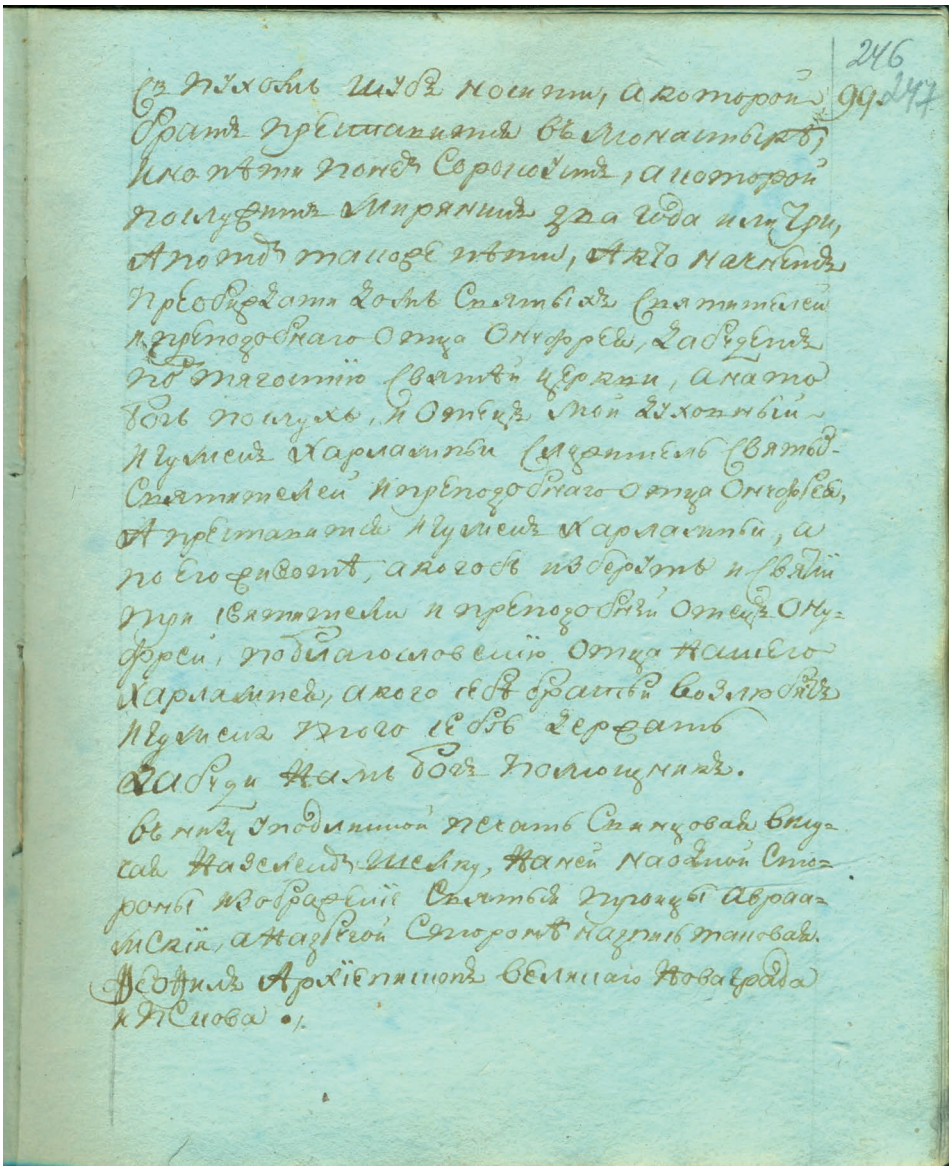


Рис. 6. Старообрядческий список 1800 г.
с Духовной Евфросина Л. 248.

Литература и архивные материалы

ААЭ, 1836 – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. Т. 1. 1294–1598. СПб.: В Тип. II Отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии. 548 с.

Белецкий С. В., 1994. Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 36 с.

ГАПО – Государственный архив Псковской области. Ф. 340. Спасо-Елеазаровский монастырь. Оп. 3. № 15. Наряд указов Псковской духовной консистории в Спасо-Елеазаров монастырь за 1895 г. январь – 1897 г. декабрь. Л. 29–40.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 408 с.

Духовное завещание преподобного Евфросина Псковского // ПЕВ. 1906. 1–15 сентября (№ 17). Часть неофициальная. Псковская старина. С. 406–409.

[*Евгений (Болховитинов)*], 1818. Словарь исторический о бывших в России писателях Духовнаго чина, Грекороссийския церкви. Ч. I. СПб.: В Тип. Н. Греча. 346 с.

Евгений (Болховитинов), 1831. История княжества Псковского. Ч. III. Киев: В Тип. Киево-Печерской Лавры. 172 с.

Житие преподобного Евфросина Псковского / [Подгот. Н. И. Серебрянский] // ПЕВ. 1906. 1–15 августа (№ 15). Часть неофициальная. С. 354–360; 16–31 августа (№ 16). Часть неофициальная. С. 382–389.

Житие преподобного Серапиона Псковского / [Подгот. Н. И. Серебрянский] // ПЕВ. 1906. 1–31 июля (№ 13–14). Часть неофициальная. С. 323–330.

Иосиф (Баженов), 1858. Описание Спасо-Елеазаровского монастыря. СПб. 24 с.

К преобразованию Спасо-Елеазаровой обители // ПЕВ. 1906. 1–15 сентября (№ 17). Часть неофициальная. Епархиальная хроника. С. 425–426.

Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника (XIV – начало XX вв.). Ч. 1 / Сост. Н. П. Осипова. Псков, 1991. 207 с.

Корогодина М. В., 2018. Устав Евфросина Псковского: к вопросу об источниках // Русская литература. № 4. С. 40–47.

Круглова Т. В., 1991. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики: дис. ... канд. ист. наук / Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. 260 с.

Круглова Т. В., 2000. Об устройстве псковских монастырей в XIV–XV веках // Михайловская пушкиниана: сб. ст. науч. сотрудников музея-заповедника А. С. Пушкина «Михайловское». Вып. 12. По материалам конференции «История и традиции псковских монастырей в русской культуре». М. С. 13–15.

Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б., 2003. Вспомогательные исторические дисциплины. М.: Владос. 365 с.

Макарий (Булгаков), 1857–1883. История русской церкви. Т. 1–12. СПб.

Макарий (Булгаков), 1994–1996. История русской церкви. Кн. 1–7 (Т. 1–12). М.

Макарий (Булгаков), 1996. История русской церкви. Кн. 4, ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 590 с.

Малинин В. Н., 1901. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры. 1029 с.

Марасинова Л. М., 1966. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Московский гос. ун-т. 211 с.

Миротворцев М. Л., 1860а. Старинные акты Елеазаровскаго монастыря // Псковские губернские ведомости. 9 марта (среда) (№ 10). Часть неофициальная.

Миротворцев М. Л., 1860б. Спасо-Елеазаровский монастырь // Памятная книжка Псковской губернии на 1860 год. Псков: Тип. Губ. Правл. Отдел историко-статистический. С. 39–40.

Никитский А. И., 1873. Очерк внутренней истории Пскова. СПб.: Тип. К. Замысловского. X, 344 с.

Никодим (архимандрит), 1904. Русские святые и подвижники благочестия, подвизавшиеся и чтимые в пределах Псковской епархии с XII–XIX века (Исторические сведения о церковном их почитании) // ПЕВ. (1 августа (№ XV). Часть неофициальная. С. 351–358.

Охотникова В. И., 2007. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. Т. 1. Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. СПб.: Дмитрий Буланин. 573 с.

Охотникова В. И., 2007. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. Т. 2. Жития преподобных Евфросина Псковского, Саввы Крыпецкого, Никандра Псковского. СПб.: Дмитрий Буланин. 771 с.

[*Пантелеимон (Губенко), иеромонах*], 2013. Николай Ильич Серебрянский: краткий биографический очерк // Серебрянский Н. И. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле: с критико-библиографическим обзором литературы по истории псковского монашества. Псков: Изд-во Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого мужского монастыря.

ПЕВ – Псковские епархиальные ведомости.

Первушин М. В., 2008. «Житие Евфросина Псковского»: история текстов, проблема авторства, идейно-содержательная специфика: дис. ... канд. филолог. наук. М.

ПМЗ – Псковский музей-заповедник (Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник)

ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 54. Батов П. Д., псковский купец-старовер. О. Ф. 30373 (20). РУК-71.

ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 242. Елеазаров монастырь. О. Ф. 36622. ДОК-21512.

ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349 (1). РУК-229. Житие и Деяния преподобнаго отца нашего Евфросина Псковскаго чудотворца.

ПМЗ. Древлехранилище. Ф. 462. Михайлов Иван, псковский купец-старообрядец. О. Ф. 12349 (2). РУК-232. [Рукописный сборник] На 244 л.

Плетнев П. А., 1854. Яков Иванович Бередников и ученые его труды. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. 49 с.

Порфиридов П. Г., 1959. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 9. Новгород. С. 81–91.

Постников А. Б., 2013. Древлехранилище Псковского музея. Обозрение русских рукописных документов XVI–XVIII вв. М.: БуксМАрт. 976 с.

Постников А. Б., 2017. Харатейные грамоты Елеазарова монастыря – новый источник для изучения древнепсковской письменности // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: ЛОГОС. С. 273–287.

Похищения // ПЕВ. 1905. 15–30 июня (№ 12). Часть официальная. С. 241–244; 15–30 сентября. (№ 18). Часть официальная. С. 431–433; 15–31 декабря (№ 24). Часть официальная. С. 508–509.

Псковские летописи. Вып. II / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 364 с.

Серебрянский Н. И., 2013. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле: с критико-библиографическим обзором литературы по истории псковского монашества. Псков: Изд-во Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого мужского монастыря. 587 с.

Спасо-Елеазаровский монастырь: материалы к летописи: к 15-летию возрождения монастыря. 2000–2015 гг. СПб.: Нестор-История, 2016. 344 с.

Черепнин Л. В., 1948. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 472 с.

Янин В. Л., 1960. Вислые печати Пскова // Советская археология. № 3. С. 237–261.

Янин В. Л., 1966. Сфрагистический комментарий к псковским частным актам // Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. М.: Московский гос. ун-т. С. 163–178.

* * *

Постников Арсений Борисович, *Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Древлехранилище; e-mail: postnikovarsenii@mail.ru*

М. Б. Бессуднова

Ганзейская торговля Пскова первой половины XVI века по материалам Архива ганзейского города Любека[1]

Резюме. Рост значения Пскова в ганзейской торговле начала Нового времени был обусловлен не только сворачиванием деловой активности новгородского Немецкого подворья, но и комплексом предпосылок, связанных с изменением русско-ганзейской торговли в целом. Это касалось расширения прямых торговых связей Пскова с Нарвой и Ревелем и востребованностью на европейском рынке основных товаров псковского экспорта – льна и пеньки. Торговля в Нарве и Ревеле помогла Пскову преодолеть недостаток поступления импортного серебра, благодаря которому осуществлялся русско-ганзейский товарообмен. Позитивным для развития псковской торговли стало внимание к ней Любека, который старался расширить свое присутствие на русском рынке в обход ливонских городов, используя преимущества «сетевой» организации товарообмена (*Netzwerk*) и внедрения в псковскую посредством торговых служащих (гезеллен). Особо тому благоприятствовало появление в начале 1530-х годов свободного от установок русско-ганзейской «старины» псковского Немецкого подворья. Стремление «заморских» ганзейцев, в первую очередь, любечан, внедриться в международную торговлю Пскова было обусловлено также ограничениями «гостевой торговли» в городах Ливонии во главе с Ревелем и Дерптом. Дерпт старался препятствовать проникновению иногородних ганзейцев в Псков, однако появление Мариенбургской дороги, связавший орденские владения на псковско-ливонской границе с портом Риги, решило проблему псковского экспорта в обход Дерпта и Нарвы.

Ключевые слова: Псков, Ганза, Любек, ливонские города

M. B. Bessudnova. Hanseatic Trade of Pskov in the First Half of the 16th Century Following the Archives of Hanseatic City of Lübeck

Abstract. The growth of Pskov importance in the Hanseatic trade in the early modern period was dictated not only by Novgorod German mission ceasing its business activity, but also by a complex of prerequisites connected with change in the Hanseatic-Russian trade taken as a whole. This included expansion of direct commercial connection of Pskov

[1] Исследование произведено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00183.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.144-154

with Narva and Reval and demand for Pskov main export products – linen and common hemp – on the European market. Trade in Narva and Reval helped Pskov overcome lack of foreign silver that was used in the Hanseatic-Russian commodity exchange. The attention of Lübeck to Pskov trade was beneficial for its development; Lübeck tried to expand its presence on Russian market beyond Livonian cities, using advantages of a "network" organization of commodity exchange (Netzwerk) and introduction into Pskov trade by trade employees (Gesellen). The appearance of German mission that was free from values of Hanseatic-Russian "old traditions" in Pskov in the early 1530s was especially favorable for it. The desire of "foreign" Hanse people primarily from Lübeck to inject into Pskov international trade also ensued from restrictions of "guest trade" in Livonian cities led by Reval and Dorpat. Dorpat tried to prevent the injection of foreign Hanse people into Pskov, but the appearance of Marienburg road, which connected Order's estates on the Pskov-Livonian border with the port of Riga, solved the problem of Pskov export beyond Dorpat and Narva.

Key words: Pskov, Hanse, Lübeck, Livonian cities

Основной отправной точкой настоящего исследования служит широкоизвестное историографическое положение о перемещении центра русско-ганзейского товарообмена из Великого Новгорода в города Ливонии и Псков, которое обрело тенденцию к развитию на рубеже XV–XVI веков и вплоть до Петровской эпохи обеспечивало Пскову заметную роль в балтийской международной торговле. На протяжении всего Средневековья Псков наряду с Новгородом являлся фигурантом разработки русской торговой стратегии в отношении Немецкой Ганзы, участвовал в переговорах и подписании русско-ганзейских договоренностей, выступал в качестве одного из их гарантов. Вместе с тем участие Пскова в ганзейской торговле ни по интенсивности, но по масштабности изначально не могло сравниться с ролью Новгорода, где располагалась одна из четырех ганзейских контор, более известная как двор св. Петра или Немецкое подворье. В Пскове ганзейской конторы не было. Его основным торговым партнером среди ганзейских городов являлся Дерпт, близость месторасположения которого делала ненужным обустройство и содержание в Пскове ганзейского подворья. Иноземные купцы там жили на дворах псковичей, стараясь держаться поблизости к пристани и складам своих товаров на берегу Псковы, прозванным за то Немецким берегом (*Бессуднова*, 2016. С. 308–309). Что же касается Немецкого торгового подворья, то оно появилось в Пскове только в начале 1530 годов по инициативе псковской городской администрации вследствие укрепления позиций города в международной торговле, но статуса конторы так и не приобрело (*Angermann,* 1991. S. 80).

Основную причину расцвета торговли Пскова с городами Ганзы, имевшего место в начале Нового времени, принято связывать в первую очередь со сворачиванием деловой активности новгородского Немецкого подворья и его закрытием по приказу великого князя Московского Ивана III в ноябре 1494 года, в результате которого на протяжении 20 лет (вплоть до восстановления новгородского Немецкого подворья в 1514 году) русско-ганзейская торговля осуществлялась без его участия (*Бессуднова,* 2016. С. 207–221). В качестве особо действенного фактора, способствовавшего развитию международной торговли

Пскова, в последнее время называется «необычная торговля» (*ungewonlicher handel*), которая велась в нарушение обычаев русско-ганзейской «старины» и достигла расцвета в 1494–1514 годах (*Бессуднова*, 2019), хотя перечисление факторов, обусловивших экономический подъем Пскова в начале Нового времени, этим не исчерпывается.

Данный вопрос гораздо более сложнен и не подлежащит однозначной интерпретации; его следует рассматривать в широком контексте, по возможности с привлечением новых данных. Проблема развития псковской международной торговли в период перехода от Средневековья к Новому времени важна тем, что она имеет самое прямое отношение к процессу перестройки всей ганзейской торговли, происходившему в то время (*Hammel-Kiesow,* 2000. S. 98–108), еще мало изученному, особенно касательно «Русской Ганзы».

Расширение круга источников из зарубежных и российских архивных фондов, освещающих проблемы русско-ганзейской торговли, является магистральным путем решения этой задачи. Архив главы Ганзы, Любека, Archiv der Hansestadt Lübeck (AHL) в этом отношении может считаться особо перспективным (в первую очередь, фонды *Ruthenica* (AHL. ASA. Externa Hanseatica. Ruthenica 1.1-3.2/16; далее – Ruthenica) и *Livonica* (AHL. ASA. Externa Hanseatica. Livonica 1.1-3.2/11; далее – Livonica). Большая часть документации конца XV – начала XVI века опубликована в третьей и четвертой сериях «Ганзейских рецессов» (*Hansische Recesse;* HR), но документы, касающиеся Поздней Ганзы XVI–XVII веков, в основном все еще ждут своего часа. Фонды AHL неоднократно использовались историками при изучения русско-ганзейских отношений, хотя в фокусе их внимания неизменно оставались оставался Новгород и новгородское Немецкое подворье, что главным образом объясняется происхождением документов, в большинстве своем связанных с деятельностью любекских купцов из корпорации «новгородских гостей», ориентировавшейся на торговлю с «волховской метрополией». До 30-х годов XVI века Любек не принадлежал к торговым партнерам Пскова и имел выход на его рынок при посредничестве ливонских городов – главным образом, Дерпта (Тарту). Дает о себе знать и длительное отсутствие в Пскове иноземных торговых подворий с традициями канцелярского делопроизводства, равно как и прочность тандема Псков-Дерпт, уменьшавшая потребность псковских купцов в альтернативных площадках для торговли с ганзейцами. Вследствие вышеизложенного, материалы по ганзейской торговле Пскова в AHL весьма фрагментарны и разрознены, что, впрочем, не исключает их использования при изучении феномена псковской торговли эпохи трансформации русско-ганзейских отношений.

Приходится сожалеть по поводу гибели средневековых городских архивов Пскова и Дерпта, которые могли бы содействовать изучению торговых взаимоотношений этих городов. Однако, сохранились протоколы (рецессы) ганзетагов или собраний ганзейских городов, происходивших до начала 1538 года, а также сопровождающая их документация, опубликованные в корпусе ганзейских рецессов. В *Ruthenic*'е из AHL имеются выписки из неопубликованных протоколов более поздних ганзетагов (1540, 1557 и 1558 годов), где поднимались вопросы о русской торговле Ганзы.

1. Торговля псковичей в Нарве и Ревеле

Тесная связь Пскова с Дерптом по сути исключала прямые торговые связи псковичей с ганзейцами из других городов. Торговые магистрали из Риги, Ревеля (Таллинна), позже Пернау (Пярну) вели в Дерпт и только оттуда в Псков, попасть куда иногородним ганзейцам можно было сухопутным и водным путем лишь с разрешения дерптского магистрата и при выплате соответствующей пошлины. Отсутствие у псковичей альтернативных вариантов торговли с Западом заставляло их проявлять заинтересованность в установлении прямых связей с неганзейской Нарвой, чему немало способствовало удобное водное сообщение – из устья реки Великой по Псковскому и Чудскому озерам к истоку реки Наровы и далее по ней вплоть до Нарвы (*Weczerka H.,* 2002. S. 19). Для плаваний использовали легкие речные и озерные суда с парусным и весельным оснащением, за которыми в немецкоязычных источниках закрепилось русское название «лодьи» (*lodien*).

Плавания псковичей в Нарву активизировались на рубеже XV–XVI веков в связи с закрытием Немецкого подворья в Новгороде и ответным введением ганзейских санкций (*Бессуднова,* 2016. С. 222–229), под которые, однако, ни Псков, ни Нарва не попадали. В этот период Нарва, не будучи членом Ганзы, превратилась в неформальный, «необычный» центр русско-ганзейской торговли, в которой был задействован и Псков (Там же. С. 225–228). После подписания в 1510 году русско-ганзейского торгового мира и восстановления в 1514 году Немецкого подворья обстановка в Нарве осложнилась в связи с приказом великого князя Московского Василия III перенести международную торговлю из Нарвы в Ивангород на русском берегу Наровы. Иваногородский воевода И. Н. Бутурлин принял соответствующие меры. «Воевода вновь от имени великого князя запретил новгородцам и псковичам приходить в Нарву с их товарами для торговли, но все они должны следовать прямо в Ревель, – писали нарвские ратманы. – До сего времени мы предоставляли [им] путь по воде и по земле, но уже давно они проходят мимо и никто с нами не хочет торговать» (HR 1899, № 607).

Блокада Нарвы таким образом обеспечила псковичам, равно как иваногородцам, ямгородцам и другим русским купцам с приграничных с Ливонией территорий прямой выход на рынок Ревеля, где они могли заключать торговые сделки с купцами «заморской» Ганзы, минуя Немецкое подворье в Новгороде. «Русские купцы из приграничных районов, псковичи, иваногородцы и ямгородцы (*Gemmegrotschen*), которые Новгородской дорогой не пользовались, но доставляли русские товары напрямую в Ревель по Ревельской дороге» – значится в еще одном письме нарвского магистрата (HR, 1910, № 203, § 3). Из него, в частности, следует, что псковичи, добиравшиеся до Нарвы водным путем, следовали в Ревель по сухопутью Ревельской дорогой, а не по Нарове и вдоль морского побережья.

Нарве прямое сношение русских купцов с ревельцами было крайне невыгодно. На штедтетаге (совещании представителей ливонских городов) 1522 года делегаты Нарвы предложили сохранить «чистый путь» в Ревель только для новгородцев и псковичей, которые являлись субъектами русско-ганзейских договоренностей первой половины XVI века, тогда как жителей Ивангорода и Ямгорода следовало удерживать на границе, чтобы они торговали «по старине» лишь в Нарве

и только раз в году имели доступ в Ревель (HR, 1910, № 203, § 3; HR, 1910, № 206). В любом случае уже в начале XVI века псковичам был гарантирован доступ на рынок Ревеля в обход Дерпта и Нарвы, что существенно расширило их возможности по приобретению ганзейских товаров и продаже товаров русского экспорта.

2. Лен и пенька

Документы из любекской Ruthenic'и свидетельствуют о том, что основными товарами, экспортируемыми Псковом по ганзейским каналам в начале Нового времени, являлись лен и пенька. Одним из основных центров их реализации в конце 1520-х годов оставалась Нарва, где в результате возник ряд проблем: согласно требованиям русской стороны, взвешивание этих востребованных видов сырья производилось в Ивангороде (где купцы из Нарвы и Ревеля должны были их закупать), в то время как установить качество товара можно было лишь в Нарве. Лен и пенька поступали ливонским покупателям неочищенными, из-за чего те терпели большие убытки. Штедтетаг в Валке 1522 года потребовал осуществлять торговые сделки только после освидетельствования товара на браковальне в Нарве (HR, 1913, № 524), но магистрат Нарвы в 1529 году отклонил это в связи с нерентабельностью содержания браковальни в Нарве при взвешивании сырья в Ивангороде (HR, 1913, № 523, § 5). Потребность в улучшении качества данных видов сырья предопределялась прежде всего жалобами, которые Любек как глава Ганзы и основной «дистрибьютор» русской продукции на ганзейском рынке получал в конце 1530-х – начале 1540-х годов из Нюрнберга, Франкфурта, Лейпцига и многих других городов империи. В Любек лен и пенька поступали из Ревеля, а туда – из Нарвы, граждане которой предпочитали покупать лен у псковичей, а не у ливонских производителей (Livonica, № 51, fol. 1v.–1r.). В 1529 году дерптские ратманы предлагали учредить в Нарве браковальни для проверки качества льна и пеньки (HR, 1913, № 523, § 5), но магистрат Нарвы проявил сдержанность в этом вопросе. В последующие годы вопрос поднимался не раз, а в 1540–1542 годах в обсуждении комплекса мер, связанных с этой проблемой, принимал участие Любек (Livonica, № 51). Вопрос обсуждался в 1541 году на штедтетаге ливонских городов в Пернау (Пярну), «поскольку ловкому мошенничеству русских со льном ныне следует противодействовать и [его] устранить» (Livonica, № 51, fol. 5v.). Речь опять шла о продаже неочищенных льна и пеньки, а также о требовании к поставщикам увязывать товар в однотипные мерные снопы в целях оптимизации рассчета при покупке.

Несмотря на проблемы реализации льна и пеньки на ганзейском рынке, Псков на протяжении всей первой половины XVI века сохранял статус основного поставщика этого востребованного на Западе сырья, что, безусловно, положительно сказалось на авторитете Пскова в ганзейском окружении.

3. Серебро

Западноевропейское серебро, поступавшее по ганзейским каналам в Ливонию и далее в Россию, являлось значимым элементом русско-ганзейского товарообмена, поскольку в качестве товара-«валюты» восполняло ограниченность объемов поступавших на русский рынок ганзейских товаров, недостаточных

для ведения торговли по принципу «товар против товара». Ревель использовал восстановление новгородской ганзейской конторы (Немецкого подворья) в 1514 году для установления собственного контроля за поставками серебра в Новгород и для превращения Немецкого подворья в своеобразный депозитарий или «денежное место» (*Geldstelle*), существование которых предусматривалось порядком ганзейской торговли в условиях распространения кредита (*North,* 1999. S. 43–46; *Denzel*, 2016. S. 70–76, 86–87). Стратегия Ревеля, направленная на монополизацию поставок серебра в Россию, предполагала блокирование канала Рига – Дерпт – Псков, что нашло отражение в содержании любекской *Ruthenic*'и. В 1519 году бургомистр Дерпта на очередном совещании представителей ливонских городов предложил отменить запреты ганзейцам возить в Псков серебро вместе с другими товарами, «что приносит немалый вред общему благу», и позволить продавать его в Пскове в соответствии со «стариной» (HR, 1905, № 157, §§ 32, 33). Там же прозвучало, что «среди прочих товаров его [серебро] уже давно не имеют обыкновения везти на Псков» (HR, 1905, № 157, §§ 32, 40). В перечне товаров, фигурировавших в торговле Дерпта с Псковом (по соглашению дерптского магистрата с Большой и Малой гильдиями от 12 марта 1528 года), серебро не упоминается (*Mettig,* 1904. S. 96–98).

Стремление Ревеля взять на себя руководство кампанией по унификации проб и введению типовой маркировки серебра, предназначенного для русской торговли, облегчавшей использование товара-«валюты», привело к концентрации серебра в двух основных пунктах – в Ревеле и пограничной Нарве (*Бессуднова*, 2021. С. 217–223). Это обстоятельство, надо полагать, в свою очередь, содействовало активизации псковской торговли в этих направлениях – только там Псков, фактически отрезанный от прямой поставки импортного серебра, мог его получать в обмен на свою товарную продукцию. Не следует забывать, что в условиях XVI века русско-ганзейский обмен без ганзейского серебра был в принципе невозможен.

С начала 1520-х годов приток серебра в Новгород существенно сократился в связи с проведением ливонскими ландсгеррами денежной реформы и введением ограничений (с 1537 года – запрета) на вывоз серебра из Ливонии (*Бессуднова,* 2021. С. 227–229). Следствием этого стало разрушение традиционного порядка торговли Новгорода с Ганзой при посредничестве ливонских городов во главе с Ревелем, контролировавшим Немецкое подворье, и создание новой системы с опорой на Любек.

4. Любекцы и их *гезеллен* (служащие, приказчики)

Современное ганзеведение далеко продвинулось в изучении механизма ганзейского товарообмена и способов получения купеческих прибылей периода расцвета Ганзы. В фокусе внимания исследователей сейчас находится так называемая «теория трансакций», предложенная С. Дженксом и развитая его многочисленными последователями. Согласно этой теории, основная часть прибылей в системе ганзейского торгового предпринимательства, связанного с перемещением товаров на дальние расстояния, обеспечивалась посредством сокращения трансакций или накладных расходов на транспортировку товаров,

на хранение, проверку качества, изучение конъюктуры рынка, получение коммерческой информации, обеспечение безопасности купца на время деловой поездки, его дорожные расходы и т. д. (*Jenks S.*, 2005. S. 34–42). Экономия в этих сферах достигалась путем оригинальных, тщательно разработанных и сбалансированных сугубо ганзейских средств, важнейшим из которых была система партнерских взаимоотношений на уровне личных связей, объединявших всех участников ганзейской торговли и возникшей на их основе торговой кооперации. Так родилась идея ныне широко ивестной ганзейской «сети» или «паутины» (*Netzwerk*), которая в настоящее время является важным сюжетом ганзейской проблематики (*Jahnke*, 2014. S. 47–58).

Формированию ганзейской «сети» немало содействовала перестройка механизма товарообмена на Балтике в рамках западноевропейской «коммерческой революции» XIII–XIV веков (*Hammel-Kiesow*, 2000. S. 52–53). Владелец торгового капитала переставал совершать коммерческие поездки, доверяя их своим служащим – факторам, юнгкнехтам или *гезеллен* (служащим, приказчикам), которыми руководил из своей конторы посредством переписки. Разветвленная сеть *гезеллен*, которые работали с процента от прибылей, не исключавшего доходов от собственного предпринимательства, стала основным средством торговой экспансии ганзейских купцов. *Гезеллен* из Ревеля и Дерпта, к примеру, заняли основные позиции на новгородском Немецком подворье после его восстановления в 1514 году (*Бессуднова*, 2021. С. 102–103).

Основание в начале 1530 годов Немецкого двора в Пскове послужило сигналом для проникновения туда *гезеллен* ганзейских городов к великому неудовольствию купцов из Дерпта, которые продолжали считать псковичей своими основными партнерами. На ливонском ландтаге 1537 года ратманы Дерпта констатировали, что *гезеллен* из Риги, Ревеля и даже из Любека наряду с их собственными служащими в большом количестве едут торговать в Псков: «У них там подворье, которое русские учредили, несомненно, в надежде обрести торговлю и место складирования товаров немецких купцов, и потому им не нужно ехать со своими товарами в Ливонию к невосполнимому ущербу, вечному упадку и ущербу не только для Дерпта, но и для всего купечества Ливонии» (HR, 1970, № 679, § 7). Дерпт, уступивший первые позиции Ревелю на новгородском Немецком подворье, откровенно не жаждал повторения того в Пскове, куда помимо прочих, стягивались *гезеллен* купцов из Любека, который не принадлежал к числу его прямых торговых партнеров. Здесь мы имеем непреложное свидетельство перестройки порядка русско-ганзейской торговли, которая в XV веке осуществлялась при посредничестве ливонских городов, а в XVI веке все больше стала переходить в прямую зависимость от Любека (*Бессуднова*, 2021. С. 317–344). Тенденция стала необратимой по окончании Ливонской войны в результате привилегий, пожалованных Любеку московскими государями в 1586 и 1603 годах.

Утвердившись на Немецком дворе в Пскове, Любек обрел прочный плацдарм для торговой экспансии в русские пределы. Значимость Псковского торгового подворья для городов «заморской» Ганзы во главе с Любеком была тем выше, чем больше оно позволяло нейтрализовать ограничения торговли «заморян», производимые ливонскими городами.

5. Гостевые запреты Дерпта

Со второй половины 1530-х годов ливонские города, обеспокоенные стремлением «заморских» ганзейцев установить прямые деловые контакты с русскими купцами, стали практиковать ограничения на своей территории, используя старинную норму «гость да не торгует с гостем» (*Бессуднова*, 2021. С. 234–243). Наряду с Ревелем наибольшую активность в осуществлении запретов на «гостевую торговлю» ганзейцев в Ливонии проявлял Дерпт, имевший доступ на Немецкие подворья в Пскове и Новгороде. У городских властей Дерпта были заботы по ограничению доступа «заморских» купцов в Псков и пресечению их контактов с псковичами в самом Дерпте. В 1542 году «новгородские гости» Любека, которые имели обыкновение посещать не только Новгород, но и Псков (*Harder-Gersdorf*, 2002. S. 97–148), жаловались любекскому магистрату на препятствия, чинимые дерптцами их торговле с русскими, которую они ведут при помощи своих *гезеллен* так, «как мы ее вместе с нашими служителями постоянно использовали». При этом речь шла не только об обложении любечан «фунтовой пошлиной», но о стремлении Дерпта «всюду запретить открытую, свободную торговлю и дела с русскими и более не разрешать», разве что при посредничестве граждан Дерпта с выплатой довольно высоких комиссионных – с каждого шиффунта [берковца] товара по две рижские марки (Ruthenica, № 21/58). Из всего происходящего любечане поняли, что «в этом должно заключаться намерение не терпеть у вас [дерптцев] наших [сограждан] и их торговлю» (Ibid.). Преграды такого рода мешали любекцам расширить свой доступ к псковским экспортным ресурсам на ливонской земле, хотя отчасти положение спасала Нарва, создававшая для торговых «гостей» из Любека режим наибольшей комфортности (*Бессуднова*, 2021. С. 251–253).

6. Мариенбургская дорога

Согласно «старине», из Ливонии, куда поставлялись товары «заморской» Ганзы, на Русь вели две основные сухопутные дороги: Ревель-Нарва-Новгород и Рига-Дерпт-Псков. Все остальные маршруты, которых было немало, считались «необычными», недозволенными для иноземцев. Орден в указанной системе коммуникаций занимал не слишком заметное положение. Дерпт пребывал под властью своего епископа, а Рига с Ревелем, хоть и признавали своим государем (ландсгерром) ливонского магистра, обладали собственным правом и временами находились в конфронтации с орденом. Городом орденского подчинения была Нарва, которая, однако, не принадлежала к Ганзе. Поэтому не стоит удивляться, что к началу 1520-х годов ливонский магистр Вольтер фон Плеттенберг (1494–1535) вознамерился замкнуть экспортные потоки на владениях ордена, для чего в дополнение дал разрешение иноземным купцам следовать третьим направлением – от орденской крепости Мариенбург (Алуксне), расположенный близ псковской границы, через владения ордена в центре страны и в бассейне Даугавы далее на Ригу (*Бессуднова*, 2021. С. 288–291).

Решение магистра явилось разрушением традиционной системы сообщений, удобной для трех ливонских «коммун». В начале 1522 года Дерпт сообщал

в Ревель о своих хлопотах по закрытию Мариенбургской дороги (*Hildebrandt*, 1872, № 530). Магистрат Ревеля также выразил опасение вреда для торговли Нарвы и Дерпта, «лишеных прибылей», непереносимых убытках и значительных бедах для Ревеля и ливонского рыцарства, которые приходится ожидать от новой дороги. Ливонские города писали магистру, что великий князь может теперь в нарушение крестоцелования блокировать Нарвскую (Ивангородскую) и Дерптскую (Псковскую) дороги, по которым в ливонские города поступали товары из России, без ущерба для своих подданных (имеются в виду псковичи), поскольку те будут следовать на Ригу по Мариенбургской дороге, оставляя в стороне традиционных ливонских партнеров (*Hansen*, 1895, № 195).

Необходимость закрытия Мариенбургской дороги во избежание упадка торговли обсуждалась Ревелем и Дерптом на штедтетаге в Вольмаре в присутствии представителей Нарвы, Вендена и Вольмара. Результаты совещания по поводу Мариенбургской и Нарвской дороги представлены в рецессах и более подробно изложены в письме Ревеля, адресованном в Любек. Суммируя сказанное, можно отметить, что движение купцов, русских и немецких, через мариенбургский участок границы разрешалось ливонской стороной при условии пользования услугами возчиков из ливонских крестьян, выплаты пошлины с каждой груженой телеги, возможности для русских купцов посетить Дерпт. В случае, если они не захотели бы продавать свои товары в Дерпте, они были вольны вести их в Венден или Ригу. Были затронуты также вопросы о содержании мостов (*vere*) и корчм (*kroge*), улучшении дорог (*wege*) и путей (*stege*), причем, как отмечено в рецессе, не во благо русских, а «исключительно ради собственных нужд и не к упадку этой страны». Если великий князь и его наместники перекроют дороги между Новгородом и Нарвой, Мариенбургскую и Ревельскую дороги, пролегавшие по владениям ордена, также полагалось заблокировать. И если от немецких купцов поступит жалоба, что их долго удерживают на русской границе и тем самым причиняют большие убытки, с русскими купцами на ливонской границе полагалось поступать соответственно (HR, 1910, № 201, § 6; HR, 1910, № 203, § 3).

Компромиссное решение проблемы Мариенбургской дороги в 1522 году был обусловлено расширенным составом штедтетага, на котором наряду с постоянными участниками из трех «коммун» присутствовали бюргеры двух городов орденского подчинения, Нарвы и Вендена, а также Вольмара, принадлежавшего архиепископу Рижскому. Утверждение торгового тракта, пролегавшего через ряд орденских городов и округов, гебитов, включая столицу орденского государства Венден, их подключение к русской торговле и прямая связь с портом Риги, вне всякого сомнения, способствовало их экономическому развитию и включению в ганзейскую «сеть». Добавим сюда пошлины с купцов, взимаемые в Мариенбурге, использование (не бесплатное) его транспортных ресурсов, обустройство дороги – и можно прийти к заключению, что расчет магистра Плеттенберга на Мариенбургскую дорогу вполне себя оправдал. Но у этой медали была и оборотная сторона. С началом Ливонской войны Мариенбургская дорога облегчала переброску русских войск от русско-ливонской границы во внутренние районы Ливонии, к Вендену и Вольмару.

Впрочем, это произойдет позже, а пока в числе особо недовольных пребывали купцы из Ревеля и Дерпта. Существование Мариенбургской дороги не укладывалось в схему традиционной русско-ганзейской торговли, и потому оба ливонских города упорствовали в желании ее закрыть, но, как это случилось в начале 1524 года на штедтетаге в Ваве, вынуждены были расписаться в собственном бессилии и довериться «господам страны». Единственное, что они смогли сделать, – так это осудить Бертольда Вармбеке и других дерптских *гезеллен*, которые посоветовали («указали дорогу») русским купцам ехать с товарами на Мариенбург (HR, 1910, № 512, § 20). В явном выигрыше оказалась Рига, которая благодаря Мариенбургской дороге получила прямую связь с Псковом, а также расширила свой *хинтерлянд* (регион влияния) за счет орденских земель. Просьбы представителей Ревеля и Дерпта, обращенные к рижанам на ландтагах в Руене и Ревеле в феврале 1526 года, «чтобы они ради общего блага и процветания прочих местных городов, а именно Дерпта, отказались от Мариенбургской дороги и больше не препятствовали ее закрытию, но содействовали тому» (HR, 1910, № 512, § 20), и на этот раз не были услышаны. Как, впрочем, и позже (HR, 1910, № 575, § 8).

Подводя итоги сказанному, следует сказать, что рост значения Пскова в ганзейской торговле начала Нового времени был обусловлен не только сворачиванием деловой активности Немецкого подворья в Великом Новгороде, но и комплексом предпосылок, связанных с видоизменением средневекового порядка русско-ганзейской торговли, которое оказалось во благо Пскову. Прежде всего это касалось расширения его прямых деловых связей с Нарвой и Ревелем, заинтересованных в приобретении основных псковских товаров – льна и пеньки, которые пользовались спросом на европейском рынке. Прямой выход псковских купцов на Нарву и Ревель помог Пскову отчасти преодолеть недостаток поступления импортного серебра, которое обеспечивало русско-ганзейский товарообмен, но вследствие политики Ревеля, старавшегося координировать распределение поступавших в Россию серебряных потоков, практически перестало поступать в Псков. Позитивным для развития псковской торговли стало внимание к ней главы Ганзы, Любека, который старался трансформировать традиционную систему русско-ганзейской торговли, осуществлявшейся при посредничестве ливонских городов, путем расширения своего присутствия на русском рынке. Для достижения этой цели любекские предприниматели, объединенные в корпорацию «новгородских гостей», использовали преимущества «сетевой» организации товарообмена и внедрялись на псковский рынок посредством своих служащих (*гезеллен*). Особо тому благоприятствовало появление в начале 1530-х годов свободного от установок русско-ганзейской «старины» псковского Немецкого подворья. Стремление «заморских» ганзейцев, в первую очередь, любечан, укрепить свои позиции в международной торговле Пскова было обусловлено также ограничениями «гостевой торговли» в городах Ливонии во главе с Ревелем и Дерптом. Дерпт старался препятствовать проникновению иногородних ганзейцев в Псков, однако появление Мариенбургской дороги, связавший орденские владения на псковско-ливонской границе с портом Риги, решило проблему псковского экспорта в обход Дерпта и Нарвы.

Литература

Бессуднова М. Б., 2016. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Воронеж: Научная книга. 454 с.

Бессуднова М. Б., 2019. «Необычная торговля» как фактор видоизменения русско-ганзейских отношений в XV – начале XVI века // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 5 (23).

Бессуднова М. Б., 2021. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб.: Евразия. 480 с.

Angermann N., 1991. Deutsche Kaufleute im mittelalterlichen Novgorod und Pleskau // Deutsche im Nordosten Europas / Hrsg. H. Rothe. Köln; Wien: Böhlau. S. 59–86.

Denzel M. A., 2016. Kommerzielle Innovationen für den Hanseraum? Ein Beitrag zum Strukturwandel des internationalen Handels des 15. und 16. Jahrhunderts // Hansischer Handel im Strukturwandel vom 15. zum 16. Jahrhundert / Hrsg. R. Hammel-Kiesow. Trier. S. 67–100.

Hammel-Kiesow R., 2000. Die Hanse. München: C. H. Beck. 128 S.

Hansen G., 1895. Regesten aus zwei Missivbüchern des XVI. Jahrhunderts in Revaler Stadt-Archiv. Reval. 172 S.

Harder-Gersdorf E., 2002. Lübeck, die Kompanie der Novgorodfahrer und der Rußlandhandel vor der Gründung St. Petersburgs // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 120. S. 97–148.

Hildebrandt H., 1872. Bericht über die im Reval'schen Rathsarchiv für die russisch-livländischen Wechselbeziehungen im 15. und 16. Jahrhundert ausgeführten Untersuchungen // Mélanges Russes tirés du Bulletin historico-philologique de l'Académie des scienes. Vol. 4, part. 6. St.-Pétersbourg. S. 716–802.

HR – Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage:

Abt. 3, Bd. 6. Leipzig, 1899. 863 S.

Abt. 3, Bd. 7. Leipzig, 1905. 941 S.

Abt. 3, Bd. 8. Leipzig, 1910. 975 S.

Abt. 3, Bd. 9. München: Dunker & Humblot, 1913.

Abt. 4, Bd. 2. Köln: Böhlau, 1970. 640 S.

Jahnke C., 2014. Moderne Netzwerkforschung in der regionalen Hansegeschichte: Möglichkeiten, Gefahren und Perspektiven // Hansegeschichte als Regionalgeschichte. Frankfurt am Main. S. 47–58.

Jenks S., 2005. Transaktionskostentheorie und die mittelalterliche Hanse // Hansische Geschichtsblätter. Bd. 123. S. 34–42.

Livonica – Archiv der Hansestadt Lübeck (AHL). ASA. Externa Hanseatica. Livonica 1.1-3.2/11.

Mettig K., 1904. Die Exportwaren des russisch-hanseatischen Handels // Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Riga, 1904. S. 92–96.

North M., 1999. Kreditinstrumente in Westeuropa und im Hanseraum // Kopet uns werk by tyden: Beiträge zur hansischen und preussischen Geschichte / Hrsg.: N. Jörn, D. Kattinger, H. Wernicke. Schwerin. P. 43–46.

Ruthenica – Archiv der Hansestadt Lübeck (AHL). ASA. Externa Hanseatica. Livonica 1.1-3.2/16.

Weczerka H., 2002. Hansische Handelswege in den nordwestrussischen Raum // Novgorod – Markt und Kontor der Hanse / Hrsg.: v. N. Angermann, K. Friedland. Köln: Böhlau. S. 15–24.

* * *

Бессуднова Марина Борисовна, *д. и. н., Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; e-mail: magistrmb@gmail.com*

Д. А. Бессуднов

Отражение роли Пскова и Псковской земли в материалах Герцогского архива (Берлин)[1]

Резюме. Собрание документов Herzogbriefarchiv из Тайного архива Прусского культурного наследия в Берлине представляет собой обширный комплекс источников, охватывающий период с начала XVI по XVII век. Данный фонд, состоящий преимущественно из личной переписки прусского герцога Альбрехта Бранденбург-Ансбахского и снятых для его нужд копий официальных постановлений, даёт обстоятельное представление о характере и динамике развития международных отношений на заре Нового времени. Во второй половине XVI века внимание государей Швеции, Дании, Польско-Литовского государства и самой Пруссии оказалось сосредоточено вокруг судьбы так называемой Старой Ливонии (Alt-Livland), ставшей камнем преткновения в территориальных спорах с молодым Московским государством. Псков, находящийся в непосредственной близости к прибалтийским землям, издревле играл в русско-ливонских отношениях двойственную роль: с одной стороны, он имел важное значение в транзитной торговле через Ливонию, однако вместе с тем являлся и ключевым пунктом в системе стратегической обороны западнорусских земель. Целью настоящего исследования является освещение роли Пскова и псковской земли в разгоревшемся конфликте за территорию Старой Ливонии в документах фонда Тайного архива Прусского культурного наследия, относящихся к начальному периоду Ливонской войны (1558–1583 гг.).

Ключевые слова: Псков, Ливония, Ливонская война, Россия, Пруссия

D. A. Bessudnov. Reflection of the Role of Pskov and Pskov Land in the Materials of Herzogbriefarchiv (Berlin)

Abstract. The Herzogbriefarchiv collection of documents from the Secret Archives of the Prussian Cultural Heritage in Berlin is a complex of resources encompassing the period from the early 16th to the 17th century. This fund mainly consists of personal correspondence of Prussian Duke Albrecht of Brandenburg-Ansbach and copies of official decrees, giving a detailed idea of nature and dynamics of international relations development at the beginning of Modern history. In the second half of the 16th century, attention of sovereigns of Sweden, Denmark, the Polish-Lithuanian state and Prussia itself was fo-

[1] Исследование произведено при поддержке РНФ, проект № 19-18-00183.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.155-163

cused on the fate of so-called Old Livonia (Alt-Livland), which became a stumbling block in territorial disputes with the Moscow state. Pskov, located close to the Baltic lands, was of great importance in the strategic defense system of the West Russian lands. The purpose of this study is to highlight the role of Pskov and the Pskov land in the outbroken conflict for the territory of Old Livonia in the Secret Archive of the Prussian Cultural Heritage Foundation documents dating back to the initial period of the Livonian War (1558-1583).

Keywords: Pskov, Livonia, Livonian War, Russia, Prussia

Важным аспектом современного исторического исследования является постоянное расширение круга доступных источников. Однако, открытие новых и актуализация малоизвестных фондов ставит перед исследователями вопрос о включении полученных материалов в общий круг источников, а также их сопоставления с уже известными и опубликованными собраниями документов. С учётом самого формата исследования – строго ограниченной по объему статьи – создание полноценной характеристики фонда документов из Герцогского архива не представляется возможным в силу их количества. Однако, даже если невозможно представить весь фонд источников, вполне осуществима выборочная презентация материалов Герцогского архива (Herzogbriefarchiv) по общей теме или признаку, что также позволяет получить представление о малоизвестном документальном комплексе в контексте исследования истории конкретного региона или города. Псков как субъект настоящего исследования выбран совсем не случайно – его история и роль в международных отношениях традиционно рассматривается в контексте истории Великого Новгорода. Такой подход, с одной стороны, обосновывается длительностью и самим характером взаимоотношений этих городов, а с другой – скудостью доступной источниковой базы по истории внешних отношений конкретно псковской земли. Однако столь несправедливое соотношение в настоящее время видится не вполне оправданным, что и подводит к необходимости включения в круг известных документов новых материалов. Цель настоящей работы – отражение роли Пскова и псковской земли в документах фонда Тайного архива Прусского культурного наследия, относящихся к начальному периоду Ливонской войны (1558–1583 гг.).

После секуляризации Тевтонского ордена в 1525 году и создания герцогства Пруссия был образован архив, включивший в себя преимущественно личные документы, судебные постановления, а также обширную, в том числе конфиденциальную, переписку последнего верховного магистра Тевтонского ордена в Пруссии и первого прусского герцога Альбрехта Бранденбургского (1511–1568 гг.), копии официальных постановлений, инструкции и отчеты дипломатов, а также их корреспонденция на верхненемецком, нижненемецком и латыни. В 1710 году материалы фонда были тщательно структурированы и был создан реестр всех документов. После создания в 1849 году архива Бранденбургско-Прусского дома большая часть материалов фонда была включена в его состав. Также известно, что в 1853 году материалы HBA подверглись повторной сортировке и в дальнейшем хранились в ящиках по отделам

в соответствии с принципом актуальности. Как часть архива герцогской канцелярии (Herzogliche Kanzlei) фонд герцогских писем до 1930 года находился в замке Кенигсберга. Затем в связи с постройкой архивного здания в Далеме (Берлин) материалы фонда были перевезены в новое хранилище. В 1944 году по соображениям безопасности большая часть архивов была перемещена в соляные копи Граслебена, а уже после завершения Второй мировой вновь вернулась в архивное здание в Далеме, где находится и по сей день. Настоящий архив, принадлежавший прусскому герцогу Альбрехту, содержит ценные источники по истории внешнеполитических отношений, а именно корреспонденцию главных фигурантов Ливонской войны – русского царя Ивана IV (1533–1584 гг.), польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II Августа (1548–1572 гг.), Рижского архиепископа Вильгельма Бранденбургского (1539–1563 гг.), немецких князей, представителей ливонских сословий, членов литовской Рады и других. Кроме того, в архиве содержатся рукописные копии официальных постановлений и меморандумов, касающихся распада Ливонской конфедерации, а также инструкции и посольские отчеты дипломатов, их внутренняя корреспонденция.

Псков, располагаясь в непосредственной близости от Дерпта (Тарту), на протяжении всего Средневековья играл ключевую роль во взаимоотношениях с Ганзой и землями Старой Ливонии (Alt-Livland) (*Колотилова*, 1994. С. 24). В целом отношения Пскова и Ливонии были достаточно спокойными – обе стороны были заинтересованы, в первую очередь, во взаимной торговле, их конфликты носили несистематичный характер и неизменно завершались возобновлением взаимовыгодной торговли (*Ангерманн,* 2003. С. 305–309; *Хорошкевич*, 2003. С. 33–39; *Selart,* 2015. S. 102–122). Однако, начиная с XIV века частота столкновений на русско-ливонской границе заметно возросла, а на самой границе начинается обоюдное строительство защитных сооружений (*Артемьев*, 1998. С. 92; *Бессуднова*, 2013. С. 192–193). Впрочем, данный факт не столько свидетельствует об изменении характера отношений Пскова и Ливонской конфедерации, сколько указывает на результаты постепенного освоения приграничных территорий обеими сторонами. Это подтверждается стабильным развитием псковско-ливонских торговых отношений, регулярным перезаключением соглашений касательно границы и сохранением локального характера столкновений (*Бессуднова,* 2016. С. 65–75). Более того, с началом XVI века объемы псковской торговли в Ливонии значительно возросли, превзойдя даже размах его северного соседа, Великого Новгорода (*Хорошкевич,* 1968. С. 17–27). Тем не менее, прецеденты военных столкновений на псковской и новгородской границах стали одним из элементов в формировании дискурса «русской угрозы», занимающего большое место в источниках по истории Ливонии XVI века. И хотя действительность подобных опасений в настоящее время ставится под сомнение многими исследователями, отмечавших спекулятивность подобных утверждений (*Маазинг*, 2010; *Филюшкин*, 2013. С. 601–611; *Selart,* 2014. S. 339–358), вероятность вторжения в пределы Ливонии со стороны русских земель обсуждалась с завидной частотой. Объяснением тому служит окончательное становление к XVI веку России

как сильной централизованной державы, ключевую роль в рамках которой играла Москва. Молодое государство было чуждо европейскому укладу, отличалось по форме политического устройства, в отношении религии и культурных ценностей, и – что немаловажно – оно демонстрировало стремление к территориальному расширению, что предоставило обильную почву для политических спекуляций, прекрасно подходящих для уклонения от денежных взносов в пользу Священной Римской империи, но на деле никак не реализованных в плане политической практики (*Selart,* 2009. S. 55–69; *Бессуднов,* 2015. С. 1–5).

Нависшая над Ливонией «русская угроза» отразилась и в прусских документах XVI века, красной линией проходя сквозь материалы всего герцогского архива, касающиеся взаимоотношений с Российским государством. Наиболее ранним документом фонда, освещающим роль конкретно Пскова в отношениях между Василием III (1505–1533 гг.) и ливонскими сословиями, служит письмо магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга (1494–1535 гг.) к фогту крепости Кандау Генриху фон Галену от 2 января 1526 года, в котором магистр сообщал о нападениях русских на ливонские земли и высказывал намерение просить прусского герцога пропустить его людей через свои земли для вербовки наемников и закупки необходимых припасов (GSTA HBA D, № 7). Из текста данного письма становится понятно, что сообщение с великим князем Московским происходило не напрямую, а при посредничестве псковского наместника, к которому по тому же вопросу обращался и архиепископ Рижский Иоганн Бланкенфельд (1524–1527 гг.) (GSTA HBA D, № 9). Особая роль новгородских и псковских наместников в отношениях с Ливонией отмечалась при заключении мирного договора Василия III с ливонскими сословиями, где со стороны великого князя ливонцы обвинялись не только в том, что они в давние времена «отдались» от власти его рода к королям Польши и великим князьям Литовским, но и в том что нарушили свои обязательства в отношении Великого Новгорода и Пскова (GSTA HBA D, № 170). И хотя нет никаких сомнений в том, что новгородские и псковские наместники полностью зависели от решений Москвы, формально договор заключался именно с ними.

По всей видимости, необходимость подобного посредничества была обусловлена более высоким статусом великого князя Московского, претендовавшим на царский титул, по сравнению с ливонскими сословиями, большая часть которых едва ли могла похвастаться высоким происхождением. Вдобавок, посредничество Пскова и Новгорода стало продолжением существовавшей системы взаимоотношений, сложившихся еще до образования единого государства с центром в Москве, создавая тем самым видимость непрерывности издревле устоявшейся политической традиции. Исходя из материалов герцогского архива, участие псковских наместников во взаимоотношениях Российского государства и Ливонской конфедерации включало в себя взаимодействие с посольствами, демаркацию ливонско-русской границы и решение «купеческих дел»: заключение договоренностей и уточнения деталей торгового сообщения, а также разбирательство по факту нарушений с обеих сторон (GSTA HBA D, № 7, № 9, № 22, № 928, № 1298, № 1511 и др.). В архиве прусского герцога Альбрехта содержится конкретная информация по поводу

двух таких дел: ограблении и аресте русских купцов в Ливонии (GSTA HBA D, № 170) и нападении на крестьян в окрестностях Мариенхаузена (Алуксне), осуществленное со стороны России (GSTA HBA D, № 1044), решать которые полагалось при непосредственном участии наместников Пскова и Новгорода.

Будучи экономически заинтересованными в транзитной русской торговле, прибалтийские земли весьма пристально следили за положением дел в Российском государстве, и Псков, как город пограничный, регулярно фигурировал в материалах архива прусского герцога. В переписке циркулировали слухи о возможном вторжении польско-литовского государя Сигизмунда I (1506–1548 гг.) в псковские земли в 1536 году, освещались обстоятельства мятежа дяди Ивана IV, князя Андрея Старицкого, намеревавшегося подчинить себе северо-западные земли, отношения России с Польско-Литовским государством и вторжениях татар, а также сведения о печальной судьбе псковского наместника, которого молодой Иван IV заподозрил в измене и приказал колесовать (GSTA HBA D, № 861, № 873, № 930, № 1170, № 1370). Для европейцев, по большей части весьма слабо представлявших себе культуру Российского государства, именно подобные сведения, идущие со стороны близких к границе крупных городов, формировали образ «московитов» в целом, что позволяет оценивать Псков и Новгород ещё и как источник представлений о Российском государстве. В материалах письменного архива встречаются и указания на русских осведомителей, снабжавших ливонцев ценными сведениями о политической ситуации: купцов, переводчиков и простых псковичей (GSTA HBA D, № 1170, № 1451, № 1541). Значение Пскова как пограничного города подкреплялось его статусом перевалочного пункта для всех, кто, вопреки установленному запрету, желал поступить на русскую службу: прибывшие в город с этим намерением получали первичное финансирование из рук наместника и лишь после этого их переправляли дальше, в Москву (GSTA HBA D, № 1417).

Основой для упомянутого запрета, включавшего также эмбарго на продажу меди, серебра, свинца и доспехов, помимо очевидных выгод от поддержания транзитного характера ливонской экономики, также служила уже обозначенная «русская угроза». Ливонцы с завидной частотой высказывались о той опасности, которой подвергнется весь христианский мир в случае, если «неверные» получат прямой доступ к балтийскому рынку и смогут приобретать современное оружие, стратегическое сырье и специалистов (GSTA HBA D, № 22, № 2135; *Королюк,* 1954. С. 29–32, *Urban*, 2004. P. 503–504). Выдающимся памятником антирусской риторики середины XVI века является обращение посла ливонского магистра Иоганна фон дер Рекке (1549–1551 гг.) к императору Карлу V (1519–1556 гг.), также представленное в письменном архиве прусского герцога Альбрехта. В этом документе сообщалось, что Иван IV запретил наместникам Пскова и Новгорода заключать с Ливонией мирный договор и выдвинул Ливонии ультиматум: отмена ограничений на торговое сообщение с Прибалтикой либо война. Образ русского царя в этом тексте обозначен самыми темными красками: склонный к кровопролитию в силу юного возраста и уже не раз прошедший по окраинным ливонским землям огнём и мечом «не щадя даже младенцев в их колыбели», русский царь, по мнению

магистра, стремился отколоть Ливонию от христианства, разрушая храмы и допуская в свое государство под видом ремесленников и торговцев еретиков-протестантов. По счастью, «варвары-московиты» плохо оснащены артиллерией и другой военной техникой, а также плохо обучены и не имеют флота, но представляют большую угрозу, ведь стоит им получить доступ к Балтике, как они сразу подчинят себе Ливонию, Литву, Польшу, Пруссию и Швецию (GSTA HBA D, № 1511). Слухи о скором появлении русского флота в Прибалтике лишь укреплялись по мере обострения русско-ливонских противоречий, переросших в конечном счёте в масштабную Ливонскую войну, однако к действительным причинам войны имели весьма слабое отношение (*Oakley*, 1992. P. 8; *Tiberg*, 1984, S. 83–84).

Предыстория и ход войны за Прибалтику представлены в архиве герцога Альбрехта весьма досконально, поскольку сам он выступал в роли одного из авторов инкорпорации Ливонии в состав Польско-Литовского государства, приняв непосредственное участие в развале конфедерации. Тревога ливонских сословий по поводу возможного русского вторжения многократно усилилась в 1551 году в связи с успехами Ивана IV на восточном направлении – по сообщениям псковских и новгородских купцов в Дерпте (Тарту) и Дюнабурге (Даугавпилсе), царь вскоре возьмёт Казань и после этого направит свои войска на запад. Ливонские сословия ожидали скорого нападения со стороны Пскова, куда, по сообщению рижского архиепископа Вильгельма, царь намерен отправить огромное войско в 80 тысяч татар (GSTA HBA D, № 1541). И хотя инициирование защитных мер от посягательств Ивана IV обсуждалось в переписке, конкретные так и не были предприняты из-за разобщенности ливонских сословий, сопровождавшейся обострением внутренней борьбы за политическое главенство в XVI веке.

Дело в том, что Ливонское отделение Тевтонского ордена с самого своего появления в Прибалтике претендовало на роль государственного центра, способного объединить вокруг себя всех ливонских ландсгерров (*Jähnig*, 1997. 97–111; *Neitmann*, 1991. S. 109–137). Противником магистров в деле централизации выступало духовенство, и в особенности архиепископы Рижские, возглавлявшие католическую церковь в Ливонии. Эта борьба, начавшись ещё в XIII веке, продолжилась до XVI века, став постоянным источником политических кризисов и одной из главных причин распада Ливонской конфедерации (*Angermann*, 2010. С. 32–39; *Hellmann*, 1992. S. 123–130). Подобная внутриполитическая обстановка и стала одной из причин того, что «русская угроза» хоть и была вполне реальна, но в основном применялась лишь как риторическая формула, декларируемая в целях укрепления влияния отдельными политическими деятелями в рамках конфедерации, а в действительности была слабо связана с противодействием России. В частности, ангажированный в пользу Польско-Литовского государства Рижский архиепископ Вильгельм оправдывал срочную необходимость объединения с Сигизмундом II Августом, королями Швеции и Дании именно скорым вторжением царского войска, с которым ливонские сословия не смогут справиться без вмешательства сторонних государей. Ливонский магистр Генрих фон Гален (1551–1557 гг.), будучи

главным противником архиепископа в борьбе за гегемонию внутри конфедерации, прикрывал «московской угрозой» вербовку наемников для усиления своих позиций в противоборстве с епископатом. Реальные же усилия Галена были, вопреки акцентируемой «русской угрозе», направлены на сближение с Российским государством и стабилизацию отношений с Иваном IV (*Бессуднов,* 2014. С. 118). Аналогичного курса придерживался и его преемник, магистр Вильгельм фон Фюрстенберг (1557–1559 гг.). Всего за год до январского похода 1558 года он вербовал наёмников в Германии и сам находился близ русско-ливонской границы (*Schirren*, 1861. № 3. S. 4–5), что вполне возможно трактовать как подготовку мероприятий по укреплению обороны. Однако такая оценка не вполне сочетается с реальными возможностями Ордена: ливонские сословия были разобщены в силу уже ставшего хроническим внутреннего кризиса, да и ресурсов для военного противодействия прямому вторжению такого крупного государства как Россия в Ливонию попросту неоткуда было взять, подтверждения чему можно обнаружить в материалах ливонского посольства в Россию того же 1557 года (GSTA HBA D, № 2185).

В дипломатических отношениях Ливонии и России Псков по-прежнему играл роль некой «транзитной зоны»: ливонские посланцы прибывали туда и согласовывали свои дальнейшие действия с псковским наместником «по старинному обычаю» (GSTA HBA D, № 1569, № 2136), что вновь отсылает нас к традиции взаимоотношений, существовавших еще до установления власти московских князей. «Традиционный» фон взаимоотношений псковичей с ливонцами вообще занимает видное место в документах того периода: в стенограмме переговоров по поводу захвата Иваном IV Нарвы представитель ливонской стороны Иоганн Таубе ссылается на исторический прецедент: когда Псков и Ивангород были захвачены войсками Ордена, магистр вернул их обратно «для заключения прочного мира» (GSTA, № 2226) – отсылка хоть и не вполне достоверная, но весьма показательная. Значимой была роль Пскова и как источника стратегической информации: в переписке герцога содержатся полученные от информаторов сведения касательно заготовки в Пскове запасов ржи (GSTA HBA D, № 1565) и маршрута следования царского войска, которое, как полагали осведомители, должны выдвинуться из Пскова в направлении Нойхаузена и Дюнабурга (GSTA HBA D, № 1547). С началом русско-ливонского конфликта в январе 1558 года Псков рассматривался как точка дипломатического контакта ливонской и русской стороны: полагалось, что требуемая царем «юрьевская дань» будет вручена под расписку псковскому наместнику, после чего с ним же можно будет заключить мирный договор (GSTA HBA D, № 2192, № 2306).

Таким образом, долгая и непростая история взаимоотношений ливонских городов с новгородскими и псковскими землями, берущая свои корни в далёком XIII веке, продолжилась и в веке XVI-ом. Традиция, сформированная на почве взаимной выгоды от коммерции, способствовала созданию прочной связи, сохранившейся и после завершения процесса собирания русских земель в единое государство и присоединения Новгородской и Псковской вечевых республик к владениям великих московских князей. Последние, не стремясь

перекраивать устоявшуюся традицию, включились в уже существующую систему внешнеполитических связей. Обобщая материал по выбранной теме, в фондах Герцогского архива находится значительное число письменных свидетельств, дающих представление о настроениях внутри Ливонии накануне и в начальный период Ливонской войны, а также о работе разведки и добытых ей сведениях о мероприятиях по подготовке январского похода. Будучи ключевым стратегическим пунктом на русско-ливонской границе, Псков занимает в этих документах особое место – и как важный торговый город, и как точка сбора для царского войска, и как транзитная зона для обмена посольствами и письмами. Особый интерес представляет степень участия псковских наместников в отношениях между ливонскими сословиями и царем: их посредничество не ограничивалось пересылкой писем, согласовыванием работы посольств и организацией эскорта. В материалах фонда есть прямые указания на то, что их роль в русско-ливонских взаимоотношениях базировалась на традиционной, исторически сложившейся системе взаимоотношений – апелляции к старым прецедентам и соглашениям, праву (с согласия Москвы) заключать новые договоренности – основы которых, как видится, были заложены еще во времена республики. Содержащиеся в материалах фонда документы могут послужить для реконструкции черт политического сознания, характерного для европейского правового поля в XVI веке, а также вносят важные корректировки в картину многоуровневого конфликта, ставшего одной из главных причин окончательного упадка Ливонии.

Литература и архивные материалы

Ангерманн Н., 2003. Торговля Пскова с Ганзой и ливонскими городами во второй половине XVI века // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф. Т. 1. М. С. 305–309.

Артемьев А. Р., 1998. Города Псковской земли. Владивосток. 420 с.

Бессуднов Д. А., 2014. Организация обороны Ливонии в период первой военной кампании Ливонской войны (январь-февраль 1558 г.) // Проблемы истории и культуры средневекового общества: материалы XXXIII всерос. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (26–29 ноября 2013 года). СПб. С. 117–120.

Бессуднов Д. А., 2015. Против кого дружите? «Русская угроза» в летучих листках XVI в. // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2015». М. С. 1–3.

Бессуднова М. Б., 2013. Ливонский орден на начальном этапе своего существования (1237–1270) // Ледовое побоище в зеркале эпохи. Липецк. С. 182–199.

Бессуднова М. Б., 2016. Специфика и динамика развития русско-ливонских противоречий в последней трети XV века. Липецк. 464 с.

Колотилова С. И., 1994. Псковская феодальная республика // Псковский край в истории России. Псков. С. 24–29.

Королюк В. Д., 1954. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М. 111 с.

Маазинг М., 2010. «Русская опасность» в письмах рижского архиепископа Вильгельма за 1530–1550 гг. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1 (7). С. 184–194.

Филюшкин А. И., 2013. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб. 845 с.

Хорошкевич А. Л., 1968. Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV – начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига. С. 13–31.

Хорошкевич А. Л., 2003. Псков как посредник между Западной, Северной и Восточной Европой // Псков в российской и европейской истории: междунар. науч. конф. Т. 1. М. С. 33–39.

Angermann N., 2010. Am Vorabend des Livländischen Krieges. Die Positionen der politischen Hauptkräfte Livlands gegenüber Russland // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.: сб. науч. ст. М. С. 32–39.

GSTA – Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK), Berlin, Herzog Albrecht (HA), HBA – Herzoglichen Briefarchiv D XX.

Hellmann M., 1992. Die Erzbischöfe von Riga und Litauen vom 13. bis zum 15. Jahrhundert // Baltikum. Studia z dziejów polityki, gospodarki i kultury 12–18 wieku. Toruń. S. 123–130.

Jähnig B., 1997. Der Kampf des Deutschen Ordens um die Schutzherrschaft über die livländischen Bistümer // Ritterorden und Kirche im Mittelalter. Toruń. S. 97–111. (Ordines militares – Coloquia Torunensia historia; 9).

Neitmann K., 1991. Um die Einheit Livlands. Der Griff des Ordensmeisters Bernd von der Borch nach dem Erzstift Riga um 1480 // Deutsche im Nordosten Europas. Köln; Wien. S. 109–137.

Oakley S. P., 1992. War and Peace in the Baltic 1560–1790. London; New York. 222 p.

Quellen zur Geschichte des Untergangs livländischer Selbständigkeit. Aus dem schwedischen Reichsarchive zu Stockholm. Bd. 1 / Hrsg. v. C. Schirren. Reval, 1861. 342 S.

Selart A., 2009. Political Rhetoric and the Edgesof Christianity: Livonia and Its Evil Elements in the Fifteenth Century // The Edges of the Medieval World. The Muhu Proceedings. Vol. 1. Budapest. P. 55–69.

Selart A., 2014. Die Reformation in Livland und konfessionelle Aspekte des livländischen Krieges // Leonid Arbusow (1882–1951) und die Erforschung des mittelalterlichen Livland. Köln; Weimar; Wien. S. 339–358.

Selart A., 2015. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston. 385 p.

Tiberg E., 1984. Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges. Die Beziehungen zwischen Moskau and Litauen 1549–1562. Uppsala. 266 S.

Urban W., 2004. Livonian Crusade. Chicago. 549 p.

* * *

Бессуднов Даниил Александрович, *к. и. н., Великий Новгород,*
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого;
e-mail: d.bessudnov@mail.ru

Е. М. Попова

«А приходили де шарпальники изо Пскова»: к вопросу о взаимоотношениях псковичей и новгородцев в период Смуты[1]

Резюме. В данной статье автор исследует взаимоотношения псковичей и новгородцев в период Смуты. Благодаря сохранившемуся богатейшему актовому материалу, хранящемуся в Государственном архиве Швеции и в архиве СПбИИ РАН, удается проследить, что Новгород и Псков, несмотря на свое соседство, в период Смуты представлялись властям обеих территорий как недружественные и отдельные друг от друга. Однако это не мешало простому населению продолжать контактировать – торговать или вести совместные действия противоправного характера. Соответственно, подобная связь считалась преступной и была наказуемой. В связи с чем новгородцы нередко прибегали к тактике «обеления» себя, перекладывая вину на соседних псковичей, которые представлялись преступниками и грабителями, виновными в большинстве разбоев на территории Новгородчины и пограничных землях.

Ключевые слова: Смута, Якоб Делагарди, шведская оккупация Новгорода, Псков, торговля, криминальная обстановка, шарпальник.

E. M. Popova. "And the Sharpalniks (Robbers) Came from Pskov": to the Problem of Relationship between Pskovites and Novgorodians during the Time of Troubles

Abstract. The author of the article explores the relationship between Pskovites and Novgorodians during the Time of Troubles. Thanks to the rich acts data, survived and kept in the National Archives of Sweden and in St. Petersburg Institute of History of RAS, it becomes possible to trace the relationship and find out that Novgorod and Pskov, despite their proximity, during the Time of Troubles were seen by the authorities of both territories as unfriendly and detached from each other.

However, this did not prevent the ordinary population from continuation of contacts in trade or joint activity of an illegal nature. Accordingly, such a relationship was considered criminal and was punishable. In this connection, Novgorodians often resorted to the tactics of "whitewashing" themselves, shifting the blame to neighboring Pskovites, who were presented as criminals and robbers (sharpalniks), guilty of most of the robberies in the Novgorod region and its borderlands.

Keywords: Time of Troubles, Jacob Delagardie, Swedish occupation of Novgorod, Pskov, trade, criminal situation, sharpalnik.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00183.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.164-169

«А городы Ивангород, Яма, Копоря и иные городы с Ноугородцким государством не в соединене и не в любви стоят особы. А ратные люди ево и не хотны и просят у нево денег и хотят идти на воров вскоре с великим хотенем. И им бы гостем и пятиконецким старостам и всяким людем для избавы крестьянсково покою да тем ево ратным людем на подем денег. А как они ево ратным людем денег дадут, и он ратных своих людеи тотчас пошлет на вора подо Псков», – так записано в одном из документов Новгородского оккупационного архива (RA, NOA. Serie II: 180. Л. 2 об.).

Новгород и Псков в начале XVII в. действительно были разделены и «стояли в нелюбви». Всему виной – события Смуты начала XVII в., во время которой Псков поддержал самозванца Лжедмитрия III, а Новгород оказался под властью шведского экспедиционного корпуса под командованием военачальника Якоба Делагарди (RA, NOA. Serie II: 180. Л. 1 об. – 2 об.). Пребывание шведов на территории Новгородской земли не было случайным – пришедшие как союзники в борьбе против поляков и самозванцев, шведы «увязли в России». Не получив обещанного жалования, Делагарди отправился с отрядом на Новгород и осадил город. Шведская Корона считала возможным посадить в Новгороде своего ставленника, так как правителем фактически считался шведский принц Карл Филипп (*Сюндберг*, 1997. С. 273). Однако помимо Новгорода шведов интересовали и другие русские земли, в частности Псков, который был даже предпочтительнее Новгорода (*Almquist*, 1907 S. 105–136). Безусловно, желание шведов занять Псков диктовалось его выгодным географическим положением, осознанием статуса крупной торговой артерии, возможной близостью к шведской Прибалтике (*Кирпичников*, 1996. С. 424). Поэтому в данном случае стоит понимать, что необходимость отправить поход на Псков диктовалась желанием подчинить город шведской власти, а не стремлением «освободить псковичей» от неверной участи, и уж тем более не стремлением освободить новгородских крестьян от беспокойств. Но пока Псков находился под властью самозванца, как вели себя шведские власти в отношении города? Какие были взаимоотношения между псковичами и новгородцами? Как к этому относилась русско-шведская администрация во главе с Якобом Делагарди?

На данные вопросы позволяют ответить источники, хранящиеся в Государственном архиве Швеции. Это делопроизводство Приказной избы, известное как Новгородский оккупационный архив, вывезенный Якобом Делагарди еще в XVII в. из России в Эстонию, откуда он позже попал в Стокгольм (*Нордландер*, 1997. С. 285–289). Данный фонд представлен двумя сериями. В первой серии хранятся административные книги, в том числе сбора солдатских денег, в которых прослеживается информация о тех выплатах населения, которые были сделаны на поход против Пскова. Вторая серия документов представляет собой собрание челобитных, расспросных речей, следственных дел, памятей, отписок, которые позволяют проследить упоминание псковичей в делах новгородцев. Преимущественный интерес для нас имеют следственные дела и расспросные речи, которые формируют представление о взаимоотношениях между населением соседних северо-западных русских земель. Часть документов НОА в XIX в. была вывезена профессором Гельсингфорсского университета

С. В. Соловьевым и теперь хранится в Архиве СПбИИ РАН в Коллекции 124 (т. н. Коллекция С. В. Соловьева), о чем более подробно в своей статье писал Г. М. Коваленко (*Коваленко*, 1988. С. 179–183). Наиболее значимыми для данной статьи документами в данной коллекции являются отписки воевод по делу об ограблении английского посла Джона Меррика.

В первую очередь стоит сказать, что весь период пребывания шведов в Новгороде Якоб Делагарди, движимый указаниями шведского короля, вынашивал идею захвата Пскова, поэтому часть собранных денег на военные нужды всегда отводилась на спонсирование похода на Псков (*Кобзарева*, 2003. С. 295–296). До момента присоединения города к шведским владениям новгородская администрация убеждала население в том, что Псков и псковичи – это враждебный элемент для Новгорода и новгородцев, потому что Псков подчиняется самозванцу, а это противоречит даже указаниям Москвы. Примечательно, что новгородцы в период шведского присутствия считали свои действия не нарушающими присягу московскому царю (*Замятин*, 2008. С. 91). Соответственно, можно говорить о том, что шведская администрация доказывала новгородцам, что Псков и Новгород находятся в состоянии войны.

Пока между двумя соседними городами сохранялось данное «враждебное» состояние, шведские власти контролировали сношения двух городов, пресекая любые связи, в том числе и торговые. Контактировать с псковичами по любому поводу было запрещено, отсюда и вытекает вывод о том, что любой контакт псковича и новгородца считался преступной связью. Поэтому упоминание псковичей в документах было нечастым, а если они и упоминались, то исключительно под видом незаконного сношения. Общение, контакты и сотрудничество допускалось лишь с теми псковичами, которые перешли на службу к шведским властям (RA. NOA. Serie II: 174. Л. 65).

Так, ярким примером пресечения контактов между псковичами и новгородцами являлась ситуация, связанная с торговлей крестьян из Старой Руссы с псковичами, в результате которой была начата следственная процедура. Дело было заведено в 1612 году ввиду того, что вскрылся факт неоднократных торговых контактов старорушан, о которых доселе было неизвестно новгородским властям (RA. NOA. Serie II: 20. Л. 1–70). Из-за того, что торговля в Новгороде в период Смуты была подчинена шведам и контролировалась лично Делагарди (*Grill*, 1949. P. 168), крестьяне получили серьезное обвинение в незаконной торговле, так как «псковичам товаров продавать не велено, что псковичи с Новгородским государством ныне не соединены» (RA. NOA. Serie II: 20. Л. 9). Все причастные к делу, даже сельский священник, который знал «торговых партнеров» своих прихожан, были наказаны битьем кнутом и передачей виновных на поруки (RA. NOA. Serie II: 20. Л. 69–70). В данном случае стоит оговориться, что псковичи не попадали под юрисдикцию новгородских властей, поэтому их искать никто не собирался, наказание получили только новгородские крестьяне.

Однако в документах псковичи упоминаются и непосредственно как преступники. Так, наиболее ярким и показательным можно считать дело об ограблении судна английского посла на реке Луге, произошедшее предположительно в 1615 г. Джон Меррик, прибывший в Россию летом 1614 г. для ведения

переговоров между русской и шведской стороной, отправился в Москву (*Рабинович*, 2009. С. 91), в то время как его судно осталось в акватории русского северо-запада. Общий экономический кризис и тяжелое положение местного населения неоднократно становились причинами совершения разбоев и грабежей, что подтверждается документами (RA. NOA. Serie II: 122. Л. 10–11; RA. NOA. Serie II: 38. Л. 1). В связи с чем участи быть ограбленным не избежал и посольский груз. Трое новгородских крестьян предстали перед судом, так как обвинялись в разбое и грабеже имущества английского посла: «посолские суды серебные и платье, и всякои посолскои запас» (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 659. Л. 1), «да шубу выдряную немецкую, да две юпки, да попону лошадиную, да штаны немецкие черноя, да полог браной, да сермяга ветшаная, да скатерть ветшаная, да сукна ормянного, да белого локоть с пятнатцеть, да юпка немецкая драная» (Архив СПбИИ. Коллекция 124. Оп. 1. Д. 580. Л. 1). Однако самой ценной утратой были документы и письма английского посла, так как Делагарди велит, чтобы были «грамоты и книги, у тех крестьян собраны, и положены в короб и схоронены» (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 660. Л. 1 об.).

В расспросных речах крестьяне рассказали воеводам, что именно они украли, и что они не знают, где находятся письма. Однако интересно то, что все они не считали себя виновными в совершении преступления. Они сказали, что пришли «добирать» то, что уже было вынесено с судна и брошено: «В роспросе, государь, нам и у пытки сказали про аглинского посла судно как ево громили на Луге реке. А приходили де шарпалники изо Пскова атаман Прошка Хромои, а с ним казаков тринатцат человек. А сумерских де государь мужиков с теми казаки не было. И как де они то судно розгромили и посолскую рухляд розграбили, и они де назад трее ходили побират досталные рухляди, чево они с собою не подняли да с ними ж де государь ходили из того ж Полужя деревни Клескуш (Клескуши – *Е. П.*) Фишко Носов да Трешка Ондреиков да Ястребинского погоста деревни Ганкова Федка Меженин» (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 659. Л. 1). Возможно, крестьяне тем самым пытались сослаться на береговое право (*Бессуднова*, 2015. С. 135–147).

В данном случае крестьяне называют главных виновников преступления: главарем банды был назван атаман Прошка Хромой – пскович-разбойник, прибывший со своей компанией псковских шарпальников (разбойников – *Е. П.*). Однако некоторые сельские жители, которых было велено опросить, указали, что обвиненные крестьяне приходили не добирать, а непосредственно грабить вместе с псковичами, т. е. нерадивые новгородские крестьяне ввязались в преступную банду: «И те, государь, воры сомерские мужики в Ямском уезде ходят по вся годы со взятые ж лет и не выходя во все лето из Ямского уезда пустошат, шарпают, да и воров к себе псковских приимают и ворам у них в Сомре пристан. И с ними вместе шарпают ходят в Ямскои и в Копорскои уезд. И Ямскои уезд весь от них погиб многие деревни выпустошили до основаня и многих крестьян из животов замучили до смерти и достальные все пограблены до конца всякои живот весь лошадеи и коров повывели и от тои многие крестьяне и в нищем образе пошли и ныне де государь опять те воры наряжаютца идти в Ямскои уезд шарпать» (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 658. Л. 1). Из источника следует,

что крестьяне не только являлись грабителями, но и чаще были инициаторами совершения преступлений. Более того, это они привлекали к себе псковских разбойников, действуя сообща, а не сами были вовлечены в псковскую банду.

На наш взгляд, в данном случае проскальзывает стремление новгородских крестьян «найти крайнего» и отвести подозрения в содеянном от себя. Со стороны новгородцев в любом случае было удобно свалить всю вину на соседний Псков и его жителей в случае какой-либо подсудной ситуации, так как псковичи не попадали под юрисдикцию новгородских властей. Более того, если сама администрация преподносила образ соседа как образ непримиримого врага, это становилось отличной возможностью «демонизировать» псковичей. Однако попытки указанных выше крестьян обезопасить себя оказались тщетными, и все всё равно понесли наказание: «А тех, государь, полжуских мужиков трех человек посадили в тюрьму до твоего боярского указу. А сумрского старосту Спирка Иванова дали на поруки до твоего ж боярского указу, и что государь впред сыщетца и мы, государь, к тебе великому боярину отпишем вскоре» (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Д. 658. Л. 2).

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что в период Смуты сама новгородская администрация создавала из псковичей образ врага для жителей Новгорода. Псков обвинялся в преступных набегах, грабежах в отношении новгородских крестьян, а также в преступной связи с самозванцем. Поэтому города находились как бы в состоянии войны, а любой контакт новгородца и псковича считался преступлением, так как города находились по разные стороны политической жизни. Отсюда и представление о том, что все псковичи – разбойники и с ними все контакты необходимо прервать, пока они не откажутся от самозванца. Исключением являются лишь те псковичи, которые переехали в Новгород – они считались своими. Безусловно, подобные запреты нарушались, и простое население продолжало привычные им контакты, в том числе и с «запрещенным» соседом. Однако наличие «демонизированного» псковича было выгодным для новгородцев, так как в случае серьезной ситуации легко можно было переложить с себя вину или хотя бы попробовать это сделать.

Литература

Бессуднова М. Б., 2015. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии // Новгородский исторический сборник. Вып. 15 (25). Великий Новгород. С. 135–147.

Замятин Г. А., 2008. Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в. Падение Кандидатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича // Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб.: Европейский дом. 494 с.

Кирпичников А. Н., 1996. Оборона Пскова в 1615 г. (по новым русским и шведским материалам) // Средневековая и Новая Россия. СПб. С. 424–450.

Кобзарева Е. И., 2003. Противостояние Пскова и Новгорода в период Смуты // Псков в российской и европейской истории (К 1100-летию летописного упоминания). Псков. С. 295–302.

Коваленко Г. М., 1988. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Т. 32. С. 179–183.

Нордландер И., 1997. Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). Великий Новгород. С. 285–289.

Рабинович Я. Н., 2009. Джон Меррик на переговорах в Ладоге 1616 г. // Известия Саратовского университета. Т. 9. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 91–103.

Сюндберг Х., 1997. Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). Великий Новгород. С. 273–278.

Almquist H., 1907. Sverge och Ryssland 1595–1611. Uppsala: Almquist & Wiksell Boktryckeri-A-B. 273 s.

Grill E., 1949. Jacob De la Gardie. Affärsmannen och politikern 1608–1636. Göteborg: Elanders boktryckeri aktiebolag. 200 s.

Архивные материалы

Архив СПбИИ – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Коллекция 124. Оп. 1. Д. 580. Л. 1. Отписка ивангородского воеводы Федора Аминева Якобу Делагарди по делу об ограблении на реке Луге судов английского посла.

Коллекция 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 658. 2 л. Отписка Никиты Калитина Якову Делагарди о грабежах Сомерских крестьян в Ямгородском уезду.

Коллекция 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 659. 2 л. Отписка ивангородского воеводы Федора Аминева Якобу Делагарди по делу об ограблении на реке Луге судов английского посла.

Коллекция 124. Оп. 1. Карт. 1. Д. 660. Л. 1–1 об. Отписка ямского воеводы Никиты Калитина ратному воеводе Якобу Делагарди о поимке воров, ограбивших английского посла.

RA. NOA – Riksarkivet. Ockupationsarkivet från Novgorod (Новгородский оккупационный архив в Государственном архиве Швеции)

Serie II: 20. Л. 1–70. Дело по письму князя Василия Иванова сына Белосельского и Степана Фомина сына Тимашева о незаконной торговле жителей Должинской волости Старорусского уезда и дворцовых сел Порховского уезда с псковичами.

Serie II: 38. Л. 1. Челобитная Якобу Делагарди от помещика Григория Муравьева на Акселя Матыцина о разорении помещичьего хозяйства и его крестьян грабежами и сборами «немецких кормов».

Serie II: 122. Л. 10–11. Дело по челобитной подьячего Микифора Коптева и лебедчика Третьяка Яколцова об ограблении и убийстве дворцовыми крестьянами сельца Двориц строителя Леохнова монастыря Андроника.

Serie II: 174. Л. 65. Челобитная псковича Грязного Иванова новгородским воеводам Якову Понтусу Делагарди и кн. И. Н. Большому-Одоевскому о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместного приказа.

Serie II: 180. Л. 1–10 об. Память о сборе денег для похода на Псков.

* * *

Попова Елизавета Михайловна, *Великий Новгород, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; e-mail: kowkaforever@yandex.ru*

А. С. Иванова

Анализ статистических и демографических процессов в приходах Вороничской земли Опочецкого уезда Псковской губернии в XVIII–XIX вв.

Резюме. Статья посвящена вопросу анализа статистических и демографических показателей в приходах Вороничской земли Опочецкого уезда Псковской губернии в XVIII–XIX вв. на основе данных церковной делопроизводственной документации. Предпринята попытка проанализировать клировые ведомости, исповедные росписи и метрические книги как ведущие источники для проведения социально-исторических исследований по демографической динамике, структуре семьи и социальному составу православного приходского населения, а также для изучения системы расселения и структуры владений на микроуровне. Сделан вывод о том, что выявленные количественные показатели отражают общие социально-демографические тенденции европейской части Российской империи в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: историческая демография, историко-статистическое исследование, документы церковного делопроизводства, Вороничская земля

A. S. Ivanova. Analysis of Statistical and Demographic Processes in Parishes of Voronich Land of Opochka Uyezd of Pskov Province in the XVIII–XIX Centuries

Abstract. The article is devoted to analysis of statistical and demographic issues in parishes of Voronich land of Opochka Uyezd of Pskov province in the XVIII–XIX centuries. The article analyzes church registers (confessional, clergy and parish registers) as leading sources for conducting socio-historical research on demographic dynamics, family structure and social composition of Orthodox population of the parishes, as well as for research of the settlement system and the structure of landowning at the micro level. It is concluded that the revealed quantitative indicators reflect general socio-demographic trends of the European part of the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries.

Keywords: historical demography, historical and statistical research, church registers, Voronich land.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.170-180

Обращение к исторической демографии и статистике на микроуровне на современном этапе развития исторической науки весьма актуально. Одновременно использование статистического метода сплошной обработки данных и компьютерного анализа массовых источников является одним из перспективнейших направлений в историческом краеведении.

Объектом данного исследования выступили документы церковного делопроизводства (исповедные росписи, клировые ведомости и метрические книги) из приходов Вороничской земли за XVIII–XIX вв. Предмет исследования – численность, структура, размещение и демография населения северо-восточных приходов Опочецкого уезда в XVIII–XIX вв. Цель данного исследования заключается в комплексном историко-статистическом и историко-демографическом изучении Вороничской земли на протяжении XVIII–XIX вв. на основе архивных материалов, которые ранее не были введены в научный оборот. В работе применены сравнительно-исторический, историко-географический, историко-динамический методы, компьютерный и количественный анализ (описательная и выборочная статистика, метод группировок), демографический метод (поперечный анализ).

Основной корпус источников составляют материалы церковной делопроизводственной документации – исповедные росписи, клировые ведомости и метрические книги церквей приходов Воронецкой и Полянской волостей Опочецкого уезда Псковской губернии за период с 1738 по 1862 гг. из фонда № 39 «Псковская духовная консистория» Государственного архива Псковской области (см. список дел в конце текста). Они относятся к следующим приходам: Пятницкой церкви Святогорского монастыря, Воскресенской и Георгиевской церквей пригорода Воронича, Николаевской церкви погоста Заклинье, Покровской церкви погоста Поляне, Воскресенской церкви погоста Теребени, Введенской церкви погоста Утретки. Выборка основана на сохранности источников, репрезентативности данных, возможности сопоставления и демонстрации динамики по поколениям.

Согласно светскому делению, Вороничская земля XVIII–XIX вв. целиком включала в себя территорию Вороничского уезда XVII в., которая, в силу административно-территориальных преобразований в XVIII в., разбилась на две волости. На севере располагалась Воронецкая волость с административным центром в с. Таболенец, где находилось Воронецкое волостное правление, и духовно-экономическим центром в пригороде Воронич, в котором располагались церкви Георгия Победоносца и Воскресения Христова. К Вороничу тяготели пять губ (Егорьевская, Михайловская, Ильинская, Спасская и Богородицкая). На юге находилась Полянская волость с административным центром в с. Облецово, где располагалось Полянское волостное правление. На территории волости находилось четыре погоста (Поляне, Заклинье, Теребени, Утретки), вокруг которых сформировались соответствующие губы (Полянская, Заклинская, Утретская, Теребенская) Как правило, губы получали свое наименование от местных храмов и монастырей, но были и исключения (Полянская губа могла быть названа из-за особенностей ландшафта) (*Васильев, Кагосян*, 2004. С. 66). Согласно церковной административно-территориальной структуре,

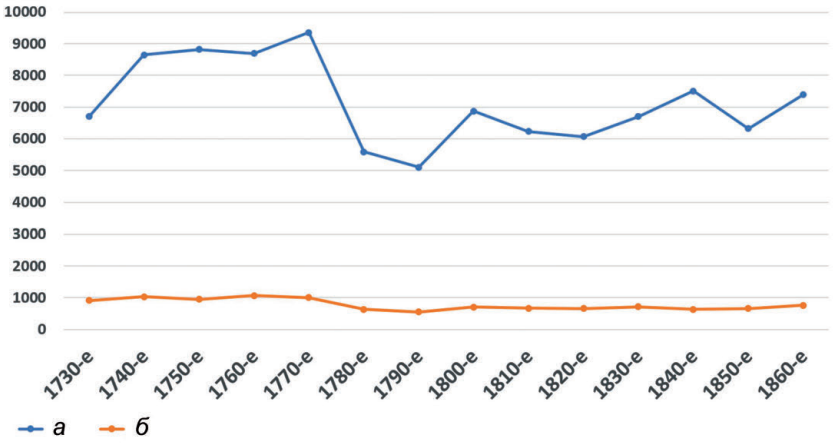


Рис. 1. Дворность и населенность и приходов
Воронецкой волости в 30-х гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX в.
Условные обозначения: *а* – совокупная населенность (чел.); *б* – дворность

приходы Вороночщины относились ко II-му Благочинению, куда входили Воскресенская и Георгиевская церкви (пригород Воронич), Николаевская церковь (погост Заклинье), Покровская церковь (погост Поляне), Пятницкая церковь и Святогорский монастырь (д. Синичьи Горы), Воскресенская церковь (погост Теребени), Введенская церковь (погост Утретки) (*Софийский,* 2004. С. 132–136).

Перейдем к вопросу населенности и сословной структуры Вороничской земли в XVIII–XIX вв. Количественный учёт осуществляется в двух основных направлениях: статистика по приходам и селениям и подсчеты в рамках социальных групп.

В первом случае мы наблюдаем относительную устойчивость и однородность вышеозначенных приходов в рамках конкретного числа окормляемых поселений и средней людности дворовладений (рис. 1). Тем не менее, необходимо отметить, что заметное падение дворности и населенности Воронецкой волости в 1770-е–1790-е объясняется сокращением размера приходов Георгиевской и Воскресенской церквей Воронича. Мы предполагаем, что сокращение размера данных приходов связано с принятием новых духовных штатов в 1778 г., что повлекло сокращение числа приходского духовенства, а также с пожаром в Воскресенской церкви (*Новиков,* 2007. С. 74). Часть поселений из сокращенных приходов могла перейти в ведение Пятницкой церкви Святогорского монастыря, чему способствовало территориальное соседство трех приходов. Также некоторые поселения могли быть переданы в состав приходов других географически близких церквей (например, расположенных на территории Печанской или Велейской волостей).

При анализе состава поселений можем отметить, что на конец исследуемого периода наблюдается тенденция к укрупнению населенных пунктов во всех

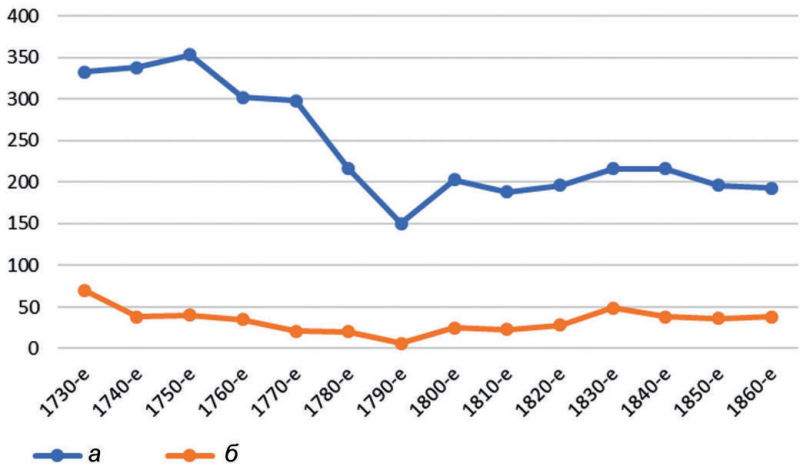


Рис. 2. Соотношение малых деревень с общей совокупностью выявленных поселений в приходах Воронецкой волости в 30-х гг. XVIII – начало 60-х гг. XIX в.
Условные обозначения: *а* – всего поселений; *б* – число малых деревень

приходах, чему способствовал демографический рост. Сам комплекс поселений в приходах был подвержен изменениям (появление или исчезновение деревень, изменение типа поселения (сельцо/деревня) и т.д.), что объясняется как как переходом того или иного поселения в состав новой вотчины, так и структурными изменениями в составе самих приходов (рис. 2).

Анализируя медианную населенность и дворность приходов (табл. 1), можем отметить, что они приблизительно однородны (колебания находятся в пределах от 1 до 3 тыс. человек), а колебания дворности приходов на протяжении XVIII–XIX вв. находятся в границах от 150 до 300 дворов, что свидетельствует о том, что государство искусственно сдерживало количество прихожан, окормляемых одним храмом, что, опять же, шло в русле светской политики в отношении церкви. Анализируя административно-территориальную структуру Воронецкой и Полянской волостей и численно-гендерную структуру их центров в XVIII–XIX вв., мы фиксируем на конец наблюдаемого периода неуклонный рост населенности (особенно в слободе Таболенец и пригороде Вороните), что обусловлено как демографическим всплеском, так и экономической развитостью Воронецкой волости (табл. 1). Тем не менее, погосты Полянской волости, несмотря на небольшой прирост проживающих, мало населены (менее 30-ти чел. обоего пола), что обусловлено удаленностью от производственных центров, а также намечающимся оттоком населения после социально-экономических преобразований 1860-х – 1870-х гг.

Население Вороничской земли в XVIII–XIX вв. в сословном отношении было разнообразным и включало в себя как духовенство, помещиков, военных, приказных, городских обывателей (мещан и купцов), так и помещичьих и государственных крестьян (табл. 2). Так, число духовных лиц на протяжении

Таблица 1

Административно-территориальная структура Воронецкой и Полянской волостей Опочецкого уезда и численно-гендерная структура их центров в XVIII–XIX вв.

Воронецкая волость												
Губы	Егорьевская, Михайловская, Ильинская, Спасская и Богородицкая											
Годы	1770			1802			1862			1877		
Число приходов	3			3			3			–		
Средняя дворность на приход	355			237			251			–		
Средняя населенность на приход	2895			2291			2463			–		
Количественные показатели	Двор.	Муж.	Жен.	Двор.	Муж.	Жен.	Двор.	Муж.	Жен.	Двор.	Муж.	Жен.
Пригород Воронич	11	32	33	8	25	19	14	44	27	17	37	42
Слобода Таболенец	15	44	43	23	76	93	22	123	167	51	147	168
Полянская волость												
Губы	Полянская, Заклинская, Утретская, Теребенская											
Годы	1770			1802			1862			1877		
Число приходов	4			4			4			–		
Средняя дворность на приход	129			159			188			–		
Средняя населенность на приход	1077			1569			1895			–		
Количественные показатели	Двор.	Муж.	Жен.	Двор.	Муж.	Жен.	Двор.	Муж.	Жен.	Двор.	Муж.	Жен.
Село Облецово	1	14	8	9	37	36	2	16	14	3	10	6
Погост Поляне	4	6	8	4	8	10	5	9	15	5	10	14
Погост Теребени	–	–	–	4	6	9	4	10	18	4	10	15
Погост Утретки	4	6	8	4	7	11	5	15	15	6	13	24
Погост Заклинье	5	7	9	4	8	7	5	10	18	5	10	14

Таблица 2

Статистические показатели по сословным группам приходов Вороничской земли в XVIII–XIX вв.

Годы	1770		1862	
Волости	**Воронецкая волость**	**Полянская волость**	**Воронецкая волость**	**Полянская волость**
Священников	7	4	3	4
Военных	43	10	187	313
Городских обывателей	36	28	145	212
Поселян	8524	4110	6873	6801
Иные сословия (помещики, дворовые, монастырские служители, разночинцы)	72	345	515	777
Совокупная численность	8596	4455	7388	7578
Дворов	1066	517	756	751
Средняя людность двора	8,06	8,60	9,77	10,09

Таблица 1

Структура владений помещиков в приходах Вороничской земли в XVIII–XIX вв.

	Число помещиков и процентное соотношение								Д. м. п. на владельца (среднее)			
Год	1769		1802		1829		1862		1770	1802	1829	1862
Душ мужского пола на владение (д. м. п.)	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	Число	Число	Число
1–20	19	40	27	46	33	49	21	40	10	11	8	8
20–100	21	45	20	34	23	34	21	40	40	38	41	54
Более 100	7	15	12	20	11	17	10	20	257	178	157	140
Всего	47	100	59	100	67	100	62	100	102	76	69	67

второй половины XVIII – первой половины XIX в. неуклонно сокращалось, что обусловлено, с одной стороны, относительной компактностью самих приходов (включали от 150 до 350 дворов), а с другой – повсеместным сокращением причта.

Дворянство имело следующую градацию: наследственно-служилые и личные. Самыми крупными владетелями вотчин были Ганнибалы-Пушкины, Вындомские-Осиповы, фон Штинды, Гляубичи, Сумороцкие, Травины, Ушаковы, Фаминцыны, Коновницыны, Львовы, Любимовы. Касательно частновладельческой специфики приходов (табл. 3) можем отметить, что во второй половине XVIII – начале XIX в. в Воронецкой волости Опочецкого уезда помещиков было немного, но их владения были достаточно обширными, а в Полянской волости фиксируется большое количество мелкопоместного и среднепоместного дворянства. Тем не менее, эта специфика не была статичной: к концу наблюдаемого периода вышеозначенные волости и их приходы приобрели единообразную структуру дворянского владения, т. е. преобладание мелкопоместного и среднепоместного дворянства над крупнопоместным. Это объяснимо и политикой испомещения, и внутрисемейными обстоятельствами, и постепенным мельчанием дворянских вотчин, что в целом сообразуется со спецификой Псковской губернии в XVIII–XIX вв. в вопросе поместного владения.

Сословную группу «военных» (табл. 2) составляли мужчины, отставленные от службы, их жены, дети, а также супруги и дети тех солдат, которые на момент составления росписей проходили службу в составе действующей армии. Обработка данных по этой категории осложняется тем фактом, что составители росписей включали в нее, помимо рядовых солдат, военных офицерского звания и дворян.

Городские обыватели (купцы и мещане) достаточно немногочисленны (табл. 2). В основной массе мещане происходили из посадских пригорода Воронича, но также упомянуты новоржевские, опочецкие и торопецкие мещане. Купцы являлись выходцами из Новоржева, Торопца и Опочки и относились к 3-й гильдии. Активный численный рост в рамках указанной сословной

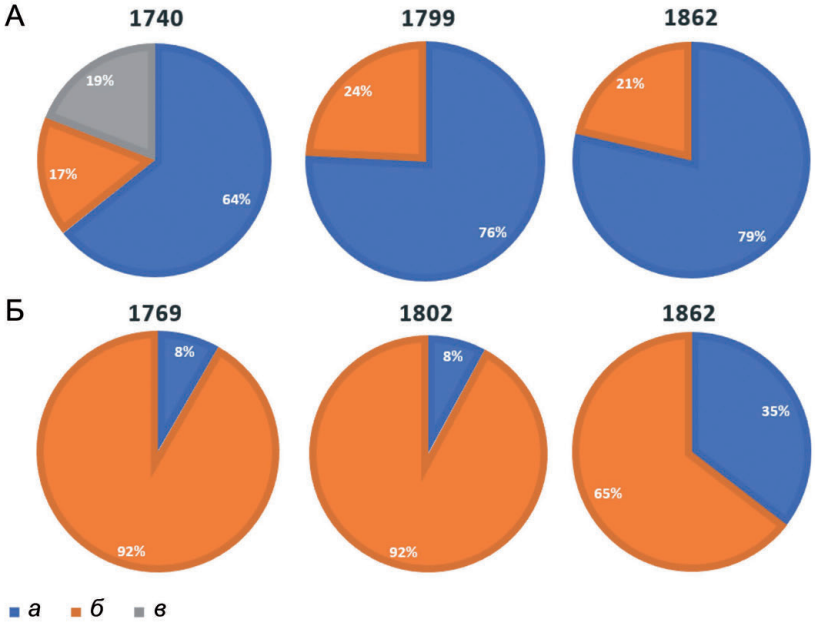


Рис. 3. Соотношение владений в приходах
Воронецкой и Полянской волостей Опочецкого уезда в XVIII–XIX вв.
Условные обозначения: А – Воронецкая волость; Б – Полянская волость;
а – государственные; *б* – помещичьи; *в* – монастырские (экономические)

категории объясним тем, что с 1820-х гг. потомственные городские обыватели потеряли монополию на занятие ремеслом и торговлей, когда государство предоставило право подобной деятельности выходцам из других сословий при условии получения промысловых свидетельств.

Крестьяне (табл. 2) подразделены на: 1) экономических (конфискованных у монастырей после секуляризации 1764 г.) и удельных (до 1797 г. дворцовых), в 1862 г. крестьяне этих разрядов записаны в источниках как принадлежащие Ведомству государственных имуществ (находились в ведении казны до 1866 г.); 2) помещичьих (до крестьянской реформы 1861 г.) и временнообязанных (после крестьянской реформы 1861 г.); 3) вольных хлебопашцев (появляются после указа 1803 г.) и вольноотпущенных (упоминаются единично). Крестьяне составляли чуть более 91% от общего числа приходского населения Вороничской земли.

Необходимо отметить, что каждый приход Вороничской земли обладал собственной вотчинной спецификой (рис. 3). В приходах Георгиевской церкви Воронича, Покровской церкви Полянского погоста, Николаевской церкви Заклинского погоста, Воскресенской церкви Теребенского погоста и Введенской церкви погоста Утрётки со второй половины XVIII и в первой половине XIX в. преобладало поместное землевладение, а в приходе церкви Воскресения Хри-

Таблица 1

Демографические показатели приходов Вороничской земли в первой половине XIX в.

Показатели / **Годы**	**1804**	**1821**	**1840**
Наличное население (человек)	13148	12773	15008
Средняя плотность населения на км^2 (человек)	41,4	40,2	47,2
Совокупное число дворов волости по приходам (человек)	1346	1261	1327
Средняя населенность дворов (человек)	9,8	10,1	11,3
Родившееся (человек)	361	427	693
Коэффициент рождаемости	27,5	33,4	46,2
Умершие (человек)	171	185	493
Коэффициент смертности	13,0	14,5	32,8
Естественный прирост населения	+190	+242	+200
Количество браков	110	103	125
Коэффициент брачности	8,4	8,1	8,3

стова пригорода Воронича и Пятницкой церкви Святогорского монастыря обширны дворцово-экономические, а после 1815 г. – государственные земли. Таким образом, по типу преобладающей вотчины приходы Воронецкой волости можно условно обозначить как «государственные», а приходы Полянской волости – «помещичьи». К концу наблюдаемого периода во всех приходах идет изменение баланса в сторону увеличения количества государственных крестьян.

Для анализа демографических показателей (табл. 4) были отобраны данные метрических книг за 1802, 1821, 1840 гг. (ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 4320, 4331, 4349.). Выборка основана на сохранности источников, репрезентативности данных, возможности сопоставления и демонстрации динамики по поколениям. Анализ показывает, что колебания численности в первой половине XIX в. относительно малы, однако на конец периода наблюдается демографический рост, обусловленный ростом рождаемости. Одновременно мы отмечаем рост людности дворов (в среднем 10 человек в одном дворе, проживающих составными семьями). Рождаемость на начало XIX в. была выше средней, а на 1840-й год – очень высокой, что обусловлено большим количеством женщин репродуктивного возраста и психологической установкой на многодетность, свойственной российскому обществу XIX в. (*Миронов,* 2003. С. 179). Смертность в приходах Воронецкой волости средняя в первые два десятилетия. Рост смертности на конец периода в большей степени обусловлен высокой детской смертностью от болезней, что фиксируется по метрическим книгам. Так, самыми часто встречающейся причинами смерти детей до 3-х лет указаны смерть от «горячки» и «от оспы». Медианная продолжительность жизни составляла 41 год для мужчин и 39 лет для женщин. Коэффициент брачности достаточно низкий (границы показателя низкой брачности находятся в пределах от 6 до 10 на 1 тыс. чел). Средний возраст вступления в брак – 22 года для мужчин и 19 лет для женщин. В целом хочется отметить, что демографические показатели по Вороночщине не отличаются от социально-демографических тенденций европейской части Российской империи в XIX в.

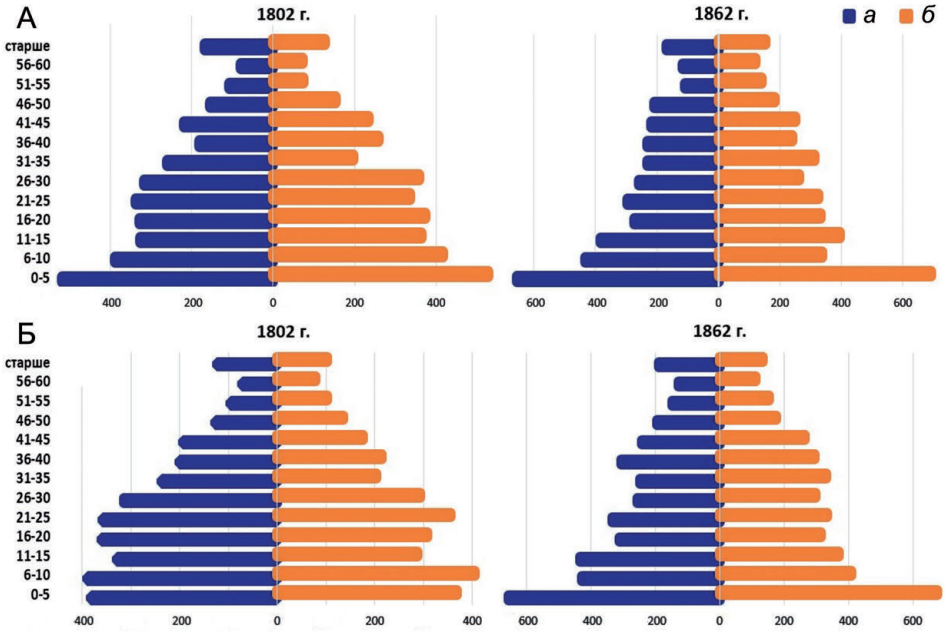


Рис. 4. Половозрастная структура по приходам Вороничской земли Опочецкого уезда Псковской губернии в XIX в.
Условные обозначения: А – Воронецкая волость; Б – Полянская волость; *а* – мужчины; *б* – женщины

В ходе анализа типологии семей всех трех приходов выявлено, что преобладающим типом для крестьянства является составная семья (в среднем 3 супружеские пары в одном дворе), а для духовенства, дворянства, военных, городских обывателей – малая семья. Общей чертой для всех приходов является большой процент детей (1–12 лет) и молодых людей (12–25 лет) и низкий процент пожилых (от 65 лет и старше), что свойственно прогрессивным возрастно-половым пирамидам (рис. 4).

Резюмируя, отметим, что приходское население Вороничской земли на протяжении XVIII–XIX вв. отражало основные социально-демографические тенденции, происходившие в Псковском крае и европейской части Российской империи, а именно: абсолютное преобладание крестьянского сословия; высокий коэффициент рождаемости и смертности; преобладание детей и молодых людей над людьми среднего возраста и пожилыми; проживание крестьянских супружеских пар в рамках крупной составной семьи и преобладание нуклеарных семей среди духовенства, разночинцев, военных, городских обывателей; укрупнение дворов и поселений. Все вышеизложенное связано как с демографическим ростом населения, так и административно-фискальными преобразованиями в рамках изучаемого периода.

Таким образом, церковная делопроизводственная документация из провинциальных храмов, несмотря на специфичность, обладает высочайшим потенциалом для проведения социально-исторических исследований по демографической динамике, структуре семьи и социальному составу православного приходского населения, а также для изучения системы расселения и структуры владений на микроуровне. Результаты проведенного исследования и полученные статистические сведения расширяют систему научных знаний не только о социальном составе и демографической структуре приходского населения Опочецкого уезда XVIII – нач. XX в., но и демонстрируют жизнь провинциального православного прихода как устойчивой единицы.

Литература

Васильев А. М., Кагосян И. В., 2004. Из истории погоста Поляне // Михайловская Пушкиниана. Вып. 33. С. 66–74.

Миронов Б. Н., 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд., испр., доп. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин. 578 с.

Новиков Н. С., 2007. Легенды и были Пушкиногорья: по архивным изысканиям // Михайловская Пушкиниана. Вып. 44. 240 с.

Софийский Л. И., 2004. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.) / Вступ. ст. Н. Ф. Левина. Репринт. изд. (Псков, 1912 г.) Псков: Псковская обл. тип. 228.

Архивные материалы

ГАПО – Государственный архив Псковской области:

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1581. Л. 1–32 об. Исповедная роспись церкви Воскресения.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1583. Л. 1–26. Исповедная роспись церкви Георгиевской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1586. Л. 1–43 об. Исповедная роспись церкви Воскресенской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1588. Л. 2–54. Исповедная роспись церкви Георгиевской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1597. Л. 30–72, 73–118. Исповедные росписи церквей: Георгиевской, Воскресенской пригорода Воронича.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1607. Л. 1–18, 29–53, 56–93, 94–123, 124–150. Исповедные росписи церквей: Воскресенской и Георгиевской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1618. Л. 1–20, 21–35, 37–44 об., 45–60. Исповедные росписи церквей: Воскресенской и Георгиевской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1625. Л. 1–21. Исповедные росписи церквей Воскресенской и Спасской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1634. Л. 1–24, 25–45. Исповедные росписи церквей Воскресенской и Георгиевской.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1657. Л. 2–11. Исповедные росписи Святогорского монастыря.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 1666. Л. 2–14. Исповедные росписи Святогорского монастыря.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 2500. Л. 1–16. Исповедные росписи Святогорского монастыря.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 2545. Л. 1–15. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 2583. Л. 42–55. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 2586. Л. 16–33. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 2588. Л. 1–65 об. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.

Ф. 39. Оп. 1. Д. 2614. Л. 43–55, 56–77. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2615. Л. 66–79. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2653. Л. 1–17, 171–185. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2669. Исповедные росписи церквей города Опочки и церквей погостов Опочецкого и Новоржевского уездов
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2688. Л. 607–638, 647–672, 825–844, 1361–1387, 1395–1416, 1419–1440, 1634–1651, 1653–1676. Исповедные росписи церквей города Опочки и церквей погостов Опочецкого и Новоржевского уездов.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2690. Исповедные росписи церквей города Опочки и церквей погостов Опочецкого и Новоржевского уездов.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2699. Л. 607–642, 643–664, 780–798, 1347–1374, 1375–1391, 1401–1420, 1643–1661, 1666–1690. Исповедные росписи церквей города Опочки и церквей погостов Опочецкого и Новоржевского уездов.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2706. Исповедные росписи церквей города Опочки и церквей погостов Опочецкого и Новоржевского уездов.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2720. Исповедные росписи церквей, погостов города Опочки и его уезда.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2730. Исповедные росписи церквей, погостов города Опочки и его уезда.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 2736. Исповедные росписи церквей погостов Опочецкого уезда.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 4320. Метрические книги церквей Опочки и Новоржева и церквей погостов их уездов.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 4331. Метрические книги церквей Опочки и Новоржева и церквей погостов их уездов.
Ф. 39. Оп. 1. Д. 4349. Метрические книги ц. Опочки и церквей погостов уездов Опочецкого и Новоржевского.

* * *

Иванова Алёна Сергеевна, *Псков, ГБПОУ ПО «Псковский медицинский колледж»; e-mail: iwanovaalena@gmail.com*

А. В. Яковлев, Т. Е. Ершова

Александр Семенович Хвоинский – хозяин клада-коллекции из раскопок 2016 г. в Пскове

Резюме. Клад 2016 года – наиболее многочисленное по количеству и составу находок сокровище из числа открытых псковскими археологами в последние десятилетия, да и за всю историю научных раскопок в Пскове. В составе клада главная составляющая – крупная нумизматическая коллекция, коллекция христианской мелкой пластики XII–XIX вв., личные ценности хозяина сокровища – Александра Семеновича Хвоинского (1872 – после 1919) и его семьи. Полное научное описание клада еще не завершено. В статье объясняются обстоятельства находки, приводятся аргументы в пользу определения персоны укрывателя клада, рассматриваются условия его сокрытия и судьбы некоторых обитателей дома, у стены которого клад был обнаружен, публикуются описания некоторых предметов из числа личных вещей семьи.

Ключевые слова: Псков, клад 2016 года, А. С. Хвоинский, Подзноевский XV раскоп, клад-коллекция, эпоха революции и гражданской войны в России.

A. V. Yakovlev, T. E. Ershova. Alexander Semenovich Khvoinsky – the Owner of the Treasure Collection from Excavations 2016 in Pskov

Abstract. The treasure of 2016 is the most numerous treasure collection in terms of the number and composition of finds, discovered by Pskov archaeologists in recent decades, and in the entire history of scientific excavations in Pskov. Its main component is a large numismatic collection, a collection of Christian small plastic art of the 12th–19th centuries, personal valuables of the owner of the treasures, Alexander Semyonovich Khvoinsky (1872 – after 1919) and his family. The entire scientific description of the treasures has not yet been completed. The article explains the circumstances of the find, provides arguments in favor of identifying the person who had hid the treasure, considers the conditions for its concealment and the fate of some inhabitants of the house, near the wall of which the treasure was discovered, and publishes descriptions of some items of the family's personal belongings.

Keywords: Pskov, the 2016 treasure, A.S. Khvoinsky, Podznoevsky XV excavation, treasure-collection, era of revolution and civil war in Russia.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.181-200

Расчистка клада началась 16 сентября 2016 г. в раскопе по адресу Музейный переулок д. 5, в ходе охранных археологических раскопок в Подзноевском XV раскопе, которые проводились под руководством Т. Е. Ершовой.

Находка этого и многих других, меньших кладов, – результат многолетней работы по обеспечению постоянных и обязательных охранных раскопок, которые проводятся в зоне распространения исторического культурного слоя средневекового Пскова местным археологическим сообществом при неустанном содействии областных органов Охраны памятников.

Тем не менее, клад вполне мог быть утрачен навсегда в ходе подготовительных работ, его бы могли не заметить при работе экскаватора. К счастью, верхний мусорный слой городских отложений, так называемый «балласт», здесь снимали механизмами лишь на 50 см от современной дневной поверхности. Причина в том, что совсем рядом, в раскопах, которые исследовались в том же квартале в 2001–2009 гг., обнаружены древнерусские камерные погребения X века. Чтобы не пропустить предметы из подобных захоронений, которые могли быть в прошлом случайно разрушены или повреждены и не замечены, было решено со всей тщательностью исследовать верхние напластования, которые обычно снимают экскаватором и вывозят. Однако на этот раз остатков древнерусского некрополя не оказалось, зато был открыт интереснейший клад эпохи революции и гражданской войны. Клад обнаружен в десяти емкостях, которые нашли не одновременно. Сначала, 16 и 17 сентября, обнаружили, расчистили и зафиксировали 8 комплексов – 6 цилиндрических жестяных банок (обозначены в полевой описи как «блоки 1–5 и 8» (рис. 1, 2) и два крупных серебряных сосуда, наполненные предметами – наградной серебряный ковш XVIII века «..есаулу Кубышкину...» – «блок 6» и серебряный спортивный кубок с гравированным растительным орнаментом и портретом Петра I – «блок 7». Восемь комплексов – «блоков» располагались рядком вдоль восточной стены дома 3 по Музейному переулку, еще 2 комплекса – метрах в 10 к востоку от восьми первых. Они были найдены ровно месяц спустя – 16 октября. Эти блоки получили названия «клад 2, объект 1» и «клад 2, объект 2». Первый представлял собой жестяную коробку плохой сохранности, наполненную сокровищами, второй практически не сохранил следов упаковки и представлял собою комок находок, скрепленный продуктами коррозии. Первый комплекс клада 2 сопровождался двумя хорошо укупоренными бутылями с алкоголем – бутылью прозрачного стекла с самогоном и бутылью зеленоватого стекла с мадерой. Содержимое определено по запаху. Исследователей удержало от дегустации поверие, которое утверждает, что напитки, сопровождающие клад, всегда бывают отравлены.

Хозяин и строитель дома – Василий Кузьмич Черехинский, псковский предприниматель из крестьян, владел доходными домами на Губернаторской улице (современной ул. Некрасова), на Нарвской улице (ныне ул. Леона Поземского), и упомянутыми здесь двумя домами в Поганкином (или Костёльном) переулке (в наши дни Музейный переулок). Один дом (дом 3 по современному Музейному переулку – двухэтажный красного кирпича с железным балкончиком на фасаде – с водопроводом и ватерклозетами во всех четырех

Рис. 1. Клад 1, вид с востока. 16.09.2016

квартирах) был построен в 1904 году (рис. 3). В нем квартировали преподаватели различных учебных заведений Пскова: педагог рисовально-технических классов, коллежский советник Петр Максимович Коренев (Памятная книжка... на 1905–06 гг. С. 349; Памятная книжка ... на 1911–12 гг. С. 91; Памятная книжка ... на 1913–14 гг. С. 95) и отставной преподаватель математики в младших классах Псковского кадетского корпуса, стацкий советник Платон Федорович Рожанский с супругой Марией Ивановной. В том же доме обитали чиновники братья Хвоинские, Александр Семенович и Семен Семенович (о них подробнее ниже).

Соседний дом (по теперешней нумерации – дом 5 в Музейном переулке) вплотную примыкал к восточной стене краснокирпичного дома 3. Это было двухэтажное деревянное здание с комнатами по сторонам коридора на каменном цоколе, с туалетом на улице – съемное жилье довольно дешевой категории. Именно в пространстве, прежде занятом полуподвальным техническим этажом этого здания, был укрыт клад, обнаруженный при раскопках осенью 2016 года. Дом использовался под жилье до 1970-х гг, затем был расселен, долго стоял необитаемый и был снесен в 1990-х гг.

Некоторые сведения, позволяющие понять обстоятельства сокрытия клада, опубликованы журналистом-историком Олегом Андреевичем Калкиным (1943–2007) в 2003 г. Красные заняли Псков 26 августа 1919 года. Накануне из города ушли части Северо-Западной белой армии. Город сдан без боя. Одако сразу начался красный террор. 28 августа по подозрению в контрреволюционной деятельности ЧК арестовывает 70-летнего Платона Федоровича

Рис. 2. Клад 1, вид с севера. 16.09.2016

Рожанского. Его квартиру опечатывают, составляют опись вещей, и скоро заселяют в «освобожденное» от прежних обитателей жилье товарища Котова Алексея Ивановича, секретаря губкома РКП (б). Мария Ивановна Рожанская вернулась домой из деревни, где она навещала внуков, 20 сентября, и за попытку воспользоваться своими вещами и квартирой, по заявлению тов. Котова, тоже оказалась в ЧК. Возмущенная пропажей части продуктов и беспорядком в доме, Мария Ивановна стала громко сетовать на то, что «русский народ попал

Рис. 3. Музейный (бывший Поганкин) переулок, д. 3, вид с СВВ. Ноябрь 2021 г.

под влияние большевиков, а российская республика теперь управляется одними евреями». Со стороны чекистов последовало обвинение в антисоветской агитации. На повторном допросе, 27 сентября, несчастная Мария Ивановна призналась, что взяла из квартиры несколько своих личных вещей. Некоторые обменяла на хлеб, остальные попросила спрятать хозяина дома, Василия Кузьмича Черехинского. Василия Кузьмича, как пособника антисоветчицы, арестовали 6 октября 1919 года. Сначала он все отрицал, но когда ему зачитали показания Марии Ивановны, согласился показать камень в саду за домом, под которым открылись утаенные от советской власти сокровища – «13 серебряных чайных ложек, 1 дамское портмоне с шейным дамским украшением, 4 рубля 70 копеек разными серебряными монетами, 3 куска подмоченной кожи и три медных монеты копеечного достоинства» (*Калкин,* 2003, С. 73). «Отягчающим обстоятельством» в деле Рожанских оказалась служба двух сыновей пожилой пары в Северо-Западной белой армии (всего у них было семеро детей, все уже взрослые). Но только часть отпрысков этого семейства оказались на белой стороне. Старики утверждали, что сын Сергей, бывший капитан российской армии, служит у красных, но связи с ним не было и им не поверили. Единственная дочь, Зинаида Платоновна, была замужем за начальником 4-го отдела Центрального управления военных сообщений РВС республики тов. М. Варпаховским. Советский военный чиновник стал хлопотать об освобождении тещи и тестя ему на поруки, но его бумаги не успели. Старики Рожанские погибли от голода и болезней в Великолукской тюрьме: Платон Федорович 28 февраля 1920 г., а Мария Ивановна – 11 марта (*Калкин,* 2003. С. 75–76). Сведения

о Рожанских и Черехинском опубликованы в Книге памяти Псковской области (Не предать забвению...).[1] Дата смерти доброго домовладельца, Василия Кузьмича Черехинского, нам неизвестна. Также пока неизвестна судьба братьев Александра и Семена Хвоинских.

Основная часть нумизматической коллекции, сохранившейся в кладе – медные и серебряные монеты Российской империи от Петра I до Николая II. 23 золотые монеты представляют все правления, начиная от Елизаветы Петровны. Хорошая и большая подборка монет Московского царства и Удельного периода, с конца XIV века. Удивляет отсутствие раннесредневековых арабских монет и западноевропейских динариев и Византии. Интересна коллекция французских монет Второй империи. Восток представлен японскими и китайскими номиналами конца XIX – начала XX в., монетами Турции XVII– начала XX в., есть небольшая подборка медных древнеримских номиналов и медных монет Пантикапея. Средневековье и Новое время государств Восточной и Западной Европы представлены слабее.

Фалеристическая часть клада не очень велика. Представлены наградные и памятные медали, только российские, середины XIX – начала XX в. Яркую коллекцию образуют жетоны, выпускавшиеся в России по разным поводам, с XVIII по начало XX в.

Интересно собрание мелкой культовой пластики, обнаруженное в одной из жестяных банок клада 1 («блок 2»). Найдены литые бронзовые иконки, фрагменты складней, наперсные и напрестольные кресты XVIII–XX вв. – всего 66 единиц.

В состав «клада 2» вошла, наряду с коллекционными вещами и личными реликвиями, упаковка патронов от спортивной малокалиберной винтовки, небольшая серия разнообразных ключей и ключиков от часов, шкатулок и выдвижных ящиков. Кроме того, вне кладовых комплексов в пределах подполья дома 5 найдены револьвер американского производства и саперный тесак – бебут. Это оружие тоже, вероятно, было спрятано в ожидании прихода красных.

В составе клада 2016 года, помимо нумизматической коллекции и других предметов коллекционирования, которые составляют основную часть сокровища, выделяется группа ценностей, которые были семейными и личными ре-

---

[1] Рожанский Платон Федорович, 1849 г.р., уроженец Харьковской губ., жил в г. Пскове, русский, преподаватель, арестован 28 августа 1919 г., осужден Псковской ГубЧК 10 октября 1919 г. б/ст, содержался под стражей как заложник. Реабилитирован 16 декабря 1997 г. (ПсковКП-8).

Рожанская Мария Ивановна, 1855 г.р., уроженка г. Пскова, русская, домохозяйка, арестована 20 сентября 1919 г., осуждена Псковской ГубЧК 10 октября 1919 г. б/ст на 5 лет принудительных работ. Реабилитирована 16 декабря 1997 г. (ПсковКП-8).

Черехинский Василий Кузьмич, 1855 г.р., уроженец д. Череха Псковского р-на, русский, домовладелец, арестован 06 октября 1919 г., осужден Псковской ГубЧК 10 октября 1919 г. б/ст на 5 лет принудительных работ. Реабилитирован 16 декабря 1997 г. (ПсковКП-8).

ликвиями людей, спрятавших клад. К этой группе надо отнести три орденских знака Российской империи, золотые швейцарские часы фирмы «Мозер», золотую булавку для галстука, увенчанную короной с двумя камнями по сторонам и вензелем МА, спортивный серебряный кубок с гравировкой, 2 серебряных бокала с позолотой и гравированными вензелями в виньетках, серебряный подстаканник, украшенный рельефным изображением тройки, гравированными растительными мотивами, с гравированными на ручке инициалами и датой, серебяная позолоченная солонка с эмалями и два золотых дамских колечка с камнями.

Именно среди личных вещей хозяина клада должно было скрываться указание на его «персональные данные». Выделив эту категорию вещей, мы стали планомерно проверять каждую из них, фиксируя все надписи и клейма, в поисках возможной подсказки. На ручке серебряного подстаканника обнаружилась гравировка – инициалы А. С.Х. и дата 30 августа 1897 года. Инициалы повторились и на серебряных бокалах (монограмма из тех же А С Х). В стилистике коллекций, попавших в состав клада, была видна рука просвещенного и многолетнего собирателя. Мы предположили, что такой человек обязательно должен был состоять в престижном и респектабельном Псковском археологическом обществе. Обратившись к «Памятной книжке Псковской губернии на 1913–1914 гг. », мы немедленно убедились в нашей правоте, установив личность коллекционера, укрывшего клад 2016 года. Совпадение в инициалах при чтении списка членов Псковского Археологического Общества оказалось единственным. Хвоинский Александр Семенович, губернский секретарь, Поганкин переулок, дом Черехинского. В 1914 г. служил в канцелярии губернатора, старший помощник правителя канцелярии губернатора, титулярный советник (Памятная книжка ... на 1913–1914 гг. С. 3, 4).

Александр Семенович и Семен Семенович, братья-близнецы, оба состояли в ПАО (Памятная книжка ... на 1913–1914 гг. С. 138). Они происходили из духовного сословия, их отцом был священник, преподаватель Закона божия в Сергиевском реальном училище. Сыновья избрали сферой деятельности гражданскую службу. Александр Семенович Хвоинский, титулярный советник, служил старшим помощником правителя канцелярии губернатора. Чин титулярного советника в Российской империи был своего рода «стеклянным потолком» для гражданских служащих недворянского происхождения, поскольку получение следующего чина влекло обретение потомственного дворянства. Большинство служащих выходило в отставку, не преодолев этот барьер. Александр Семенович состоял членом Псковского археологического общества с 01.09.1906, а Семен Семенович, коллежский регистратор, контролер 1-го округа Псковского акцизного управления, член ПАО с 1909 г. (Список членов... С. 82).

Сведения «Памятной книжки» позволяют получить представление о широте интересов и высокой степени гражданской активности Александра Семеновича и его брата:

Александр Семенович – секретарь Общества любителей музыкально-драматического искусства (Памятная книжка ... на 1913–1914 гг. С. 143); Александр Семенович – член совета Общества любителей спорта; Семен Семенович – кандидат в члены (там же, с. 145); А. С. – секретарь Общества содействия

телесному воспитанию учащейся молодежи (там же, с. 145); член Псковского местного управления Российского общества красного креста (там же, с. 149); в «Семейным кружке» Семен Семенович – старшина, Александр Семенович – член ревизионной комиссии; в Женском благотворительном обществе Св. Марии – секретарь Александр Семенович (там же, с. 151).

По данным Псковского археологического общества за 1906 г., Александр Семенович Хвоинский – секретарь Псковского губернского правления; собиратель древностей, член Псковского Археологического общества и Псковской губернской ученой архивной комиссии (Отчет... С. 179).

Отметим, что в 1915 г. Александр Семенович, по рекомендации Н. К. Рериха, с которым он был лично знаком, стал членом Общества возрождения художественной Руси (*Федотов,* 2013. С. 305). В феврале 1916 года Александр Семенович вошел в состав Псковского военно-спортивного комитета – общественной организации, созданной под эгидой властей для допризывной подготовки молодежи (*Карпова,* 2009. С. 55).

Благодаря любезной помощи ст. н. с. Псковского музея-заповедника Татьяны Николаевны Журавлевой нам удалось разыскать в Псковском областном архиве (ГАПО) два дела, которые содержат важнейшие данные о происхождении, образовании и служебной карьере Александра Семеновича Хвоинского. Комплекс документов (ГАПО. Ф. 58. 2. № 2506) сформирован в Псковской Казенной палате с 1902 по 1908 г. и включает подшивку документов, относящиеся к перемещениям и продвижению по службе А. С. Хвоинского. 150 лет назад, 28 августа 1872 года, в Пскове, в семье священника Ново-Успенской церкви (Успения Пресвятой Богородицы с Полонища) Симеона Андреевича Хвоинского и его жены Ольги Иосифовны родились первенцы-близнецы – Семен Семенович и Александр Семенович (ГАПО. Ф. 58. 2. № 2506. Л. 30 об.). Младенцы были крещены 10 сентября того же года в той же Ново-Успенской церкви (там же, л. 24, 24 об.). Отец, Симеон Андреевич, сын священника из погоста Вязы Великолукского уезда, родился 26 января 1843 года, обучался в Псковской Духовной Семинарии на «очень хорошо» и «отлично», окончил курс в 1-м разряде в 1867 году (там же, л. 26–30 об.). Его Преосвященством, Епископом Павлом, рукоположен во священника к Спасо-Преображенской церкви погоста Кокшина (Островский уезд) 14 ноября 1870 года». Указом Консистории от 10 декабря 1871 года переведен в Псков к Ново-Успенской церкви, затем перемещен в Варлаамовскую церковь в Пскове и вновь переведен в Ново-Успенскую, но уже настоятелем. Учительская деятельность Симеона Андреевича началась сразу по окончании Псковской семинарии на родине, в Вязовском училище (Великолукский уезд), продолжилась в недавно открытом тогда Александровском ремесленном училище в Пскове. Особое место в его судьбе заняло законоучительство в Сергиевском реальном училище, которому он посвятил последние 30 лет жизни – с 1877 по 1907. Симеон Андреевич с молодых лет был на хорошем счету в Епархии. Епархиальное начальство возлагало на него множество ответственных поручений, которые он всегда с честью выполнял (там же, л. 26 об. – 28 об.). Его «Формулярный список...» (там же, л. 26–30 об.) пестрит записями о заслуженных поощрениях и наградах. В 1874 г.

«за честное исполнение своих обязанностей и трезвую жизнь награжден набедренником», в 1880 году «за отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован фиолетовою скуфьею», в 1885 году «удостоен награждения камилавкою», в 1890 г. «удостоен награждения наперсным крестом, от св. Синода данным, за подписью Преосвященного Гермогена», в 1895 «Всемилостивейше сопричтен в 6 день месяца мая 1895 года к ордену Св. Анны 3 ст.», в 1897 г. «получил медаль в память царствования Императора Александра III», в 1899 г. «награжден за заслуги по гражданскому ведомству саном Протоиерея. Возведен в сан Протоиерея Епископом Антонином в Псково-Градской Ново-Успенской церкви», в 1902 г. «с разрешения Преосвященного Сергия прихожанами поднесен наперсный крест с украшением».

Формуляр о службе Симеона Андреевича за 1904 год датирован 2 марта 1905 года. Эта копия была выдана из Псковской духовной консистории Александру Семеновичу в связи с соисканием младшего гражданского чина – коллежского регистратора.

В семье Протоиерея Хвоинского, на 1904 год уже овдовевшего, было пятеро детей и старшая сестра, жившая при брате. Старшие сыновья, Семен и Александр, 32 лет (28 августа 1872), служили «по гражданскому ведомству», дочери Вере исполнилось 27, Николай 25 лет, обучался в Юрьевском ветеринарном институте, Сергей 18 лет учился в старшем выпускном VI классе Псковской духовной семинарии, состоял на содержании отца. Сестра, дочь священника погоста Вязы Великолуцкого уезда, девица Анастасия Андреевна Хвоинская, 71 года, получала из Епархиального попечительства постоянного пособия 12 рублей в год (ГАПО. Ф. 58. 2. № 2506. Л. 30 об.). Протоиерей владел деревянным домом.

Известно, что Симеон Андреевич скончался 20 ноября 1907 года, до смерти он оставался в должности законоучителя Сергиевского реального училища и настоятеля Ново-Успенской церкви.

Молодость Александра Семеновича тоже была посвящена духовному служению (ГАПО. Ф. 58. 2. № 2506. Л. 6, 6 об.). По окончании курса в Псковском духовном училище он поступил в августе 1889 года в Псковскую духовную семинарию, где обучался по июль 1895 г. По окончании старшего, VI класса 23 июля 1895 г. причислен ко второму разряду воспитанников.

Преосвященным епископом Антонином посвящен в стихарь 2 января 1895 года, определен псаломщиком в Ильинскую церковь города Торопца с 03 октября 1896 г. По прошению переведен псаломщиком к Алексеевской церкви г. Пскова с 31 июня 1897 г.

Утвержден Преосвященным Антонином учителем Закона Божия Черского министерского училища 23 сентября 1897 г., в следующем, 1898 г. утвержден Преосвященным Антонином в такой же должности городской Воскресной школы. За весьма усердные и полезные труды по преподаванию Закона Божия в Псковской Воскресной школе удостоен архипастырского благословения.

В 1902 г., достигнув 29-летнего возраста, Александр Семенович решил круто изменить траекторию своей карьеры. Он оставил духовное служение и перешел в гражданское ведомство – Псковскую казенную палату (ГАПО. Ф. 58. 2. № 2506. Л. 10, 10 об.). Постановлением управляющего Псковскою

казенною палатою определен в штат канцелярским служителем 2-го разряда с 1 февраля 1903 г., затем назначен «исправляющим должность счетного чиновника» – с 1 мая 1903 г., а с 1 сентября 1903 г. назначен помощником бухгалтера по Псковскому акцизному управлению. К 1 февраля 1905 г. он «выслужил» младший чин российского гражданского чиновника – коллежского регистратора (XIV класс).

В 1906 г. в его будущности настала счастливая перемена. С 1 марта по распоряжению Псковского губернатора графа Александра Васильевича Адлерберга назначен старшим чиновником особых поручений при губернаторе и перешел на службу в Губернское правление – центральный административный орган при губернаторе (ГАПО. Ф. 58. 2. № 2506. Л. 39). А. В. Адлерберг (1860–1915), приблизивший А. С. Хвоинского – крупный государственный деятель эпохи Николая II, хороший администратор. После Псковского губернаторства (1903–1911) ему предстояло окончить свои дни в должности губернатора Санкт -Петербурга/Петрограда. Еще до начала XX века Псков был ему хорошо знаком по службе в должности вице-губернатора в 1893–1898 гг. Он активно поддерживал работу ПАО, в 1897 г. избирался его почетным членом, и дважды, в 1897 и в 1903 – председательствовал.

В 1908 г. Александр Семенович произведен в следующий выслуженный чин губернского секретаря (XII класс). В формуляре Александра Хвоинского – помощника бухгалтера Псковской казенной палаты – отмечено, что до 1906 г. он был холост, никакими сведениями о его вступлении в брак в дальнейшем мы пока не располагаем. Дело о службе Александра Семеновича в Губернском правлении разыскать не удалось, вряд ли оно сохранилось.

До обнаружения клада 2016 г. единственным зримым наследием А. С. Хвоинского оставался фонд, состоящий из его дарений, в составе Древлехранилища Псковского музея-заповедника (Шк. 41, о. ф. 28309). Фонд включает 25 единиц хранения. В основном это рукописные книги и документы XVI–XVIII вв., а также одна старопечатная книга XVII в. Это не очень большое, но весьма ценное собрание разнообразных по жанрам, происхождению и назначению памятников письменности (см. опись фонда в приложении). Здесь и духовно-учительная литература, и научная, и редчайший нотный сборник, писанный крюковым письмом, и исторические сочинения, и памятники деловой письменности, и документы русского законодательства. Они происходят не только из Пскова, но и из некоторых других русских земель. За этой коллекцией видна большая собирательская работа.

Часть коллекции А. С. Хвоинского входила в состав экспозиции выставки, которая готовилась к открытию в Пскове XVI Всероссийского археологического съезда летом 1914 года, который не состоялся в связи с начавшейся всеобщей мобилизацией и вступлением Российской империи в I мировую войну. Экспонаты сгруппировали по 6 разделам: 1. Отдел доисторический; 2. Отдел первобытных древностей; 3. Отдел рукописных и старопечатных книг; 4. Отдел царских жалованных грамот, столбцов-свитков и других документов; 5. Историко-родословный отдел; 6. Церковный отдел. Памятником несостоявшемуся съезду и выставке остался «Каталог Выставки XVI Всероссийского

археологического съезда 1914 года во Пскове, отмененного по случаю войны», опубликованный в Пскове в 1915 году (Каталог...).

Основную экспозицию выставки развернули в большом зале на втором этаже художественно-ремесленного училища Фан дер Флита, на Губернаторской улице, рядом с Поганкиными палатами.

При формировании экспозиции устроители решили сделать упор на экспонаты из частных собраний и из обихода действующих церквей и монастырей. Коллекция А. С. Хвоинского была представлена вполне достойно. В Церковном отделе каталога на с. 59, под № 79 значится икона 7×6 «Не рыдай мене Мати» начала XVIII века и под № 80 – Св. Николай чудотворец Можайский, кон. XVII столетия (Каталог... С. 89). Ниже отмечено, что продолжение этого иконостаса – 7 праздников, 8 пророков и 1 икона избранных, а всего 17 икон, находились в 3-й комнате. Там же находились резные царские двери XVIII столетия, 3 резных подсвечника, 3 железных, 2 резных фигуры предстоящих и один стояк для опускания денег – все из собрания А. С. Хвоинского (Каталог... С. 59).

В витрине под литерой З экспонировались 16 рукописных книг кон. XVI–XVIII в. из коллекции Хвоинского – под номерами 179–195, а в витрине «И» – 7 старопечатных книг под номерами 196–202, 203 – икона 3×2 3-х святых: Стефана, Александра и Николая Чудотворца, 204 – три тельных литых двусторонних креста, 205 – поднос восточной работы XVI столетия (Каталог... с. 70–71). Благодаря «Каталогу...» мы видим А. С. Хвоинского как собирателя старинных рукописей, старопечатных книг, икон, предметов церковного обихода и утвари. Нумизматическая часть коллекции Хвоинского на выставке не была показана и никакими сведениями о ней мы не располагали.

Единственный документ, который отмечает карьерное продвижение А. С. Хвоинского в период с 1908 по 1917 год – под заглавием «Канцелярия Псковского губернатора. Список должностных лиц, чинов полиции, становых и полицейских приставов и их помощников в губернских учреждениях» (ГАПО. Ф. 20. 1. № 3219). Документ на 6 листах машинописи окончен 15 апреля 1915 года. Он составлен с целью отметить служащих, которых можно представить к очередной награде. Карандашные приписки в первом столбце таблицы, ниже должности, чина и Ф. И. О. отмечают, кто может быть награжден и какой наградой или не может и по какой причине. В первом столбце строки Александра Семеновича Хвоинского карандашом отмечено, что он «не может быть представлен. П. 4. Нагр. Прав.». В следующих столбцах впечатаны данные о службе: В действ. государств. службе – с февр. 01. 1902. В ведомстве [В губернском правлении] – с 01 мар. 1906. В должности [Секретарь губернского правления] – с дек. 09. 1914. В чине [Титулярный советник (IX класс)] – с февр. 01. 1914. Последняя награда – Св. Анны 3-й ст. – янв. 01. 1913. Известно, что гражданский чиновник практически не мог получить орден Святой Анны III степени, не будучи уже награжден орденом св. Станислава III степени, самым младшим в иерархии российских орденов предреволюционной поры. С высочайшей вероятностью мы можем говорить о том, что орден Анны III степени из клада принадлежал Александру Семеновичу. Дата награждения, известная из архивного

Рис. 4. Фото Хвоинских из документов Архива Эстонской республики. Слева направо: Александр Семенович, Семен Семенович, Ольга

документа (ГАПО. Ф. 20. 1. № 3219) – 1 января 1913 г. – вполне «вписывается» во временной интервал, следующий из клейм на ордене с полевым номером 8/299 – пробирное клеймо – в промежутке 1908–1917 и марка фирмы «Эдуардъ» – между 1911 и 1917.

Два ордена из клада, видимо, принадлежали Александру Семеновичу Хвоинскому. Не исключено, что второй орден Станислава принадлежал Семену Семеновичу.

Во время подготовки к публикации нам удалось, благодаря любезной помощи коллег Л. Е. Грушиной и М. Ю. Колпакова, ознакомиться с комплексом документов Хвоинских из собрания архива Эстонской республики, размещенного в Интернете (https://www.ra.ee/vau/index.php/site/; ссылка на эти материалы невозможна, поскольку для пользования сайтом необходима регистрация). Стало ясно, что братья Хвоинские Семён и Александр не погибли в 1919 году, а эмигрировали в Эстонию и проживали в Таллине. В документах имеются фотографии братьев и супруги Семёна Хвоинского Ольги (рис. 4). Эти документы, поданные русскими эмигрантами для получения эстонского гражданства, содержат краткие биографические сведения, данные о перемещениях и местах работы. Выяснилось, что в 1936 г. А. С. Хвоинский получил эстонское гражданство. Мы продолжаем работать с этими новыми для нас данными.

В заключительной части статьи приводим описания некоторых предметов из категории личных вещей в составе клада. Нумерация вещей включает номер «блока» клада и через дробь номер предмета внутри блока (по коллекционной описи).

Орден 8/73 (рис. 5). Знак ордена Святого Станислава III степени. Золото 56-й пробы, эмаль, финифть. Размер: длина с ушком и кольцом 55 мм, ширина 42 мм, 10,21 г. Печати: на ушке пробирное «56», женская голова в кокошнике, смотрящая влево; с обратной стороны креста клеймо «ИЛ» – удостоверявший

Рис. 5. Орден св. Станислава III степени. Клад 1, блок 8, полевой № 73

качество продукции Санкт-Петербургской фирмы «Эдуардъ» И. А. Линдстедт – заведовал технической частью Санкт-Петербургского пробирного управления с 1905 по 1910 г. С 1906 г. фирма «Эдуардъ», которой владел Эдуард Фердинандович Дитвальд, стала официальным поставщиком Российского Капитула орденов (*Селиванов*, 2005. С. 118), и сохраняла этот статус до 1917 г. Крест золотой, покрытый с лицевой стороны красною эмалью, четырехконечный, каждый конец разделен еще на два острых конца; по краям всего креста золотая кайма; на восьми острых концах золотые шарики; между этими концами, в их соединении, золотые полукруги, имеющие вид полосатых раковин; в середине, на белом круглом щите из эмали, обведенном золотою каймою, с зеленым венком, был латинский вензель Св. Станислава красного цвета: SS, который полностью стерся. Зеленая эмаль на листьях венка утрачена более чем на половину; около щита на углах креста, с четырех сторон, золотые Российские двуглавые орлы. Задняя сторона креста вся золотая, с белым круглым щитом в середине из эмали, на котором изображен тот же вензель SS, стертый наполовину, Россия, 1906–1908 гг. (по сочетанию клейм).

Орден 8/299 (рис. 6). Знак ордена св. Анны – Крест 3-й степени, 50,1×36,0 мм, капитульный, золото и эмаль, 8,69 г, финифть. На ушке клеймо – золото, удостоверяющий знак – женская головка с кокошником вправо, проба 56/96. На верхней ветви креста под эмалью с оборотной стороны просматривается клеймо «ВД», означающие инициалы Веры Петровны Дитвальд, которая после смерти супруга, Эдуарда Дитвальда, в мае 1911 г. перерегистрировала на себя торговый дом. Следовательно, орден изготовлен фирмой «Эдуардъ»

Рис. 6. Орден св. Анны III степени. Клад 1, блок 8, полевой № 299

в Санкт-Петербурге между 1911 и 1917 гг. По Каталогу фабрики «Эдуард», цена ордена составляла 18 рублей (Каталог фабрики «Эдуард». С. 12).

Орден 8/17. Знак ордена Святого Станислава III степени. Аналогичен ордену 8/73. Золото 56-й пробы, эмаль, финифть. Размер: длина с ушком и кольцом 55 мм, ширина 43 мм, 10,55 г. Печати: на ушке пробирное клеймо «56», женская голова в кокошнике, смотрящая влево; с обратной стороны креста на нижней ветви клеймо фирмы «Эдуардъ» полностью, на верхней ветви кораблик – знак мастера. На левой ветви эмаль утрачена почти полностью, вензель Св. Станислава полностью стерся, зеленая эмаль на листьях венка утрачена более чем наполовину. Вензель на задней стороне стерт наполовину. Пробирное клеймо с женской головкой влево использовалось с 1899 по январь 1908 г. *(Груздева, Карпов,* 2019. С. 38–48*)*, ювелирная фирма «Эдуардъ» существовала с 1896 по 1917 гг. С 1906 года фабрика начала изготовление орденов Российской империи (*Селиванов*, 2005. С. 118; *Кузнецова,* 2017. С. 347). Россия, 1906–1908 гг. Согласно Каталогу фабрики «Эдуард», цена ордена составляла 18 рублей (Каталог фабрики «Эдуард». С. 10).

Галстучная булавка 8/72 (рис. 7) с вензелем великого князя Михаила Александровича. Над вензелем два алмаза по сторонам императорской короны. Размеры 8,3×1,6 см. Золото, 6,07 г. Датировка – по пробирному клейму – АР 56 – клеймо Санкт-Петербургского пробирного управления 1904–1908 годов с инициалами управляющего пробирным округом Александра Романова. Клеймо-лопатка на основании стебля булавки. Рядом с ним – вытянутое овальное клеймо с буквами F(?)ТК. Вероятна принадлежность мастерской

Рис. 7. Булавка для галстука с вензелем вел. кн. Михаила Александровича.
Клад 1, блок 8, полевой № 72

Поставщиков двора Его Императорского Величества, фирмы «Кёхли Ф. И. и Ф. Ф.» (1903–1911). В качестве аналогии приводим булавку для награждения иностранных гостей, прибывших на празднование серебряной свадьбы Великого Князя Владимира Александровича и Великой Княгини Марии Павловны 16 августа 1899 г., выполненную Фридрихом-Христианом Кёхли. Известные ювелиры, отец и сын, швейцарские граждане Фридрих-Христиан Кёхли (Фидрих Иванович) (1837–1909) и Теодор-Фридрих (Федор Федорович) (? – 1911) (*Кузнецова,* 2017. С. 192–196). На Парижской Всемирной выставке 1900 года старший Кёхли демонстрировал свои шедевры «вне конкурса» (как

Рис. 8. Серебряный подстаканник с гравировкой А.С.Х. на ручке.
Клад 1, блок 6, полевой № 10

и Карл Фаберже), будучи членом жюри. Кёхли делали и так называемые «кабинетские» вещи. Еще при Николае I в 1830-е годы подарки, выдававшиеся Камеральной частью Кабинета Его Императорского Величества, приобрели регулярный и официальный характер награды «по чину». Это определяло ее тип и стоимость. Главной приметой подобных изделий стало присутствие на них государственной символики: гербового двуглавого орла, императорской короны и вензелей членов венценосной семьи. Так, в июле 1878 г. посетившие Псков великие князья Сергей Александрович и Павел Александрович пожаловали подобную булавку инспектору Псковского реального училища М. А. Бутлерову, о чем сообщили «Псковские губернские ведомости» (№ 28 от 22.07.1878). В 1902 г. Фридрих Иванович Кёхли представил в Кабинет целый ряд подобных «подарочных вещей с эмблемами» (*Кузнецова,* 2017. С. 195–196).

Серебряный подстаканник 6/10 (рис. 8) с цилиндрическим туловом на низком поддоне, с высокой вертикальной уплощенно-петельчатой ручкой. На тулове, в гравированной виньетке из цветущих трав, – штампованное, дополненное чеканкой изображение тройки, летящей по зимней дороге, с ямщиком и двумя седоками. Высота с ручкой – 102 мм, высота поддона 16 мм, по краю корпуса – 76 мм, диаметр по основанию поддона – 80 мм, по верхнему краю корпуса диаметр 74 мм. Высота ручки 87 мм, длина – 30 мм, ширина 10 мм. Вес 125,04 г. На верхней грани ручки – инициалы А. С. Х., на боковой грани – дата 30 августа 1897 года. На внешней поверхности дна подстаканника – прямоугольное пробирное клеймо «в столбик» – 84/ А*Ш /1896. По клейму узнаем пробирера и место изготовления: Александр Тимофеевич Шевяков, Санкт-Петербург, 1895–1898 гг *(Груздева, Карпов.* 2019. С. 32*)*. Марка изготовителя в овальном

Рис. 9. Серебряные конические бокалы с позолотой и гравированной монограммой АСХ. Клад 1, блок 7, полевые №№ 4 и 5

клейме наполовину стерлась, читается только буква L. Вероятно, это произведение Петербургской фабрики серебряных изделий «Любавин» (*Кузнецова,* 2017. С. 347). Ручка отломлена, на поддоне вмятина и рваное сквозное отверстие. На поддоне, корпусе и изнутри – зеленые пятна окислов.

Конические бокалы 7/4 и 7/5 (рис. 9) на короткой ножке в форме вазы с цилиндрическим расширением посередине, на воронковидной подножке. Высота 140 мм, диаметр венчика 41 мм, диаметр подножки 41 мм. Штамповка, пайка, полировка, золочение изнутри, гравировка: монограмма из букв АСХ обрамлена виньеткой из растительных завитков. Вес 52,83 г. и 49,37 г. В верхней трети тулова на внешней стороне – в прямоугольном клейме буквы ИВ, рядом в овальном клейме – 84, женская голова в кокошнике влево, за головой буквы ПА. Поворот

Рис. 10. Серебряный (?) с позолотой спортивный кубок, украшенный гравированным бюстом Петра I и гербовым двуглавым орлом. Клад 1, блок 7, полевой № 10

«знака удостоверения», женской головки в кокошнике влево – позволяет датировать клеймо в интервале 1899–1908 гг. (*Груздева, Карпов,* 2019. С. 38–39).

Кубок серебряный (?) спортивный 7/10 (рис. 10). Литье, чеканка, гравировка, золочение изнутри. Высота 20,9 см, диаметр по венчику 11,8 см, диаметр ножки 4 см, диаметр поддона 10 см. Серебро (?). Вес 232 г. Пробирное клеймо и маркировка изготовителя отсутствуют. На противоположных сторонах тулова – гравированные изображения в картушах. На лицевой стороне – бюст Петра I в профиль, в лавровом венке и античной тоге, скрепленной на левом плече фибулой из скрещенных якорей (герб Санкт- Петербурга). На оборотной – двуглавый орел с опущенными крыльями под имперской короной со скипетром и державой в лапах. Кубок был завернут в газету, прикипевшие остатки которой удалены в процессе реставрации. Утраты позолоты изнутри. Датируется по стилю кон. XIX – нач. XX в.

Приложение

Фонд Александра Семеновича Хвоинского (Древлехранилище Псковского музея-заповедника. Шк. 41. о.ф. 28309)

№	Название	Датировка	Объем и размер	Прим.
1	«Цветник духовный» рукописный сборник священноинока Дорофея	XVIII век	440 л., 23×17	
2	Сборник слов и поучений проложного типа	1794 г.	126 л., 19×13	
3	Толкование блаженств евангельских	XVIII век	144 л., 17×21	
4	Ирмологий нотный и Октоих на крюках	Кон. XVI в. и вт. пол. XVII в.	332 л., 16×10	
5	Сборник литературно – учительный.	Пер. пол. XVIII века	183 л., 16×11	
6	Триодь цветная – сборник богослужебный	Пер. пол. XVI в. и XVII в.	247 л., 22×16	
7	Житие Петра Великого	Вт. пол. XVIII века	91 л., 22×17	
8	Истинный гражданин и честный человек	XVIII век	241 л., 22×17	
9	Святцы (сборник богослужебный)	Кон. XVIII – XIX в.	82 л., 20×16	
10	Апостол	Кон. XVI в.	269 л., 17×10	
11	Чин погребения	XVIII век	109 л., 20×15	
12	Арифметика	XVIII век	331 л., 20×16	
13	Сборник конволютный Указы царские.	XVIII век	547 л., 31×20	
14	Житие Петра Великого	XVIII век	220 л., 33×20	
15	Письмо снятогорского чернеца Дорофея	1766 год	1 л., 32×20	
16	Запись поставления в диаконы старца Ионы в Угличе	1691 год	1 л., 37×16	
17	Сказка попа Агапия Иванова архимандриту Савво-Сторожевского монастыря Тихону	1662 год	1 л., 37×16	
18	Челобитная игумена Савво-Сторожевского монастыря (под Звенигородом) Тихона	1662 год	1 л., 38×15	
19	Сказка крестьянина с. Луцыно Мартына Сергеева о прервавшейся литургии в служении никольского попа Агапия Иванова	1662 год	1 л., 33×15	
20	Память Григорию Семенову на земельный вклад	1672	1 л., 40×16	
21	Поручная запись крестьян Троицкого Ипатьева монастыря села Кузьминского за попа Савина , чтобы жить ему на селе «безъсездно»	1617	1 л., 21×15	
22	Жалованная грамота Матвею Пемееву	1592	1 л., 30×15	
23	Указ из Москвы с Патриаршего двора в Кострому о проведении повального обыска по делу о преступлениях александровского попа Ермолая из села Селища Костромского уезда, уличенного в блудном насилии, святотатстве и разбое.	1637	4 л.	
24	Список с указной государевой грамоты в Кострому воеводе Юрью Михайловичу Аксакову да подьячему Ивану Бородину о предоставлении костромскому помещику Осипу Федчищеву права на сбор урожая хлеба с земель, спорных с Троицким Ипатским монастырем.	1652	2 л., 40×16	
25	СПК № 51 Иоанникий Галятовский. Казания приданные до разумения книги Ключ разумения. Киев. Тип. Лавры, 20.VI.1660	1660	402 л., 28×18	Инв. 51 кат. 117

Литература, источники

ГАПО – Государственный архив Псковской области.
Ф. 58. 2. № 2506. [Документы А. С. Хвоинского]
Ф. 20. 1. № 3219. Канцелярия Псковского губернатора. Список должностных лиц, чинов полиции, становых и полицейских приставов и их помощников в губернских учреждениях
Груздева И. А., Карпов В. М., 2019. Пробирный надзор: учеб. пособие. Екатеринбург.
Древлехранилище Псковского музея-заповедника. Фонд А. С. Хвоинского. Шк. 41. о. ф. 28309. 25 е. х.
Калкин О. А., 2003. На мятежных рубежах России: Очерки о псковичах – участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–22 гг. Псков. С. 70–76.
Карпова Н. В., 2009. Псковский военно-спортивный комитет // Псков. № 30. С. 54–57.
Каталог Выставки XVI Всероссийского археологического съезда 1914 года во Пскове, отмененного по случаю войны. Псков, 1915. 88 с.
Каталог фабрики «Эдуард». Санкт-Петербург, [не ранее 1907]. 88 л.: ил.; 17,5×24 см. Фотокопия. Владельческий переплет (Электронная копия: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004136094? page=1&rotate=0&theme=white).
Кузнецова Л. К., 2017. Петербургские ювелиры XIX – начала XX в. Династии знаменитых мастеров императорской России». М. С. 192–196.
Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий Псковской области [Электронный ресурс] // Возвращенные имена. Книги памяти России. URL: https://visz.nlr.ru/person/book/pskov (дата обращения: 15.11.2021).
Памятная книжка Псковской губернии на 1905–06 гг. Псков, 1905.
Памятная книжка Псковской губернии на 1911–12 гг. Псков, 1910.
Памятная книжка Псковской губернии на 1913–1914 гг. – Псков, 1913.
Отчёт ПАО за 1906 год // Труды Псковского Археологического общества за 1906 год. Псков: Типография губернского правления, 1907. С. 179.
Селиванов М. С., 2005. Орденские звезды фирмы «Эдуард» 1906–10 гг. // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. № 24 (Янв. – Февр. 2005). С. 118.
Список членов Псковского Археологического Общества к 1 января 1916 года. Приложение 1 // Труды ПАО, 1916. Вып. 12. Псков, С. 75–84.
Федотов А. С., 2013. Н. К. Рерих и Общество возрождения художественной Руси // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». Том X: Результаты и перспективы Международного выставочного проекта «Рериховский век». СПб.

* * *

Яковлев Алексей Владимирович, *Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; e-mail: leon-yak@yandex.ru*

Ершова Татьяна Евгеньевна, *Псков, Псковский гос. объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; e-mail: ers-tatyana@yandex.ru*

СОСЕДИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

М. И. Петров

Культурный слой Новгорода и вещевые хронологии

Резюме. Статья затрагивает вопросы формирования культурного слоя средневекового Новгорода в свете его стратиграфических особенностей для построения хронологии новгородских древностей. Историографический обзор существующих к настоящему времени вещевых хронологий показывает их комплексный характер: разработки опираются на стратиграфический метод датирования и сравнительно-типологические штудии, но при этом привязаны к абсолютной хронологии ярусов раскопа, основанной на новгородской дендрохронологической шкале. Большинство существующих вещевых хронологий разработаны или уточнены в 1980-х гг., что позволяет поставить вопрос об их современной коррекции, но единственно верный путь лежит в повторении исследовательской логики их разработчиков.

Ключевые слова: археология, средневековье, Новгород, хронология, стратиграфия, методика исследований.

M. I. Petrov. Cultural Deposits of Medieval Novgorod and Artifact Chronologies

Abstract. The article deals with artifact chronologies of medieval Novgorod in the light of modern knowledge on formation of cultural deposits. Chronologies of Novgorod antiquities have complex characteristic: they are based on stratigraphic methods and typological studies but have absolute dates made by dendrochronology. The majority of actual artifact chronologies developed or were corrected in the 1980s, thus, they need to be revisited according to modern data. The only way of this is to repeat research logic of their developers.

Keywords: archaeology, Middle Ages, Novgorod, chronology, stratigraphy, methods of research.

Установление хронологии раскопа/памятника/культуры представляет собой одну из ключевых задач археологического исследования. Долгое время (до разработки методик абсолютного датирования) основными методами были стратиграфический и сравнительно-типологический. Каждый из них характеризуется некоторыми ограничениями: фактически, метод стратиграфического датирования ограничен пределами одного раскопа, а сравнительно-типологический – рамками региональной материальной культуры. Возмож-

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.201-213

но, необходимость преодоления этих ограничений стала одним из движителей разработки и внедрения в археологическую практику методик абсолютного датирования, которые начались в 30–40-х гг. XX в. (*Lucas*, 2001. 114).

Метод стратиграфического датирования опирается на геологическое допущение, что нижележащие слои всегда древнее расположенных на меньшей глубине. Эта же логика распространяется на содержимое этих отложений. Однако в случае с культурными напластованиями поселений ситуация обстоит заметно сложнее. Культурный слой выступает контейнером для построек и находок, соответственно, знания о процессе его формирования, существования и трансформаций становятся основой для его относительного датирования.

Формирование органического культурного слоя Новгорода – сложное явление, которое состоит из одновременно происходящих процессов отложения органических остатков и их разложения и продолжительного преобразования в почвы (*Долгих, Петров, Александровский*, 2018). Если преобладают процессы отложения органики, то накапливается органический культурный слой, если же процессы отложения органики по каким-то причинам замедлены или остановлены – начинается преобразование органических остатков в органическо-минеральный культурный слой и затем в слаборазвитые почвы.

Культурные отложения средневекового Новгорода представляют собой слой непрерывного формирования, что предполагает его постоянное перемешивание и перемещение в результате разнообразных процессов: строительной активности жителей (вкапывание столбов и частоколов), деградации органики в результате отрытия дренажных траншей, педотурбаций различного характера. Соответственно, предметы, выпадающие в культурный слой, могут подвергаться процессам вертикального перемещения. Такое перемещение может достигать значительных величин: от 20–30 см, что установлено на керамических материалах раскопа Ильменский-2009 (*Шуреев*, 2013. С. 253) и раскопкам в Твери (*Лапшин,* 2009. С. 40), до 80–120 см – согласно изучению фрагментов амфор из различных новгородских раскопов (*Волков*, 2005. С. 146). К вертикальному перемещению находок в средневековье добавляются также перемещения предметов в процессе раскопок: их выпадение из стенок раскопа, а также в результате отрытия дренажных траншей и зачистки профилей. К счастью, подобные находки относительно легко определяются по их обнаружению в квадратах, расположенных по периметру раскопа.

Формирование культурных напластований происходит обособленно на различных городских участках, в том числе и на соседних усадьбах. При этом скорость формирования, характеристики и особенности слоев на усадьбах с общей границей зачастую не совпадают. Различные темпы формирования отложений на разных усадьбах определяются как хозяйственной активностью жителей, так и локальными геологическими условиями (повышенная влажность будет способствовать меньшей скорости разложения органики, а расположение усадьбы на сухом и высоком месте приведет к высокой степени деградации органических остатков). Попытки вычисления «средней скорости отложения культурного слоя» показывают, что общего подобного показателя не существует: показатели в среднем могут варьироваться от 5 мм до 6 см в год на различных

усадьбах (*Долгих, Петров, Александровский*, 2018. С. 60). Усреднение данных по скорости отложения культурного слоя может действовать в лучшем случае только в пределах одной усадьбы и может быть использовано не для установления хронологии, но лишь для оценки интенсивности деятельности жителей.

Исследования недавнего времени демонстрируют, что неравномерное формирование культурного слоя характерно не только для различных усадеб, но и в пределах одного городского участка. Прежде всего, очевидно, что при функционировании построек внутри них культурный слой не формируется, а их заполнение после разрушения сопровождается понижением грунта (*Лапшин*, 2009. С. 43). Практика последних лет показала, что территория усадьбы в большинстве случаев не горизонтальна. Так, на раскопе Нутный-IV понижение в центральной части сохраняется с момента освоения участка в XI столетии до середины XIV века (*Петров*, 2017. С. 20–21). Материковый уклон одного из участков Затьмацкого посада Твери уменьшался постепенно на протяжении нескольких столетий в значительной степени благодаря перемещениям и формированию культурного слоя (*Сафарова и др.*, 2000). На раскопе Дубошин-II незначительный уклон материковой поверхности выравнивается за XI–XII вв., но начиная со второй половины XIII столетия изменяется на противоположный, при этом перепад высот достигает 50 см (*Петров, Рыбина, Тарабардина,* 2021. С. 51). Очевидно, что каждый ярус усадьбы характеризуется собственным микрорельефом, который фактически определяет расположение построек и находок.

Наклонное расположение культурных отложений заметно осложняет полевое понимание памятника при раскопках строго горизонтальными пластами. Распределение массовых датирующих находок в подобных напластованиях подчиняется определенным закономерностям и может быть выявлено в камеральных условиях (*Каменецкий*, 1970), подобные примеры известны и на материалах новгородских раскопов (*Тарабардина*, 2010).

Эти наблюдения показывают, что использование пластов в качестве единицы распределения культурного слоя для хронологических штудий сопряжено с набором сложностей. Без общего анализа распределения вещевого материала датировки по пластам будут сомнительны, а потенциальное наличие уклона и перемешивания отложений делает хронологические рамки более широкими. Кроме того, некоторую роль играет мощность пласта: пласт 10 см в отличие от традиционных 20 см дает более детальную картину распределения предметов, зачастую плохо согласующуюся с нормальным распределением (*Петров*, 2012. С. 35. Рис. 2). Более мощные пласты сглаживают дробную картину, но только использование строительных ярусов позволяет получить адекватный облик хронологического распределения предметов в культурном слое.

Столь пристальное внимание, уделяемое особенностям формирования и изменений культурных отложений, связано не только с тем, что именно культурный слой содержит артефакты, которые необходимо выстроить в хронологической последовательности. Вторая причина состоит в том, что культурный слой формирует дневные поверхности, на которых возникают ярусы застройки, служащие основой для абсолютного датирования методом дендрохронологии.

Значение термина «ярус» менялось с появлением новых археологических данных. Если на начальном этапе исследований ярус рассматривался как уличный настил с «окаймлявшими улицу сооружениями» (*Арциховский*, 1953. С. 55), то уже к моменту развернутой публикации Неревского раскопа ярус рассматривался как «совокупность хронологически связанных между собой уличных мостовых, жилищ и иных сооружений, массы разнообразных археологических находок, собранных в этих постройках или рядом с ними, и всего того, что перекрыто поздним ярусом, т. е. его кровлей, и лежит выше нижнего яруса, т. е. его постели» (*Колчин*, 1956. С. 49). Исследования 1970–1980-х гг. сформировали некоторую двойственность термина: «ярус» – это вертикальное членение застройки, но одновременно и некий стратиграфический объем, который распространяется на территорию всего раскопа вне зависимости от количества обнаруженных усадеб. Автором были предложены коррективы в сложившуюся терминологию: предлагалось употреблять термин «ярус» для ограниченных пространств (территория усадьбы или мостовой), а термин «горизонт» – для системы застройки, выявленной в пределах раскопа (*Петров*, 2008). При этом под термином «ярус» понимаются синхронные сооружения в пределах стратиграфически обособленного пространства и культурный слой, сформировавшийся в этот период в тех же границах.

Выявление и обоснование строительного яруса приобретает первоочередное значение, поскольку, по меткому замечанию И. К. Лабутиной, строительный ярус формирует «скелет» для стратиграфии (*Лабутина*, 2007. С. 87) и может быть датирован методами дендрохронологического анализа. Именно это позволяет связать абсолютные датировки застройки и сформированные вокруг нее отложения, в которых залегают находки.

Изучение порубочных дат застройки насыщенных сооружениями усадеб показало, что строения возникают не одномоментно, в некоторых случаях удается проследить очередность их строительства (*Tarabardina*, 2001. S. 106–107; *Дубровин, Тарабардина,* 2015. С. 106). Во многих случаях начальный этап застройки усадьбы растягивается на 3–5 лет. Соответственно, единичная дата возникновения яруса/горизонта представляется невозможной, в отличие от даты гибели застройки в результате пожара, которая может быть отражена в летописи. В целом, интерпретация полученных дендродат для обоснования времени строительства сооружения и в особенности формирования яруса целиком предстает непростой задачей, при решении которой должны учитываться многие факторы: необходима серия дат для отдельных сооружений с учетом места каждого элемента, специфика конкретной постройки, возможность использования вторичной древесины (*Карпухин*, 2016. С. 63–67). В итоге дата существования яруса/горизонта определяется неким хронологическим диапазоном с точностью около 5 лет: например, «1-я половина 1120-х гг. » и т. п.

Дендрохронология позволяет получить абсолютные даты ярусов и после проведения процедуры согласования пластов и ярусов (*Петров*, 2009) соотнести полученные хронологические интервалы с конкретными находками. Тем самым относительная хронология находок, опирающаяся на стратиграфическое членение на ярусы, получает абсолютную хронологическую привязку.

Характер и мощность культурных отложений средневекового Новгорода уже на начальном этапе исследований выявили значительные перспективы в разработке вещевой хронологии новгородских древностей – как относительной, так и абсолютной. Открытие остатков каменной стены, сделанное в ходе раскопок на Славне в 1932 году, позволило связать с ней летописные упоминания о строительстве в 1335 году и, соответственно, предложить абсолютную хронологию раскопа (*Арциховский*, 1956. С. 10; *Колчин, Янин,* 1982. С. 11). В том числе эти наблюдения включали замечание о том, что практически все стеклянные браслеты обнаружены ниже слоя строительства стены, что указывает на их более раннюю дату (*Арциховский*, 1949. С. 123).

Первая обширная вещевая хронология появилась в результате исследований на Неревском раскопе. «Хронология новгородских древностей» была разработана Б. А. Колчиным в 1958 году *(Колчин*, 1958) на основании материалов Неревского раскопа (исследования 1951–1954 гг.) с учетом хронологии и стратиграфии ярусов Великой, Холопьей и Козмодемьянской улиц. В хронологии было использовано 125 вещевых категорий, которые были распределены по ярусам Неревского раскопа.

Процедура разработки хронологии несколько отличалась от классического типо-хронологического метода, поскольку не объединяла предметы из закрытых комплексов, но опиралась на их встречаемость и стратиграфическое положение в многослойном поселенческом памятнике. Вещевая хронология новгородских древностей основана на хронологии ярусов Неревского раскопа (Там же. С. 92) и была изложена в отдельной статье (*Колчин*, 1956). Точность исходной хронологии, по мнению автора, достигала одного-двух десятилетий, а границы некоторых ярусов датировались с точностью до года или даже дня (*Колчин*, 1958. С. 92). Однако в таблицах, где, судя по иллюстрациям, учитывалось частотное распределение находок, точность датирования была ограничена полустолетием. Кроме того, для массовых категорий находок (стеклянные браслеты и шиферные пряслица) были построены частотные распределения, которые показывают изменения в распространении предметов (Там же. С. 107. Рис. 9). Находки из Неревского раскопа изначально соотнесены с ярусами, в отличие от раскопок более позднего времени.

Хронология ярусов Неревского раскопа – комплексная разработка, которая опиралась на стратиграфический метод, соотнесенный с абсолютными датами письменных источников (пожарные прослойки) и временем бытования печатей, монет и массовых находок (стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, стеклянных и каменных бус, костяных гребней) (*Колчин*, 1956. С. 118, 120). Вещевая хронология Неревского раскопа – сочетание всех известных к 50–60-м гг. XX столетия классических методов археологического датирования – стратиграфии, сравнительной типологии с привлечением частотной сериации, а связь с абсолютными датами обеспечена привлечением материалов письменных источников, сфрагистики и нумизматики.

Представляется крайне важным, что публикация хронологии Неревского раскопа вызвала обширную научную дискуссию (*Рыбаков,* 1959; *Арциховский*, 1959; *Рыбаков*, 1961; *Арциховский*, 1961), которая в некоторых позициях

не теряет актуальности и поныне (*Гайдуков*, 2010. С. 102, 109). Дискуссия охватывала широкий спектр вопросов: от методики полевых работ и принципов формирования яруса до вопросов палеографии берестяных грамот. Критикуя предложенную Б. А. Колчиным и А. В. Арциховским хронологию, Б. А. Рыбаков предложил собственную версию хронологического деления культурного слоя Неревского раскопа (*Рыбаков,* 1959. С. 103–105). С современной точки зрения аргументация обеих сторон дискуссии была практически равнозначной. Наиболее слабым местом построений оставалась связь относительной хронологии с абсолютными датами, которая в основном опиралась на пожарные прослойки и упоминания крупных пожаров в новгородских летописях. Очевидно, что возникла необходимость в дополнительной системе аргументации, которая была бы основана на иных методах исследования, а не на стратиграфическом и сравнительно-типологическом.

Работы по разработке подобной методики – дендрохронологии – уже к моменту дискуссии были начаты в Новгородской археологической экспедиции (Там же. С. 83) и именно дискуссия ускорила их дальнейшую разработку (*Гайдуков*, 2010. С. 106–107). Естественнонаучный принцип дендрохронологии – сопоставление прироста годичных колец – был дополнен стратиграфическим принципом залегания конструкций, с которых брались образцы (*Колчин*, 1962. С. 117–118). Именно дендрохронология стала той осью, которая объединила стратиграфический и сравнительно-типологический методы, равно как и предоставила дополнительные аргументы для корректировки хронологической шкалы средневекового Новгорода. Итоги работ были опубликованы в статье Б. А. Колчина «Дендрохронология Новгорода» в 1962 году (*Колчин*, 1962) и более развернуто в 1963 году (*Колчин*, 1963). Обе статьи содержали необходимые коррективы хронологии ярусов Неревского раскопа (*Колчин*, 1962. С. 137; *Колчин*, 1963. С. 90–91); сравнение исходной и новой хронологий, а также оценку положений дискутирующих сторон (*Колчин*, 1962. С. 138–139). Совпала датировка ранних ярусов (24–28-й) и некоторых поздних (5–7-й), ярусы 1–4 перешли в XV век, датировка остальных ярусов сместилась на 5–25 лет (Там же. С. 137–138). Абсолютная хронология сближалась с хронологией Рыбакова для ярусов 10, 15 и 16. Фактически, эти статьи стали завершением дискуссии о новгородской хронологии и сформировали основу для дальнейших исследований.

С момента разработки дендрохронологического метода любые вещевые хронологии Новгорода приобретают новый облик – вещи почти сразу приобретают абсолютную датировку, основанную на дендрохронологической шкале раскопа. Фактически, все последующие вещевые хронологии несут комплексный характер: они опираются на стратиграфический метод датирования и сравнительно-типологические выкладки (смена типов и т. п.), но при этом привязаны к абсолютной хронологии ярусов раскопа, основанной на новгородской дендрохронологической шкале.

Вторая версия «Хронологии новгородских древностей» была опубликована в 1982 году (*Колчин*, 1982). Вещественная база исследования увеличилась:

в нее вошли находки из Неревского, Ильинского, Михайловского, Троицкого, Буяного, Тихвинского и Кировского раскопов (Там же. С. 156). Ее ключевой особенностью стала привязка предметов к абсолютной хронологической шкале: в публикациях исчезает привязка вещей к ярусам, но сообщается их непосредственный полевой паспорт (обычно в виде пласт-квадрат-полевой номер), что однозначно и прямо указывает на стратиграфическое положение предмета. Вероятно, в силу значительной трудоемкости процедуры, поквадратное согласование пластов и ярусов для включенных в хронологию раскопов не издано, но более генеральное соотношение (для пластов) опубликовано для большинства из них (Ильинский (*Колчин, Черных*, 1978. С. 114. Рис. 27); Михайловский (*Колчин, Хорошев*, 1978. С. 145, рис. 6); Буяный (*Хорошев*, 1982. С. 191. Рис. 11); Кировский (*Колчин, Рыбина*, 1982. С. 183. Рис. 3; с. 209. Рис. 21))[1].

Хронология охватывает уже ок. 140 категорий различных предметов. Так же, как и в предыдущей версии, для некоторых категорий используется частотная сериация – приводятся полигоны распределения стеклянных браслетов, пряслиц и амфор для крупных раскопов (*Колчин*, 1982. С. 158). В статье исчезли упоминания о точности датирования до года; точность датирования в таблицах сохранилась с шагом в полстолетия, однако в тексте иногда фигурируют значения до десятилетия (например, копоушки (*Колчин*, 1982. С. 165)) и «начало/конец века». Хронологические таблицы утратили намеки на частотное распределение находок – диапазоны бытования показаны линиями, что, скорее всего, следует связывать со сложностью исчисления количества предметов в хронологическом отрезке на основании дат разных раскопов.

При этом хронология прошла «проверку» датировкой по письменным источникам – обнаруживаемые в слое вместе с находками сфрагистические и нумизматические материалы показали крайне небольшой разрыв между временем бытования предмета и его выпадением в культурный слой.

В ряде работ, посвященных отдельным категориям предметов, задача разработки детальной хронологии не ставилась, однако показаны хронологические диапазоны бытования различных типов. Датировки опираются на абсолютную хронологию различных раскопов. Рамки бытования различных типов ювелирных изделий приведены М. В. Седовой (*Седова*, 1981): хронологические таблицы в этой монографии также учитывают частотность распределения находок (Там же. С. 186–191. Рис. 81). Хронология писал из Новгорода рассмотрена Б. Б. Овчинниковой (*Овчинникова*, 2000. С. 104. Рис. 18).

Разработанная в 1980-х, но опубликованная в 1990 хронология Ю. М. Лесмана посвящена ювелирным изделиям (*Лесман*, 1990). В исследовании изначально была поставлена задача создания на базе новгородской коллекции сводной системы датирующих типов ювелирных украшений (Там же. С. 29). Впервые в новгородской археологии обозначены принципы выделения

[1] Вероятно, для Троицкого раскопа привязка вещей к ярусам выполнялась «в ручном режиме». Также необходимо отметить, что хронология Тихвинского раскопа опирается не только на дендродаты, но и на вещевую шкалу Неревского раскопа.

датирующих типов: не менее 10 обнаруженных экземпляров, непрерывная последовательность находок (Там же. С. 31).

Хронология охватывает 203 датирующих типа ювелирных изделий (Там же. С. 32). Исходные материалы сформированы коллекциями новгородских раскопов, исследованных преимущественно до 1974 (Там же. С. 33). Хронология различных типов увязана с ярусами Неревского раскопа (Там же. С. 32), что вызывает определенные сомнения с методической точки зрения. Также автором использованы абсолютные даты ярусов с точностью до года, хотя и с оговоркой о некоторой условности подобных датировок (Там же).

Разработки в области хронологии новгородских древностей 1980-х гг. опирались на обширную базу источников, полученных в ходе археологических исследований 1960–1970-х гг. Время бытования различных категорий и типов предметов определялось на основании стратиграфического залегания находок в границах строительных ярусов, которые датировались дендрохронологическим методом. Полученные в ходе исследований результаты стали классикой новгородской археологии и зачастую применялись в древнерусской археологии в целом. Необходимо отметить, что полученные в результате современных раскопок Новгорода предметы редко расходятся с хронологическими рамками, выявленными в результате исследований 1980-х гг.

Изменение экономической ситуации в стране повлекли изменения в археологическом изучении Новгорода: заметно увеличилась не только общая площадь исследований, но и характер исследуемого культурного слоя – появилось значительное количество раскопов с органическо-минеральным слоем. В подобных раскопах в силу плохой сохранности древесины метод дендрохронологии не применим, и, следовательно, необходимо обращение к вещевым хронологиям. Таким образом, два фактора – значительное увеличение источниковой базы и возникновение новых условий исследований – обусловили повышенный интерес в исследованиях в области вещевых хронологий.

Керамика как наиболее массовый материал на древнерусских памятниках с культурным слоем без органики становится крайне значимым источником для построения хронологических шкал. В Новгороде же хронологическая шкала керамики (*Смирнова*, 1956. С. 234) широкого распространения не получила. Представляется, что это следует связывать с развитием дендрохронологического метода абсолютного датирования, который позволяет получать более узкие даты, чем традиционная керамическая хронология.

Хронология новгородской керамики появляется лишь в конце XX столетия (*Малыгин, Гайдуков, Степанов*, 2001). Хронологическая шкала построена на материалах раскопа Троицкий-XI, в котором сохранность и объем отложений XIV–XV вв. заметно уступают Неревскому раскопу или раскопам Торговой стороны (Михайловский, Кировский, Дубошин, Нутный), что приводит к некоторым сложностям в верхней части типо-хронологической шкалы. Сам характер керамического материала не предполагает узких датировок, а более дробная типология – задача будущих исследований. Несмотря на это, хронологическая шкала новгородской керамики вполне работоспособна, что неоднократно доказано более поздними исследованиями.

Перспективы развития типо-хронологической шкалы керамики следует видеть не только в выделении новых типов и сужении их хронологических рамок, но и в новых подходах к материалу. Одним из возможных подходов представляется частотный анализ взаимовстречаемости типов керамики в пределах сменяющих друг друга ярусов (*Петров, Шуреев*, 2015). Этот подход даже на небольшом хронологическом отрезке позволяет проследить хронологические изменения в бытовании типов; перспективу исследований следует видеть в применении метода для раскопов с большой мощностью культурного слоя, что затем может быть использовано в качестве эталона для сравнения.

Накопление новых данных на современном этапе развития вновь делает актуальным обращение к результатам классических исследований с целью проверки их результатов и внесения возможных уточнений. Детальное исследование ключей типа «В» позволило выделить три группы, которые указывают на различные виды производства: серийное и штучное (*Асташова*, 2004. С. 193–194). Несмотря на то, что хронологическая разница между группами отсутствует (Там же. С. 193), подобный детальный подход к анализу ключей других типов представляется весьма перспективным.

Повторное обращение к материалам Неревского раскопа позволило уточнить хронологические рамки бытования различных типов замков и ключей, а также выявить единичные находки некоторых форм (*Кудрявцев*, 2012). Выводы, изложенные в этой статье, вошли в кандидатскую диссертацию о ключах и замках средневекового Новгорода (*Кудрявцев*, 2014). На обширной базе источников (ок. 3000 замков и ключей из 15 раскопов) удалось выявить периоды наибольшего распространения некоторых типов, уточнить хронологию бытования (в основном, несколько расширить) и построить вещевую хронологию с шагом в 25 лет.

Новгородские вещевые хронологии стали своеобразным эталоном для древнерусских городских памятников. Однако с ходом накопления вещевого материала из других древнерусских городов возникают определенные расхождения локального характера. Например, по мнению В. А. Лапшина, в вещевой культуре Твери пик распространения стеклянных браслетов не совпадает с Новгородом (*Лапшин*, 2009. С. 141–142). Также некоторые формы ювелирных украшений запаздывают по сравнению с Новгородом (Там же. С. 142,.238, табл. 28). Автор исследования объясняет подобные явления материальной культурой молодого городского центра, которая формируется на архаичной основе (Там же. С. 143)[2]. При этом следует отметить, что хронологических разрывов среди других датирующих находок (замков/ключей и кресал) не прослеживается.

[2] В то же время обнаруженный в Твери комплекс перстней из цветных металлов, в котором прослеживается крайне существенное хронологическое отставание от новгородских материалов, может представлять собой комплекс сырьевого лома для ювелирного ремесла.

Значительные объемы новых материалов и постепенно накапливающиеся наблюдения о расхождениях в вещевых хронологиях Новгорода и других городов делают задачу поверки бытования вещей в Новгороде на новых материалах весьма актуальной. Кроме того, этот сюжет приобретает особую остроту в силу тревожных тенденций, которые в течение последнего десятилетия начали проявляться в новгородской историографии, связанной с вопросами хронологии отдельных раскопов или групп предметов. Зачастую используется прямое стратиграфическое датирование по пластам, при этом не учитываются уклоны древней поверхности и локальные особенности формирования культурного слоя. Использование бессистемного набора образцов для дендрохронологического анализа и игнорирование условий залегания конструкций (как между разными постройками, так и между разными конструктивными элементами) приводит к получению некоего набора абсолютных дат, который в сочетании с датировкой по пластам приводит к сомнительным результатам. При датировании по вещам в качестве основной используется нижняя дата бытования предмета, тем самым игнорируется продолжительность его использования. Также для датировки используют единичные предметы, но не их комплекс. При анализе вещевых категорий применяются произвольные и искусственные хронологические диапазоны (50 или 100 лет), но не датировки конкретных ярусов/горизонтов застройки, что с одной стороны заметно расширяет хронологические рамки объектов, а с другой – формирует искусственные схемы их бытования. Кроме того, зачастую в средствах массовой информации и публикациях применяются предварительные («полевые») датировки, которые затем не уточняются и становятся частью историографии. Подобные негативные тенденции отвергают достижения новгородской археологии 1950–1980-х гг. и, по сути, отбрасывают новгородскую археологию в «до-дендрохронологическое» время.

Поверка вещевых хронологий Новгорода на современном уровне исследований становится крайне важной и перспективной разработкой в силу комплекса причин. Часть из них связана с недоступностью для некоторых раскопов абсолютных датировок на текущий момент или в будущем: работы в зонах, где не сохраняется органика; отсутствие в некоторых ярусах древесины, пригодной для дендрохронологического анализа, а также постепенная деградация органики в культурных отложениях Новгорода. Другая группа причин связана с накоплением новых материалов и необходимостью их периодической поверки. Кроме того, установление максимально точных и узких хронологических отрезков бытования предметов и выявление новых хронологических маркеров представляется одной из «вечных» задач новых археологических исследований.

Построение вещевых хронологий на базе датировок ярусов – сложная задача, возможная при наличии развернутых публикаций материалов раскопов, которые должны включать доказанные согласования пласт/ярус. Единственный способ создания новых адекватных хронологий – повторение исследовательского пути Б. А. Колчина: проведение археологических исследований – формирование ярусов застройки – датирование ярусов естественнонаучными методами – согласование пластов и ярусов и привязка вещей к хро-

нологическим рамкам яруса – построение вещевой хронологии. Очевидно, что подобное научное решение крайне трудоемко и времязатратно, но только этот подход позволяет получить адекватные результаты.

Литература

Арциховский А. В., 1949. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.; Л. С. 119–151. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 11).

Арциховский А. В., 1956. Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М. С. 7–43. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).

Арциховский А. В., 1959. О новгородской хронологии // Советская археология. 1959. № 4. С. 107–127.

Арциховский А. В., 1961. Ответ Б. А. Рыбакову // Советская археология. № 3. С. 122–136.

Асташова Н. И., 2004. Об одном типе новгородских ключей // Новгородские археологические чтения – 2 / Ред.: В. Л. Янин, А. С. Хорошев, Е. А. Рыбина. Новгород. С. 192–201.

Волков И. В., 2005. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 19 / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород. С. 145–163.

Гайдуков П. Г., 2010. К 50-летию начала дискуссии «О новгородской хронологии» (Б. А. Рыбаков – А. В. Арциховский и Б. А. Колчин) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород. С. 101–111.

Долгих А. В., Петров М. И., Александровский А. Л., 2018. Культурный слой средневекового Новгорода: формирование, преобразование, современный облик // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия: материалы науч. конф. / Ред.: Д. С. Коробов, А. В. Борисов, С. Н. Удальцов. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 57–63.

Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А., 2015. Усадьба Ж Федоровского раскопа в конце XI – первой половине XII вв. // Российская археология. № 4. С. 101–112.

Каменецкий И. С., 1970. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М. С. 83–94.

Карпухин А. А., 2016. Дендрохронология в археологии: методические аспекты // Междисциплинарная интеграция в археологии. М.: ИА РАН. С. 52–68.

Колчин Б. А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М. С. 44–137. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).

Колчин Б. А., 1958. Хронология новгородских древностей // Советская археология. № 2. С. 92–111.

Колчин Б. А., 1962. Дендрохронология Новгорода // Советская археология. № 1. С. 113–139.

Колчин Б. А., 1963. Дендрохронология Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III / Ред.: А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР. С. 5–103. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 117).

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 156–177.

Колчин Б. А., Рыбина Е. А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 178–238.

Колчин Б. А., Хорошев А. С., 1978. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода / Ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 135–173.

Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1978. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология) // Археологическое изучение Новгорода / Ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 57–116.

Колчин Б. А., Янин В. Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / Ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 3–137.

Кудрявцев А. А., 2012. Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // Российская археология. № 4. С. 119–124.

Кудрявцев А. А., 2014. Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: дис. ... канд. ист. наук. М.

Лабутина И. К., 2007. Ярусы в раскопах на ул.Ленина в Пскове (о структуре публикации) // Археология и история Пскова и Псковской земли / Отв. ред. И. К. Лабутина. Псков. С. 82–92.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Фак. филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та. 540 с. (Archaeologica Varia).

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988 / Ред.: В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. М. С. 29–98.

Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М., 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 15 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород. С. 82–97.

Овчинникова Б. Б., 2000. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург. С. 45–106.

Петров М. И., 2008. К вопросу о формировании строительного яруса // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород. С. 108–120.

Петров М. И., 2009. Дневная поверхность: к проблеме согласования пластов и ярусов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 23 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород. С. 226–243.

Петров М. И., 2012. Изучение средневековой городской усадьбы с применением географических информационных систем (по материалам раскопа Посольский-2006) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 226. С. 27–37.

Петров М. И., 2017. Археологические исследования 2016 года на раскопе Нутный-IV // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31 / Отв. ред. Е. Н. Носов. Великий Новгород. С. 20–24.

Петров М. И., Рыбина Е. А., Тарабардина О. А., 2021. Археологическое изучение Славенского конца: раскоп Дубошин-II в 2018–2019 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 34 / Отв. ред. Е. А. Рыбина. Новгород. С. 50–60.

Петров М. И., Шуреев А. В., 2015. Керамика усадеб Славенского конца. Опыт исследования // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 30. Материалы 60-го заседания (2014 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков; СПб. С. 190–200.

Рыбаков Б. А., 1959. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей // Советская археология. № 4. С. 82–106.

Рыбаков Б. А., 1961. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? // Советская археология. 1961. № 2. С. 141–163.

Сафарова И. А., Кобозева Е. В., Кобозев Ю. А., Сафаров А. Р., 2000. Опыт реконструкции древнего рельефа и исторической застройки одного из участков Затьмацкого посада г. Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14 / Отв. ред. В. Л. Янин. Новгород. С. 332–341.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.

Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. М. С. 228–248. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 55).

Тарабардина О. А., 2010. Об особенностях распределения стеклянных браслетов в культурном слое Троицкого раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 24 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород. С. 128–139.

Хорошев А. С., 1978. Раскопы южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода / Ред.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука. С. 174–196.

Шуреев А. В., 2013. Керамика Ильменского раскопа: морфологический анализ // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 58-го заседания (2012 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН. С. 250–257.

Lucas G., 2001. Critical approaches to fieldwork. Contemporary and historical archaeological practice. London; New York: Routledge. 247 p.

Tarabardina O. A., 2001. Dendrochronologische Forschungen in Nowgorod // Novgorod: das mittelalterische Zentrum mit sein Umland im Nordern Russlands. Neumuenster: Wachholtz. S. 99–108.

* * *

Петров Михаил Иванович, *Великий Новгород, Новгородский музей-заповедник, Центр археологических исследований, e-mail: m_i_petrov@mail.ru*

В. В. Данилов (†), Е. А. Романова, О. М. Олейников

Опыт реконструкции уличной сети Тверского кремля во второй половине XII – XVI в.[1]

Резюме. Статья посвящена реконструкции уличной сети Тверского кремля на протяжении четырех столетий на основе археологических данных, полученных за последние 40 лет его изучения. Восстановлены, с известной долей гипотетичности, трассы 12 улиц. Большинство улиц имело деревянное бревенчатое мощение, часть проездов замощена плахами, некоторые трассы оказались грунтовыми. В целом уличная сеть средневекового Тверского кремля представляется весьма развитой и довольно стабильной.

Ключевые слова: Тверской кремль, улица, мостовая, средневековая уличная сеть, древнерусское градостроительство.

V. V. Danilov, E. A. Romanova, O. M. Oleynikov. An Attempt of Reconstruction of the Tver Kremlin Street Network in the Second Half of the 12th – 16th Centuries

Abstract. The article is dedicated to reconstruction of street network of the Tver Kremlin over the period of 4 centuries, based on archaeological data gained during the last 40 years of its excavations. 12 streets have been presumably reconstructed. Most of the streets had pavements made of logs, the small part of the streets was paved with scaffolds, some streets were without pavements. Overall, the street network of the medieval Tver Kremlin was well-developed and stable enough.

Keywords: Tver Kremlin, street, pavement, medieval street network, ancient Russian town building.

Реконструкция средневековой уличной сети Тверского кремля важна прежде всего для истории древнерусского градостроительства и истории Твери как городского столичного центра. Однако надо отметить, что подобная исследовательская процедура для Тверского кремля указанного времени крайне затруднена из-за практически полного отсутствия, в отличие от Новгорода и Пскова, упоминаний улиц в летописных известиях,

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00025.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.214-228

сообщающих о событиях в Тверском княжестве. Исключение составляет лишь XVII столетие. Писцовые книги Твери этого периода содержат довольно подробные описания кремля, дворов и зданий, а также упоминания улиц.

Единственной реконструкцией уличной сети Тверского кремля, но только на XVII в., является работа А. С. Щенкова, основанная на данных Писцовой и межевой книги Твери 1685/86 гг. (*Щенков*, 1980. С. 29–35. Рис. 1–3). Соответствовала ли система улиц кремля конца XVII в. планировочной структуре этой территории во второй половине XII–XVI в.? Ответ на поставленный вопрос в нашем случае может дать только археология, привлекая при этом те скудные топографические сведения, которые содержатся в летописных известиях. В то же время культурный слой XVII в. на большей части территории Тверского кремля уничтожен последующими строительными работами XVIII – первой половины XX в., в результате уличная сеть XVII в. может быть определена на основе почти исключительно письменных источников с привлечением, по возможности, данных археологии.

В последние десятилетия в Тверском кремле ведутся обширные археологические исследования, результаты которых позволяют с известной долей вероятности восстановить уличную сеть городского центра, существовавшую в первых трех столетиях истории этого места. Используя материалы раскопок, надо учитывать характер культурного слоя кремля, где влажные культурные отложения чередуются с сухими. Соответственно, в первом сохраняются деревянные конструкции, в том числе настилы мостовых и остатки частоколов, что и позволяет достаточно аргументировано восстановить конструкции и параметры улиц. Улицы, впрочем, не всегда мостились, они могли быть и грунтовыми. Такие трассы без настилов обнаружены, в частности, во влажном слое в Новгороде (*Сорокин*, 1995. С. 17). На участках с сухим слоем реконструкция уличных трасс возможна лишь при выявлении частокольных канавок. Еще одна трудность при реконструкции трасс заключается в том, что улицы Тверского кремля выявлены на сравнительно небольших раскопанных участках. Поэтому реконструкция улиц на всем их протяжении в известной степени гипотетична. Мы исходим из того, что улицы были довольно прямыми, без резких поворотов, хотя их границы могли незначительно, на 1–2 м, перемещаться. Трассировке улиц могли бы помочь известные местоположения храмов, но точных сведений об их расположении в кремле нет. Казалось бы, для выяснения места храма имеет большое значение обнаружение кладбища при нем, и такие некрополи на территории кремля обнаружены. Но поскольку прицерковные кладбища кремля изучены далеко не полностью, точное местоположение храма, соотносимого с некрополем, можно только предполагать с той или иной степенью вероятности. Попытка установить топографию храмов кремля была недавно предпринята, и при реконструкции сети улиц кремля мы используем результаты этой работы (*Salimov, Danilov, Romanova,* 2020).

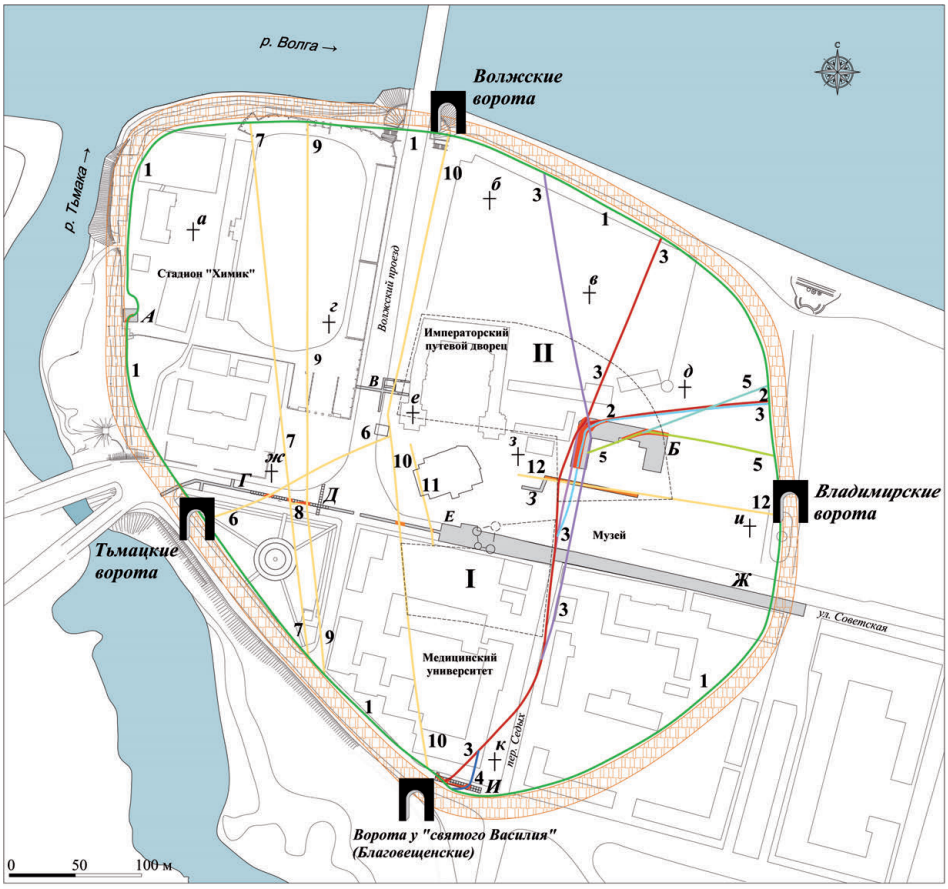
Уличная сеть Тверского кремля как центра города начала формироваться одновременно с возведением укреплений. Современные археологические данные позволяют отнести эти события к середине – концу XII века (*Хохлов, Иванова,* 2016. С. 25–31. Рис. 7–17; *Хохлов, Иванова,* 2001. С. 291). Напольный

вал Тверского кремля в результате исследований 1998 г. был датирован первой половиной XIII в. (*Олейников, Дайнин, Романова,* 2001. С. 256). Однако находки обломков глиняной посуды из насыпи первоначального вала, а также из слоя под ним, позволяют предложить и более широкую дату сооружения укреплений: рубеж XII–XIII вв. – первая половина XIII в. (Там же. С. 260. Рис. 8). По всей видимости, к этому же времени можно отнести сооружение первоначального вала в южной части площадки кремля. Здесь под насыпью вала обнаружен культурный слой, в котором помимо многочисленных обломков гончарной посуды XII–XIII вв. найден крест-тельник и фрагменты ложновитого браслета указанного времени (*Олейников,* 2000). Очевидно, укрепления Тверского кремля к рубежу XII–XIII вв. охватили всю ту территорию, которая на планах второй половины XVIII – первой четверти XIX в. показана как укрепленная валами крепость.

Мы предполагаем, что во второй половине XII в. и в последующие столетия существовала улица 1, шедшая вдоль валов, при этом на отдельных участках она отходила от внутренней полы валов в сторону центра площадки крепости (рис. 1).[2] Она в начале своего существования не имела деревянного мощения и была шириной не более 3–3,5 м. Участок такой улицы, вероятно, обнаружен в раскопе № 23 у западной оборонительной линии Тверского кремля (*Хохлов, Иванова,* 2016. С. 58–59, 63–67. Рис. 34, 37–38, 44). Авторы публикации интерпретируют объект как проулок, шедший вдоль полы вала, а в северной части изученного участка поворачивавший к северо-востоку от укреплений (Там же. С. 58, 63). На основе данных дендро- и радиоуглеродного анализов, а также датирующих находок исследователями предложены даты существования проулка: с середины – второй половины XIII в. до начала XV в. Ширина его выявленной части – до 3,35–4 м (Там же. С. 67. Рис. 44). По одной из сторон проулка сохранилось продольное деревянное мощение в виде своего рода «тротуара» (при движении с юга на север и северо-восток – с правой стороны) в виде продольно уложенных досок на лагах, позднее – в виде бревен (Там же. С. 51, 58–59. Рис. 34, 37–38, 44). Аналогичные продольные мощения обнаружены в Пскове в слоях рубежа XI–XII вв. (*Колосова,* 2003. С. 88, 106). На наш взгляд, ширина «проулка» дает основание считать его полноценной улицей, видимо, огибавшей некоторые дворы, примыкавшие вплотную к фортификационным сооружениям.[3] То, что отдельные дворы находились вплотную к валу, может быть объяснено тем, что они не были жилыми, а имели военно-оборонительное значение, возможно, в качестве арсенала и/или караульного двора. К сожалению, средневековые слои, расположенные выше вымосток, не сохранились, однако весьма вероятно, что и улица, и двор продолжали существовать и в более позднее время. Небольшой участок улицы 1 обнаружен

[2] Поскольку названия выявленных средневековых улиц нам неизвестны, реконструируемые трассы нумеруются арабскими цифрами.

[3] Один из таких дворов зафиксирован в уже упоминавшемся раскопе № 23. Он располагался в северо-западной части раскопа (*Хохлов, Иванова,* 2016. С. 51. Рис. 34. С. 67. Рис. 44).



конец XII – XVII в.
конец XIII – начало XIV в.
конец XIII – XV в.
начало XIV в.
первая треть XIV в.
середина – вторая пол. XIV в.
конец XIV – середина XV в.
XV–XVI вв.
вторая пол. XV – XVI в.

раскопанные участки улиц
ворота
укрепления Тверского кремля
I Великокняжеский двор, предполагаемые границы на XIV–XVI вв.
II Владычный двор, границы на конец XVII в. (по А. М. Салимову)
церкви
раскопы

Рис. 1. Тверской кремль второй половины XII–XVI в. Схема расположения средневековых улиц, зафиксированных археологическими раскопками. Арабские цифры соответствуют номерам улиц, указанным в тексте. Прописными буквами обозначены раскопы, где обнаружены участки улиц: *А* – раскоп № 23, 2013 г.; *Б* – раскоп № 11, 1993–1997 гг.; *В* – траншеи 1998 г.; *Г* – раскоп № 18, участки 5, 6, 1998 г.; *Д* – раскоп № 14, участок 2/4, 1998 г.; *Е* – раскоп № 14, участок 1Б, 1998 г.; Ж – раскоп № 14/2, 1998 г.; *З* – раскоп № 7, 1991 г.; *И* – раскоп на ул. Правды (совр. ул. Новоторжская), 1985 г. Строчными буквами обозначены предполагаемые местоположения церквей и монастырей: *а* – Николы в Капустниках; *б* – неизвестного посвящения у Волжских ворот; *в* – Троицкий монастырь; *г* – неизвестного посвящения; *д* – Рождества Богородицы; *е* – Иоанна Милостивого; *ж* – неизвестного посвящения; *з* – Афанасьевский монастырь; *и* – Георгия Страстотерпца; *к* – Василия (позднее Благовещенская)

также у западной оконечности ул. Советской в 1998 г. Он располагался вдоль внутренней полы вала, шедшего вдоль правого берега Тьмаки, его замощение появилось не позднее первой половины XIV в. (рис. 1). От настила сохранились бревенчатые лаги диаметром 10–15 см, уложенные вдоль насыпи вала в четыре ряда, часть лаг была сгруппирована по 2–3 бревна (*Хохлов, Иванова*, 2001. С. 281–282. Рис. 10). Выше располагались два яруса мостовой, сложенные из бревен диаметром до 10 см. Ширина проезда составляла примерно 1,8–1,9 м (Там же. С. 281, 283–284. Рис. 11–12).[4] Авторы публикации относят ярусы мостовой ко второй половине XIV в. – 1410–1430-х гг., основываясь на стратиграфии, находках и дендродатах располагавшихся к востоку от улицы построек (Там же. С. 281). Позднее улица, видимо, не мостилась, но проезд вдоль вала, скорее всего, сохранялся.

По всей видимости, еще один участок улицы 1 зафиксирован в раскопе 1985 г., располагавшемся на ул. Правды (ныне ул. Новоторжской). Уличный проезд сохранился в виде остатков линий частоколов, шедших вдоль южной линии укреплений Тверского кремля (*Попова,* 1985). Ширина проезда составляла 3 м. Указанный отрезок улицы, фиксируемый на длину до 7–8 м, своей восточной оконечностью упирался, видимо, в границу одной из усадеб, располагавшихся неподалеку от вала. Судя по данным дендрохронологии, стратиграфической ситуации, упоминаниям в писцовых описаниях (Писцовая и межевая книга... С. 49), а также планов города второй половины XVIII – начала XIX в., улица просуществовала по крайней мере со второй половины XIII в. до начала XIX в., смещаясь внутрь кремля в результате ремонтов и досыпок валов и перемещения внутренней полы укреплений. Отметим, что южный отрезок улицы 1 к концу XIV в. оказался застроенным (*Попова,* 1985).

В центре Тверского кремля, в раскопе Кремль-11 (двор музея, ул. Советская, 5) обнаружены участки нескольких улиц второй половины XIII – начала XV в. Одна из них (улица 2) – в северо-западной части раскопа – проходила с северо-востока на юго-запад, ее проезжая часть была ограждена частоколами (*Лапшин,* 2009. С. 30. Рис. 5; С. 79. Рис. 27). Вероятно, на северо-востоке улица выходила к укреплениям, располагавшимся вдоль напольного рва, проходя рядом с храмом Рождества Богородицы, на юго-западе соединяясь с улицей 3 (рис. 1).[5] Ширина ее до 3 м.

Улица 3, пересекаясь с улицей 2, проходила с севера на юг, возможно, от волжской линии укреплений мимо Княжьего двора по его восточной границе к южным воротам крепости «у святого Василья» (позднее Благовещенским), впервые упомянутым в летописи под 1391 г. (ПСРЛ. Т. XV. Стлб. 445). Ширина ее – до 5 м (рис. 1). Частоколы, ограждавшие эти улицы, по результатам дендроанализа датируются 1282–1296 гг. Видимо, обе улицы возникли во второй половине XIII в. В первой четверти XIV в. улица 2 исчезла, а ули-

[4] Заметим, что в тексте указана ширина проезда в 1,5 м, однако по рис. 11, снабженному масштабом, ширина проезда 1,8–1,9 м. На рис. 12 ошибочно повторен рис. 11.

[5] Местоположение храмов и монастырей, обозначенное на рис. 1, дано по А. М. Салимову, В. В. Данилову, Е. А. Романовой (*Salimov et al.*, 2020).

ца 3 несколько изменила трассу, на севере повернув на северо-восток к улице 1, ширина ее уменьшилась до 4 м. В середине – второй половине XIV в. трасса улицы смещается к востоку, и на севере поворачивает к северо-западу. Ширина улицы уменьшается до 2–2,5 м (*Лапшин,* 2009. С. 63, 66. Рис. 21–22). На северо-западе она выходила к волжским укреплениям. Трасса улицы прослежена только до конца XIV в., поскольку вышележащие слои уничтожены позднейшими отложениями. Допускаем, что улица продолжала существовать и позднее.

Предположительно, участок этой же улицы 3 выявлен в раскопе 1985 г. на ул. Правды (ныне Новоторжской) к югу от здания медуниверситета, в южной части кремля (*Попова,* 1985). Этот отрезок трассы формировался, по данным дендрохронологии, в первой четверти XIV в., при этом улица в это время не имела мощения. В дальнейшем, начиная с середины XIV в. и до первой четверти XV в. (*Черных и др.,* 1996. С. 152. Рис. 40), обнаруженный участок улицы мостился бревнами диаметром до 15 см, уложенными на два ряда бревенчатых же лаг. Часть бревен имела следы вторичного использования. Ширина улицы достигала 3–3,5 м. С запада и востока она была ограничена усадебными частоколами. В раскопе выявлено два яруса мостовой. По-видимому, ярусов мощения улицы 3 было больше – три или четыре, но они были разобраны, в результате от них остались части лаг и подкладок. Уличная трасса шла с севера на юг. На севере улица подходила к Волжским воротам, впервые упомянутым в летописи под 1375 г. (ПСРЛ. Т. XV. Стлб. 434), на юге – к воротам «у святого Василья» (позднее – Благовещенским), проходя вдоль западной границы прицерковного кладбища. Возможно, она существовала и в XVI столетии (рис. 1).

Предположительно, следы еще одной улицы (4), существовавшей с конца XIII в. на протяжении XIV–XV столетий, выявлены в восточной части раскопа 1985 г. (*Попова,* 1985) (рис. 1). Направление ее – север – юг. С обеих сторон она была ограждена частоколами, но не мостилась. Ширина улицы менялась на протяжении ее существования. Если на рубеже XIII–XIV вв. в своей северной части она была шириной чуть более 2 м, и расширялась до 4–5 м к югу, то в дальнейшем, начиная со второй четверти XIV в., ширина ее достигала 6 м. Прослеживается это уличное пространство до середины XV в. (*Попова,* 1985).[6] Улица 4, скорее всего, пересекалась на севере с улицей 3, на юге выходя к улице 1 вблизи Благовещенских ворот.

В слоях XV–XVI вв. в центральной и западной частях Тверского кремля выявлен ряд улиц, существовавших, вероятно, и в более раннее время.[7] В уже упомянутом раскопе 11 в слоях последней четверти XIV – первой половины XV в. обнаружен участок улицы 5, шедшей с северо-востока на юго-запад (рис. 1). По мнению автора исследований, улица возникает около

[6] Улица, вероятно, существовала и позднее, однако лежавший выше культурный слой переотложен в результате строительно-хозяйственной деятельности второй половины XVIII–XX веков.

[7] Улицы выявлены в процессе охранных исследований, при этом ряд раскопов (за исключением раскопа Кремль-11) доводился лишь до проектных отметок, в результате слои, образовавшиеся ранее XV века, не были изучены.

1386 года и продолжает существовать до 1440-х годов (*Лапшин,* 2009. С. 53, 61–62. Рис. 17–20).[8] Ширина улицы – около 2,5 м. В конце XIV в. ее не мостили, в начале XV в. она была выложена плахами. Плахи укладывались на два ряда лаг. С обеих сторон уличный проезд ограничивали частоколы. Отметим, что трасса улицы в начале XV в. несколько изменилась. В начале своего существования она проходила с востока, поворачивая на юго-запад, в 1400-е гг. трасса была проложена на северо-восток и выходила к улице 1. На юго-западе она примыкала к улице 3. Не исключено, что улица продолжала существовать на протяжении второй половины XV–XVI в.[9]

В западной части Тверского кремля, на ул. Советской, в 1998 г. были выявлены мостовые четырех улиц, насчитывавшие каждая по несколько ярусов (*Олейников,* 1998).[10]

Плохая сохранность древесины не позволила продатировать настилы с помощью дендрохронологии, в результате время существования мостовых определено на основании стратиграфических наблюдений, а также дат находок керамики и других предметов из слоев, связанных с мостовыми, поэтому хронологические рамки ярусов довольно широки (*Олейников,* 1998).

В западной части исследованного участка выявлены шесть ярусов мостовой улицы 6. Ее нижний ярус можно отнести ко второй четверти – середине XV в., верхний – к середине XVI в. Улица шла с юго-запада на северо-восток, возможно, пересекаясь с улицей 10 в районе церкви Иоанна Милостивого. На юго-западе улица 6 подходила, как мы предполагаем, к Тьмацким воротам (рис. 1). Мощение состояло из бревен диаметром до 20 см, лежавших на лагах, для некоторых ярусов уложенных в два ряда. Отметим, что верхние три яруса были сдвинуты к северо-западу относительно нижних двух ярусов примерно на 1 м, а восточная часть четвертого яруса оказалась частично разобранной при устройстве кладбища, возникшего при неизвестном храме не позднее середины XVI в. Ширина улицы достигала 2,5 м, зафиксированная длина участка мощения – 4 м (*Олейников,* 1998).

Еще одна улица – 7 – в виде пяти ярусов бревенчатой мостовой обнаружена в 10–11 м к востоку от улицы 6. Судя по стратиграфии, обе улицы существовали одновременно со второй четверти XV до середины XVI столетий. Бревна диаметром до 15 см лежали на лагах, сгруппированных иногда по два-три ствола, что довольно необычно для устройства мостовых, при этом верхний ярус был

---

[8] В. А. Лапшин считает обнаруженный объект проулком, нам же он представляется улицей.

[9] Как и на многих участках территории Тверского кремля, слои более позднего времени оказались переработанными строительной и хозяйственной активностью XVIII–XX веков.

[10] Траншея исследовалась двумя участками, восточный раскапывался экспедицией ТГОМ, западный – экспедицией ТНИИР-Центра. Данных о мостовых западного участка, за исключением улицы 1, нет. Траншея не доведена до материка и законсервирована на уровне проектных отметок, поэтому время возникновения обнаруженных здесь уличных мостовых может быть установлено только предположительно.

уложен на четыре ряда лаг. Мостовая имела ширину 3–3,5 м, и шла с юго-юго-востока на северо-северо-запад (*Олейников,* 1998). Оба конца улицы выходили, видимо, к улице 1, шедшей вдоль укреплений. В северной части трасса предположительно проходила рядом с церковью Николы в Капустниках (рис. 1).

Конструкции улицы 8 обнаружены к востоку от улицы 7. Всего выявлено 2 яруса мощения, при этом от яруса 1 сохранились лаги, подкладки под них и часть бревен мостовой диаметром до 15 см. Мостовая зафиксированной длиной около 8 м, шириной более 1,5 м шла с северо-востока на юго-запад. На западе она почти под прямым углом примыкала к мостовой улицы 7, на востоке, также под прямым углом, к мостовой улицы 9, где и заканчивалась (*Олейников,* 1998). Не исключено, что мостовая продолжалась к юго-западу, пересекая улицу 7, и выходила к улице 6 (рис. 1). Нижний ярус мощения может быть датирован второй четвертью XV в. Во второй половине XV в. улица не мостилась, мощение возобновилось в конце XV – начале XVI в. Улица 8 перестала существовать в начале или первой четверти XVI в.

Мостовая улицы 9 обнаружена к востоку от улицы 8. Сохранились два яруса. Ярус 1 вымощен бревнами диаметром до 15 см, его следует датировать первой четвертью XVI в. Мостовая лежала на трех рядах лаг. Ярус 2 появился, вероятно, во второй четверти XV в. Таким образом, между замощением ярусов 1 и 2 прошло значительное количество времени, когда улица оставалась без мощения. С чем связан этот перерыв, установить не удалось. Мостовая ориентирована по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток, ширина ее около 2,5 м, она зафиксирована на длину 2,2 м. Вдоль ее восточного края проходит линия частокола (*Олейников,* 1998). Улица на севере выходила, видимо, к улице 1, проходя к западу от храма неизвестного посвящения, а южной оконечностью соединялась с улицей 1 (рис. 1).

Долее всех – до второй четверти XVI века просуществовали улицы 6 и 7. К началу или первой четверти XVI века исчезли мостовые улиц 8 и 9. Нижняя дата улиц 6–9 не определяется, но можно предположить, что они существовали и в XIV в., по крайней мере, во второй половине этого столетия.

Несколько улиц XV в. зафиксированы в 1991 и 1998 гг. во дворе здания музея (ул. Советская, 5) и при реконструкции ул. Советской в раскопе 14 напротив здания медуниверситета экспедицией Тверского научно-исследовательского историко-археологического и реставрационного центра (ТНИИР-Центра), однако материалы этих исследований введены в научный оборот крайне фрагментарно, в результате информация о выявленных здесь трассах очень скудна. Тем не менее, ее можно использовать для реконструкции уличной сети кремля.

В нескольких десятках метров к востоку от Волжского проезда в траншее на ул. Советской выявлена улица 10 в виде мостовой из плах, уложенных на лаги. Ширина мостовой достигала 11–12 м. А. Н. Хохлов считает, что здесь удалось обнаружить улицу, ведущую к Волжским воротам, и датирует ее XV веком (*Хохлов,* 2013. С. 146–147. Рис. 1, 2, X (цветная вкладка)). Улица шла с северо-запада на юго-восток, проходя, вероятно, от Волжских ворот (Там же. С. 147–148. Рис. 1–2), впервые упомянутых в летописи под 1375 г. (ПСРЛ. Т. XV. Стлб. 434) к Благовещенским воротам (рис. 1). Видимо, в XV–XVI вв. появляется мощение

этой же улицы на участке к западу от церкви Иоанна Милостивого, обнаруженное в 1998 г. в траншее, примыкавшей с запада к южной части западного крыла Императорского путевого дворца. Уличный проезд здесь был замощен плахами шириной до 20 см, уложенными на лаги (*Лапшин,* 2009. С. 26).[11]

Необычная ширина уличного настила этой улицы на участке по ул. Советской требует объяснения. В Новгороде даже «пробойные», главные улицы имели ширину до 4–5 м (*Сорокин,* 1995. С. 6–7). Сравнимая по ширине с тверской мостовая обнаружена во Пскове. Ширина ее до 9 м. Мостовая проходила по территории псковского Нового Торга, устроенного в 1510 году, и являлась проездом между мясными рядами (*Салмина и др.,* 2014. С. 31–36). Кажется логичным соотнести и тверскую мостовую с торгом. Писцовая и межевая книга Твери 1685/1686 гг. помещает старый торг к востоку от Княжьего двора (Писцовая и межевая книга... С. 53), однако Дозорная книга 1616 г. описывает торг, расположенный по обеим сторонам Большой улицы, шедшей от Владимирских ворот до церкви Иоанна Милостивого. Лавки располагались и у стены этого каменного храма, а также у «большой Спасской колокольни», у Владычного двора и у Разрядной избы (Дозорная книга... С. 26–28). Храм Иоанна Милостивого XV–XVI вв. располагался на юго-западном углу Владычного двора (*Салимов,* 2015. С. 393). В нескольких десятках метров к юго-востоку от него стояла колокольня Спасского собора. При этом соборный комплекс располагался напротив Княжьего двора, к северу от него. Таким образом, торг начала XVII в. находился между Владычным и Княжьим дворами, и к западу от Спасского собора, в районе средней части улицы, шедшей от Волжских ворот к Благовещенским.[12] Отметим, что здесь же помещает торг Э. Пальмквист на плане Твери на 1674 г. (*Пальмквист,* 2012. С. 115, л. 14). Следовательно, есть основания рассматривать описанные выше конструкции как часть мощения площади торга и одновременно улицы, причем мостовая улицы 10 к северу и югу от торга, скорее всего, сужалась.

В восточной части раскопа, несколько западнее пер. Седых, выявлена еще одна улица – 11, параллельная указанной выше. К сожалению, размеры ее в статье не приведены, как не указан и материал мощения (плахи или бревна), а также количество выявленных ярусов и их датировка (*Хохлов,* 2013. С. 147. Рис. X). Надо полагать, что указанная мостовая была синхронна мостовой улицы 10 и существовала по крайней мере в XV в. На севере улица вела, предположительно, к церкви Иоанна Милостивого и воротам Владычного двора, оставляя к востоку Спасский собор, на юге – вероятно, к северным воротам Княжьего двора (рис. 1).

Улица 12 обнаружена в раскопе во дворе здания музея (б. здание Реального училища, ул. Советская, 5). Она шла с запада на восток, по мнению автора исследований, от соборной площади вдоль южной границы владычного Житного

[11] Благодарим В. А. Лапшина за любезное разрешение использовать неопубликованные материалы его исследований.

[12] Также у Княжьего двора находился Торг в Пскове в XIV–XV вв. (*Лабутина,* 1985. С. 103–106).

двора к Владимирским воротам (*Хохлов,* 2013. С. 147. Рис. X).[13] Таким образом, можно полагать, что южная граница восточной части архиерейского двора в XV–XVI вв. проходила севернее ограды рубежа XVII–XVIII вв. (*Салимов,* 2008. С. 115). По нашему мнению, западная оконечность улицы упиралась либо в ограду присоборного кладбища, либо подходила к восточным воротам Афанасьевского монастыря (рис. 1). Мы предполагаем, что помимо улицы 12 по территории, где по крайней мере с последней четверти XVII в. располагался Владычный двор, пролегали также улицы 2, 3 и 5. Если наше предположение верно, то восточная граница Владычного двора проходила по улице 3, соответственно, площадь архиерейской резиденции в XIV–XVI вв. была значительно меньше ее размеров на последнюю четверть XVII – первую половину XVIII вв. (рис. 1).

Возможно, именно улицы 6 и 10, предположительно являвшиеся главными улицами кремля (не исключаем, что улица 10 именуется в Писцовой и межевой книге Твери 1685/1686 гг. Большой Благовещенской улицей (Писцовая и межевая книга... С. 50)), являлись в начале XVII в. границами четвертей, на которые в это время делился Тверской кремль (Дозорная книга... С. 13–23).

Многие из вышеописанных трасс продолжали, вероятно, действовать по крайней мере в первой половине XVI в. Таковыми могли быть улицы 1, 3, 6–7, 10–12. Часть этих трасс функционировала, несомненно, и в первой четверти XVII в. (улицы 6 и 10). При этом в ряде случаев проезды немного, на 1–2 м, смещались в стороны, а иногда меняли направление. Такие изменения уличных трасс были связаны, видимо, с перепланировками усадеб, вызванными либо пожарами, либо сменой хозяев участков.

Конструктивно мостовые Тверского кремля схожи с мостовыми Пскова, Новгорода, Москвы и других средневековых русских городов. Есть, однако, и отличия. Большинство тверских кремлевских мостовых выложены из бревен диаметром 10–20 см, при этом лаги, как правило, имеют диаметр не более 10–15 см. Часть бревен использовалась вторично и бралась, очевидно, из разобранных построек, что характерно и для мостовых других древнерусских городов. Как правило, в Новгороде и Пскове редко укладывали лаги группами по 2–3 штуки, а для Твери это, видимо, обычное явление.

В отличие от Новгорода, где большинство улиц мостилось плахами, в Тверском кремле почти все мостовые укладывались из бревен (нам известны только две улицы, замощенные плахами – 5, 10 и мощение датируется XV в.) (*Сорокин,* 1995. С. 8). В Пскове уличные мостовые из бревен зафиксированы во второй половине XIII – первой половине XIV вв. (*Кулакова,* 1996. С. 196, 199, 200–201). В Московском Кремле такое устройство мостовых, как в Тверском кремле, встречено в 25,1% случаев, при этом бревенчатое мощение или «накат», «накатник» появляются в Москве на рубеже XV–XVI вв. (*Панова,* 2013. С. 298–299). Очевидно, мостовые Тверского кремля, в отличие от новгородских и московских, изначально сооружались из бревен, и лишь в XV в. некоторые из улиц получили покрытие из плах. При новом мощении в ряде случа-

[13] Местоположение самого Спасского собора 1285–1290 гг. в настоящее время обсуждается (*Салимов,* 2019. С. 255–273).

ев зафиксирована частичная разборка предыдущего яруса, что обычно и для новгородских мостовых (*Сорокин,* 1995. С. 9). В целом, можно отметить, что в Твери существовала собственная традиция сооружения мостовых, несколько отличная от таковой в Новгороде и Московском Кремле.

Ширина тверских кремлевских улиц в XIII–XVI вв. не превышает 2,5–3,5 м за исключением улицы 10, имевшей, очевидно, особое значение для города. Отметим, что такая же ширина улиц характерна и для тверских посадов в XV–XVI вв. В то же время в Новгороде обычная ширина улиц в это время составляла 4 м, а в московское время предположительно 5–6 м (Там же. С. 6–7). В Московском Кремле ширину обнаруженных настилов мостовых установить пока не удалось, но Т. Д. Панова полагает, что она могла достигать 3–4 и более метров (*Панова,* 2013. С. 298). Возможно, небольшая ширина большинства улиц Тверского кремля связана со значительной плотностью застройки тверской крепости.

Археологическими исследованиями в Тверском кремле выявлены, конечно, далеко не все улицы, однако полученные данные позволяют сделать некоторые выводы. Уличная сеть Тверского кремля начинает формироваться с момента постройки укреплений, т. е. со второй половины XII в. При этом наиболее ранние обнаруженные деревянные мостовые относятся ко второй половине XIV в. Это, однако, не означает, что ранее этого времени улицы Тверского кремля не мостились деревом. Учитывая, что часть кремлевских раскопов из-за их охранного характера не была доведена до материка, затрагивая лишь слои не ранее XV в., можно ожидать, что деревянные мостовые XIII–XIV вв. здесь могут быть обнаружены при будущих исследованиях.

Как нам представляется, для уличной сети Тверского кремля характерна не радиальная или прибрежно-рядовая планировка, а линейно-поперечная, как и для многих древнейших и крупнейших городов Руси (Древняя Русь... С. 62). В основном кремлевские трассы выводили к значимым в топографии кремля объектам – воротам, храмам, Княжьему и Архиерейскому дворам и соединяли разные линии укреплений.

Вероятно, к середине – второй половине XVI в. уличная сеть кремля несколько изменилась, при этом часть улиц исчезла. Скорее всего, это связано с изменениями в составе дворовладельцев кремля после присоединения Великого Тверского княжества к Москве. Свою и, может быть, главную роль сыграли и многочисленные пожары.

Очевидно, на протяжении XVII века уличная сеть Тверского кремля переживает еще большие изменения. К последней четверти этого столетия остаются лишь несколько переулков и 4 улицы (Писцовая и межевая книга... С. 33–63).

Таким образом, в Тверском кремле начиная со второй половины XII в. на протяжении нескольких столетий вплоть до XVI в. включительно существовала развитая градостроительная структура с сетью улиц, бóльшая часть которых имела деревянное мощение. Улицы связывали между собой центр кремля, где располагались главный, Спасо-Преображенский, собор города, Княжий и Владычный дворы, а также торг, с жилой застройкой и проездными башнями крепости.

Литература

Дозорная книга города Твери 1616 года. Тверь, 1890. 39 с.

Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1985. 432 с. (Археология СССР)

Колосова И. О., 2003. К изучению объектов благоустройства русского средневекового города: мостовые Пскова XI–XVII вв. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII вв. Проблемы культуры и культурного наследия. Доклады Третьей научной конференции (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М.: Древлехранилище. С. 86–106.

Кулакова М. И., 1996. Некоторые итоги дендрохронологического изучения дерева из раскопов по ул. Ленина (1982, 1984–1985 гг. – V, VI раскопы; 1991 г. – XVI раскоп) // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Том 1. Псков: Псковский государственный педагогический институт им. С. М. Кирова. С. 195–205.

Лабутина И. К., 1985. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука. 248 с.

Лапшин В. А., 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 534 с.

Олейников О. М., 1998. Отчет об охранных археологических исследованиях экспедиции Тверского гос. объедин. музея на улице Советской при ее реконструкции на территории Кремля и б. Загородского посада г. Твери в 1998 г. // Архив Института археологии РАН. Р-I. № 21815–21822.

Олейников О. М., 2000. Отчет об охранных археологических исследованиях Тверской археологической экспедиции Тверского гос. объедин. музея на раскопе Мытный-1 на Тверской площади на территории б. кремля и б. Загородского посада г. Твери в 2000 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 24774–24776.

Олейников О. М., Дайнин В. В., Романова Е. А., 2001. Средневековые напольные укрепления Тверского кремля (по материалам исследований 1998 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь. 400 с.

Пальмквист Э., 2012. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М.

Панова Т. Д., 2013. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI века. М.: Радуница. 184 с.

Писцовая и межевая книга Твери 1685–1686 годов. М.: Старая Басманная, 2014. 348 с.

Попова Л. А., 1985. Отчет об охранно-археологических исследованиях в г. Калинине на территории б. Тверского кремля в 1985 г. // Архив Института археологии РАН. Р-I. № 11056.

ПСРЛ. Т. XV – Полное собрание русских летописей. Т. XV. Издание 4-е. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000.

Салимов А. М., 2008. Архиерейский двор в Тверском кремле на рубеже XVII–XVIII веков: местоположение, границы, характер застройки // Архитектурное наследство. Вып. 49. М.: КомКнига. С. 106–126.

Салимов А. М., 2015. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века. Тверь. Т. I. 592 с.

Салимов А. М., 2019. Тверской Спасо-Преображенский собор. XIII – начало XXI века. Тверь: Салимовы и К°. 376 с.

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г., 2014. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 59. М., Псков, СПб.: Нестор-История. С. 31–41.

Сорокин А. Н., 1995. Благоустройство древнего Новгорода. Архив архитектуры VI. Новгородские древности. Выпуск второй. М.: Общество историков архитектуры. 142 с.

Хохлов А. Н., 2013. Топография города Твери XV–XVIII вв.: возможности археологических источников // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 228. М.: Языки славянской культуры. С. 143–151.

Хохлов А. Н., Иванова А. Б., 2016. Исследования мысовой части Тверского кремля в 2013 г. Раскоп № 23: застройка, стратиграфия, хронология // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь. С. 17–86.

Хохлов А. Н., Нестерова М. Е., 2001. К характеристике тьмацкой линии укреплений Тверского кремля (по материалам раскопок 1998 г.) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. II. Тверь. С. 268–293.

Черных Н. Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.: NOX. 216 с.

Щенков А. С., 1980. Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство. Вып. 28. М.: Наука. С. 29–33.

Salimov A., Danilov V., Romanova E., 2020. Sacral Topography of the Tver Kremlin in the Period of Appanage Principalities // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 471. Proceedings of the 2nd International Conference on Architecture: Heritage, Traditions and Innovations (AHTI 2020). Atlantis Press. P. 87–93.

* * *

Данилов Василий Владимирович, *Тверь, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство); e-mail: romartver@mail.ru*

Романова Елена Александровна, *Тверь,Тверской государственный объединенный музей; e-mail: romartver@mail.ru*

Олейников Олег Михайлович, *к. и. н., Москва, Институт археологии РАН; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru*

Данилов Василий Владимирович (1958 – 2021)

22 сентября 2021 года ушел из жизни В. В. Данилов, тверской археолог, постоянный участник заседаний Псковского семинара.

Василий родился 13 сентября 1958 г. в г. Ярославле, там же окончил среднюю школу с углубленным изучением английского языка, отслужил в армии и поступил на историко-филологический факультет Ярославского педагогического университета.

Археология с юных лет стала для него мечтой, а в дальнейшем любимым делом.

В 1990 году стал аспирантом Института археологии РАН (научный руководитель – М. В. Седова). В 1996 году участвовал в организации VI Международного конгресса славянской археологии в Новгороде.

Василий Владимирович – участник археологических экспедиций в Суздале, Архангельской области, Твери и Тверской области. С 2004 по 2014 гг. – заместитель начальника архитектурно-археологической экспедиции кафедры истории и теории искусства Тверского филиала Государственной академии славянской культуры.

Последние годы работал научным сотрудником отдела научно-исследовательских работ Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство).

В 2004–2006 гг. и 2012–2014 гг. – участник научно-исследовательских проектов «Архитектурно-археологические исследования Борисоглебского собора в Старице» и «Средневековые храмы Старицкого городища», поддер-

жанных Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований.

Автор многих научных публикаций, в том числе соавтор трех книг*. В последней книге, которая вышла из печати в октябре 2021 года, на основе различных источников впервые столь подробно рассматривается история оборонительных сооружений Тверского кремля на протяжении XII–XVII веков. И если попытка воссоздания облика крепости XVII столетия делается, как правило, на основе изобразительных материалов и письменных документов, то реконструкция различных этапов в жизни тверских укреплений XII–XVI веков в значительной мере выполнена с использованием результатов археологических исследований.

Василий Владимирович оставил жену и сына.

В нашей памяти останутся совместные экспедиции и дискуссии, задушевное дружеское общение с Василием.

Коллеги, друзья

---

* 1) *Салимов А. М., Данилов В. В., Салимова М. А., Романова Е. А.* Соборный комплекс Тверского Жёлтикова монастыря. Тверь: Изд. Алексей Ушаков, 2018. 138 с.

2) *Салимов А. М., Данилов В. В., Романова Е. А., Зиновьев А. В.* Сретенский собор Тверского монастыря Савватьева пустынь: история, архитектура и археология. Тверь: Изд. А. Ушаков, 2018. 227 с.

3) *Данилов В. В., Салимов А. М., Романова Е. А.* Оборонительные сооружения Тверского кремля XII–XVII веков. Тверь: Салимовы и К°, 2021. 144 с.

Ю. В. Степанова

Серьги XIV–XVIII вв. из археологических памятников и этнографических коллекций Тверской области

Резюме. В статье характеризуются находки серег XIV–XVIII вв. из раскопок археологических памятников и музейных коллекций Тверской области. Информация о серьгах выявлена в архивной документации XIX–XXI вв. Изучены коллекции Тверского государственного объединенного музея, Всероссийского историко-этнографического музея, Андреапольского краеведческого музея. Архивные данные Тверского музея сопоставлены с современной коллекцией ТГОМ, что позволило установить происхождение ряда серег. На основании конструкции выделены две группы серег: цельной (серьги в виде вопросительного знака) и составной конструкции (серьги с подвесками различных форм). Внутри групп выделены виды серег по особенностям формы и декора подвески. Среди серег в виде вопросительного знака выделены украшения с коротким и удлиненным стержнем; из равномерной проволоки и с удлиненным стержнем из тонкой проволоки. Среди серег составной конструкции выделены украшения с подвесками в виде стержней (одинцы, двойчатки, тройчатки), серьги с щитковыми и объемными фигурными подвесками. Приводится хронология отдельных находок. Высказано предположение, что серьги в виде вопросительного знака с удлиненным стержнем из тонкой проволоки могут датироваться второй половиной XVI – началом XVII в. Выявлены характерные для запада Тверской области серьги с горизонтальными подвесками и трапециевидным силуэтом. Серьги-двойчатки и серьги с бусинами грушевидной формы с полосатым декором характерны для Верхневолжья.

Ключевые слова: украшения, женский костюм, серьги, археология, этнография, коллекция, музей, Тверская область, XIV–XVIII вв.

Yu. V. Stepanova. Earrings of the 14th–18th Centuries from Archaeological Monuments and Ethnographical Collections of the Tver Region

Abstract. The article characterizes the finds of earrings from the 14th–18th centuries from excavations of archaeological sites and museum collections of the Tver region. Information about earrings was found in archaival documentation of the 19th–21st centuries. The collections of Tver State United Museum (TSUM), All-Russian Museum of History and Ethnography, and Andreapol Museum of Local Lore were studied. The comparison of the archaival data of the Tver Museum and modern collection of TSUM made possible the

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.229-247

establishment of the origin of a number of earrings. On the basis of the design, two groups of earrings were distinguished: one-piece (earrings in the form of a question mark) and a composite design (earrings with pendants of various shapes). Within the groups, types of earrings according to the features of the shape and decor of the pendant are distinguished are distinguished.

Among the earrings in the form of question marks there are two types of jewelry with a short and elongated even wire rod and with a thin wire elongated rod. Among the earrings of a composite design, pendants in the form of rods (one, two, three) and earrings with shield and volumetric figured pendants are distinguished. The chronology of individual finds is given. It is suggested that earrings in the form of a question mark with an elongated rod made of thin wire can be dated to the second half of the 16th – early 17th centuries. Earrings with horizontal pendants and a trapezoidal silhouette, characteristic of the west of the Tver region, have been identified. Two-piece earrings and earrings with pear-shaped beads with striped decor are typical for the Upper Volga region.

Keywords: jewelry, female costume, earrings, archaeology, ethnography, collection, museum, Tver region, 14th–18th centuries.

Настоящая статья посвящена археологическим и этнографическим находкам серег XIV–XVIII вв., выявленным на территории современной Тверской области. Рассматриваются типология и хронология этих украшений. Выявлены разновидности серег, характерные для отдельных микрорегионов изучаемой территории. Исследование этих предметов является актуальным, так как русский костюм периода позднего средневековья и нового времени пока остается слабо изученным.

Серьги из археологических памятников периода позднего средневековья, происходящие с территории Руси, неоднократно попадали в поле зрения исследователей, однако посвященные им работы нельзя назвать многочисленными. Серьгам в женском уборе Московской Руси посвящена специальная статья Н. В. Жилиной, в которой представлена типология и хронология этих украшений (*Жилина*, 2018). Н. В. Жилиной разработана типология женских головных уборов с украшениями, в том числе серьгами XIII–XVII вв. (*Жилина*, 2012).

Серьги XVI–XVIII вв. рассматриваются в ряде работ, посвященных русским ювелирным украшениям XVI–XIX вв. (*Уткин*, 1970; Русские ювелирные украшения 16–20 веков, 1987). Региональные исследования только начаты. Так, серьги из раскопок в Пскове охарактеризованы в исследовании А. В. Козловой (*Козлова*, 2007). Материалы, хранящиеся в Курском государственном областном музее археологии, опубликованы в работе А. Г. Шпилева (*Шпилев*, 2015).

Работы, в которых рассматриваются элементы позднесредневекового костюма и убора населения Тверского княжества или региона Верхневолжья в целом, немногочисленны. Находки серег, происходящие с территории Верхневолжья, пока недостаточно введены в научный оборот. До настоящего времени практически неизученной оставалась коллекция серег Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ). Специальные исследования позднесредневекового костюма Верхневолжья принадлежат В. В. Солдатенковой, Т. Г. Сарачевой и Н. Е. Персову (*Солдатенкова*, 2008; *Солдатенкова, Сарачева, Персов*, 2011). Археологические и этнографические находки серег

Таблица 1

Серьги XIV–XVIII вв. из археологических памятников Верхневолжья (количество)

№	Место находки	В виде вопросительного знака	Одинцы	Двойчатки	«Голубцы»	С щитковой подвеской	С объемной подвеской	Фрагменты подвесок	Всего
1	Тверь	78	23	15	2	7	2	18	146
2	Кашин		2					1	3
3	Бежецк							4	4
4	Ржев					1			1
5	Торопец	2							2
6	Бобронниково 1 (Ржевский р-н)					1			1
7	Колобово 2 (Селижаровский р-н)	1							1
8	Микулино (Лотошинский р-н)							1	1
9	Городня (Конаковский р-н)	1							1
10	Избрижье (Калининский р-н)	1						1	2
11	Троица 2 (Калининский р-н)							1	1
12	Посады (Кашинский р-н)	1							1
13	Митрошино 2 (Удомельский р-н)							1	1
14	Мазалово (Корчевской уезд)	2							2
15	Треть Молдина (Вышневолоцкий уезд)	2							2
ИТОГО		88	25	15	2	9	2	24	169

опубликованы в работах А. К. Жизневского (*Жизневский*, 1888), В. А. Плетнева (*Плетнев*, 1903), А. В. Новикова (*Новиков*, 1997), С. А. Кунгурцевой (*Кунгурцева*, 2016), А. В. Вяземского и Т. А. Левыкиной (*Вяземский, Левыкина*, 2019), Н. Е. Персова и В. В. Солдатенковой (*Персов, Солдатенкова*, 2007), Т. Г. Сарачевой (*Сарачева*, 2007), Е. В. Лагуткиной и А. В. Лагуткина (*Лагуткина, Лагуткин*, 2004), ряде других работ. Сведения об археологических находках серег на территории Верхневолжья были обобщены Ю. В. Степановой (*Степанова*, 2021).

В общей сложности выявлены 167 археологических находок серег и их фрагментов, происходящих из раскопок Твери, Ржева, Бежецка, Кашина, Торжка, Торопца, а также сельских поселений Верхневолжья. Находки из Тверской области хранятся в Тверском государственном объединенном музее (ТГОМ) В общей сложности выявлена информация о 169 археологических находках, из которых 87% приходится на Тверь (табл. 1).

Источниками о находках серег являются документы, характеризующие состав дореволюционных коллекций Тверского музея (ТМ). Это книги поступлений (КП) и описи второй половины XIX – начала XX в., хранящиеся в архиве ТГОМ. В общей сложности были выявлены записи о 304 экземплярах серег, которые находились в составе дореволюционных коллекций музея (табл. 2).

Серьги хранятся также в современной этнографической коллекции ТГОМ. Лишь единичные предметы отождествлялись с дореволюционными

Таблица 2

Серьги XIV–XVIII вв. в составе дореволюционной коллекции Тверского музея по данным архивных источников (количество)

№	Место находки	В виде вопросительного знака	Одинцы	Двойчатки	Тройчатки	«Голубцы»	С щитковой подвеской	С объемной подвеской	Неопределенные	Всего
1	Тверь	1	5	11	3	2	44	13	20	98
2	Тверской уезд	1	2	4			12	7	3	27
3	Вышневолоцкий уезд	1		41			1			27
4	Весьегонский уезд						3		2	5
5	Зубцов			1						1
	Зубцовский уезд			2						2
	Корчевской уезд	2		1						3
	Осташковский уезд			2			6	6	2	16
	Калязин и Калязинский Троицкий Макарьев монастырь						6		43	49
	Кашин						8	1	5	14
	Торжок			2			2	1		5
	Новоторжский уезд			2			1		2	5
	Ржев						1			1
	Ржевский уезд								2	2
	Старица	2	2	1			7	4	3	19
	Старицкий уезд	2	1	2			1			6
	Бежецкий уезд			1			2			3
	Ярославль				2					2
ИТОГО		9	10	70	5	2	94	32	82	304

Таблица 3

Серьги XIV–XVIII вв. из этнографической коллекции ТГОМ и других музеев (количество)

№	Место находки	В виде вопросительного знака	Одинцы	Двойчатки	Тройчатки	«Голубцы»	С щитковой подвеской	С объемной подвеской	Фрагменты стержней	Всего
1	ТГОМ	26	5	37	5	2	19	10	1	105
2	ВИЭМ	2	1				13			16
3	АКМ						19	2	3	24
ИТОГО		28	15	37	5	2	51	10	4	155

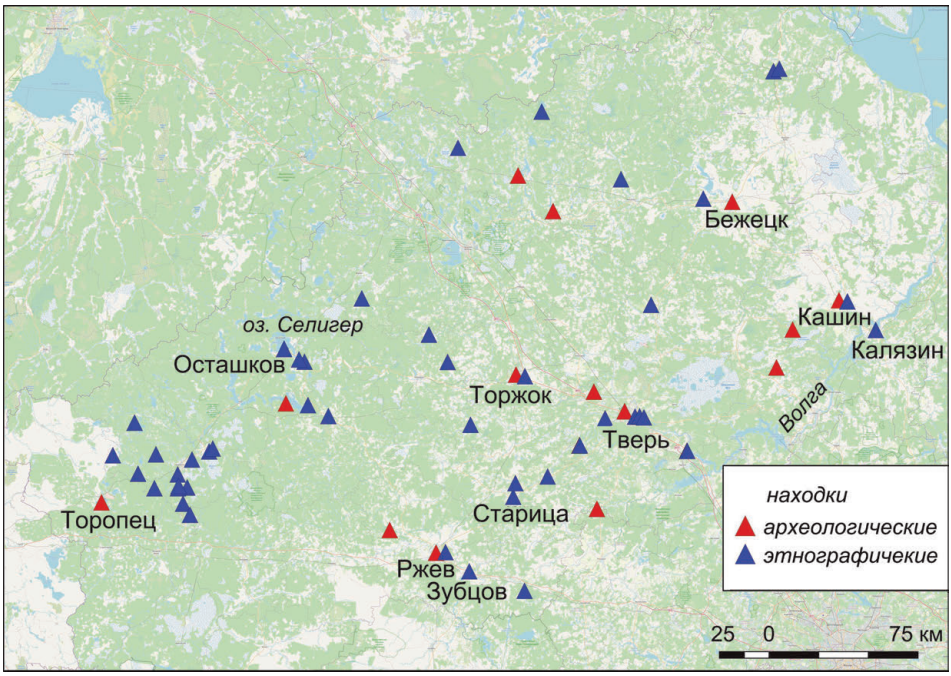


Рис. 1. Карта мест находок археологических и этнографических находок серег XIV–XVIII вв. на территории Тверской области

фондами. В ходе настоящей работы было установлено соответствие 43 экземпляров серег с записями в дореволюционных книгах поступлений и описях Тверского музея, что позволило уточнить их происхождение и хронологию. В работе также привлекались материалы Всероссийского историко-этнографического музея (ВИЭМ) (выявлено 16 экз.) и Андреапольского краеведческого музея им. Э. М. Шимкевича (АКМ) в г. Андреаполь Тверской области, в котором серьги происходят из различных местностей бывших Осташковского и Торопецкого уездов (выявлено 24 экз.). Разработана база данных, включающая сведения обо всех выявленных серьгах (табл. 3).

Карта распространения находок дает представление о происхождении коллекций музеев и местах проведения археологических исследований на объектах периода позднего средневековья и нового времени в Тверской области (рис. 1).

Выделяются группы серег цельной и составной конструкции. Серьги цельной конструкции состоят из одного изогнутого куска проволоки. В научной литературе они получили название «серьги в виде вопросительного знака». Серьги составной конструкции состоят из кольца («мочки»), к которой крепятся одна, две, три подвески различных форм. Одинцы, двойчатки и тройчатки – это серьги, у которых подвески изготовлены из стержней. Серьги с щитковыми подвесками состоят из кольца и пластинчатого щитка различных форм, к которому могут крепиться дополнительные привески. У серег с объемными литыми или полыми подвесками подвески имеют каплевидную, конусовидную, округлую

форму. В их числе – серьги с массивными подвесками, представляющими собой полый корпус в виде стилизованной птицы – «голубцы» (в таблицах даны в отдельном столбце). Материал изготовления серег, как правило – сплавы на основе меди и серебра. Встречаются изделия с позолотой.

Серьги в виде вопросительного знака (88 археологических находок, 28 этнографических предметов, 9 записей в архивных источниках ТГОМ), по типологии Н. В. Жилиной, относятся к отделу 1 (орнаментальная и крепежная детали находятся в одной плоскости), подотделу 4 (кольцо с отогнутым вниз стержнем) (*Жилина*, 2018. С. 281–282). Эти украшения господствовали во второй половине XIII–XV в. Рассматриваемые украшения соответствуют также серьгам типа VI, вариантам с односоставным стержнем, из памятников кочевников Золотой Орды XIII–XV вв., по Р. Р. Каримовой (*Каримова*, 2012. С. 140–141). Большинство исследователей считает, что серьги в виде вопросительного знака распространились в Восточной Европе с XIII в. под влиянием золотоордынской культуры (*Сарачева*, 2007. С. 73–88; Владимиров, 2018. С. 34). Не исключается и самостоятельное развитие этого вида украшений на Руси (*Жилина*, 2018. С. 283).

Выделяются два варианта серег по длине стержня: украшения с коротким стержнем, 1,2–2 см (рис. 2: *1–7*) и с удлиненным (рис. 2: *7–14*) стержнем, от 2 до 3,5 см. В зависимости от длины стержней на них умещается разное количество бус и пронизок: от одной крупной до комбинации из 1–2 крупных и 2–6 мелких.

По форме проволоки выделяются вариант серег из круглой в сечении равномерной проволоки (рис. 2: *1–7, 11, 12*) и вариант с кольцом из круглой толстой проволоки, которая при переходе к стержню утончается (рис. 2: *13, 14*). Многие из таких серег найдены с обломанным стержнем. Серьги этого варианта составляют меньшую долю (28 экз.). Можно предположить, что простые серьги из равномерной проволоки могли изготавливать сами женщины, тогда как серьги второго варианта являются продукцией ремесленников.

Большинство находок серег в виде вопросительного знака приходятся на Тверь. В постройке на Затьмацком посаде, предположительно, принадлежавшей княжескому дружиннику, найдены обломки четырех серег в виде вопросительного знака (*Персов, Солдатенкова*, 2007. С. 358). Из клада конца XVI – начала XVII в. на Затьмацком посаде происходят две серьги с серебряными позолоченными бусинами (рис. 2: *14*) и еще две с хрустальными бусинами (*Вяземский, Левыкина*, 2019. С. 262). В состав клада на Загородском посаде входили 5 пар серег с аметистовыми и альмандиновыми бусинами и металлическими пронизками-розетками (целые и фрагментированные) (рис. 2: *13*), а также серьги с обломанными стержнями и серебряные бусины (*Кунгурцева*, 2016. С. 357–358). Известны также серьги в виде вопросительного знака из Торжка и Старицы.

Серьги в виде вопросительного знака использовались как городским, так и сельским населением Верхневолжья, хотя среди этнографических находок их меньше, чем археологических. Они найдены на поселениях Избрижье (рис. 2: *5*), Колобово 2 (рис. 2: *7*), Городня (рис. 2: 6), Посады, в селах Треть Молдина (*Плетнев*, 1903. С. 362), Загородье (Вышневолоцкий уезд; ТМ № 10996), Иваниши (Старицкий уезд; ТМ № 1847) (рис. 2: *15*), Старая Константиновка

Рис. 2. Серьги в виде вопросительного знака из раскопок археологических памятников Тверской области и коллекции ТГОМ.

1, 8, 11 – Тверь, Заволжский посад (Е. А. Романова, отчет за 2011 г., №№ 1297, 2008, 1758); *2* – Тверь, Затверецкий посад (Е. А. Романова, отчет за 2002 г., № 50); *3* – Тверь, Затьмацкий посад (О. М. Олейников, отчет за 1995 г., № 12); *4* – Тверь, Затьмацкий посад (*Солдатенкова*, 2008. Рис. 2: *15*); *5* – поселение Избрижье (*Степанова*, 2021. Рис. 2: *14*); *6* – поселение Городня (*Степанова, 2021.* Рис. 2*: 6*); *7* – поселение Колобово 2 (И. В. Исланова, отчет за 2004 г., АКР. Тверская область, 2010. С. 234, рис. *97*); *9* – Тверь, Затьмацкий посад (Р. А. Оруджев, отчет за 2014 г., № 224); *10* – Тверь, Заволжский посад (Е. А. Романова., отчет за 2007 г., № 144); *12* – Мазалово Корчевского у., клад (*Жизневский*, 1888. С. 149); *13* – Тверь, Загородский посад, клад (Кунгурцева, 2016. Цв. вклейка, рис. 5); *14* – Тверь, Затьмацкий посад (*Вяземский, Левыкина,* 2019. Рис. 2в); *15* – Иваниши Старицкого у. (ТМ № 1874, ТГОМ КОФ 2226/15); *16* – ТГОМ КОФ 2250/4; *17* – ТГОМ КОФ 2250/2; *18* – ТГОМ КОФ 2252/19; *19* – ТГОМ КОФ 2250/1

Рис. 3. Серьги-одинцы, двойчатки и тройчатки из раскопок археологических памятников Тверской области и коллекции ТГОМ.

1, 3, 5 – Тверь, Заволжский посад (Е. А. Романова, отчет за 2011 г., № 1424, 1028, 1695); *2* – Тверь, Загородский посад (Е. А. Романова, отчет за 2010–2011 гг., № 498); *4* – Кашин, кремль (С. Е. Андреев, отчет за 2012 г.); *6* – Тверь, Затьмацкий посад, клад (*Вяземский, Левыкина*, 2019. Рис. 2г); *7* – Тверь, Заволжский посад (*Лагуткина, Лагуткин*, 2016. С. 117; ТвГУ, Учебно-научная лаборатория по археологии); *8* – Тверь, Затьмацкий посад (*Солдатенкова*, 2008. Рис. 2: *18*);

(Тверской уезд; ТМ № 11362), Мазалово (Корчевской уезд; ТМ № 307) (рис. 2: *12*) (*Степанова*, 2021. С. 47–48) и др.

Серьги составной конструкции (53 археологических предмета, 122 археологических предмета, 213 записаны в архивных документах Тверского музея) количественно преобладают.

Серьги составной конструкции, выявленные в археологических памятниках рассматриваемой территории, представлены следующими видами:

– серьги-одинцы; состоят из кольца и одного стержня;

– серьги-двойчатки; состоят из кольца и двух стержней; стержни располагаются параллельно друг другу, либо образуют трапециевидный силуэт благодаря перекладинам, соединяющим их в нижней части;

– серьги-тройчатки; состоят из кольца и трех стержней; аналогично двойчаткам могут образовывать трапециевидный силуэт;

– серьги-«голубцы»: у таких серег подвеска выполнена в виде стилизованного изображения птицы;

– серьги с подвесками в виде плоского щитка различных форм;

– серьги с объемными фигурными подвесками.

Кольца («мочки») серег-одинцов, двойчаток и тройчаток (рис. 3) выполнялись из круглой в сечении проволоки диаметром 1–1,5 мм. Стержни подвесок и обмотка – часто из более тонкой проволоки диаметром до 1 мм. На кольца напаивались или накручивались проволочные ограничители, закреплявшие подвески. Увеличение числа подвесок-стержней привело к появлению серег с «мочкой» в виде полукольца с нижней спрямленной частью, на которой крепились стержни, разделенные ограничителями (подотдел 2 по Н. В. Жилиной) (*Жилина*, 2018. С. 281). Сохранность археологических находок этих серег составной конструкции хуже, чем у серег в виде вопросительного знака, так как подвески очень часто утрачены (рис. 3: *1–4, 7*), и судить об их декоре не представляется возможным. Обычно сохраняются лишь ограничители и фрагменты проволоки от верхней части стержней подвесок, либо только подвески без мочки.

Серьги-одинцы составляют наименьшую долю среди всех составных серег с подвесками-стержнями (большая часть – из Твери). У большинства археологических находок (25 экз.) обломаны стержни, так что сохраняются лишь кольца. Целые украшения из серебра происходят из клада на Затьмацком посаде (*Вяземский, Левыкина*, 2019. С. 262). Они украшены бусинами из альмандина и пронизками-розетками. Снизу на стержне закреплен трехчастный наконечник (рис. 3: *6*).

Двойчатки преобладают среди этнографических находок серег с подвесками-стержнями, но составляют меньшую долю в сравнении с одинцами среди археологических находок (15 экз.). Археологические находки серег-двойчаток

---

9 – Тверь, Затьмацкий посад (*Жизневский*, 1888. С. 148; ТМ № 56; ТГОМ КОФ 1760/1–2); *10, 11, 13* – Тверь, Загородский посад (Г. А. Лаврова, отчет за 2008. №№ 27, 49, 56); *12* – Тверь, Затьмацкий посад (*Новиков*, 1997. Рис. 2: *1, 2*); *14* – ТГОМ КОФ 2226/3; *15* – Ивановское Зубцовского у. (ТМ № 316; ТГОМ КОФ 2226/5); *16* – Борзыни Вышневолоцкого у. (*Жизневский*, 1888. С. 152; ТМ № 347; ТГОМ КОФ 2226/7); *17* – Корельское Вышневолоцкого у. (ТМ № 5694; ТГОМ КОФ 2226/9); *18* – Ярославль (ТМ № 6140; ТГОМ КОФ № 2254/14); *19* – Тверь (ТМ № 8719; ТГОМ КП 1775)

Рис. 4. Серьги-«голубцы» и щитковые из раскопок археологических памятников Тверской области и коллекции ТГОМ.

1, 2 – серьги-«голубцы»; *3–14* – серьги с щитковыми подвесками.

1 – Тверь, Затьмацкий посад, клад (*Вяземский, Левыкина*, 2019. Рис. 2е); *2* – Тверь (*Жизневский*, 1888. С. 148); *3, 4* – Городня Тверского у. (ТМ № 2987, ТГОМ КП 1742/1; ТМ 8752, ТГОМ КП 894/1); *5* – Тверь, Загородский посад (Е. А. Романова, отчет за 2006 г., № 26); *6* – поселение Бо-

представлены экземплярами из раскопок некрополей Твери периода позднего средневековья и нового времени: у церкви Алексея – Человека Божия на Затьмацком посаде в Твери (рис. 3: *12*) (*Новиков*, 1997. С. 264) и у Скорбященской церкви на Загородском посаде (рис. 3: *10, 11, 13*) (*Степанова*, 2021. С. 50). Серьги-двойчатки «с розовым и зеленым камнем» происходят из раскопок 1873 г. в Твери у Троицкой церкви (рис. 3: *9*) (*Жизневский*, 1888. С. 148). Они найдены у черепа женщины вместе с косой, заплетенной «в шнурок».

Все археологические находки двойчаток относятся к разновидности, у которой стержни расположены параллельно друг другу. Среди этнографических встречаются экземпляры, имеющие трапециевидный силуэт. Они декорированы стеклянными и металлическими бусинами овальной формы и металлическими пронизками.

Тройчатки представлены единичными этнографическими предметами. Тройчатка с жемчужными крупными и мелкими бусинами происходит из Твери (ТМ № 8719; ТГОМ КП 1775) (рис. 3: *13*). При сопоставлении с архивными данными было выяснено, что пара тройчаток трапециевидного силуэта из фондов ТГОМ происходит из Ярославля (ТМ № 6140; ТГОМ КОФ 2254/14–15) (рис. 3: *18*).

Для изготовления подвесок – одинцов, двойчаток и тройчаток, как и в декоре серег в виде вопросительного знака, использовались стеклянные, альмандиновые, жемчужные, перламутровые, костяные бусины. Прежде всего, это мелкие металлические пронизки – гладкие цилиндрические и в форме розеток. Они разделяли крупные бусины на стержнях или целиком составляли декор привесок серег. На Затьмацком посаде Твери в постройках XIV–XV вв. найдены многочисленные пронизки-розетки и их необработанные отливки (*Персов, Солдатенкова*, 2007. С. 366). Использование альмандина как материала для ювелирных украшений начинается в Твери во второй половине XV в. (*Романова, Романов, Окулов*, 2021. С. 313–340). Относительно поздним вариантом, вероятно, являются литые привески, имитирующие нанизанные на стержень металлические бусины и пронизки (рис. 3: *14*).

Серьги с подвесками с плоским щитком представлены преимущественно этнографическими предметами (53 выявлено в музейных коллекциях, 102 числилось в дореволюционной коллекции ТМ). Из археологических памятников происходят всего 9 находок серег с подвесками в виде щитка. У многих украшений утрачена «мочка». Среди этих украшений выделяется несколько разновидностей по форме щитка и дополнительных привесок. Серьги с ажурным щитком подтреугольной, трапециевидной или грушевидной формы оканчиваются рядом петель, к которым подвешены привески со стеклянными или металлическими пронизками (рис. 4: *3–9, 13, 14*). Серьги подтреугольной «ступенчатой» формы

бронниково 1 (О.М. Олейников, отчет за 1985 г., ТГОМ КП 22305/11); *7* – Тверь, Затьмацкий посад (О.М. Олейников, отчет за 1999 г., ТГОМ КП 27823/45); *8* – ТГОМ, КП 2226/16; *9* – Тверь (ТМ № 4092; ТГОМ КОФ 2245/16); *10* – Тверь, Загородский посад (Е.А. Романова, отчет за 2005 г., № 33); *11* – Тверь, кремль (раскопки 2015 г. и сообщение В.А. Шестакова); *12* – Ржев (П.Н. Василькив, отчет за 2012 г., № 80); *13* – Ржев (ТМ № 5281, ТГОМ КП 1776); *14* – ТГОМ КП 1738/2

Рис. 5. Серьги с объемными привесками и серьги со вставкой из раскопок археологических памятников Тверской области и музейных коллекций.
1 – АКМ № 9; *2* – Рогожа Осташковского у. (*Жизневский*, 1888. С. 154; ТМ № 2711; ТГОМ КП 1748); *3* – ГИМ (Русские ювелирные украшения 16–20 веков из собрания Государственного Исторического музея, 1994. С. 151, № 151); *4* – фрагмент портрета купчихи в костюме Тверской губернии, 1840-е гг., ГИМ (Народный бытовой портрет…); *5* – Тверь, кладбище у Скорбященской церкви (Лаврова, отчет за 2008 г., № 46); *6* – ТГОМ, КОФ 2226/24; *7* – ТГОМ КОФ 2256/11; *8* – Тверь, Загородский посад (*Кунгурцева*, 2006. Рис. 11: *1*); *8* – Бежецк (*Артемичева*, 2018. Рис. 1: *3*); *10* – Тверь (ТМ 1767, ТГОМ КП 2252/17)

со сплошным или прорезным щитком (рис. 4: *3, 4*) подражают объемным серьгам-«голубцам». Серьги с щитками круглой формы (рис. 4: *10–12*) тоже имеют внизу ряд петель с дополнительными привесками. Встречены украшения как со сплошными щитками с рельефным орнаментом, так и с прорезными ажурными щитками. К щитковым относятся также археологические и этнографические серьги со стеклянными вставками округлой и каплевидной форм (рис. 5: *7–9*), хорошо известные по портретам представительниц мещанского и купеческого сословия из Тверской губернии конца XVIII–XIX в.

Немногочисленные экземпляры можно отнести к типу серег с объемными фигурными подвесками (2 археологических, 10 этнографических предметов; 32 предмета числилось в дореволюционной коллекции ТМ). Парные бронзовые серьги с гранчатыми бронзовыми подвесками найдены в погребении 28 кладбища у Скорбященской церкви в Твери (рис. 5: *5*). В этнографических коллекциях имеются серьги с конусовидными или каплевидными металлическими подвесками (рис. 5: *6*). В их числе – серьги-«бабочки» из Твери, Кашина и Тверского

уезда, имеющие конусовидную металлическую привеску и декор из жемчужной сетки (рис. 5: *10*). У этих серег «мочка» изготовлена из загнутой в виде крючка проволоки, припаянной к основе с петлей, на которой подвешена привеска.

Серьги-«голубцы» происходят из Твери. Пара серег хранится в коллекции драгметаллов ТГОМ (рис. 4*: 2*) (*Жизневский*, 1888. С. 148; ТМ № 103; ТГОМ КП 1092/1–2). Еще две происходят из клада на Затьмацком посаде Твери (рис. 4: 1). Серьги выполнены из серебра и позолочены. Поверхность подвесок декорирована мелкими сканными колечками, эмалью и вставками из стекла и альмандина. Исследователи считают, что серьги-«голубцы» имеют новгородское происхождение на основании художественных особенностей сканного декора и расцветки эмали (черная, зеленая, синяя) (*Вяземский, Левыкина*, 2019. С. 268–270).

Выделяется разновидность серег с объемной круглой или ромбической основой и горизонтальными планками, скрепленными между собой, с подвешенными внизу привесками-пронизками (рис. 5: *1–4*).

Помимо украшений, у которых сохранились все части конструктивных элементов, выявлены также обломки стержней, которые могут являться частью серег как цельной, так и составной конструкции. Обломки подвесок с металлическими, стеклянными, каменными бусинами и пронизками обнаружены в Твери (*Степанова*, 2021. С. 50).

Изученные предметы позволяют сделать выводы о хронологических закономерностях бытования различных типов на рассматриваемой территории (рис. 6). Хронология серег в виде вопросительного знака по материалам Верхневолжья определяется довольно широко – XIV–XIX вв. Наиболее раннюю датировку имеют находки с Затьмацкого посада Твери: XIV–XV вв. (*Персов, Солдатенкова*, 2007. С. 358). Такую же хронологию они имеют и в Новгороде (*Седова*, 1981. С. 16; *Лесман*, 1990. С. 70–71). По-видимому, наиболее ранней формой серег в Верхневолжье являются серьги в виде вопросительного знака с проволочной обмоткой и одной крупной бусиной (рис. 2: *1*).

Появление серег-двойчаток в регионе может быть отнесено к середине – второй половине XV в. Так, погребение женщины с серьгами-двойчатками у Троицкой церкви в Твери может быть датировано серединой XV – серединой XVI в. (*Степанова*, 2021. С. 54).

Достаточно четко определяется хронология серег в виде вопросительного знака с удлиненным стержнем и одинцов, найденных в кладе на Затьмацком посаде (*Вяземский, Левыкина*, 2019. С. 261) и в кладе у д. Мазалово вместе с монетами Ивана Грозного и Бориса Годунова – вторая половина XVI – начало XVII в. (*Жизневский*, 1888. С. 148–149). Можно предположить, что вторая половина XVI – начало XVII в. являются периодом, в который серьги данных видов получили наибольшее распространение. В декоре этих украшений использовались пронизки-розетки и трехчастные наконечники, спирально закрученные концы стержней. К данной разновидности относятся и серьги из клада на Загородском посаде Твери. Сам клад датируется второй половиной XVIII – первой половиной XIX в. (*Кунгурцева*, 2016. С. 366–367), однако серьги, по аналогии с рассмотренными выше украшениями, могут относиться к более раннему времени. Ко второй половине XVI – началу XVII в. относятся и серьги-голубцы.

Рис. 6. Хронология серег XIV–XVIII вв. из археологических памятников и музейных коллекций Тверской области

Серьги-двойчатки с удлиненными подвесками, расположенными параллельно друг другу и декорированными бусинами овальной формы из стекла и металла, датируются XVII–XVIII вв. по материалам погребений в Твери. Серьги из погребений некрополя у Скорбященской церкви относятся ко второй половине XVIII в. Это дает основание предполагать, что употребление металлических цилиндрических гладких пронизок и пронизок из спирально закрученной расплющенной проволоки, которые использованы в декоре серег данного некрополя, может быть отнесено к XVIII в.

Вероятно, к XVII в. может быть отнесено появление серег с щитками подтреугольной и трапециевидной формы. Концом XVII – началом XVIII в. датируются, по Н. В. Жилиной, серьги с трапециевидным щитком и округлыми вставками (отдел 1, подотдел 5г) (*Жилина*, 2018. С. 287, рис. 6).

По-видимому, большинство серег с круглыми плоскими щитками может быть отнесено к XVIII в. Ко второй половине XVIII в. относятся серьги с объемными гранчатыми подвесками из некрополя у Скорбященской церкви в Твери. Вероятно, с рубежа XVIII–XIX вв. входят в употребление серьги с конусовидными подвесками с жемчужной оплеткой, в том числе «бабочки», серьги с подвесками с каплевидными вставками (рис. 5: *7, 8*)) и с крупными шарообразными бусинами (рис. 2: *19*), известные по произведениям живописи (*Кирсанова*, 1995. С. 252).

По мнению Н. В. Жилиной, первоначальной формой серег являются серьги составной конструкции, а цельная форма с отходящим стержнем образуется в дальнейшем (*Жилина*, 2018. С. 283). Судя по хронологическим закономерностям распространения серег в Верхневолжье, возможен и другой вариант – появление серег в виде вопросительного знака под влиянием восточной культуры раньше или параллельно с развитием серег, состоящих из кольца и подвески. Однако вопрос о формировании и развитии русского убора с серьгами в виде вопросительного знака и серьгами-одинцами требует дальнейшего исследования, прежде всего, уточнения хронологии археологических комплексов, из которых происходят эти украшения.

Наблюдения за распространением различных типов и видов серег на изучаемой территории позволяют выявить специфические разновидности, характерные для отдельных микрорегионов. В частности, серьги с объемной основой и горизонтальными планками (рис. 5: *1–4*) характерны для западной части Верхневолжья. В коллекции ТМ во второй половине XIX – начале XX в. находилось 8 пар и 2 одиночные серьги этого типа, происходившие из г. Осташкова и крупных сел Осташковского уезда: Хотошино, Рогожа, Калищи, единичные экземпляры – из Торжка и Старицы.

В западной части Верхневолжья чаще встречаются и серьги-двойчатки с трапециевидным силуэтом (рис. 3*: 16, 17*). Лишь в восточной части Верхневолжья, в частности, Тверском и Кашинском уездах, зафиксированы жемчужные серьги-бабочки (рис. 5: *10*). Щитковые серьги со сплошным щитком трапециевидного силуэта (рис. 4: *3, 4*), прототипом для которых являются «голубцы», можно считать характерными для Тверского уезда XVII в.

Характерными для всей рассматриваемой территории можно считать серьги-двойчатки с подвесками, расположенными параллельно друг другу (рис. 3: *10–15*). Повсеместно и на всем протяжении рассматриваемого периода использовались и серьги в виде вопросительного знака с одной-двумя стеклянными бусинами. Характерными для Верхневолжья являются подобные серьги, украшенные конусовидными стеклянными бусинами с декором в виде полос – синих, черных, коричневых в сочетании с белыми (рис. 2: *16–18*). Не характерными для Верхневолжья можно назвать серьги-тройчатки, исходя из их малого количества.

Необходимо дальнейшее выявление региональных различий в женских головных украшениях и уборах, так как современная Тверская область является регионом, исторически относящимся к Северо-Восточной Руси, Смоленской и Новгородской землям эпохи средневековья.

Благодарности

Приношу свою благодарность авторам раскопок С. Е. Андрееву, И. В. Исламовой, С. А. Кунгурцевой, Г. А. Лавровой, А. В. Лагуткину, Е. В. Лагуткиной, М. Е. Нестеровой, О. М. Олейникову, Р. А. Оруджеву, Е. А. Романовой, С. А. Рудникову, В. А. Шестакову за возможность ознакомиться с находками; главному хранителю ТГОМ Е. Г. Мойкиной; директору АКМ им. Э. М. Шимкевича В. В. Линкевичу за помощь в работе.

Неопубликованные источники

Архив ТГОМ – Архив Тверского государственного объединенного музея

Инвентарная книга Калининского областного краеведческого музея на предметы из сохранившихся коллекций за 1945 год. Часть 1 // Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 90.

Инвентарная книга Калининского областного краеведческого музея на предметы из сохранившихся коллекций и новые поступления за 1945–1953 гг. Часть II // Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 91.

Книга поступлений археологических предметов в Тверской музей (№ 1–1295) за 1874–1890 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 9.

Книга поступлений археологических предметов в Тверской музей (№ 1–1915) за 1887–1895 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 16.

Книга поступлений археологических предметов в Тверской музей (№ 9017–11925) за 1895–1909 гг. часть 5 // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 26.

Книга поступлений Тверского музея (№ 9017–10286) за 1875–1901 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 25.

Опись Тверского музея. Книга поступлений Тверского музея (№ 1–2014) за 1870–1883 гг. Часть 1 // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4.

Опись Тверского музея. Книга поступлений. Ч. 2. С № 2015 по № 3838 за 1883–1887 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 14.

Опись тверского музея. Книга поступлений. Ч. 3. (№ 3839–6032) за 1887–1890 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 17.

Опись тверского музея. Книга поступлений. Ч. 4. (№ 6033–9016) за 1890–1895 гг. // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 18.

Отчет о работе и приобретениях Тверского музея за 1913 год // Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 56.

Сличительная ведомость по изделиям из драгоценных изделий и камней. После 1950 г. // Архив ТГОМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 106.

Архив ИА РАН

Василькив П. Н. Отчет об охранных археологических раскопках на участке строительства детской поликлиники и коммуникаций к ней по ул. Октябрьской в г. Ржеве в 2012 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 54832, 54833.

Исланова И. В. Отчет об археологических исследованиях земельного отвода «Усадьба Волго» в Селижаровском районе Тверской области в 2004 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 26743.

Кунгурцева С. А. Отчет об археологических исследованиях на территории Затьмацкого посада г. Твери в 2008 г. Раскоп 82. Участок 4 (ул. Брагина, 16–18) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 42992; альбом иллюстраций к отчету № 42993.

Лаврова Г. А. Отчет об охранных археологических исследованиях на ул. Л. Базановой – р. Лазури на территории бывшего Загородского посада г. Твери в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 43191; альбомы иллюстраций к отчету № 43192–43198.

Олейников О. М. Отчет о проведении археологических исследований на участке строительства жилого дома № 37 по пер. Трудолюбия на территории Затьмацкого посада г. Твери в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 22192; альбом иллюстраций № 22193.

Олейников О. М. Отчет о работе третьего отряда Калининской экспедиции ИА РАН СССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 10915.

Олейников О. М. Отчет об охранных археологических работах экспедиции Тверского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея на участке прокладки коммуникаций по ул. Достоевского (Съежзинская) и на месте строительства жилого комплекса на территории бывшего Затьмацкого посада (ул. Ефимова, Достоевского Д. Донского, Брагина) в 1993 г. (г. Тверь) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 17966; альбом иллюстраций к отчету № 17967.

Олейников О. М. Отчет об охранных археологических работах экспедиции ТГОМ на месте строительства жилого комплекса на территории бывшего Затьмацкого посада г. Твери в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 19565.

Оруджев Р. А. Отчет об археологических исследованиях на территории объекта культурного наследия регионального значения «Затьмацкий посад г. Твери» на участке строительства по ул. Софьи Перовской, д. 49 в г. Твери в 2014 г. Раскоп 105 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 45139; альбом иллюстраций к отчету № 45140.

Попова Л. А. Отчет об охранных археологических исследованиях, проведенных в г. Калинине на территории Загородского и Затьмацкого посадов. 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 12142.

Романова Е. А. Отчет о проведении охранных и научных археологических исследований на территории бывшего Затверецкого посада г. Твери в 2005 г. Раскоп Никитский-5 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 33166; альбомы иллюстраций к отчету № 33167–33169.

Романова Е. А. Отчет об исследованиях на территории бывшего Заволжского посада г. Твери в 2007 г. Раскоп Филипповский-1 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 48270; альбомы иллюстраций к отчету № 48271–48277.

Романова Е. А. Отчет об охранных археологических исследованиях на территории б. Затверецкого посада г. Твери на раскопе Никитский-4 в 2002 г. (на участке строительства жилого дома по Затверецкой наб., 56) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 32682.

Романова Е. А. Отчет об охранных и научных археологических исследованиях на территории бывшего Заволжского посада г. Твери в 2011 году (Раскоп Вознесенский 1) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 30492; альбом иллюстраций и приложение к отчету № 30493–30498.

Романова Е. А. Отчет об охранных и научных археологических исследованиях на территории бывшего Загородского посада г. Твери в 2010–2011 гг. (раскоп Козьмодемьянский-5) // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 30482; альбомы иллюстраций к отчету № 30483–30491.

Рудников С. А. Отчет о проведении охранных и научных археологических исследований на участке строительство пристройки к зданию 12а по ул. Новоторжской на территории б. Загородского посада г. Твери в 2008 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 43641; альбомы иллюстраций к отчету № 43642–43647.

Литература

Артемичева Т. Н., 2018. К изучению материальной культуры русского уездного города (по материалам археологических работ в г. Бежецке) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории с эпоху средневековья. Вып. 11. Тверь. С. 334–348.

Археологическая карта России. Тверская область. Ч. 3 / Под ред. Г. Г. Король. М., 2010. 312 с.

Владимиров Г., 2018. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства / Отв. ред.: А. Г. Ситдиков, С. Г. Бочаров. Казань. 128 с.

Вяземский А. В., Левыкина Т. А., 2019. Комплекс женских украшений из тверского клада 2011 г. («раскоп Трудолюбия-2») // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 257. С. 261–272.

Жизневский А. К., 1888. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М.: Синод. тип. 242 с.

Жилина Н. В., 2012. Типология русского городского убора из украшений второй половины XIII–XVII в. на материале Северо-Восточной Руси // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 215–235.

Жилина Н. В., 2018. Серьги в уборе Московской Руси // Археология Подмосковья. Вып. 14. М. С. 278–306.

Каримова Р. Р., 2012. Серьги кочевников Золотой Орды: типология и социокультурная интерпретация // Уфимский археологический вестник. № 12. С. 136–152.

Кирсанова Р. М., 1995. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 в. М.: Большая Российская энциклопедия. 381 с.

Козлова А. В., 2007. Металлические украшения и предметы быта восточной традиции X–XV веков из раскопок в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы LII заседания. Псков: Дом печати. С. 125–142.

Кунгурцева С. А., 2016. Клад украшений второй половины XVIII – первой половины XIX вв. из раскопок на Загородском посаде г. Твери в 2014 году // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 9. Тверь. С. 357–367.

Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В., 2004. Древнерусское поселение Митрошино-2 на озере Песьво // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 18. Великий Новгород. С. 259–274.

Лагуткина Е. В., Лагуткин А. В., 2016. Работы Тверского университета в Твери и Торжке // Археологические открытия 2014 года. М.: ИА РАН. С. 117–120.

Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1988. Новгород: Новгородский гос. объед. музей. С. 29–98.

Народный бытовой портрет в России: альбом / Авт.-сост.: Н. Н. Гончарова, Н. А. Перевезенцева, Е. И. Серебрякова, Т. С. Алешина, Л. В. Ефимова. М.: Галактика Арт, 1993. 272 с.

Новиков А. В., 1997. К хронологии некрополя у церкви Алексея – Человека Божия на Затьмацком посаде г. Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории с эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь. С. 262–270.

Персов Н. Е., Солдатенкова В. В., 2007. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6, т. II. Тверь. С. 345–368.

Плетнев В. А., 1903. Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия. 519 с.

Романова Е. А., Романов В. В., Окулов А. В., 2012. Гранаты-альмандины из раскопок в Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 26. Великий Новгород. С. 313–340.

Русские ювелирные украшения 16–20 веков из собрания Государственного ордена Ленина Исторического музея / Науч. ред. М. М. Постникова-Лосева. М.: Сов. художник, 1987. 343 с.

Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 221. С. 73–88.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.

Солдатенкова В. В., 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (По материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 222. С. 153–168.

Солдатенкова В. В., Сарачева Т. Г., Персов Н. Е., 2011. К истории женского городского ювелирного убора XVI в. // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 64–78.

Степанова Ю. В., 2021. Серьги из археологических памятников Верхневолжья // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. № 1. С. 41–62.

Уткин П. И., 1970. Русские ювелирные украшения. М.: Легкая индустрия. 164 с.

Шпилев А. Г., 2015. Женские серьги эпохи позднего средневековья и нового времени из собрания Курского государственного областного музея археологии // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Вып. 3. Материалы научно-образовательного семинара (24–25 сентября 2015 г.) / Сост., ред. Ю. В. Степанова, науч. ред. Н. В. Жилина. Тверь: Тверской гос. ун-т. С. 111–121.

* * *

Степанова Юлия Владимировна, *к. и. н., Тверь, Тверской государственный университет; e-mail: m000142@mail.ru*

П. Е. Сорокин, О. А. Андреева,
В. Н. Матвеев

Деревянные изделия из крепости Ландскрона

Резюме. В ходе археологических раскопок крепости Ландскрона на Охтинском мысу в 2008–2009 годах была собрана коллекция деревянных предметов (128 единиц). Большинство их происходит из заглубленного сруба – колодца в основании башни. В коллекции представлены вещи, связанные со строительной и хозяйственной деятельностью (землеройные лопаты и носилки, бондарные изделия, совки для сыпучих веществ, черенки, колы), бондарные изделия, а также конструктивные элементы (колеса от ворота колодца, доски, брусья).

Вероятно, большая часть хозяйственных и бытовых предметов была привезена сюда шведскими войсками, другая изготавливалась уже на месте. Большая часть деревянных изделий находит аналогии в средневековой североевропейской и северорусской культуре. Имеется также сходство с вещами XVII в. из г. Ниена и крепости Ниеншанц, что свидетельствует об устойчивости набора деревянных изделий и традиций деревообработки.

Ключевые слова: Ландскрона, крепость, колодец, деревянные изделия, лопаты, бондарные изделия, бочки.

P. E. Sorokin, O. A. Andreeva, V. N. Matveev. Woodwork from the Landskrona Fortress

Abstract. During the archeological excavations on the Ochta cape there was a collection of a wooden items picked. These objects are dates to time of Landskrona fortress (1300–1301). The largest part was found in buried log-cabin, which was the base of tower, mentioned in Eric Chronicle. These items were constructional and household things (shovels and stretchers, barrels, scoops, stakes, and stalks) and parts of constructions (wheels from well, boards and stakes). Most likely, the main part of these items was transferred here by Swedish troops, another part was manufactured here. The biggest part of wooden items from Landskrona is very similar to medieval counterparts in Northern Europe and Rus' and from Nien town and Nyenschantz fortress. It testifies that the tradition of woodworking and its assortment were stable during a long time.

Keywords: Landskrona, fortress, well, wooden products, shovels, cooperage, barrels.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.248-260

Деревоземляные укрепления Ландскроны были открыты и исследованы на Охтинском мысу в процессе раскопок Санкт-Петербургской археологической экспедиции в 2008–2009 гг. Исследования на площади около 4,5 га выявили остатки мощной насыпной платформы, окруженной тремя линиями рвов. Изученная часть Ландскроны включает центральную площадку и оборонительные рвы с восточной и в значительной части с южной и северной сторон крепости. Осталась неисследованной только западная часть укреплений, находящаяся за пределами изученного участка со стороны реки Невы. Уровень дневной поверхности крепости оказался срыт при последующих перепланировках этой территории (*Сорокин*, 2013. С. 301–310; *Сорокин*, 2014. С. 32–36; *Сорокин и др*., 2017; *Сорокин*, 2019; *Сорокин, Тарабардина*, 2012), при этом хорошо сохранились основание деревоземляной платформы и заглубленные сооружения: рвы и сруб-колодец. Стенки рвов были облицованы деревянными плахами из стволов молодых сосен толщиной около 0,10 м, сохранившимися в нижней части. На дне их были найдены предметы вооружения и отдельные предметы, связанные с этой крепостью. Обработанные бревна были обнаружены в конструкции городней крепостной платформы. Большая их часть имела оформленный оголовок с характерной вырубкой по всему диаметру бревен и подтесанный, заостренный торец. Вероятно, часть бревен использовалась вторично.

Всего в слоях, относящихся ко времени Ландскроны, найдено 128 предметов из органических материалов – дерева, коры, бересты. Преобладающая их часть (121 ед.) была обнаружена в заглубленном деревянном срубе, располагавшемся в северо-западной части крепости на удалении около 3 м от западной линии городней и 14 м от северной. Вероятно, это был погреб с колодцем, находившийся в основании крепостной башни. Сруб размерами 5,3×5,1 м сохранился в основании – на высоту до 3,8 м. Он был опущен с древней дневной поверхности ниже современного уровня Невы примерно на 1,7 м. Верхние ярусы его погибли в пожаре, в заполнении были найдены их рухнувшие внутрь остатки. В верхних, обгоревших венцах сохранившейся части стен прослежены вырубки под лаги перекрытия. В нижней части, служившей колодцем-резервуаром для хранения воды, на двух уровнях зафиксированы остатки настилов и деревянная обвязка колодца в основании.

Следует заметить, что крепостные погреба часто делались внутри башен – в их нижнем ярусе – и служили для хранения провианта и военных припасов. Срубное сооружение с подземными помещениями может соотноситься с погребом-«kellare», упоминаемым в Хронике Эрика. Именно оно и могло быть последним пристанищем остатков гарнизона крепости во время штурма 1301 г. (*Сорокин*, 2019. С. 310–311). «Христиане тогда ушли с крепостных стен внутрь погреба и там защищались...» – сообщает хроника (*Шаскольский*, 1987. С. 24; Хроника Эрика, 1994). Среди остатков обрушившихся бревен верхних частей сруба здесь найдены деревянные предметы – в основном фрагменты лопат и бондарных изделий. Кроме них обнаружены фрагменты колес, совков, емкостей из коры, ручка от носилок, колов, досок, рукоятей, а также части обработанных конструкций.

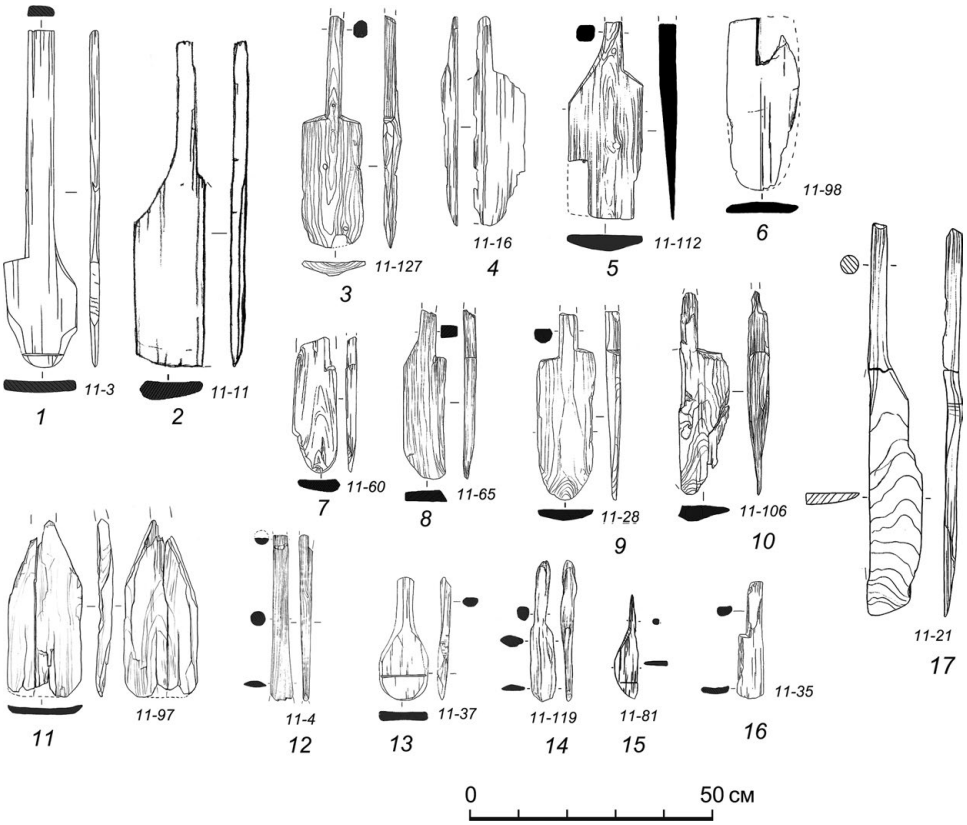


Рис. 1. Лопаты. *1–10, 16* – землеройные; *11, 12* – для снега (?); *13–15* – миниатюрные; *16* – неопределимая

Лопаты представлены среди находок в 18 экземплярах. Возможно, к ним относятся также фрагменты черенков. По форме лопасти лопаты делятся на 3 типа. Наиболее многочисленными (11 шт.) были лопаты с вытянутой лопастью, применявшиеся для земляных работ (рис. 1: *1–10*). С нижней стороны лопасть чаще была закруглена, хотя в ряде случаев имеет прямые окончания. Большинство лопастей имело асимметричную форму верхнего края, у одной из сторон – немного скошенный уступ для упора ноги. Следов оковки нижнего края лопасти не зафиксировано. Также можно отметить, что прямой край характерен для более широких лопастей. Лопаты с узкой лопастью (12–14 см) со скругленным нижним краем могли служить для вскапывания грунта, а с широкими лопастями – 17–20 см с прямым нижним краем – для его перемещения. В сечении лопасти землеройных лопат имеют утолщение по центру, за исключением одной плоской и одной вогнутой, сделанной из планки бочки (с характерным пазом у нижнего края лопасти). В основном сохранились лопасти, средняя длина которых 30–35 см, ширина 10–15 см (хотя большая часть широких, реконструируемых около 25 см,

сохранилась фрагментарно). Средняя толщина лопасти – 1–3,5 см, ширина рукояти – 2,5–4,5 см.

Остальные лопаты (7 шт.) предназначались для других нужд. Одна из них имеет достаточно длинную широкую лопасть (35×14 см, толщина 0,5–1,7 см), прямой нижний срез с чуть загнутыми краями и симметричные плавно скошенные верхние края. Она, предположительно, могла служить для уборки снега (рис. 1: *11*). Возможно, к этому типу относится и фрагментированная лопата с сильно расширяющейся верхней частью лопасти (рис. 1: *12*). Небольшие лопатки могли использоваться для мягких и сыпучих продуктов. Две из них (рис. 1: *13, 15*) имеют овальную плоскую лопасть размерами 25×9 см, и обе они, так же как и упомянутая землеройная лопата, были сделаны из бочковых планок, вероятно, уже на месте.

Весло. Деревянное весло, найденное в заполнении сруба, имеет длину 81 см, из которой длина лопасти – 54 см (рис. 1: *17*). Форма лопасти вытянутая, подпрямоугольная, ширина – до 11 см, максимальная толщина – 2,5 см. Такое весло могло использоваться для гребли и управления небольшой лодкой (челном).

Бондарные изделия. В заполнении основания башни обнаружено 29 фрагментов бондарных изделий – деревянных емкостей, собранных из планок-клепок, стянутых обручами. Среди них – 18 планок-клепок (детали стенок), 10 фрагментов днищ/крышек бочек и днищ открытых емкостей от 7 изделий и 1 обруч. Основная часть планок и днищ изготовлена из дуба, обруч сделан из продольно разрезанной ветви дерева хвойной породы. Из-за фрагментарности найденных изделий в большинстве случаев сложно установить, к каким емкостям они относились: к закрытым с двумя днищами (бочки) или открытым с одним днищем (ведра, ушаты, кадки, шайки, лохани). Однако они имеют некоторые конструктивные особенности, позволяющие определить их принадлежность.

Одной из важных характеристик бондарных изделий является устройство уторного соединения днища со стенками, изготовленными из планок-клепок, изученное на новгородских материалах (*Колчин*, 1971. Рис. 18). В большинстве случаев способ крепления днища позволяет определить тип емкости. На обнаруженных деталях прослежены два варианта обработки края днищ и два варианта пазов в планках-клепках. В первом случае край днища имеет заостренное, скошенное сечение с односторонней грубой фаской. Для него в стенке (клепках) делается узкий треугольный паз шириной и глубиной 2–3 мм. Во втором край днища имеет прямоугольное сечение, он либо обрезан вертикально, либо незначительно (до 0,5 см) сужается. Паз в этом случае широкий и имеет прямоугольное, реже – трапециевидное поперечное сечение, ширина его соответствует толщине днища, глубина – 0,5–0,7 см.

Днища (1 типа) с острым скошенным краем представлены 5 частями от 4-х днищ (рис. 2: *1–5*) диаметром 43,5–50 см и толщиной 1,7–2,4 см. Они могли использоваться как в бочках, так и в открытых емкостях. Все днища этого типа состоят из 2–5 досок, соединенных между собой в торец шипами (по 2–3 на доску). Деревянные шипы имели диаметр 0,4–0,8 см. В одном случае использован металлический шип диаметром около 2 см. По краю и в центральной части отдельных деталей – вероятно, крышек – встречаются следы

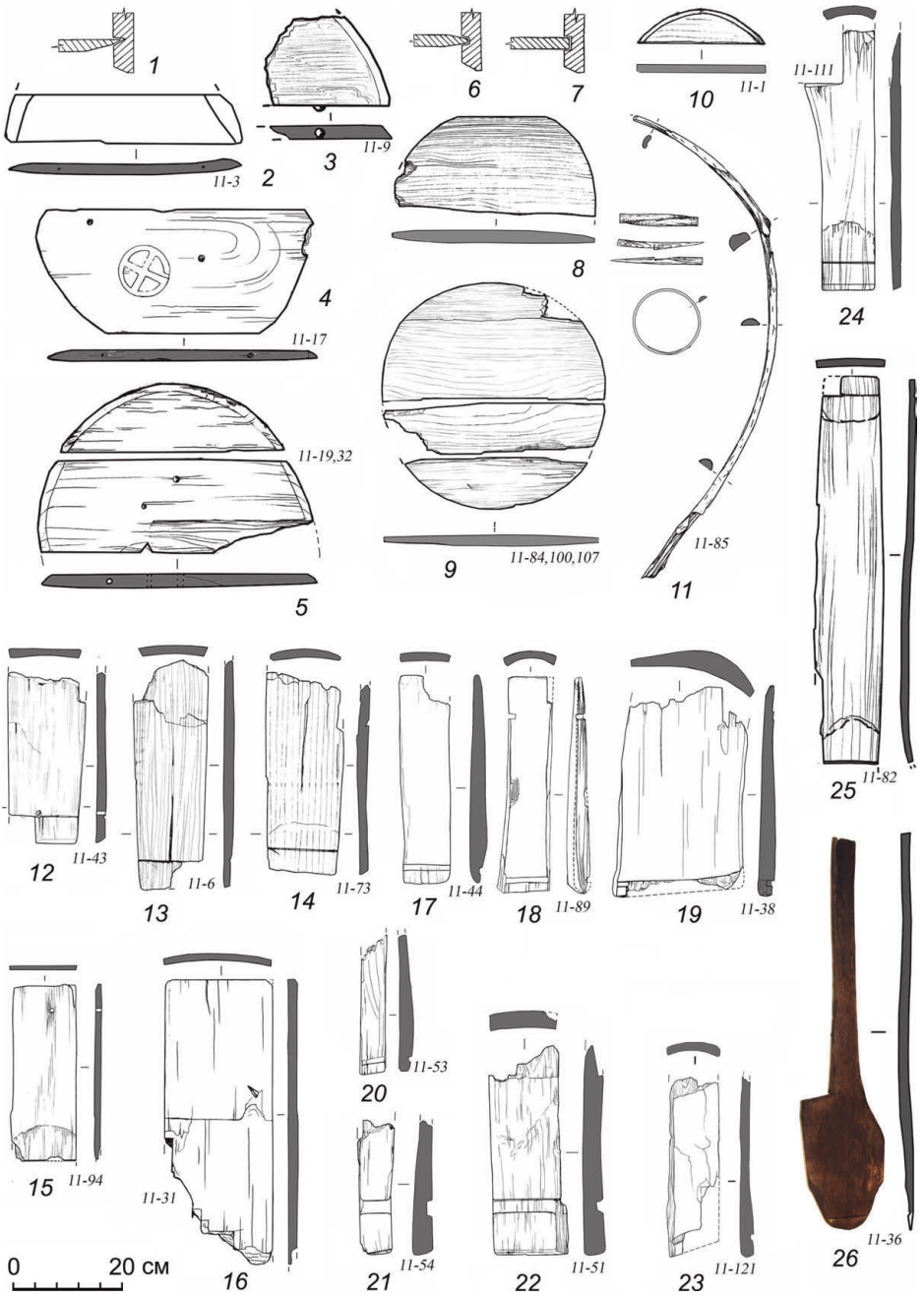


Рис. 2. Бочки. Соединения 1-го типа: *1* – уторное соединение (тип Б по Б. А. Колчину), *2–5* – днища от закрытых и открытых емкостей. Соединения 2-го типа открытых емкостей: *6, 7* – варианты уторных соединений (тип В, Г по Б. А. Колчину); *8, 9* – днища с прямоугольным зауженным краем; *10* – днище плоское с прямоугольным краем; *11* – обруч и пример реконструкции

вскрытия. Больших отверстий на днищах бочек не обнаружено, просверленные отверстия (диаметром не более 0,8–1,3 см) зафиксированы на двух фрагментах. В некоторых отверстиях сохранились шпеньки, возможно, забитые на место вывалившихся сучков в качестве чопиков. В одном случае на поверхности днища без фасеток обнаружено выжженное клеймо в виде креста, вписанного в круг. Таким образом, обратная его сторона со скошенным краем и фасетками была обращена внутрь.

Днища 2 типа с прямоугольным краем представлены 5 фрагментами (рис. 2: *6–10*). Четыре из них – от двух дисковидных днищ с зауженным прямоугольным краем (диаметр 37 и 40,9 см, толщина 2,2/0,7–0,8 см) и один фрагмент – от плоского днища с прямоугольным краем (диаметр 28 см, толщина 1,7 см), по кругу вдоль края видна разметка, край обрезан с отступом от нее, а с другой стороны видны следы от паза на клепках. Все они использовались преимущественно в емкостях открытого типа. На фрагментах днищ не обнаружено отверстий и шпеньков. Днища этого типа, имеющие небольшой диаметр, вероятно, были цельными. При сборке крупных изделий могла быть использована плоская притеска частей днища.

Планки-клепки бондарных изделий в зависимости от формы, размера и варианта соединения с днищем также разделяются на несколько типов, характерных для определенных емкостей. Планки-клепки закрытых емкостей с двумя днищами (стенки бочек), представлены четырьмя фрагментами (рис. 2: *24, 25*). Одна из них находилась во вторичном использовании в качестве лопаты (рис. 2: *26*). На внутренней стороне планок есть два узких паза для крепления днища 1 типа, которые располагаются на расстоянии 4–4,5 см от края, место их расположения с внутренней стороны планки дополнительно подтесано. Планки сужаются к концам и имеют максимальную ширину в средней части, разница в ширине составляет 1–2 см. Концы планок могут быть скошены внутрь. В двух планках обнаружены отверстия. В одной есть два отверстия – в уторной части – диаметром 0,3 см и неправильной формы 1,1×1,3 см, в другой – одно прямоугольное отверстие размером 6,5×10 см в средней части. Реконструируемая длина планок составляет около 75–80 см, максимальная ширина – 11,5–15,5 см, толщина – 0,7–1,6 см. Эти размеры соответствуют стандартным «десятиведерным» бочкам с диаметром днища около 45 см (*Колчин*, 1971. Табл. 3).

Планки-клепки открытых емкостей с одним днищем представлены 14 находками. Они являются составными частями изделий типа ведер, кадок, шаек. Три из них имеют прямоугольную форму и использовались при изготовлении емкостей цилиндрической формы, остальные планки трапециевидные к окончаниям. На внутренней стороне с отступом от нижнего края (3–6 см)

его замыкания («петля с шипом») по Б. А. Колчину. Фрагменты планок-клепок неопределенных емкостей с пазом 1 типа: *12–14* – различных емкостей; *15, 16* – открытых емкостей. Планки-клепки открытых емкостей с пазом 2 типа: *17–20, 23* – фигурного сечения; *21, 22* – прямые; *24–26* – планки-клепки с пазом 1 типа закрытых емкостей (бочек), № 26 во вторичном использовании

в них имеется паз для крепления днища шириной от 0,5 до 2,2 см и глубиной 0,5–0,7 см. При сборке открытых емкостей использованы оба типа уторных соединений днища с пазом. К первому типу принадлежат 5 фрагментов деталей (рис. 2: *12–16*), 3 из них расширяются в верхней части, 2 относятся к изделиям цилиндрической формы. Фиксируемая высота планок – 31–52 см, ширина – 11–18,8 см, толщина – 0,7–2,5 см. С одной их стороны сделан один узкий пиленый либо рубленый паз, аналогичный пазу на бочках. Ко второму типу относятся 9 фрагментов (рис. 2: *17–23*), один из них происходит от изделия цилиндрической формы. Фиксируемая высота планок – 32–51 см, ширина – 5,5–21 см, толщина – 1,2–3,5 см.

В зависимости от формы граней планки-клепки и ее продольного сечения эти емкости также могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся 4 планки, которые имеют прямые грани, их толщина либо одинакова по всей высоте, либо постепенно увеличивается в нижней части. Ко второй группе относятся 5 деталей емкостей, толщина планок-клепок которых в продольном сечении достигает максимального значения над пазом за счет плавного утолщения планки в районе паза с внутренней и/или внешней стороны. Планка в разрезе часто имеет расширение в нижней части и скругленный край.

При значительном количестве фрагментов донец/крышек и стенок бондарный обруч найден в единственном экземпляре (рис. 2: *11*). Обруч шириной 4 см сделан из разрезанной вдоль ветки, замок не сохранился. Такой обруч мог быть применен в большинстве крупных открытых и закрытых бондарных изделий.

Характеризуя специфику изученных бондарных изделий по сравнению с деталями из слоев XVII–XIX вв., следует отметить несколько особенностей: среди находок представлены не все виды утороных соединений. Обнаруженные днища более толстые (до 2,4 см) и имеют либо подпрямоугольное сечение, незначительно сужаясь к краю, либо скошены с одной стороны. В отличие от планок-клепок более позднего времени, встречаются зауженные к верхнему краю и широкие (до 20 см и более) планки-клепки открытых сосудов.

Совки. В заполнении башни найдены 2 фрагментированных совка (рис. 3). Они имеют длинную плоскую лопасть с тонкими, чуть загнутыми краями и сравнительно тонкую, ромбическую в сечении ручку длиной до 22 см и сечением 5,5×1,7 см. Длинна сохранившихся лопастей достигала 40–50 см, ширина – 16–20 см при высоте бортов 3–4 см и толщине стенок в 1,5–2 см. В сечении они имеют корытообразную форму с плоским дном и загнутыми наверх под 45° краями. Совки могли использоваться для работы с сыпучими материалами и в качестве плиц – черпаков для воды.

Колеса. Значительный интерес представляют 10 деталей колес (рис. 4). Три из них – части ступиц, 4 – ободов, 3 – обломки спиц. Несмотря на фрагментарную сохранность, можно реконструировать их первоначальные размеры. Наиболее информативны 2 фрагмента ободов, в которых сохранились пазы и обломки спиц. Реконструируемые диаметры колес – 95 и 105 см, реконструируемое количество спиц в них достигало 12. Ободы шириной 10–14 см, толщиной 5–7 см, в сечении прямоугольные. Спицы диаметром 3,5–4 см, округлые в сечении. По сохранившимся частям ступиц их диаметр можно

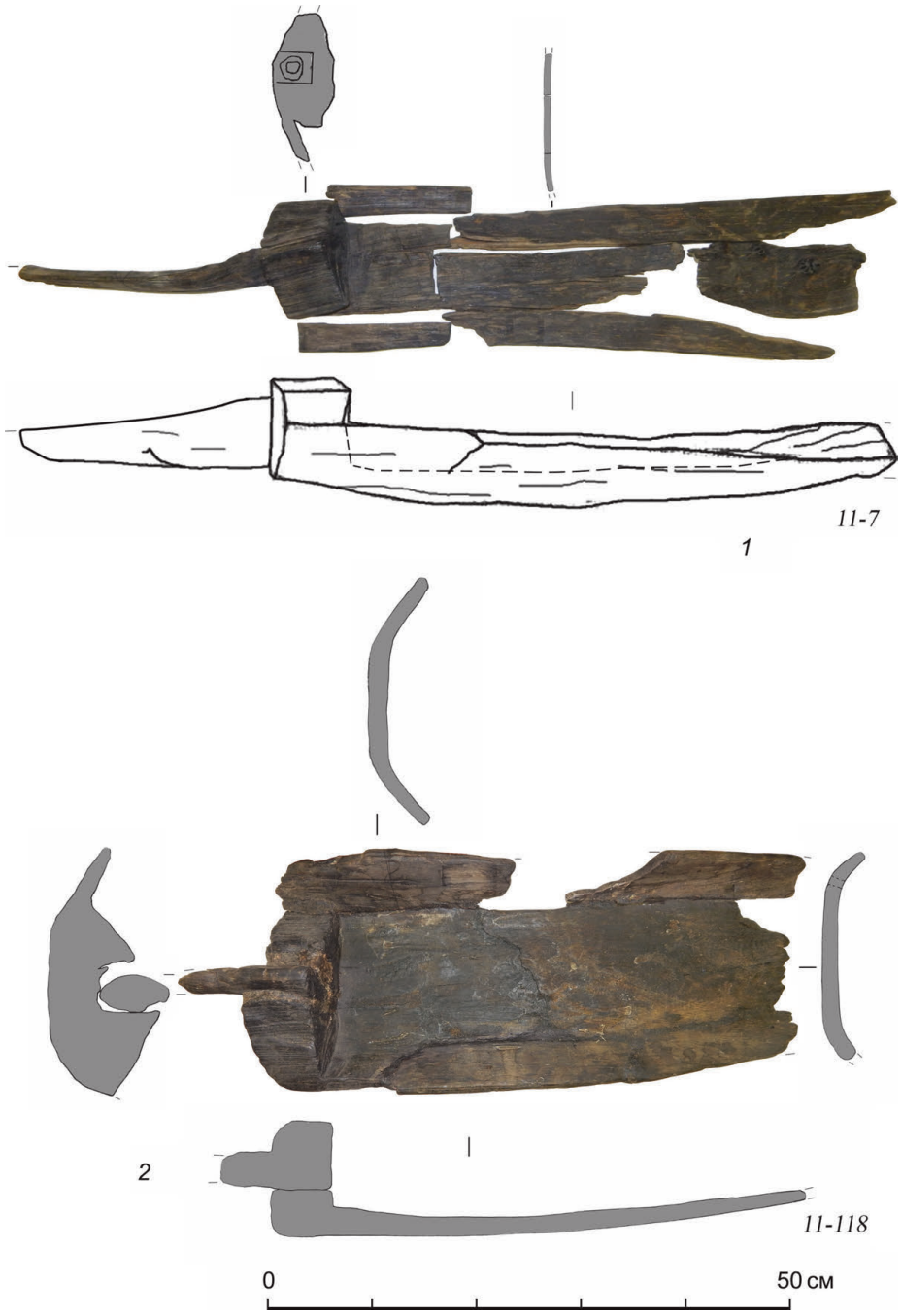


Рис. 3. Совки

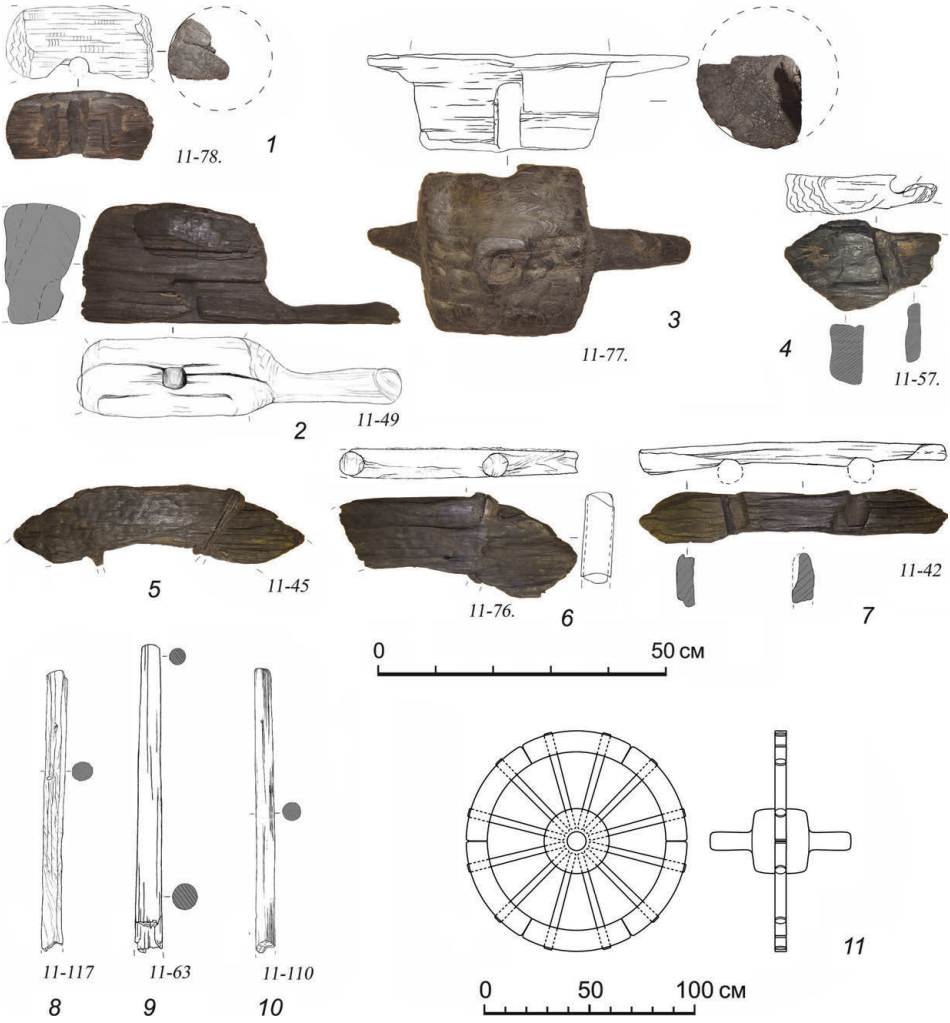


Рис. 4. Колеса. *1–3* – фрагменты ступиц с остатками осей; *4–7* – фрагменты ободов с остатками спиц; *8–10* – фрагменты спиц; *11* – реконструкция колес

реконструировать как 18 и 25 см, в одной из них сохранились 3 гнезда для спиц, общее количество которых, вероятно, также было 12. Ширина ступиц составляла 26–28 см, диаметр оси – 9 см, максимально сохранившаяся длина – 59 см. Важнейшей отличительной чертой ступиц было то, что они были выточены вместе с осью из одного ствола дерева, следы оковки обода отсутствуют. Учитывая их нахождение в колодце – резервуаре для водосбора, они использовались как части подъемного механизма для воды. Следует отметить отсутствие на сохранившихся деталях следов ручек для вращения колес.

Колы (9 фрагментов). Их средняя длина – около 30 см, самые большие достигали 70 см (рис. 5*: 1–8*). В сечении они имели округлую форму, отесанный

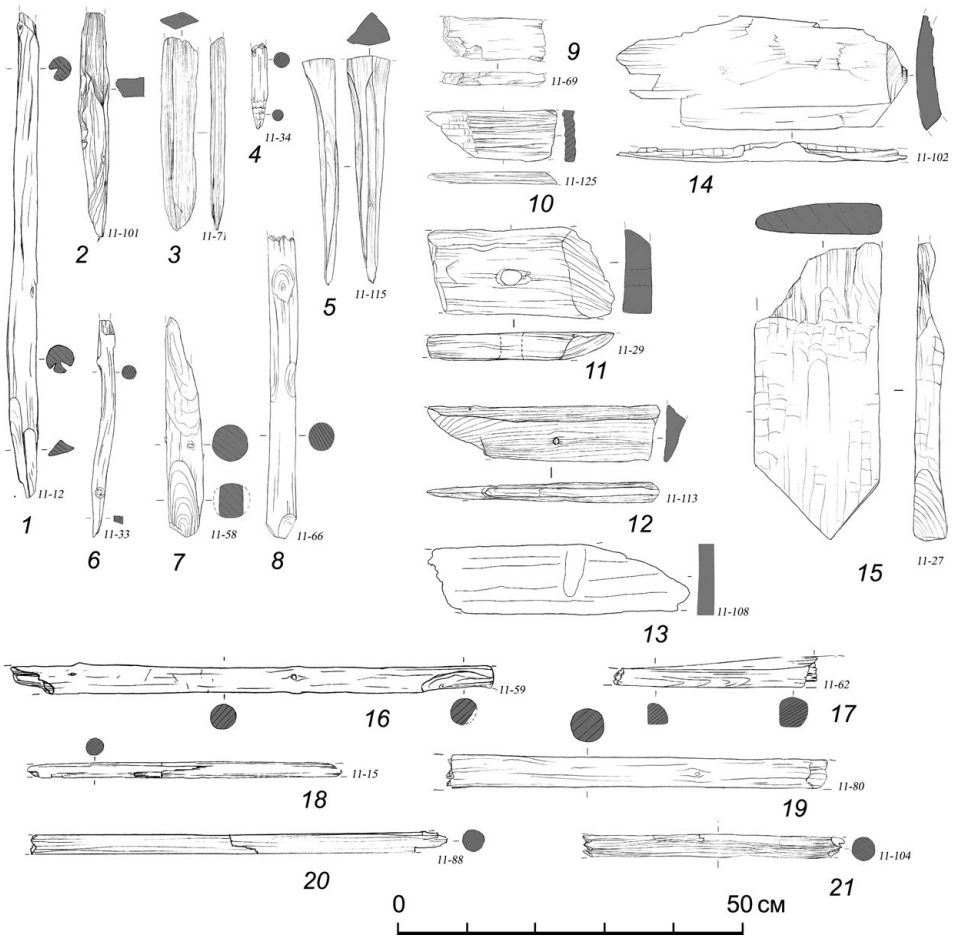


Рис. 5. *1–8* – фрагменты колов; *9–15* – фрагменты досок; *16–21* – фрагменты черенков

кончик был круглый или трех/четырехгранный. Колышки могли использоваться для разных целей, в том числе для разметки территории при строительстве.

Доски обработанные (13 фрагментов). В колодце обнаружены фрагменты досок разного размера, в основном прямоугольного сечения (рис. 5: *9–15*). Ширина больших фрагментов – 17–20 см, толщина – 5–6 см, некоторые с пазами. Кроме того, обнаружены еще 24 фрагмента различных деревянных изделий со следами деревообработки, которые, возможно, являются конструктивными частями перекрытий, настилов и стен постройки.

Черенки, рукояти (7 фрагментов), сохранились в длину до 30–70 см, один – до 95 см (рис. 5: *16–21*). Диаметр – 3–5 см, в основном около 4 см. Одно изделие в сечении полукруглое, еще одно – граненое. Часть из них могла служить рукоятями лопат.

Фрагменты изделий из луба и бересты. К ним относятся части трех лубяных емкостей и фрагмент плетеной берестяной сумки (короба?) размером 45×36 см (рис. 6: *3*). В средней части заполнения колодца найдено ведро, изготовленное из луба, диаметром около 25–30 см и глубиной около 35 см. (рис. 6: *1*). Внутри него сохранилась часть деревянной перекладины длинной около 1 м, полукруглого сечения 3,9×2,6 см, с привязанной к ней в центре веревкой, вероятно, служившей для ее подвешивания и подъема. Остатки двух других лубяных емкостей сохранились хуже. Они были изготовлены из полос луба, прошитых тесьмой (рис. 6: *4, 5*). Остатки днища одного из них имели размеры 30×30 см, второго – 40×25 см. К сожалению, из-за плохой сохранности восстановить первоначальную форму емкостей не представляется возможным.

На изученной территории Ландскроны за пределами башни обнаружен еще ряд деревянных изделий. Обработанные древесные стволы использовались при сооружении городней. Выделяется также 7 предметов: 2 – в заполнении деревоземляной платформы Ландскроны, 4 – на дне внутреннего и 1 – на дне внешнего рва.

На дне внутреннего рва, недалеко от соединительной протоки к Охте, были найдены остатки пенькового каната, который образовывал несколько петель на участке 6×2 м[1]. Сохранилось 17 фрагментов толщиной 4–5 см, общей протяженностью 32 м. Канат был свит из трех основных жил толщиной 2–2,5 см каждая (рис. 6: *2*). Подобные канаты использовались как часть оснастки судна. В крепости он мог применяться для подъема и транспортировки грузов.

Остатки **носилок** найдены in situ на дне у южной стенки внешнего рва. Длина их около 140 см, ширина – 65 см. Они состояли из двух боковых дощатых стенок (9,5×3,5 см) с округлыми в сечении ручками на окончаниях. Сохранились вставленные в носилки две поперечины округлой и подпрямоугольной формы шириной до 2 см. В качестве материала для днища использовался луб.

Также найдено еще два отдельных фрагмента носилок. Обломок стенки с одной ручкой был обнаружен в юго-западном углу насыпной платформы на слое гати. Длина его составляла 115 см, ширина – 16 см, толщина – до 5 см. В нем имелось 4 круглых отверстия диаметром 2–3 см и сверху одно подпрямоугольное (5×3 см) для крепления поперечных планок. Другая ручка, переходящая в стенку, найдена в заполнении башни. Длина ее 55 см, ширина – 12 см, толщина – 5 см.

Выводы. Обнаруженные фрагменты деревянных изделий из Ландскроны представляют собой уникальную коллекцию предметов 1300–1301 гг. В ее составе вещи, связанные прежде всего с крепостным строительством (землеройные лопаты, носилки, колы) и хозяйственной деятельностью (бондарные изделия для хранения воды и продуктов, лопаты и лопатки, черенки и прочее), а также части сооружения (колеса от ворота колодца, строительные конструкции, доски). Лопаты, бондарные и другие деревянные изделия из Ландскроны во многом аналогичны другим средневековым североевропейским

[1] Кроме остатков каната, на этом же месте были выявлены еще три деревянных предмета, однако их принадлежность ко времени Ландскроны остается под вопросом.

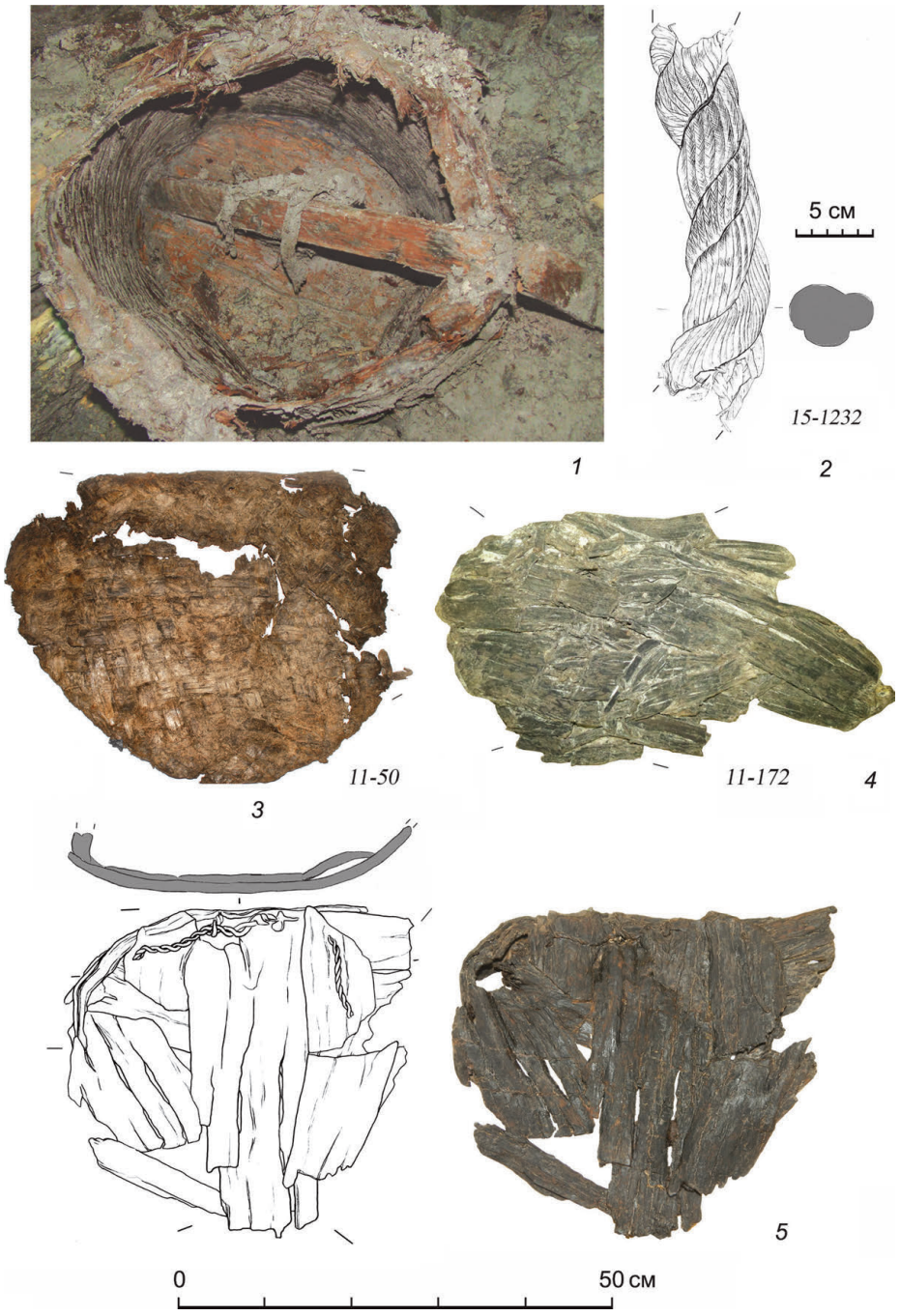


Рис. 6. Изделия из коры. *1* – короб на дне башни Ландскроны, вид *in situ*; *2* – фрагмент каната; *3* – берестяной плетеный короб; *4, 5* – лубяные короба

и северорусским предметам из древесины, а также вещам XVII в. из г. Ниена и крепости Ниеншанц, что свидетельствует об устойчивости набора деревянных изделий и традиций деревообработки в этих регионах.

Часть изделий из слоев Ландскроны была привезена сюда шведскими войсками, другая, вероятно, изготавливалась уже на месте, о чем свидетельствуют сделанные из бочковых клепок лопата и лопатки. Вероятно, у шведского гарнизона, находившегося в изоляции, ощущалась нехватка инструментов и утвари, которые пришлось восполнять, используя вторично части привезенных вещей. Есть также основания полагать, что часть изделий имеет местное происхождение.

Уникальная коллекция деревянных изделий из Ландскроны, имеющая узкую датировку, является важным источником для изучения североевропейского деревообрабатывающего ремесла и материальной культуры.

Литература

Колчин Б.А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево. САИ. Вып. Е1-55/2. М.: Наука. 62 с.

Сорокин П.Е., 2013. Крепость Ландскрона по письменным свидетельствам и результатам археологического изучения. Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород. С. 301–310.

Сорокин П.Е., 2014. Культурно-историческая стратиграфия Охтинского мыса. Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 4. СПб. С. 25–55.

Сорокин П.Е., Гукин В.Д., Иванова А.В., Короткевич Б.С., Лазаретов И.П., Матвеев В.Н., Михайлов К.А., Поляков А.В., Попов С.Г., 2017. Археологические исследования в устье реки Охты. Том. 1. Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса (Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Выпуск 5). СПб. С. 238 с.

Сорокин П.Е., 2019. Устройство и происхождение крепости Ландскрона на Неве // Stratum plus. № 5. С. 303–315.

Сорокин П.Е., Тарабардина О.А., 2012. Археологические раскопки на Охтинском мысу и перспективы создания дендрохронологической шкалы Петербурга. Новгород и Новгородская земля, история и археология. Вып. 25. Новгород. С. 84–92.

Хроника Эрика. СПб.: Фантакт, 1994. 240 с.

Шаскольский И.П., 1987. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука. 176 с.

* * *

Сорокин Петр Егорович, *Санкт-Петербург, ИИМК РАН, e-mail: petrsorokin@yandex.ru*

Андреева Ольга Викторовна, *Санкт-Петербург, АНО НИИ Наследия, e-mail: andrelga@mail.ru*

Матвеев Василий Николаевич, Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, e-mail: vmatveev88@inbox.ru

С. Е. Шуньгина

Археология Санкт-Петербурга. Почти юбилей с момента первых исследований

Резюме. В публикации представлены сведения об основных этапах законодательного оформления положений и принципов изучения и сохранения археологического наследия, объемах проведенных археологических работ в Санкт-Петербурге, некоторых открытиях, характеризующих городскую культуру XVIII–XIX вв. Основываясь на богатом материале, накопленном несколькими поколениями исследователей, статья поднимает вопросы по уточнению и выделению наиболее перспективных участков, где культурные отложения сохраняются в большей степени.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; выявленный объект культурного (археологического) наследия; разведка; охрана культурного наследия.

S. E. Shungina. Archaeology of St. Petersburg. Almost an Anniversary of the First Research

Abstract. The publication presents materials about the main stages of the legislative formulation of the provisions and principles for the archaeological heritage study and preservation, the volume of archaeological work, carried out in St. Petersburg, and discoveries that characterize the urban culture of the 18th–19th centuries. Based on the rich material, accumulated by several generations of researchers, problems of clarification and identification of the most promising areas, where cultural deposits are preserved to a greater extent, are raised.

Keywords: St. Petersburg; identified object of cultural are raised (archaeological) heritage; prompt excavations; protection of cultural heritage.

Санкт-Петербург – мегаполис, занимающий площадь около 1439 кв. км, богатый памятниками, своим прошлым. Исторический центр города и связанные с ним комплексы памятников входят в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. При этом с точки зрения археологии его городская история относительно молода, но место основания на берегах Невы – это территории, заселение которых происходило в более ранние времена. В границах современного Санкт-Петербурга в районе Сестрорецкого разлива и пос. Ольгино

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.261-271

в первой трети XX в. были открыты и исследовались комплексы неолитических стоянок Сестрорецкий разлив 1–6, стоянки Тарховская (неолит) и Глиняный ручей (эпоха раннего металла), Лахтинская стоянка (эпоха раннего металла).

В центральной части города археологические исследования первоначально были связаны исключительно с реставрацией и изучением памятников архитектуры. К 1927 г. относятся раскопки Лазаревской усыпальницы Александро-Невской лавры, когда на глубине до 2 метров был найден целый ряд надгробных плит первой половины XVIII в. (*Кобак, Приютко*, 2009. С. 165). Таким образом, в 2022 году можно отмечать 95 лет с начала археологических исследований Ленинграда – Санкт-Петербурга. В 1952 г. было начато исследование культурного слоя Ленинграда: на Таможенном переулке Васильевского острова на площади 52,5 кв. м под руководством А. Д. Грача был заложен небольшой раскоп. Результаты опубликованы в 1957 г. В заключении автор писал: «Итоги проведенных работ показывают, что открытие культурного слоя XVIII в. на Васильевском Острове является фактом заметного научного значения. Раскопки показали, что вовсе не канули безвозвратно в вечность памятники быта тех, чьими руками воздвигался великий город на Неве, – быта работного люда. Археологические исследования поставили на повестку дня необходимость внимательного изучения истории быта городского населения XVIII в., необходимость воссоздания этнографического облика разных его слоев» (*Грач*, 1957. С. 29). Впоследствии в 1950–1980-х гг. археологическими исследованиями, преимущественно связанными с реставрацией памятников архитектуры, занимались В. А. Корненцвит, Г. С. Лебедев, А. Н. Кирпичников, а также архитекторы, проводившие исследования на объектах (И. Н. Бенуа, В. И. Иванов, А. Э. Гессен и другие). С 1988 г. археологическое изучение начала археологическая лаборатория, впоследствии вошедшая в состав Северо-западного филиала РНИИ культурного и природного наследия. С 1989 г. впервые в городе стали проводиться работы на основании Открытых листов. К этому времени относятся архитектурно-археологические раскопки ц. Александра Невского и обследование территории поселка Усть-Ижора, в устье Охты и на другом берегу Невы – у Смольного монастыря, в Красном Селе, на территории усадьбы Д. Кварнеги в Пушкине. С начала 1990-х гг. при поддержке правительства Санкт-Петербурга в сотрудничестве с Комитетом Государственной инспекции охраны памятников археологические изыскания проводились Санкт-Петербургской археологической экспедицией (СПбАЭ), которая ныне продолжает действовать при АНО НИИ культурного и природного наследия, ИИМК РАН, Северо-Западной археологической экспедицией СПбГУ (ныне: Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ). В результате накопленных сведений и археологических открытий в 1996 г. была разработана и осуществлена программа «Археология Петербурга», а затем к 1998 г. и 2001 г. были подготовлены «Проект охраны археологических объектов (участков культурного слоя) допетровского времени на территории Санкт-Петербурга» (Проект охраны..., 1995), «Проект зон охраны археологического культурного слоя на территории Санкт-Петербурга» (*Сорокин*, 1998; Проект зон охраны..., 1995) и «Проект

мемориализации памятников археологии на территории Санкт-Петербурга» (*Сорокин и др.*, 2001). В том же 2001 г. проведены археологические исследования по изучению утраченных храмов по программе «Историко-археологическое изучение старейших храмов Санкт-Петербурга»: ц. Св. Апостола Матвея, Рождества Христова на Песках, ц. Спаса Происхождения Честных Древ (Спасо-Бочаринская), ц. во имя Преображения Господня (Спасо-Колтовская), ц. Покрова Богородицы в селе Рыбацком. Была получена информация об их местоположении, сведения о строительной истории, подготовлена документация по постановке утраченных храмов как выявленных объектов культурного наследия, из которых только два объекта (фундаменты ц. Св. Апостола Матвея и ц. Рождества Христова на Песках) в 2001 г. были включены в перечень выявленных объектов культурного наследия[1].

В 2001 году многолетние усилия археологов были вознаграждены: 24 декабря КГИОП выпустил распоряжение № 2 «Об установлении временных границ, режима содержания и использования зон участков исторического культурного слоя Санкт-Петербурга». В этом документе выделено 2 зоны охраняемого археологического культурного слоя: первая – «Устье реки Охта» (центр города Ниена с крепостью Ниеншанц в устье р. Охты) и «Центр Петербурга петровского времени» (территории фортификационных сооружений, административной, производственной и парадной усадебной застройки, первых храмов Санкт-Петербурга, расположенных на Заячьем острове, юго-восточной части Петроградского острова, стрелке Васильевского острова, частях 1-го и 2-го Адмиралтейского островов) – зона археологических исследований; вторая – территория Петербурга в границах XVIII в. – зона археологического поиска. В первом случае предписывалось проведение предварительных спасательных археологических раскопок или археологического надзора, во втором – предварительные разведочные археологические исследования.

Важным этапом исследований этого времени стали работы Северо-Западной археологической экспедиции СПбГУ на Кронверке Петропавловской крепости под руководством С. Л. Кузьмина в 1998–2004 гг. на площади 360 кв. м. Главным результатом стало воссоздание истории освоения этой территории, выделение этапов строительной деятельности и соотнесение их с другими (прежде всего графическими) источниками. Помимо данных, связанных с петровской эпохой (остатки военно-строительного лагеря 1703–1706/7 гг., захоронения на дне старой землянки), здесь были обнаружены следы предыдущего ее освоения: находки позднесредневековой керамики, монеты-чешуйки XVI–XVII вв. в слое погребенной почвы, подполье жилища с находкой горшка, датируемого в пределах XVI – начала XVIII вв., следы наводнения. Неожиданными стали находки серии отщепов и изделий из кремня (*Кузьмин и др.*, 2005. С. 100, 103, 104).

---

[1] Церковь Рождества Христова на Песках в 2013 г. включена в реестр объектов культурного наследия регионального значения не как памятник археологии, а как достопримечательное место.

Итогом охранных археологических исследований СПбАЭ у здания Двенадцати коллегий в 2000–2001 гг. стало не только получение новых сведений о культурном слое начала XVIII в., но и музеефикация участка булыжной мостовой и крыльца у Аудиенц каморы, создание экспозиции в Музее СПбГУ. В 2004 г. экспедицией под руководством П. Е. Сорокина в курдонере Шереметевского дворца (наб. Фонтанки, 34) на небольшой площади был исследован чудом сохранившийся грунтовый могильник XIV–XVII вв., соотносимый с жившим на этой территории до основания города ижорским населением (*Сорокин*, 2016. С. 57).

В 2007 г. экспедицией СПбГУ под руководством Е. Р. Михайловой в связи с проектом реставрации осуществлены большие работы на территории Новой Голландии на площади 280 кв. м: исследованы котлованы построек Шневенской слободы, ямы от столбов фундамента лесных складов 1730-х гг., кладочные плитняковые столбы фундамента Экипажной конторы *(Михайлова,* 2020. С. 353–355).

В 2008 г. во время проведения земляных работ во дворе здания Синода (пл. Декабристов, д. 3) для устройства основания внутренних помещений здания, приспосабливаемого для организации библиотеки им. Б. Н. Ельцина, были обнаружены остатки дворового флигеля дома, принадлежащего купчихе Анне Кусовниковой, которые были изучены в ходе археологического надзора на площади 1506 кв. м под руководством автора данной статьи (*Шуньгина*, 2009). По итогам работ в интерьере цокольного этажа открытой библиотеки показан план предыдущего строения, организована экспозиция, посвященная истории купеческого дома с демонстрацией фрагмента кирпичной кладки дверного проема и археологических находок.

В этот же промежуток времени продолжались разведочные работы и археологические исследования в связи с реставрацией различных объектов культурного наследия.

19 января 2009 г. Законом Санкт-Петербурга № 820–7[2] были утверждены Зоны археологических исследований (ЗА). В его первой редакции в составе исторически ценных градоформирующих объектов Санкт-Петербурга были выделены территории участков археологического слоя: ЗА 1 – наиболее ценные в научном отношении участки археологического слоя, и ЗА 2 – менее ценные или недостаточно изученные участки археологического слоя. Их границы и режим использования остались теми же, что и в распоряжении КГИОП от 2001 года. Зона ЗА 1 – территория спасательных археологических исследований перед началом хозяйственных и строительных работ, зона ЗА 2 – территория археологических разведок.

[2] Полное название закона: Закон Санкт-Петербурга «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в закон Санкт-Петербурга “О генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга”».

Выдающимися для археологии Санкт-Петербурга по своим масштабам и открытиям стали археологические раскопки на территории Охтинского мыса, которые проводились в 2006–2009 гг. СПбАЭ под руководством П. Е. Сорокина, в 2010 г. – экспедицией отдела охранной археологии ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьевой. За 5 лет раскопок были изучены остатки дерево-земляной крепости (радиоуглеродная датировка – середина XIII в), крепостных рвов Ландскроны 1300–1301 гг., часть погребений XVI–XVII вв., крепости Ниеншанц двух этапов строительства в первой и второй половине XVII в. Обнаружен и исследован культурный слой, содержащий в себе материальные свидетельства стоянок эпохи неолита – раннего металла. Результатам этих масштабных работ посвящен целый ряд докладов, публикаций и специальных работ. Вопрос сохранения территории Охтинского мыса с точки зрения археологии до сих пор является открытым, одним из самых острых и болезненных для города.

В 2012 г. сотрудниками ОАО «НИИ Спецпроектреставрация» археологическими раскопками изучена часть кладбища 2-й четверти – конца XVIII в. при ц. Благовещения на Васильевском острове на площади 165,3 кв. м, которые позволили получить информацию о захоронениях горожан этого времени, их специфических особенностях и отличиях от статусных погребений. Кроме того, уточнены границы этого кладбища, стратиграфические особенности напластований на территории. Сотрудниками МАЭ (Кунсткамеры) РАН А. А. Казарницким, В. П. Колосовым, В. В. Галкиным выполнен палеоантропологический анализ костных останков, чрезвычайно важный для изучения рядового населения города (*Шуньгина*, 2017).

В 2014 г. на ул. Галерной, д. 9 автором исследована часть дворовой территории городского особняка А. Л. Нарышкина (Воронцовых – Дашковых) на площади 170 кв. м, открыто валунное основание фундамента радиальной стены середины XVIII в., оформлявшей въезд во двор, о которой имеется ничтожное количество документальной информации, фрагменты деревянной дренажной системы (каналы и колодцы), собрана представительная коллекция индивидуальных находок. На основе массового материала (находки импортной расписной керамики – изделия XVIII в. из фарфора, фаянса и каменной массы – изготовленные в Китае и Европе и фрагменты голландских курительных трубок) совместно с Я. В. Френкелем подготовлена и опубликована статья, в которой раскрыт источниковедческий потенциал этих находок. В результате анализа статистических данных, топографии их распространения и соотношения с другими материалами предпринята попытка выделить разные культурно-хозяйственные зоны деления дворовой части владельческого участка на его раннем этапе (*Шуньгина, Френкель*, 2016). Эти работы в очередной раз подтвердили высокую информативную и историко-культурную ценность городского культурного слоя.

Первые десятилетия текущего столетия археологические разведки и архитектурно-археологические изыскания на основании предписаний КГИОП проводились в черте города, в т. ч. на территории музеев Царского села, Петергофа, Ораниенбаума, Павловского дворца, на участках хозяйственного освоения

и в связи с реставрацией памятников архитектуры экспедициями ИИМК РАН, СПбГУ, АНО «НИИ культурного и природного наследия», ОАО «НИИ Спецпроектреставрация», ООО «НИиПИ Спецреставрация».

Следующий этап археологического изучения Санкт-Петербурга связан с внесением изменений в федеральное законодательство и приведением в соответствие с ним городского законодательства. В редакции закона Санкт-Петербурга № 820–7 от 07.07.2016 г. зоны ЗА 1 и ЗА 2 остались в прежних границах, но изменились специальные ограничения в их использовании: в первом случае должны проводиться обязательные предварительные археологические разведки, обеспечивающие выявление объектов археологического наследия на территории предполагаемого производства любых земляных работ, связанных с углублением в грунт более чем на 0,5 м, во втором – такие же предварительные археологические разведочные работы, но на основании принятия решения о необходимости их проведения в соответствии с заключением КГИОП. Территория города вне этих зон вообще не должна была подвергаться никаким археологическим изысканиям. Таким образом, ценность зоны ЗА 1 оказалась пониженной. Так и не были предприняты меры для выявления объекта культурного (археологического) наследия и придании особого статуса территории его распространения. Но, несмотря на это, археологические работы и открытия продолжались.

Еще одним важным этапом в развитии археологии Санкт-Петербурга стала обязательность проведения государственной историко-культурной экспертизы (ГИКЭ) земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению. Первая экспертиза была рассмотрена и согласована КГИОП в апреле 2016 г. За это время археологические разведки в рамках ГИКЭ проведены более чем по 200 адресам.

Таким образом, если суммировать объем задокументированных результатов археологических исследований начиная с 1927 г., таких работ окажется более 300 (рис. 1). Накоплен огромный объем научной информации, которую еще предстоит проанализировать.

Многолетними исследованиями установлены основные характеристики культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Мощность антропогенных напластований в городе составляет от 1 до 3 м, при этом значительная часть их относится к подсыпкам в виде перемещенного строительного мусора второй половины XIX–XX вв., связанным со строительством, благоустройством или изменением береговой линии. Отложения XVIII в. имеют толщину 20–50 см, редко когда они более мощные. Зачастую культурный слой в результате его вертикального перемещения оказывается перемешанным, но продолжающим сохранять в себе важные артефакты и непотревоженные сооружения и их фрагменты. Причем сохранность погребенных остатков фундаментов чаще всего высока и позволяет проследить главные строительные этапы и конструктивные особенности сооружений.

Для изучения первоначального рельефа местности весьма ценны сохранившиеся отложения погребенного дерна средней мощностью 10–20 см, в которых находки редки, а зачастую отсутствуют. По результатам радиоуг-

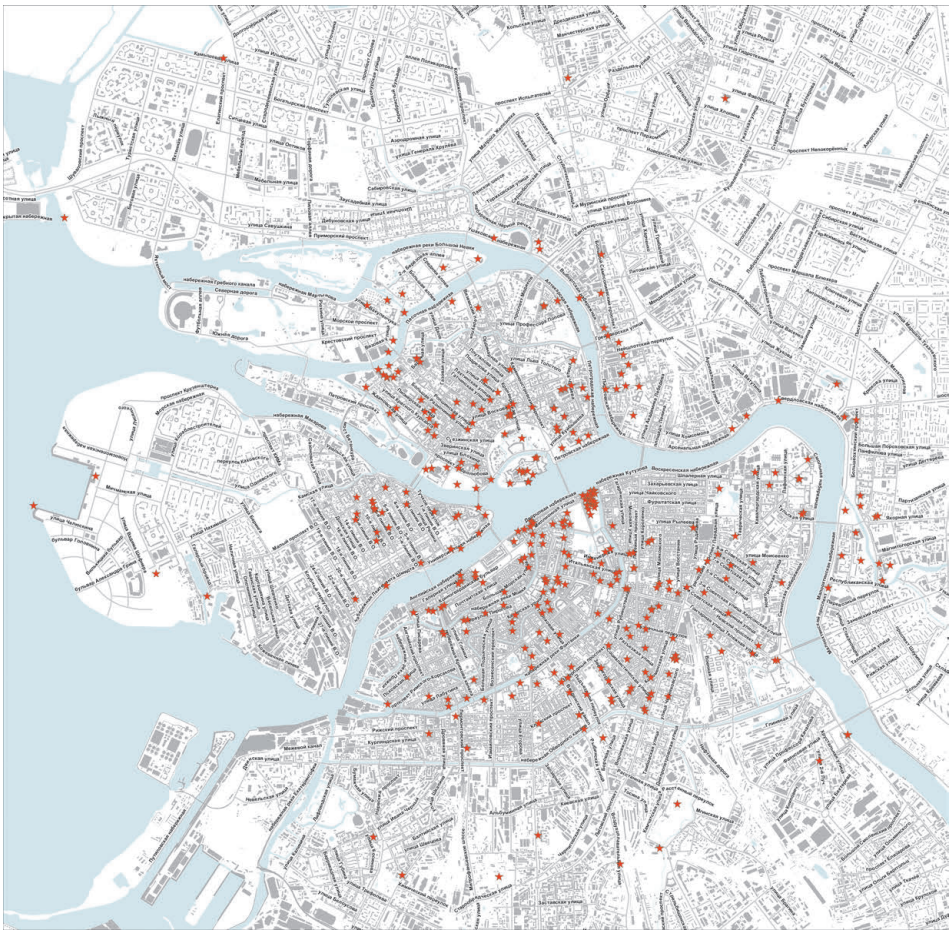


Рис. 1. План-схема мест проведения археологических исследований в центральной части Санкт-Петербурга (1927–2020 гг.)

лородного датирования погребенной почвы из шурфа на 8-й Советской улице, калибровочный возраст образца соответствует периоду 3128–2880 лет до н. э. По мнению М. А. Кульковой, погребенная почва сформировалась после окончания Литориновой трансгрессии на рубеже Атлантического и Суббореального периода (*Кулькова*, 2018. С. 97). Другой образец погребенной почвы происходит с наб. р. Фонтанки, д. 130А, здесь время формирования этого слоя приходится на период около 8 тысяч лет назад.

Исследования в этом направлении продолжаются, все более охватывая территорию Санкт-Петербурга. Постепенно накапливается новая информация, которая позволяет на более представительном материале осмыслить и опубликовать полученные выводы. Вопрос датировки и формирования первоначального рельефа актуален не только для археологов, но и специалистов

смежных дисциплин (геологов, геоморфологов, биологов, строителей, архитекторов и т. д.).

Археологические данные в сочетании с точечными результатами инженерно-геологических изысканий позволяют получать более достоверную и масштабную информацию об истории освоения территории. Работа по изучению древнего рельефа облегчается еще и тем, что практически на всех городских объектах применяется подсчет глубин в Балтийской системе высот.

За эти годы в границах выявленных объектов археологического наследия спасательными раскопками изучены территории захоронений петровского времени на Сытнинской ул., д. 11, Большой Посадской ул., д. 12 (ИИМК РАН; *Лапшин, Соловьева,* 2018), а также участки городских кварталов и слобод. К примеру, на территории Колтовской слободы на наб. Адмирала Лазарева, где исследования велись сотрудниками Лабораториии археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева СПбГУ (*Федоров и др.,* 2014. С. 181–192, *Михайлова,* 2020. С. 350–353). Помимо прочтения истории развития территории, одним из важных результатов исследований стало выявление частокольных канавок на уровне материка, маркирующих границы участков и огородов, которые теперь можно соотнести с имеющимися в нашем распоряжении планами города конца XVIII – начала XIX вв. и таким образом понимать точность графической архивной документации для дальнейших работ.

Многолетние исследования городской территории показали, что, несмотря на активнейшее ее освоение, за все годы существования Санкт-Петербурга непотревоженный культурный слой сохраняется внутри кварталов, внутри зданий, построенных на ленточном фундаменте без подвалов (например, в Адмиралтейском районе, на Васильевском острове), даже в границах промышленных предприятий, где наблюдается максимальная концентрация линий подземных коммуникаций для обеспечения их деятельности.

Сейчас обнаруженные в ходе раскопок объекты археологического наследия на территории города находятся под охраной в виде локальных участков или фундаментов конкретных утраченных сооружений XVIII–XIX вв. Последние из открытых (61 объект) по большей части включены в реестр объектов культурного наследия федерального значения Постановлением Правительства РФ от 10 июля 2001 г. № 527 (*Плоткин*, 2005). К ним относятся фундаменты фонтанов, Гаванца, отдельных сооружений на территории Летнего сада, фундаменты утраченных построек, а также фрагменты земляных укреплений крепости Петерштадт в Ломоносове, отдельные объекты в Петергофе и Стрельне, могилы выдающихся деятелей России в Троице-Сергиевой пустыни (Стрельна), место битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г. в Усть-Ижоре. Охраняется также земляной редут шведского укрепления в Красном Селе.

В марте 2019 г. объектом культурного наследия стала часть территории на Охтинском мысу: «Ниеншанц (Охта 1). Шведская крепость 1611–1703 гг., участки культурного слоя неолита и раннего металла V–II тыс. до н. э. и грунтового могильника XVI–XVII вв.», но это только лишь малая часть того, что подлежит здесь сохранению и, в идеале, музеефикации, созданию большой рекреационной зоны.

К выявленным объектам археологического наследия отнесено более 30 объектов. Среди них «Центральная часть города Ниена» XVI–XVII вв., фундаменты утраченных церквей, фундамент павильона «Ренелла» и берегоукрепление в усадьбе «Знаменка» (Петергоф), фундаменты построек и сад усадьбы Дж. Кварнеги в Пушкине, отдельные участки культурного слоя XVIII–XX вв. по некоторым адресам Санкт-Петербурга.

Процедура согласования и получения разрешения на изучение культурного слоя и проведение спасательных археологических исследований довольно длинна. Она занимает не менее 3,5 месяцев от момента начала работ на объекте, подлежащем хозяйственному освоению. И это при положительном прогнозе с учетом множества таких важных условий как: соблюдения сроков получения Открытого листа; предварительного проведения археологической разведки; оперативной подготовки отчетной документации, а в случае выявления объекта археологического наследия – подачи заявления в КГИОП о включении такого объекта в перечень выявленных; разработки раздела по обеспечению его сохранности или программы спасательных археологических исследований; проведения ГИКЭ раздела и финального согласования результатов ГИКЭ в КГИОП.

Важно заметить, что в сегодняшней ситуации на охрану ставится лишь конкретный *отдельный* участок. При этом по результатам ГИКЭ на основании полного археологического исследования участка может быть принято решение либо о необходимости включения данного объекта в реестр объектов культурного наследия, либо об исключении из перечня выявленных объектов наследия (снятии с учета) при отсутствии на нем недвижимых объектов, подлежащих сохранению. Но ценный, подлежащий сохранению культурный слой продолжается и за пределами исследованной территории. Его судьба остается нерешенной. Вернуться к его изучению по действующим правилам можно будет только в случае необходимости очередного хозяйственного использования и проведения земляных работ. И тогда весь путь, указанный выше, придется проходить заново.

Приведенные материалы, как и ежедневная практика работы петербургских археологов по сохранению, изучению и популяризации археологического наследия указывают на высокую актуальность и острую необходимость выявления культурного слоя Санкт-Петербурга в качестве объекта культурного (археологического) наследия федерального значения в виде достопримечательного места по примеру других городов России.

В границы территории такого объекта могут входить объединенные зоны ЗА 1 и ЗА 2, расположенные в центральной части города, по внешнему периметру соответствующие Сенатскому плану Санкт-Петербурга 1798 года. Этот план – довольно точный и подробный документ, являющийся одной из отправных точек перед началом полевых исследований, а также включающие в себя участки зон археологии (ЗА) в Кронштадте, по южной прибрежной линии Невской губы, в Пушкине, Павловске, Усть-Ижоре.

Также требуется актуализация вопроса относительно стоянок в районе озера Сестрорецкий Разлив, известных еще с начала XX в.

Положительное решение вопроса о статусе объектов археологического наследия на территории современного Санкт-Петербурга важно не только для обеспечения сохранности этого уникального исторического источника и возможности его комплексного исследования (то, о чем писал А. Д. Грач), но и для выстраивания прозрачных отношений между всеми заинтересованными сторонами (уполномоченными органами власти, археологами, реставраторами, архитекторами, инвесторами, проектными и строительными организациями).

Все только выиграют от того, что будет конкретизирована ситуация в отношении планов и правил осуществления работ, затрагивающих археологические объекты. Сократятся бюрократический документооборот и сроки согласований, появится ясность с реализацией строительных проектов.

Литература и архивные материалы

Грач А. Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. М.; Л.: АН СССР. 88 с.

Кобак А. В., Приютко Ю. М., 2009. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф. 797 с.

Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Тарасов И. И., Шмелев К. В., 2005. Предварительные итоги раскопок на Кронверке Петропавловской крепости в 1998–2003 гг. // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та. С. 100–121.

Кулькова М. А., 2018. Заключение по генезису и формированию отложений из шурфа, расположенного по ул. 8-я Советская // Зубкова Е. С. Отчет об археологической разведке 2017 г., проведенной в г. Санкт-Петербурге по адресам: 8-я Советская ул., д. 20–22, лит. А, наб. р. Фонтанки, д. 21, лит. А. Т. 1. Прил. 4. СПб.: ООО «НИиПИ Спецреставрация» // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 58290–58291.

Лапшин В. А., Соловьева Н. Ф., 2018. Проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса на примере Санкт-Петербурга // Записки Института истории материальной культуры РАН. № 18. СПб.: ИИМК РАН. С. 158–169.

Михайлова Е. Р., 2020. Находки в Колтовской и Шневенской слободах: материалы к истории петербургского быта XVIII – начала XIX в. // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. / Ред.: Л. А. Беляев, В. Н. Захаров и др. Москва: Индрик. С. 348–362.

Плоткин К. М., 2005. Проблемы учета и сохранения археологического наследия Санкт-Петербурга // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. С. 30–68.

Проект зон охраны археологического культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Т. II. Петродворцовый и Пушкинский районы Санкт-Петерурга // КГИОП. Отдел обработки и хранения документированной информации. № Н-10900, Н-10901, Н-10902. 2001 г.

Проект охраны археологических объектов (участков культурного слоя) допетровского времени на территории Санкт-Петербурга // КГИОП. Отдел обработки и хранения документированной информации. № Н-4403. 1995 г.

Сорокин П. Е., 1998. Проект зон охраны археологического культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Т. I. Центральные районы города // КГИОП. Отдел обработки и хранения документированной информации. № Н-4693, Н-4694.

Сорокин П. Е., 2016. О средневековом расселении в Приневье // Скандинавские чтения 2014 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии РАН. С. 52–60.

Сорокин П. Е., Шарова Е. А., Бутырин Д. А., Михайлов Н. В., 2001. Проект мемориализации памятников археологии на территории Санкт-Петербурга. Т. 1. Концепция, предпроектные предложения по мемориализации памятников археологии // КГИОП. Отдел обработки и хранения документированной информации. № 10899.

Федоров И. А., Мурзенков Д. Н., Соболев В. Ю., Шмелев К. В., Михайлова Е. Р., 2014. Работы Лаборатории имени проф. Г. С. Лебедева СПбГУ на территории Санкт-Петербурга в 2012–2013 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. 4. Охранная археология / Науч. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб.: Периферия. С. 181–232.

Шуньгина С. Е., 2009. Архитектурно-археологические исследования во дворе бывшего здания Синода в г. Санкт-Петербурге // Ю. П. Спегальский и историко-культурное наследие Псковской земли: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Ю. П. Спегальского (2–3 июня 2009 г.). Псков. С. 87–92.

Шуньгина С. Е., 2017. К вопросу об исторических кладбищах Санкт-Петербурга (по материалам археологических исследований у ц. Благовещения на Васильевском острове в 2012 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания (2016 г.). М.: ИА РАН. С. 406–420.

Шуньгина С. Е., Френкель Я. В., 2016. Импортная расписная элитная керамика XVIII в. из раскопок на территории городского особняка А. Л. Нарышкина (Воронцовых-Дашковых) в г. Санкт-Петербурге // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 31. Материалы 61-го заседания (2015 г.). М.: ИА РАН. С. 409–425.

* * *

Шуньгина Светлана Евгеньевна, *Санкт-Петербург, ООО «НИиПИ Спецреставрация»; e-mail: sveshun@mail.ru*

В. Н. Тарасевич, В. А. Маковская, Н. А. Плавинский

Исследования комплекса археологических памятников Навры в 2020 году

Резюме. В статье рассматриваются основные результаты исследований комплекса археологических памятников Навры Мядельского района Минской области Республики Беларусь в 2020. Основные работы были сконцентрированы на продолжении изучения некрополя Навры II и поиске синхронных ему сельских поселений. На территории некрополя Навры II было исследовано 277 кв. м, что позволило уточнить топографию могильника, его хронологию и культурную принадлежность. На сегодняшний день некрополь Навры II является единственным могильником второй половины II – начала I тыс. н. э., где на большой площади были выявлены и исследованы бескурганные погребения кривичей. Несмотря на то, что сельских поселений, синхронных времени существования некрополя, до сих пор выявить не удалось, в ходе проведенных в 2020 г. разведок было уточнено количество и топография селищ и отдельных находок артефактов, относящихся к комплексу археологических памятников Навры.

Ключевые слова: раннее Средневековье, некрополь, кремация, культура смоленско-полоцких длинных курганов, поселения.

V. M. Tarasevich, V. A. Makouskaya, M. A. Plavinski. Exploration of the Complex of Archaeological Monuments Naŭry in 2020

Abstract. The article discusses the main results of exploration on the complex of archaeological monuments Naŭry, of the Miadziel District, Minsk Region of the Republic of Belarus in 2020. The main work was concentrated on the continuation of the study of the Naŭry II necropolis and the search for rural settlements synchronous with it. On the territory of the necropolis Naŭry II 277 square meters were explored, which made it possible to clarify the topography of the cemetery, its chronology and cultural affiliation. To date, the necropolis Naŭry II is the only cemetery of the second half of the 2nd – beginning of the 1st millennium AD, where flat burials of the Krivichi were explored on a fairly large area. Despite the fact that rural settlements synchronous with the time of existence of the necropolis have not yet been identified, during the exploration carried out in 2020, the number and topography of settlements and individual findings of artifacts belonging to the complex of archaeological monuments Naŭry were clarified.

Keywords: Early Middle Ages, necropolis, cremation, the Smolensk-Polack Long Barrows Culture, settlements.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.272-299

Комплекс археологических памятников Навры

Комплекс археологических памятников Навры размещается возле одноименной деревни Сватковского сельского совета Мядельского района Минской области (рис. 1: *2*). Он располагается в бассейне реки Узлянки при ее впадении в озеро Навры (Узлянка – левый приток Нарочи (Нарочанки), которая, в свою очередь, является левым притоком Вилии). В состав комплекса археологических памятников Навры входят три отдельных могильника и несколько открытых поселений. Результаты раскопок в Наврах неоднократно публиковались, что позволяет нам опустить подробное рассмотрение истории изучения отдельных некрополей и сельских поселений и сконцентрировать внимание исключительно на результатах работ, проведенных в 2020 г. Вместе с тем, для понимания целей и задач исследований 2020 г. следует привести основные сведения об археологических памятниках, входящих в состав археологического комплекса Навры и в той или иной степени изученных на момент завершения полевого сезона 2019 г.

Некрополь **Навры I** представялет из себя курганный могильник, в котором первоначально насчитывалось не менее 117 погребальных насыпей. В результате исследований 1934, 1987 и 2012–2017 гг. тут было раскопано 43 кургана. Полученные в ходе исследований материалы позволяют полагать, что некрополь Навры I является могильником славянского населения Полоцкой земли, которое хоронило здесь своих умерших на протяжении XI–XII вв. (возможно, и несколько позднее (*Cehak-Hołubowiczowa,* 1937; *Плавинский,* 2017; 2019)).

Некрополь **Навры II**, состоящий из 13 курганов и территории бескурганного могильника с погребениями по обряду кремации (рис. 1: *1, 3–4*). Раскопки данного некрополя проводились на протяжении 2017–2020 гг. (*Плавінскі, Плавінскі, Тарасевіч,* 2021; *Плавинский, Тарасевич*, 2021).

Некрополь **Навры III**, исследовавшийся в 1934 г., на данный момент не фиксируется в современном ландшафте. В 1934 г. в нем было изучено пять насыпей, в одной из которых выявлена кремация. Остальные четыре кургана погребений не содержали (*Cehak-Hołubowiczowa,* 1937. S. 5, 43). Возможно, в 1934 г. были исследованы все составлявшие данный некрополь курганы.

Селище **Навры I**, исследованное разведочными шурфами в 2017 г. Полученные материалы позволяют полагать, что в культурном слое селища содержаться материалы трех хронологических периодов: мезолита – бронзового века, позднего этапа культуры штрихованной керамики, позднего Средневековья – Нового времени (*Плавінскі, Плавінскі,* 2020).

В сезоне 2020 г. перед экспедицией по изучению комплекса археологических памятников Навры было поставлено две основные задачи: 1) продолжение изучения некрополя Навры II; 2) поиск сельских поселений, синхронных погребальным памятникам.

История изучения некрополя Навры II

Некрополь Навры II располагается за 400 м на юг – юго-восток от деревни Навры (рис. 1: *1*). Могильник состоит из 13 курганов и территории, занятой бескурганными погребениями. Раскопки некрополя были начаты в 2017 г. под руководством А. Н. Плавинского и продолжены в 2018–2020 гг.

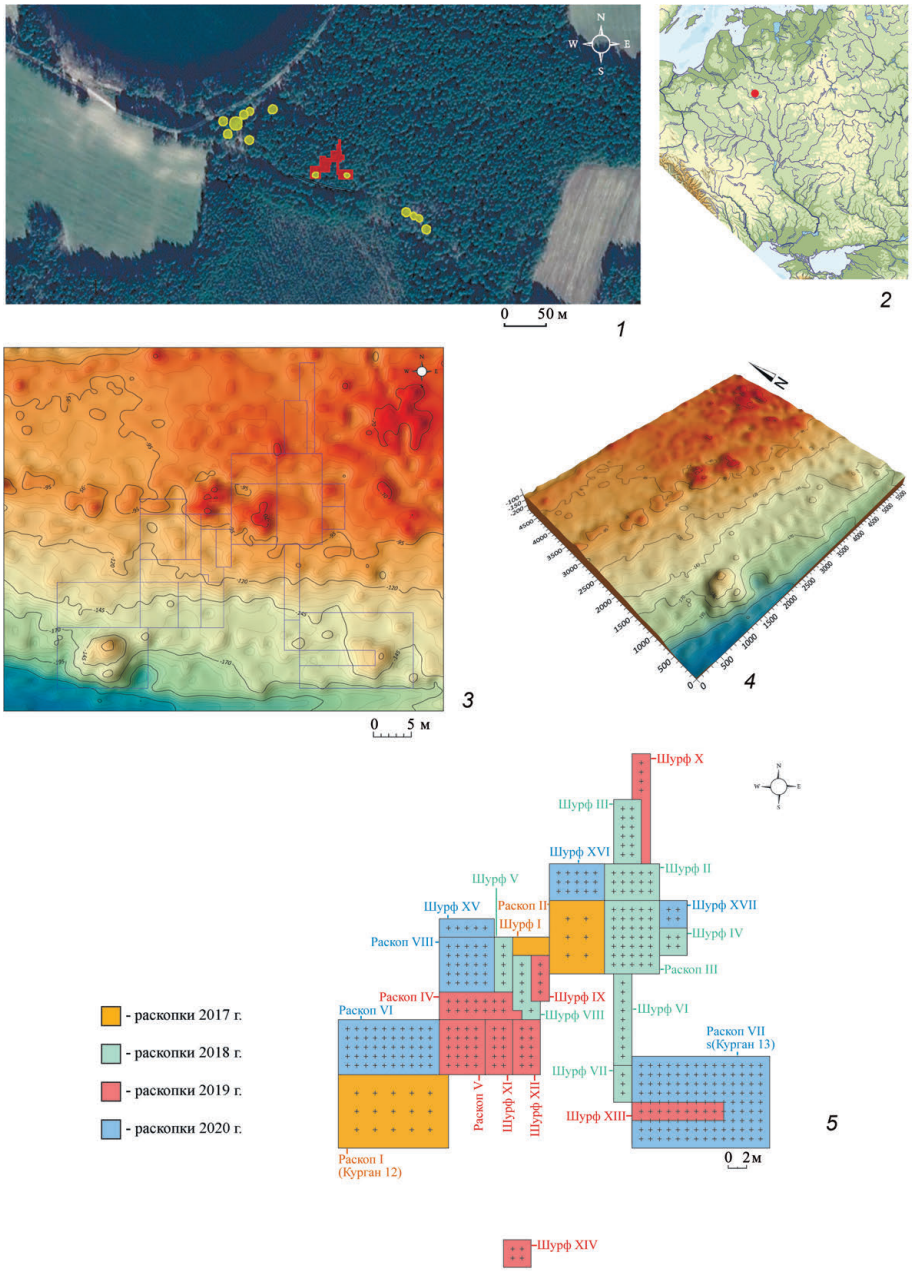


Рис. 1. Комплекс археологических памятников Навры: *1* – план некрополя Навры II, совмещенный со снимком из Google, *2* – место расположения комплекса археологических памятников Навры на карте Восточной Европы, *3–4* – 3D-модель дневной поверхности исследованного участка некрополя Навры II, *5* – план взаиморазмещения раскопов и шурфов 2017–2020 гг. (*1–2* – рис. Н. А. Плавинского, *3–4* – рис. В. А. Маковской, *5* – рис. В. Н. Тарасевич)

(2018 г. – Н. А. Плавинский, 2019–2020 гг. – В. Н. Тарасевич). Всего на протяжении 2017–2020 гг. на территории могильника Навры II было вскрыто 733 кв. м. В раскопанную площадь вошли курган 12, ровик и край насыпи кургана 13 и часть территории бескурганного некрополя (рис. 1: *3, 5*).

Выявленные в процессе исследований 2017–2019 гг. материалы позволили определить, что курганы 12 и 13 содержали погребения по обряду кремации. К северу от этих насыпей располагается территория бескурганного могильника, погребения в котором также совершались по обряду кремации. Трупосожжения производились за границами раскопанной территории, после чего кальцинированные кости и остатки инвентаря переносились на место совершения погребения. Исследованные кремации разделяются два типа: 1) погребения в ямках (возможно, в конструкциях или емкостях из органических материалов); 2) погребения, вероятно, помещавшиеся просто на дневной поверхности, возможно, также в каких-то органических вместилищах.

На основании анализа материалов раскопок некрополя Навры II в 2017–2019 гг. в его функционировании было выделено два культурно-хронологических горизонта. К первому культурно-хронологическому горизонту принадлежат курганы 12 и 13, относящиеся к третьей четверти I тыс. н. э. Ко второму относятся бескурганные погребения, которые на основании выявленного инвентаря могут быть датированы в широких рамках VIII – начала или первой половины XI в. и отнесены к культуре смоленско-полоцких длинных курганов (далее – КСПДК).

Раскопки некрополя Навры II в 2020 г.

В 2020 г. на территории некрополя Навры II было вскрыто 277 кв. м (рис. 1: *3, 5*).

Раскоп VI был заложен к северу от Раскопа I и к западу от Раскопа V с целью изучения территории распространения погребений бескурганного могильника в западном направлении. Он имел прямоугольную форму, вытянутую по линии запад – восток, и общую площадь 66 кв. м (рис. 1: *5*). Сразу под дерном, но не на всей площади раскопа фиксировались участки слоя мелкозернистого песка желтого цвета – условный пласт 1. Под ним или непосредственно под дерном по всей площади раскопа был выявлен слой гумусированного песка серого цвета – древняя погребенная почва (условный пласт 2).[1] В нем встреча-

[1] В 2017–2019 гг. на территории бескурганного могильника в части раскопов и шурфов сразу под дерном фиксировался слой желтого мелкозернистого песка с отдельными гумусированными прослойками и представляющий из себя наносные образования природного происхождения, получивший наименование условного пласта 1. В свою очередь слой древней погребенной почвы, выявленный на всей территории некрополя, получил наименование условного пласта 2. В процессе исследований 2020 г. использовалась нумерация условных пластов, разработанная в пердыдущие годы. Материк во всех раскопах и шурфах 2020 г. состоял из мелкозернистого песка желтого цвета. Следует также отметить, что во всех раскопах и шурфах 2020 г., как и в 2017–2019 гг., встречались находки кремня со следами обработки и кремневые орудия каменного и бронзового веков и фрагменты

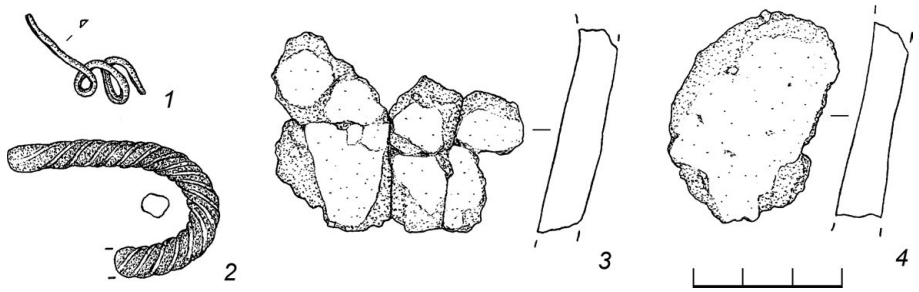


Рис. 2. Некрополь Навры II, 2020. Раскоп VI: *1* – фрагмент спиральной пронизки, *2* – фрагмент тордированной шейной гривны, *3, 4* – фрагменты лепной керамики (рис. Н. А. Плавинского)

лись отдельные кальцинированные кости, фрагменты украшений – фрагмент спиральной пронизки и конец дротовой шейной гривны (рис. 2: *1–2*) и мелкие фрагменты раннесредневековой лепной керамики (рис. 2: *3–4*)

Раскоп VII был заложен к востоку от Шурфов VI и VII практически у самой проселочной дороги, ведущей из деревни Навры в деревню Городище (рис. 1: *1, 3, 5*), с целью завершения изучения сильно уплощенного ***кургана 13***, который был выявлен и частично изучен в ходе полевого сезона 2019 г. Раскоп имел прямоугольную форму, вытянутую по линии запад – восток, и площадь 130 кв. м (в границы Раскопа VII была включена площадь законсервированного в 2019 г. Шурфа XIII (20 кв. м (рис. 1: *3*, *5*; 3: *1*)).

Курган 13 на уровне современной дневной поверхности фиксировался как невысокая аморфная насыпь (рис. 3). Основание кургана имело близкую к подпрямоугольной форму, его примерная длина по линии север – юг составляла около 5,2 м, по линии запад – восток длина составляла около 6,4 м (рис. 4: *1–3*). Высота кургана достигала примерно 0,5–0,6 м. Определению точных размеров и формы насыпи препятствовало и то, что он был поврежден как минимум двумя ямами-перекопами, следы от которых визуально на уровне дневной поверхности не прослеживались. Кроме этих ям, курган сильно поврежден двумя перекопами на южном склоне насыпи, один из которых перебил гумусированную прослойку на ее основании.

Насыпь кургана 13 была покрыта слоем дерна мощностью 0,05–0,12 м и состояла из мелкозернистого песка желтого цвета. Основание кургана покрывала прослойка гумусированного песка светло-серого цвета мощностью от 0,10 до 0,26 м – древняя дневная поверхность без следов выжигания (очищения огнем). Основание было сформировано на относительно ровной поверхности путем выкапывания трех ровиков, один из которых размещался с запада от основания, второй – с севера, третий – с востока от него. При этом с южной стороны ровика не было (рис. 4: *1–3, 5*).

лепной керамики бронзового века. Данные находки свидетельствуют о том, что территория некрополя Навры II входила в ресурсную зону поселения (поселений), существовавшего в древности на берегах озера Навры (подробнее об этом см.: *Плавінскі, Плавінскі,* 2020).

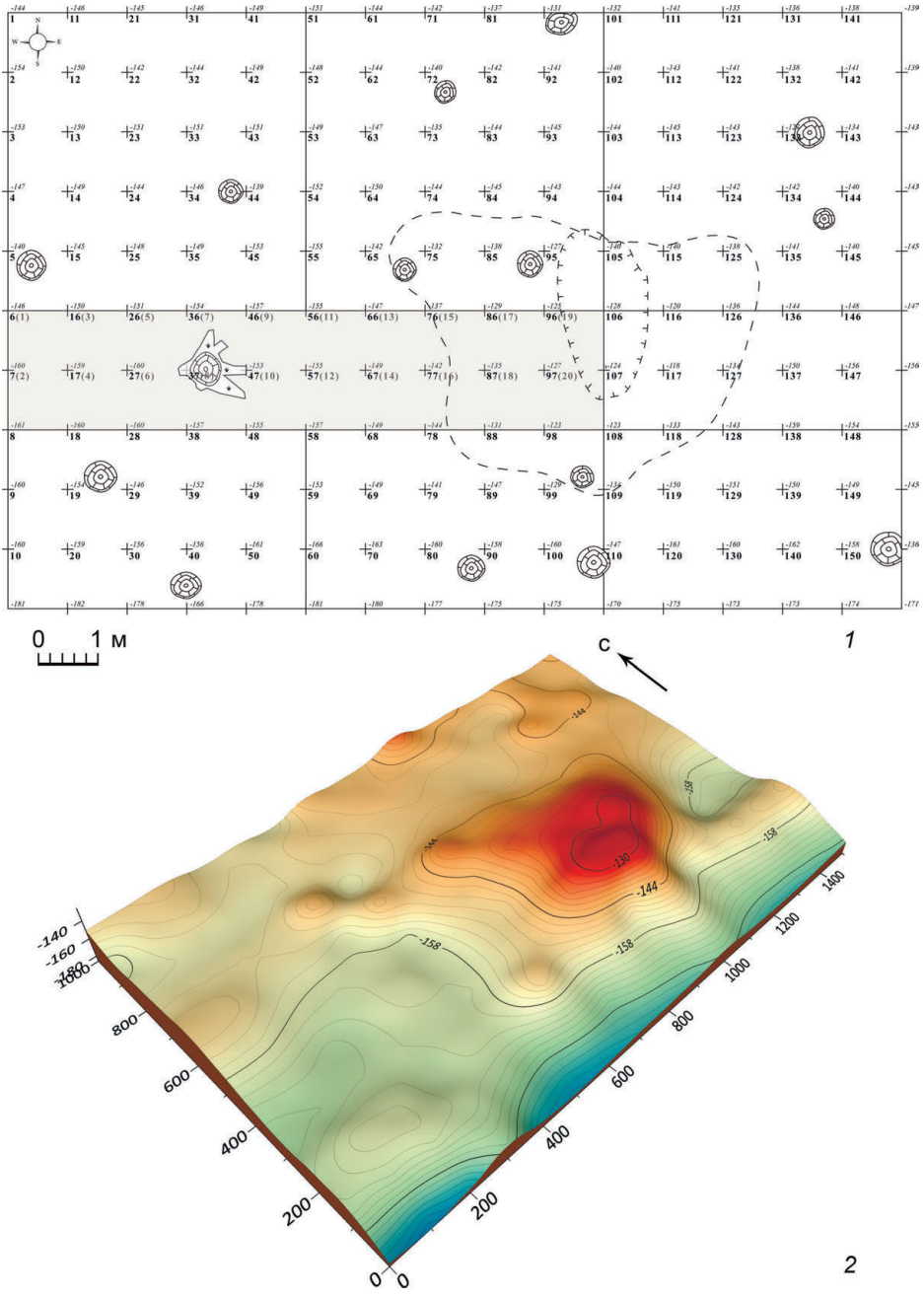


Рис. 3. Некрополь Навры II, курган 13 (Шурф XIII/Раскоп VII, 2019/2020): *1* – глазомерный план дневной поверхности Раскопа VII (серым цветом обозначен Шурф XIII 2019 г.), *2* – 3D-модель дневной поверхности кургана 13 (*1* – рис. В. Н. Тарасевич, *2* – рис. В. А. Маковской)

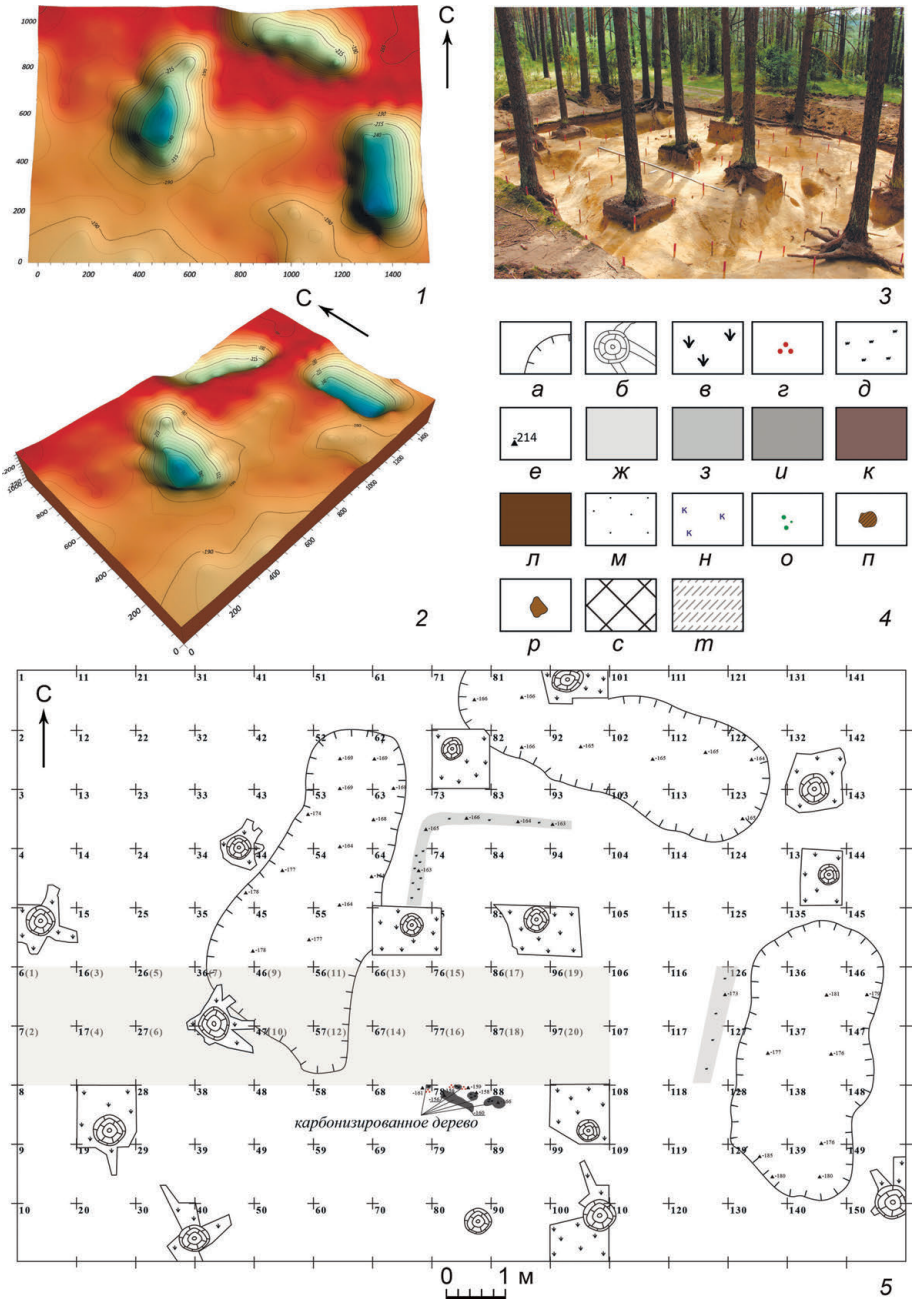


Рис. 4. Некрополь Навры II, курган 13 (Шурф XIII/Раскоп VII, 2019/2020): *1–2* – 3D-модель материковой поверхности Раскопа VII, *3* – материковая поверхность Раскопа VII, вид с северо-запада, *4* – условные обозначения (*а* – границы ровика, *б* – дерево, пень на плане, *в* – участки, неисследованные до материка, *г* – прокаленный песок, *д* – уголь, *е* – нивелиро-

На уровне основания насыпи, вдоль ее краев и в одном из профилей прослеживался контур из гумусированного песка насыщенно-серого цвета с включениями угольков. Он имел приближенную к квадратной форму, ширину 0,1–0,28 м и мощность до 0,18 м. Кроме этого, в южной части насыпи на глубине 0,12–0,20 м от современной дневной поверхности было обнаружено пятно мелкого угля, фрагмент карбонизированного дерева и несколько пятен песка рыжего цвета (прокаленый песок?) (рис. 4: *5*). Можно с осторожностью интерпретировать выявленные объекты как следы органической (?) конструкции /конструкций, сделанной по краю основания насыпи для укрепления ее склонов от оползания.

Материк в Раскопе VII понижался на 0,17–0,32 м по линии север – юг (рис. 4: *1–3*).

Погребение было выявлено на склоне западного ровика на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности. Оно представляло из себя аморфное пятно очищенных кальцинированных костей (общий вес – 3386 г) и угольков размером 1,33 м (по линии север – юг) на 0,87 м (по линии запад – восток), мощностью около 0,15 м (рис. 5). В восточной части пятно погребения было повреждено ямой, дошедшей до материковой поверхности (рис. 5: *2*). Инвентарь, выявленный в заполнении пятна кальцинированных костей, состоял из фрагмента неопределимого изделия из тонкой пластинки (рис. 6, А: *1*) накладки с круглой плоской головкой (рис. 6, А: *2*), аналогии которой известны в древностях культуры псковских длинных курганов (*Михайлова*, 2014. С. 52–55), фрагмента рогового фигурного резного изделия (рис. 6, А: *3*) и фрагментов роговых продолговатых овальных (?) в сечении изделий с сужающимися концами, в которых имелись сквозные отверстия (рис. 6, А: *4–15*). Несмотря на степень повреждения в огне и фрагментированность, можно предложить интерпретацию данных изделий в качестве псалиев.

К набору погребального инвентаря вероятно следует отнести и фрагменты лепного горшка (рис. 5: *1*), среди скоплений которых также встречались немногочисленные кальцинированные кости (выявлены в 2019 г.). Эти скопления размещались на склоне насыпи выше пятна погребения, к югу и юго-востоку от нее, на глубине 0,12–0,14 от современной дневной поверхности. Все фрагменты принадлежат слабопрофилированному горшку, изготовленному из теста с примесью дресвы и зерен, которые выгорели в процессе обжига сосуда (рис. 7: *1*). Высота горшка – около 21 см, диаметр венчика – 16 см, диаметр плечиков – около 16,2 см.

вочные отметки, *ж* – песок светло-серого цвета, *з* – песок серого цвета, *и* – песок темно-серого/черно цвета, *к* – песок коричневого цвета, *л* – песок желто-коричневого цвета, *м* – желтый мелкозернистый материковый песок, *н* – кальцинированные кости, *о* – слитки и шарики металла (свинцово-оловянистый сплав), *п* – фрагмент плохо обожженной керамики, *р* – фрагмент керамики, *с* – перекоп, *т* – следы истлевших корней), *5* – план следов конструкции из органических (?) материалов, удерживавшей склоны насыпи кургана 13 от оползания (*1–2* – рис. В. А. Маковской, *3–5* – фото и рис. В. Н. Тарасевич)

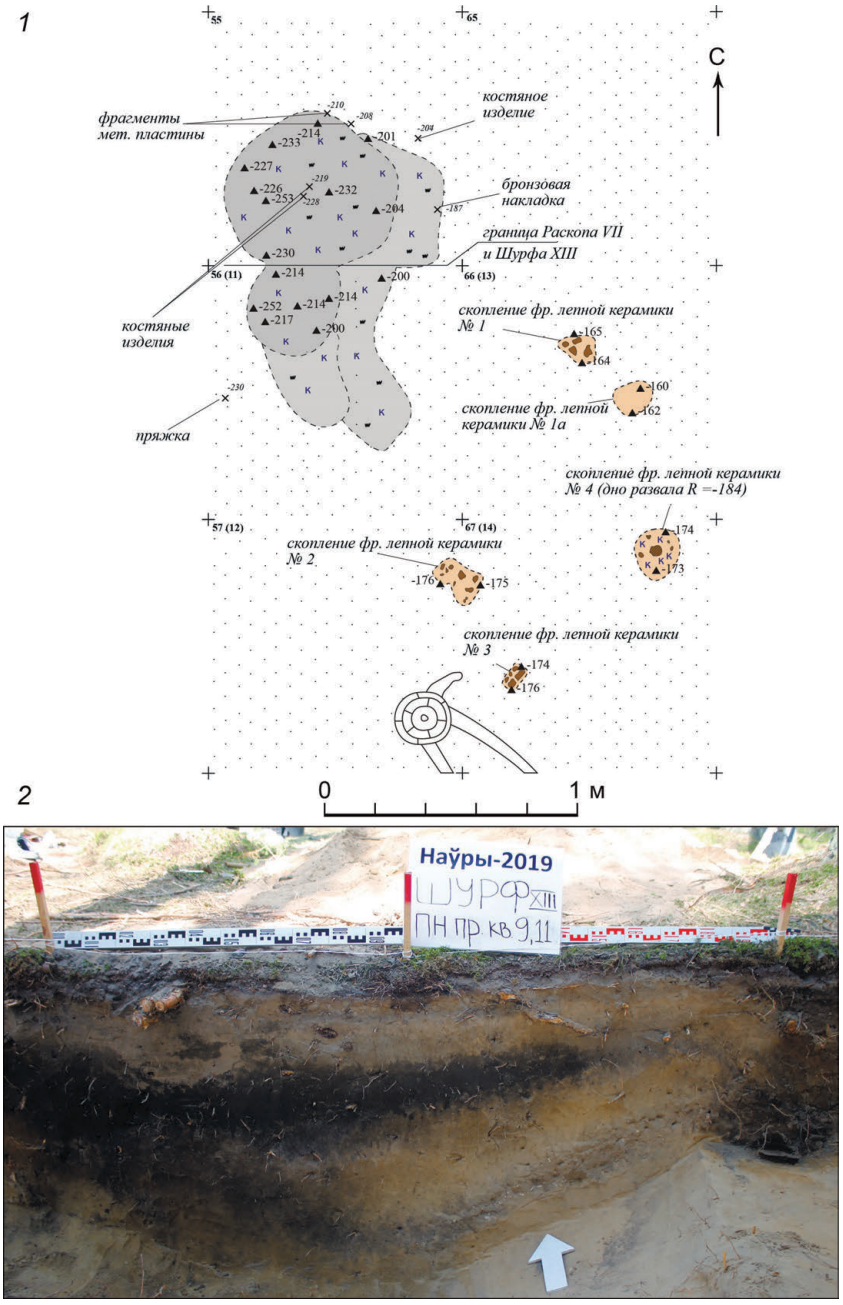


Рис. 5. Некрополь Навры II, курган 13 (Шурф XIII/Раскоп VII, 2019/2020): *1* – план погребения и скоплений фрагментов лепного горшка, *2* – кальцинированнае кости погребения на склоне западного ровика кургана (*1* – рис. В. Н. Тарасевич, *2* – фото В. А. Маковской)

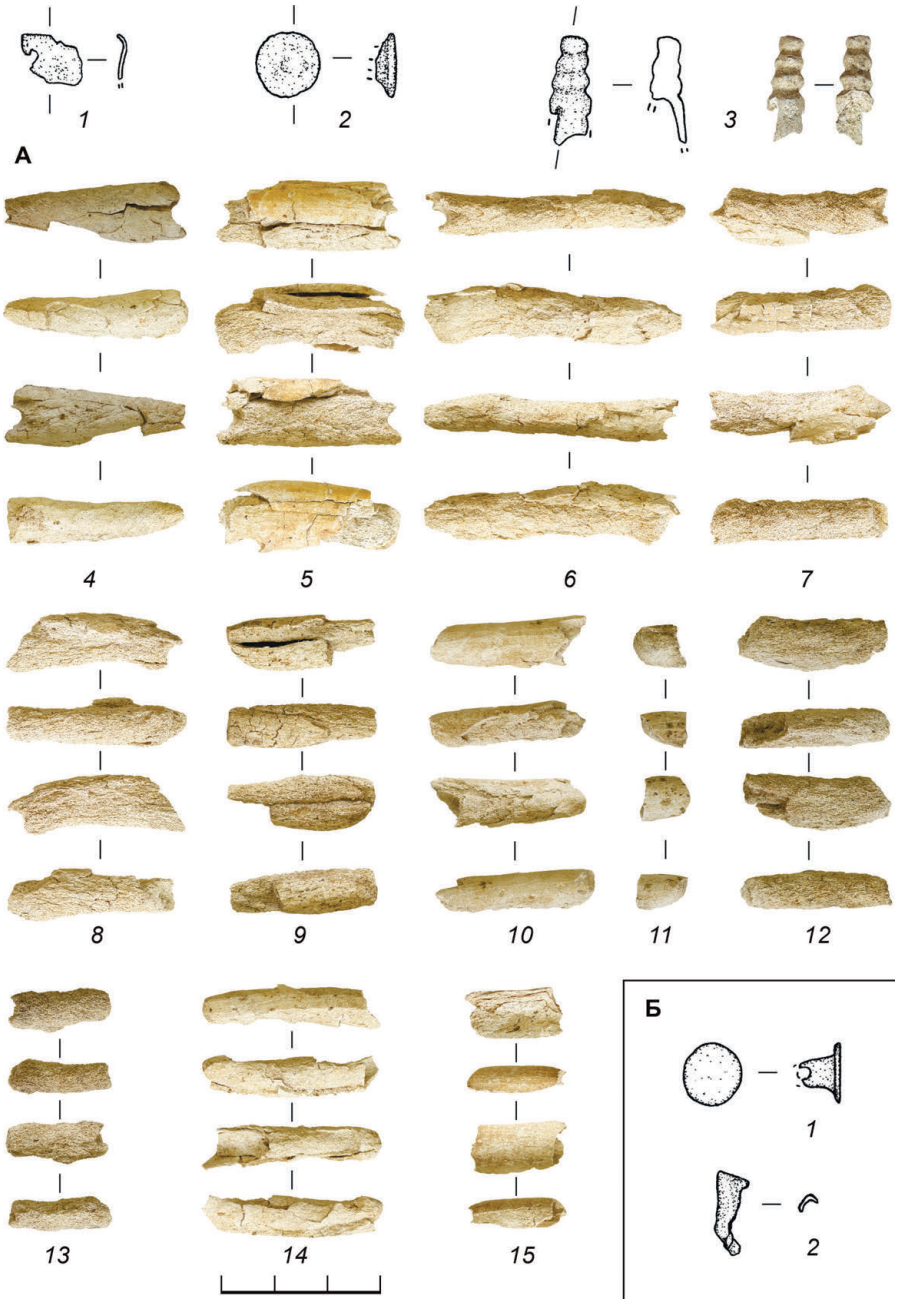


Рис. 6. Некрополь Навры II, курган 13 (Шурф XIII/Раскоп VII, 2019/2020). А – инвентарь из заполнения погребения: *1* – фрагмент пластинки, *2* – накладка, *3–15* – фрагменты роговых изделий; Б – инвентарь из заполнения скопления 1: *1* – накладка, *2* – фрагмент пластинчатого украшения (А, *1–3*, Б – рис. Н. А. Плавинского, А, *3–15* – фото В. Н. Тарасевич)

Около пятна погребения ниже по склону ровика была выявлена (раскопки 2019 г.) железная пряжка четырехугольной формы с вогнутыми сторонами (рис. 7: *2*).

К данному погребению, вероятно, также относятся два скопления костей. ***Скопление 1***, образовавшееся, по-видимому, в результате повреждения погребения ямой (выброс из нее), было выявлено практически под самым дерном на южном склоне насыпи и представляло из себя пятно кальцинированных костей (общий вес – 240 г) мощностью до 0,2 м и размером примерно 1,2 м (по линии север – юг) на 1,8 м (по линии запад – восток) (рис. 8). В скоплении найдены накладка с круглой плоской головкой (рис. 6, Б: *1*), фрагмент неопределимого пластинчатого украшения (рис. 6, Б: *2*) и слитки металла.

Скопление 2 было выявлено на материковой поверхности склона северного ровика (рис. 8), где кальцинированные кости (общий вес – 63 г) встречались на площади приблизительно 0,9 м (по линии север – юг) на 0,8 м (по линии запад – восток).

Таким образом, можно полагать, что в состав инвентаря погребения входили лепной горшок, накладки с круглыми плоскими головками, роговые псалии (?) и железная пряжка. Обстоятельства выявления остатков погребения позволяют полагать, что первоначально оно помещалось на вершине имевшей прямоугольное основание насыпи, возможно, в некой органической конструкции, следы которой проследить археологически не удалось. Со временем эта конструкция должна была истлеть и обрушиться, в результате чего немного костей просыпалось в северный ровик, а основная масса костей и инвентарь оказались на склоне западного ровика. На основании выявленного инвентаря погребение может быть датировано третьей четвертью I тыс. н. э.

На остальной исследованной площади Раскопа VII, за границами кургана и его ровиков встречалось незначительное количество кальцинированных костей, мелкие фрагменты лепной керамики и отдельные индивидуальные находки периода функционирования некрополя. К числу индивидуальных находок относятся фрагменты спиральных пронизок (рис. 9: *1–9*), фрагмент спирального пластинчатого орнаментированного браслета (рис. 9: *10*), датировка которого может быть определена в рамках VII–XII вв. (*Енуков,* 1990. С. 56; *Bliujienė,* 1999. P. 286–287; *Žiemgalai,* 2005. P. 102–105), слиток стеклянной массы синего цвета (рис. 9: *11*), слиток металла (рис. 9: *12*), нож группы II (?) по Р. С. Минасяну (рис. 9: *13*) (*Минасян,* 1980. С. 69).

Объект 16 – погребение по обряду кремации в материковой ямке – было выявлено в западной части Раскопа VII. В ходе разборки грунта в квадратах 13, 14, 15, 23, 24, 25 была зафиксирована концентрация кальцинированных костей. Ближе к материковой поверхности на границе квадратов 13–14, 15–16 был выявлен объект, центральная часть которого представляла из себя пятно темно-серого, даже черного песка, насыщенного кальцинированными костями и мелкими угольками, с аморфными границами. По краям цвет пятна светлел и становился светло-серым. Центральная часть пятна имела размер 0,31 м (по линии север – юг) на 0,21 м (по линии запад – восток). Она была

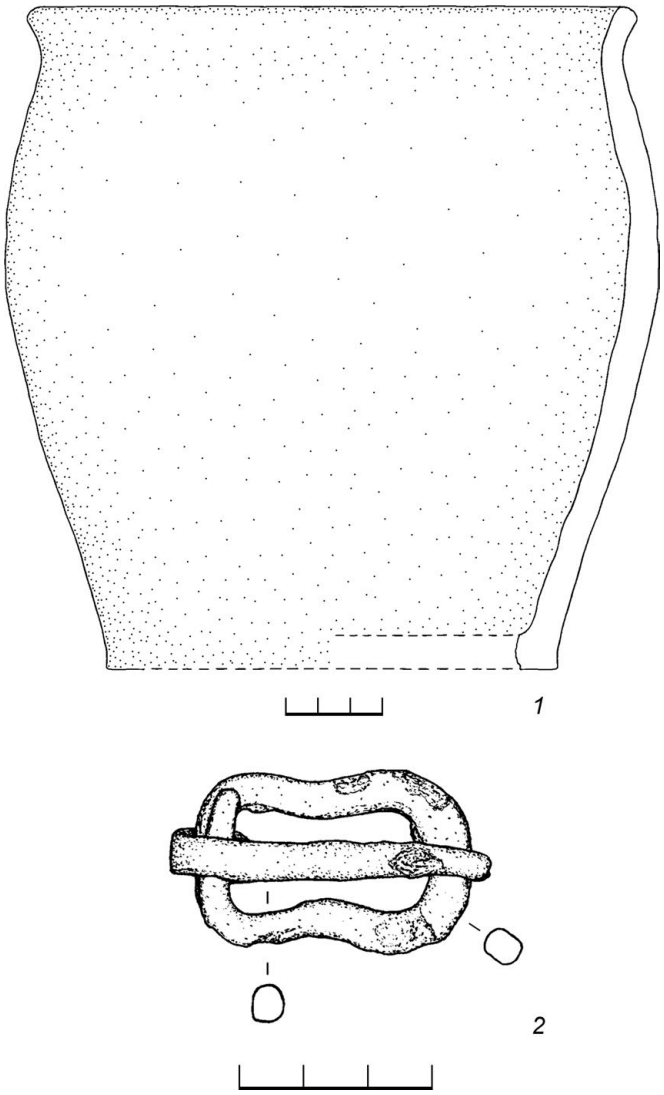


Рис. 7. Некрополь Навры II, курган 13 (Шурф XIII/Раскоп VII, 2019/2020):
1 – лепной горшок (графическая реконструкция), *2* – пряжка (рис. Н. А. Плавинского)

заглублена в материк на 0,10 м. Пятно светло-серого песка, образовавшееся в результате перемешивания черного песка с материковым грунтом и древним почвенным слоем под воздействием природных факторов, имело размеры 0,50 м (по линии север – юг) на 0,51 м (по линии запад – восток). Общий вес кальцинированных костей, выявленных в заполнении объекта 16, составляет 48,71 г. При этом значительная часть костей оказалась за границами пятна погребения в результате его разрушения распашкой (рис. 10, А). На небольшом

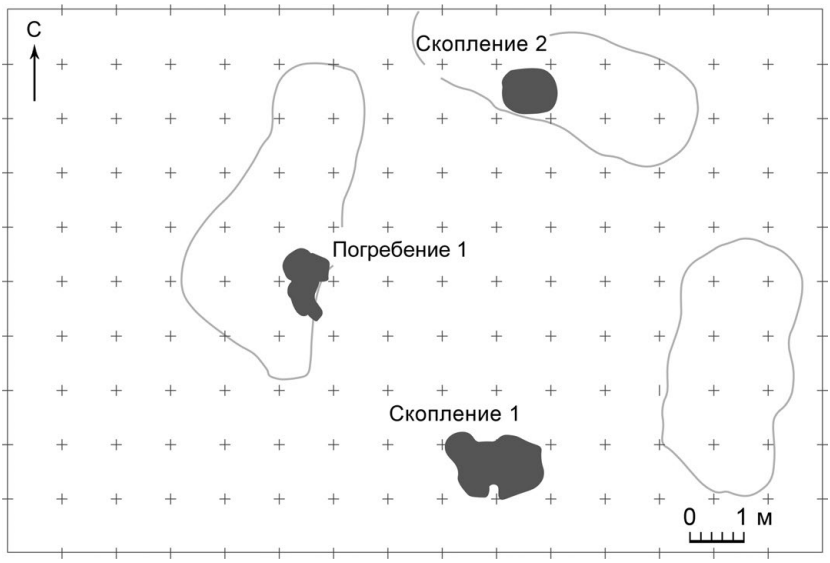


Рис. 8. Некрополь Навры II, курган 13 (Шурф XIII/Раскоп VII, 2019/2020), сводный план погребения (рис. В. Н. Тарасевич)

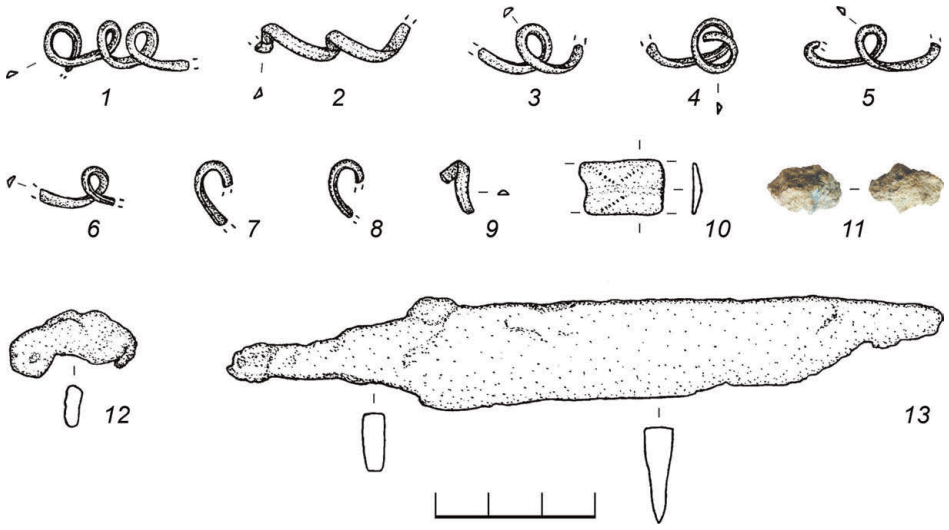


Рис. 9. Некрополь Навры II, 2020. Раскоп VII: *1–9* – фрагменты спиральных пронизок, *10* – фрагмент браслета, *11* – слиток стекла (?), *12* – слиток металла, *13* – нож (*1–10, 12–13* – рис. Н. А. Плавинского, *11* – фото В. Н. Тарасевич)

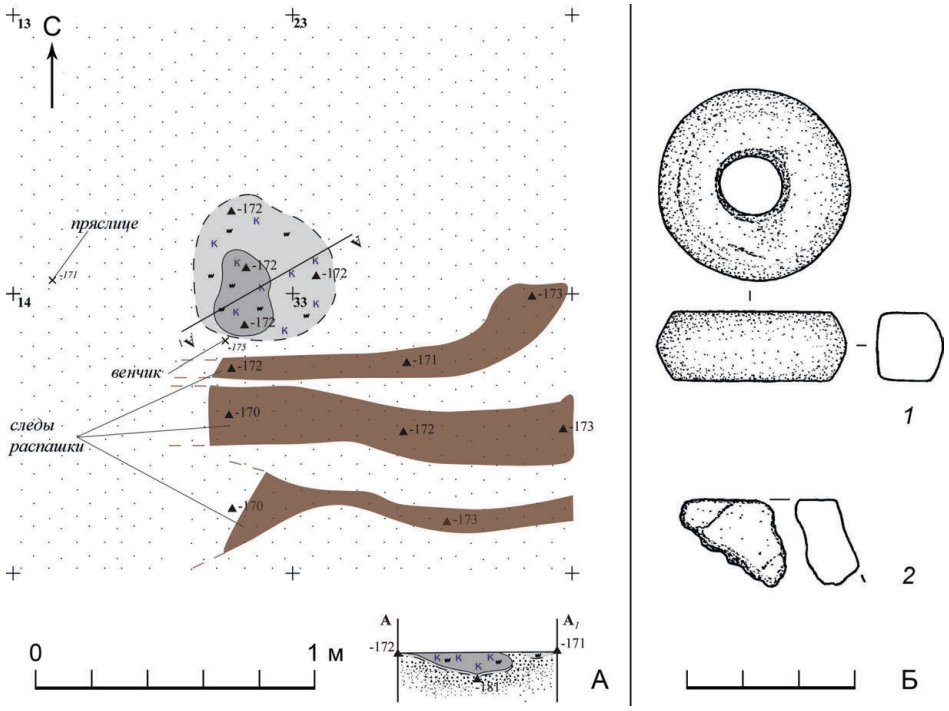


Рис. 10. Некрополь Навры II, 2020. Раскоп VII, Объект 16. А – план и профиль объекта; Б – предполагаемый погребальный инвентарь: *1* – пряслице, *2* – фрагмент лепной керамики (А – рис. В. Н. Тарасевич, Б – рис. Н. А. Плавинского)

расстоянии от объекта 16 было выявлено биконическое пряслице (рис. 10, Б: *1*), а практически в пятне погребения был выявлен венчик лепного сосуда со следами вторичного обжига (рис. 10, Б: *2*).

Реконструировать обрядовые действия, произведенные в процессе совершения погребения, можно следующем образом: остатки трупосожжения, совершенного на стороне, вместе с углем и пеплом были помещены в ямку, возможно, в органической емкости/конструкции. Уверенно говорить о том, что погребение было инвентарным, нельзя из-за сильного повреждения объекта распашкой.

Раскоп VIII был заложен к западу от Шурфа V и к северу от Раскопа IV, имел квадратную форму и общую площадь 36 кв. м (рис. 1: *3, 5*). В заполнении условного пласта 2 встречались отдельные кальцинированные кости, фрагменты деформированных в огне неопределимых украшений (рис. 11: *1–2, 17*), спиральных пронизок (рис. 11: *3–12*), нож группы I по Р. С. Минасяну (рис. 11: *13*) (*Минасян,* 1980. С. 69), миниатюрное железное проволочное височное кольцо с завитком (рис. 11: *14*), проволочное височное кольцо с завитком из сплава на основе меди (рис. 11: *15*), относящееся к варианту 1 типа 1 височных колец КСПДК по В. С. Нефедову (*Нефедов,* 2009. С. 37), фрагмент

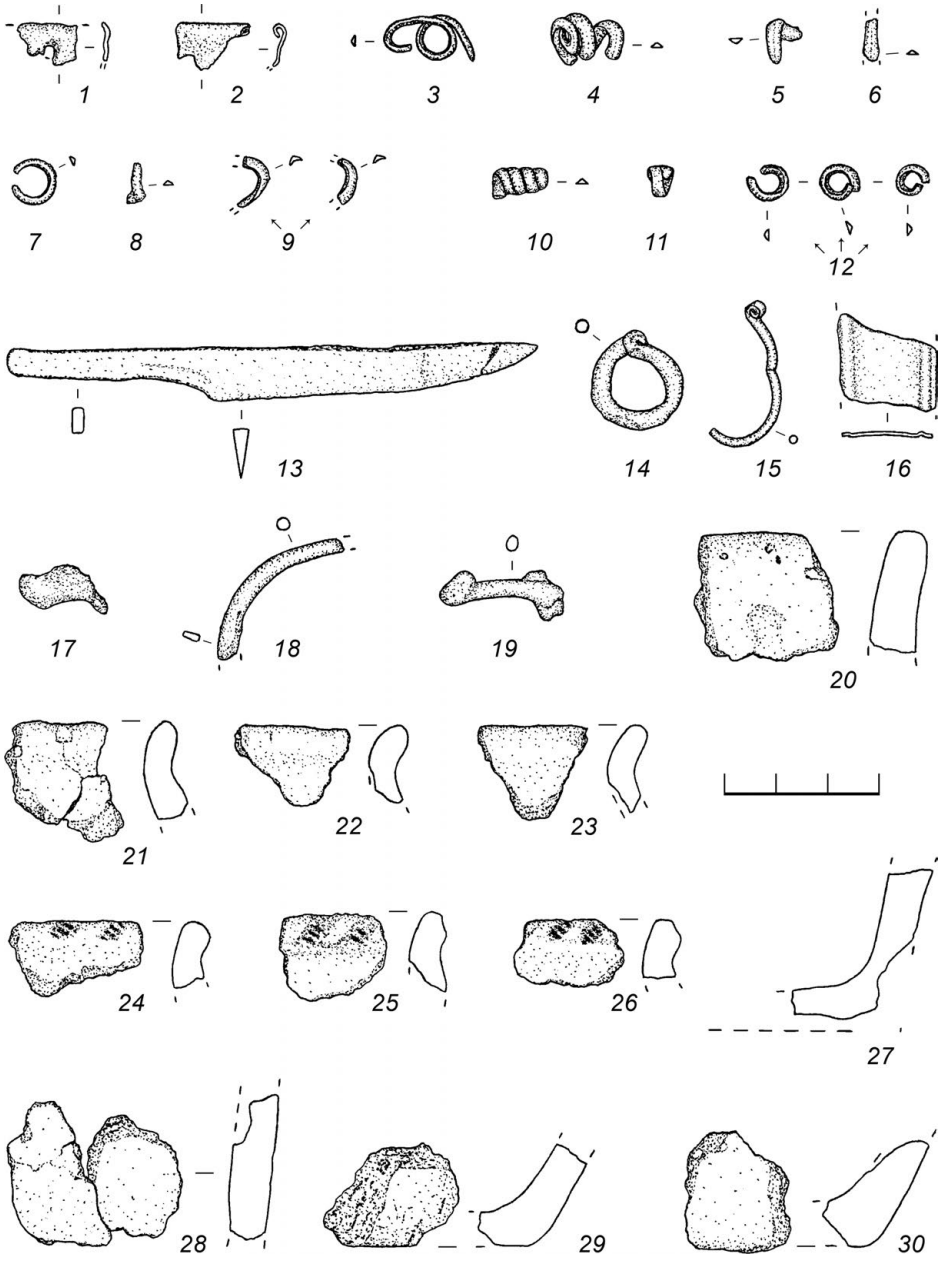


Рис. 11. Некрополь Навры II, 2020. Раскоп VIII: *1–2* – фрагменты пластинчатых украшений, *3–12* – фрагменты спиральных пронизок, *13* – нож, *14–15* – перстнеобразные височные кольца, *16* – фрагмент обоймицы, *17–19* – фрагменты неопределимых литых украшений, *20–30* – фрагменты лепной керамики (рис. Н. А. Плавинского)

обоймицы от головного венчика (рис. 11: *16*), фрагменты деформированного в огне височного кольца (?) (рис. 11: *18–19*). Среди фрагментов лепной керамики «с плечиком» выделяется не менее двух развалов (рис. 11: *21–30*). Венчик одного из этих сосудов был покрыт по краю веревочным орнаментом (рис. 11: *24–26*). Кроме керамики времени функционирования некрополя следует отметить один фрагмент из плотного теста, относящегося к более раннему времени (рис. 11: *20*). Также выделяются фрагменты миниатюрного лепного сосуда «с плечиком» (рис. 12, Б: *17*), вероятно, относящаяся к комплексу объекта 13.

Объект 13 – погребение по обряду кремации в материковой ямке. В ходе разборки грунта в квадрате 35 ближе к материковой поверхности было выявлено пятно темно-серого, даже черного песка, насыщенного кальцинированными костями и мелкими угольками. Пятно имело аморфные границы и размеры 0,56 м (по линии север – юг) на 0,55 м (по линии запад – восток). Его заглубленность в материк достигала 0,18 м (рис. 12, А). Вес кальцинированных костей составлял 29,57 г. В заполнении погребального пятна были выявлены:

– фрагментированные миниатюрные спиральные пронизки (рис. 12, Б: *1–7*);

– фрагменты (?) орнаментированного «луновидного» украшения (рис. 12, Б: *8–9*);

– фрагмент проволочного украшения (рис. 12, Б: *10*), слитки и шарики металла (рис. 12, Б: *11–13*);

– в верхней части заполнения были выявлены две оплавленные четырнадцатигранные бусины из прозрачного стекла голубого цвета (рис. 12, Б: *14–15*);

– фрагмент (придонная часть?) миниатюрного лепного сосуда (рис. 12, Б: *16*), выявленный за границами пятна погребения (рис. 12, А: *1*), и, вероятно, относящийся к описанному выше сосуду (рис. 12, Б: *17*).

К погребению, вероятно, также принадлежат выявленные в пласте древней погребенной почвы спиральные пронизки и слиток металла (рис. 11: *9, 12, 17*).

Объект 13 отличается небольшим (в сравнении с другими неразрушенными погребениями некрополя) количеством кальцинированных костей. Можно полагать, что в момент сожжения тела на умершей были какие-то украшения из сплава на основе меди и свинцо-оловянистого сплава, от которых остались только слитки и шарики. Степень оплавленности остальных украшений склоняет к мысли о том, что они не находились на теле все время, необходимое для его сожжения. Вероятно, их поместили на погребальный костер уже в момент его остывания. Можно полагать, что в состав убора погребенной входили неопределимые украшения, «луновидное» украшение (украшения?), которое могло исполнять функцию височного кольца (колец?), а также, вероятно, ожерелье, состоявшее из миниатюрных спиральных пронизок и четырнадцатигранных стеклянных бус (рис. 15, А). Похожее ожерелье было выявлено в курганном могильнике Борки Полоцкого района Витебской области (*Штыхаў*, 1992. С. 47, 115–116, мал. 31: 30).

Реконструировать обрядовые действия, осуществленные в процессе совершения погребения, можно следующим образом: после сожжения тела умершей на стороне, кальцинированные кости вместе с углем, пеплом и деформированными украшениями были перенесены с места трупосожжения на место

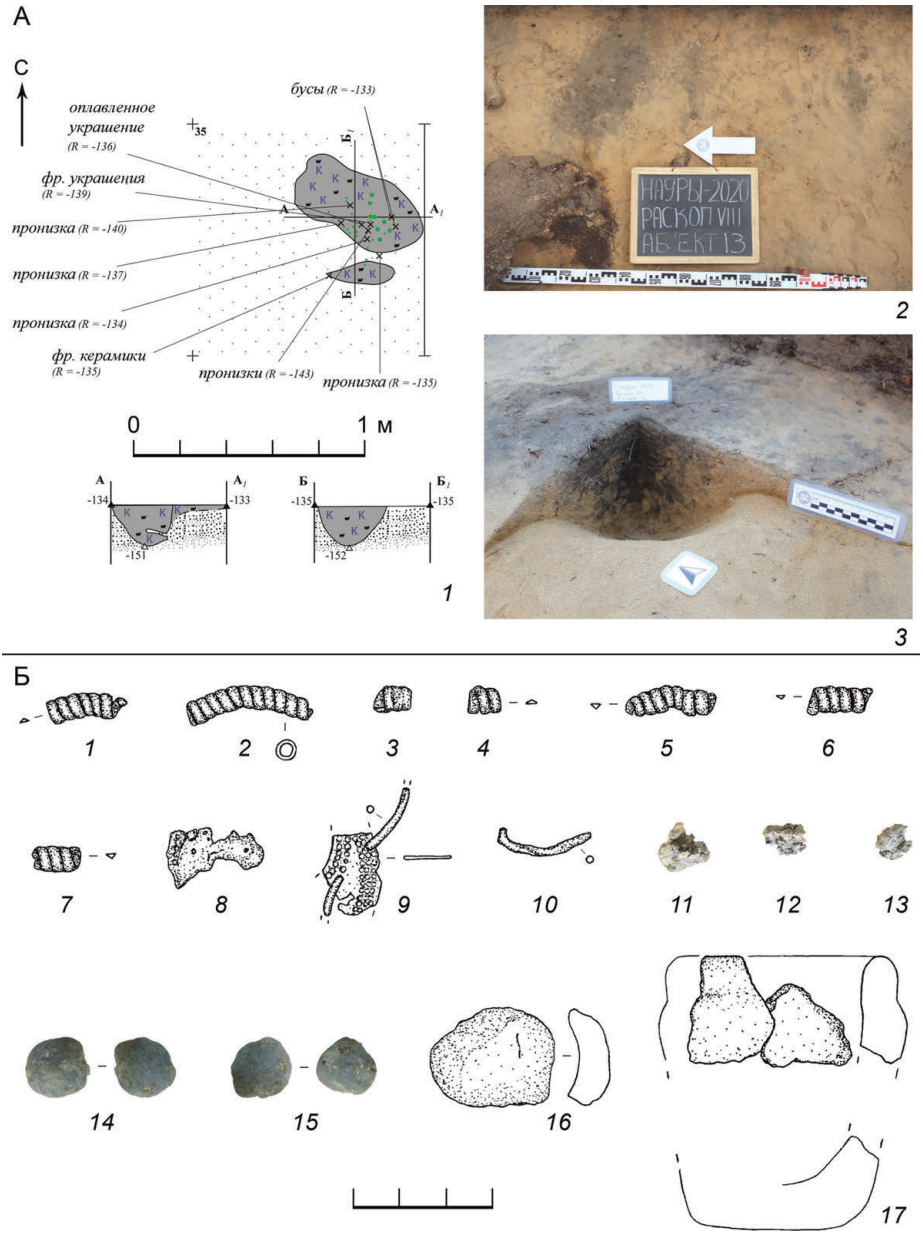


Рис. 12. Некрополь Навры II, 2020. Раскоп VIII, Объект 13. А: *1* – план и профили объекта, *2* – вид объекта сверху, *3* – процесс выборки, выбран юго-западный сектор объекта; Б – погребальный инвентарь: *1–7* – фрагменты спиральных пронизок, *8–9* – фрагменты «луновидного» украшения, 10 – фрагмент неопределимого проволочного украшения, *11–13* – слитки, *14–15* – оплавленные бусы, *16* – фрагмент лепной керамики, *17* – графическая реконструкция миниатюрного лепного сосуда (А, Б, *11–15* – рис. и фото В. Н. Тарасевич, Б, *1–10, 16–17* – рис. Н. А. Плавинского)

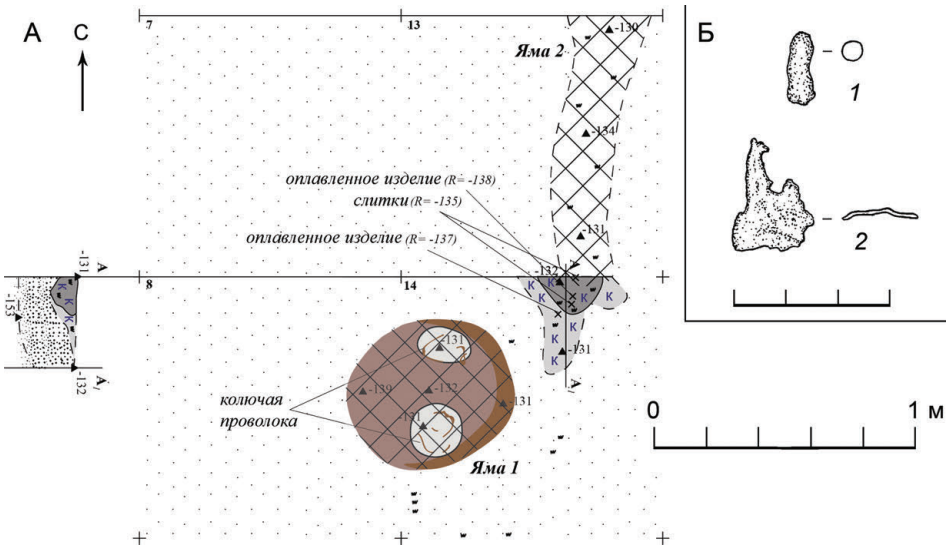


Рис. 13. Некрополь Навры II, 2020. Раскоп VIII, Объект 14: А – план и профиль объекта; Б – погребальный инвентарь: *1*, *2* – фрагменты неопределимых украшений (А – рис. В. Н. Тарасевич, Б – рис. Н. А. Плавинского)

погребения и помещены в небольшую ямку, не исключено, что в какой-то органической конструкции. Возможно, рядом с местом погребения был поставлен миниатюрный лепной сосуд.

Объект 14 – погребение по обряду кремации в материковой ямке. В ходе разборки условного пласта 2 в квадрате 14 было зафиксировано небольшое скопление кальцинированных костей, сильно поврежденное в западной части ямой-перекопом, в заполнении которой находились два куска колючей проволоки, переотложенные кальцинированные кости и фрагменты лепной керамики. Кроме того, большая часть объекта была уничтожена с северной стороны ямой, которая фиксировалась на уровне материковой поверхности как вытянутое по линии север – юг пятно гумусированного песка шириной 0,18–0,32 м и глубиной до 0,04 м (рис. 13, А).

Само пятно погребения прослеживалось слабо. Оно представляло из себя пятно темно-серого (даже черного) песка, насыщенного кальцинированными костями и угольками, с аморфными границами и размерами примерно 0,14 м (по линии север – юг) на 0,25 м (по линии запад – восток), углубленное в материк на 0,10 м (рис. 13, А). С запада, юга и востока пятно темно-серого песка было окружено пятном светло-серого песка с аморфными границами, включавшее кальцинированные кости и имевшее размеры 0,37 м (по линии север – юг) на 0,38 м (по линии запад – восток). Вес кальцинированных костей – 51,78 г. В заполнении погребения были найдены два фрагмента оплавленных типологически неопределимых украшений (рис. 13, Б), несколько слитков и шариков металла.

Сильная степень повреждения не позволяет детально реконструировать ритуальные действия, произведенные в процессе совершения погребения.

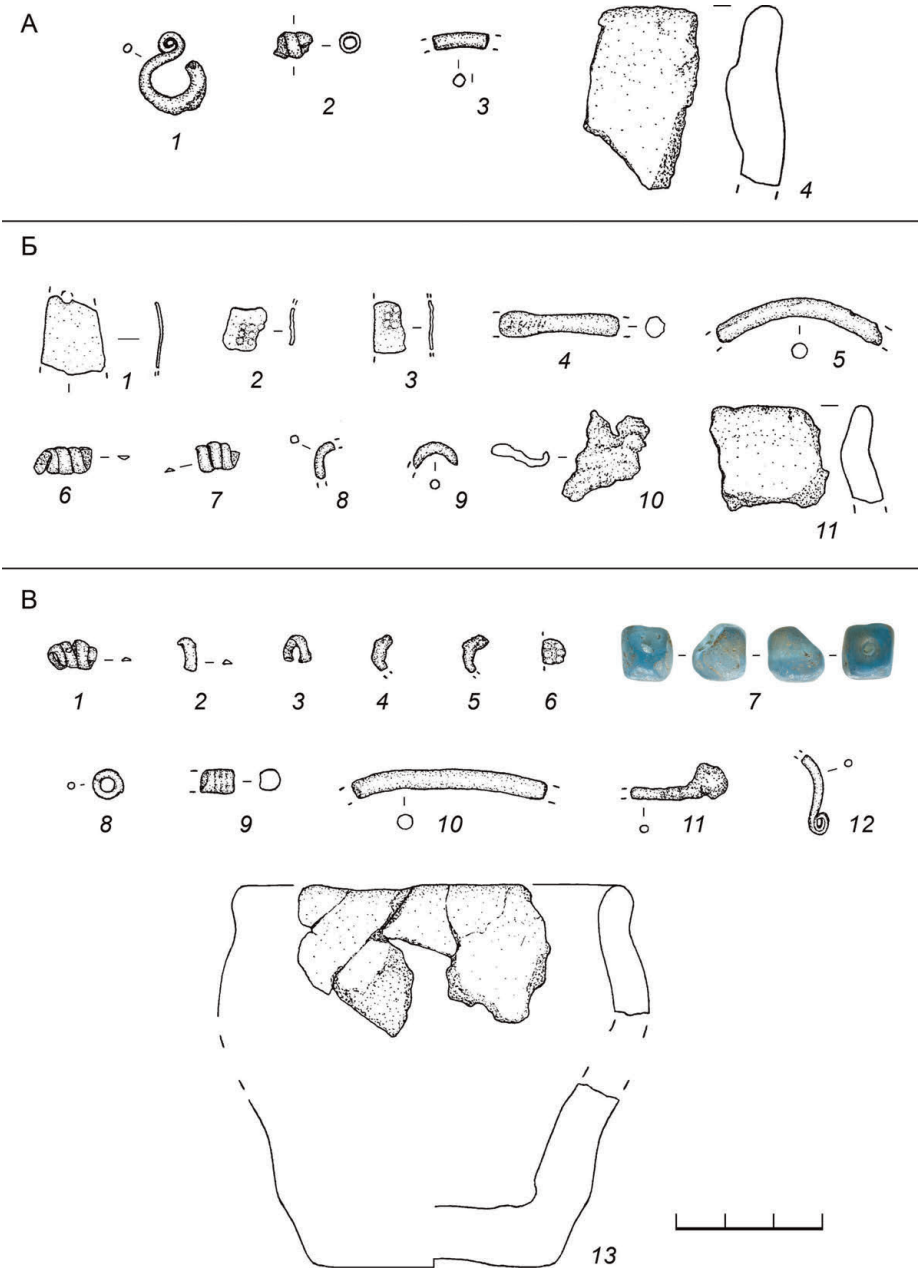


Рис. 14. Некрополь Навры II, 2020. А – Шурф XV: *1* – перстнеобразное височное кольцо, *2* – фрагмент спиральной пронизки, *3* – фрагмент неопределимого проволочного украшения, *4* – фрагмент лепной керамики; Б – Шурф XVI: *1* – фрагмент трапециевидной подвески, *2–3* – фрагменты пластинчатых украшений, *4–5, 10* – фрагменты неопределимых украшений, *6–7* – фрагменты спиральных пронизок, *8–9* – фрагменты колечек, *11* – фрагмент

Вероятно, остатки кремации с пеплом и деформированным в огне погребальным инвентарем были помещены в неглубокую ямку, возможно, в какой-то органической конструкции.

Шурф XV был заложен к северу от Раскопа VIII. Он имел прямоугольную форму и общую площадь 12 кв. м (рис. 1: *3, 5*). Характер стратиграфии Шурфа XV аналогичен предыдущим. В нем выявлены отдельные кальцинированные кости и мелкие фрагменты раннесредневековой лепной керамики (рис. 14, А: *4*). Кроме того, найдены миниатюрное перстнеобразное височное кольцо с завитком (рис. 14, А: *1*), фрагмент миниатюрной спиральной пронизки (рис. 14, А: *2*) и фрагмент типологически неопределимого проволочного украшения (рис. 14, А: *3*).

Шурф XVI был заложен к северу от Раскопа II и к западу от Шурфа II и имел прямоугольную форму, вытянутую по линии запад – восток, и общую площадь 24 кв. м (рис. 1: *3, 5*). Характер стратиграфии Шурфа XVI аналогичен предыдущим. В его заполнении выявлены отдельные кальцинированные кости, мелкие фрагменты раннесредневековой лепной керамики (рис. 14, Б: *11*), фрагмент трапециевидной подвески (рис. 14, Б: *1*), фрагменты пластинчатого орнаментированного украшения (украшений?), возможно, трапециевидных подвесок или обоймиц головного венчика (рис. 14, Б: *2–3*), фрагменты миниатюрных спиральных пронизок (рис. 14, Б: *6–7*) и типологически неопределимых украшений (рис. 14, Б: *4–5, 8–10*).

Объект 17 (?) – погребение по обряду кремации на дневной поверхности (?). В ходе разборки грунта в квадратах 15, 19, 23 была зафиксирована небольшая концентрация кальцинированных костей, среди которых найден ряд предметов погребального инвентаря. Концентрация находок позволят предполагать наличие тут погребения, которое помещалось не в материковой ямке, а, вероятнее всего, было высыпано на древнюю дневную поверхность или поставлено на нее в какой-то органической конструкции, которая со временем истлела и не оставила следов, которые могли бы быть зафиксированы археологически. Вероятно, первоначально костей было больше, но в результате естественных процессов большая их часть не сохранилась на месте первоначального размещения. Можно полагать, что инвентарь погребения состоял из фрагментов спиральных пронизок (рис. 14, В: *1–5*), фрагмента пластинчатого украшения (обоймицы от головного венчика (?) или трапециевидной подвески (?) (рис. 14, В: *6*), фрагмента височного кольца с завитком (рис. 14, В: *12*), миниатюрного полуторооборотного колечка (рис. 14, В: *8*), фрагментов неопределимых литых и проволочных украшений (рис. 14, В: *9–11*) и четырнадцатигранной бусины из прозрачного стекла голубого цвета без следов пребывания

лепной керамики; В – Шурф XVI, Объект 17, предполагаемый погребальный инвентарь: *1–5* – фрагменты спиральных пронизок, *6* – фрагмент пластинчатого украшения, *7* – стеклянная бусина, *8* – колечко, *9–11* – фрагменты неопределимых украшений, *12* – фрагмент перстнеобразного височного кольца, *13* – графическая реконструкция миниатюрного лепного горшка (А, Б, В, *1–6, 8–13* – рис. Н. А. Плавинского, Б, *7* – фото В. Н. Тарасевич)

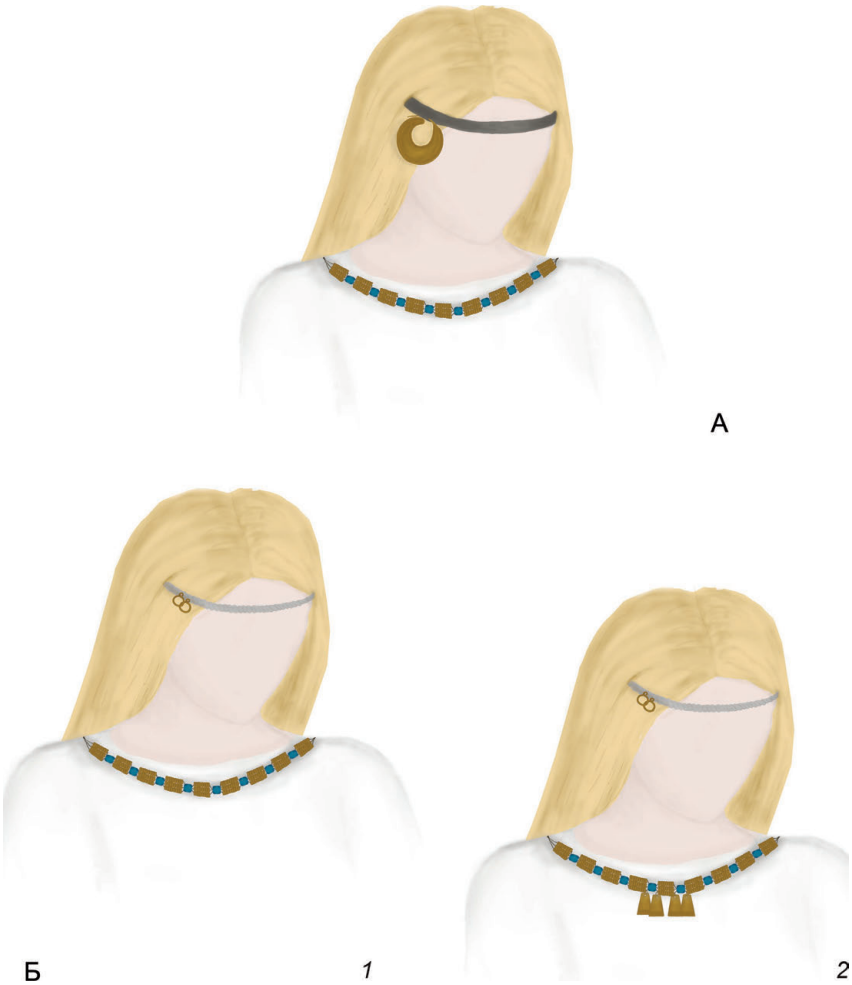


Рис. 15. Некрополь Навры II, 2020: А – графическая реконструкция элементов убора погребенной на основании инвентаря из Объекта 13, Б – варианты графической реконструкции элементов убора погребенной на основании инвентаря из Объекта 17 (рис. В. Н. Тарасевич)

в огне (рис. 14, В: *7*). Также к инвентарю погребения следует отнести миниатюрный лепной сосуд «с плечиком» (рис. 14, В: *13*), имевший высоту 7,8 см, диаметр венчика – 8,2 см, диаметр плечиков – 8,9 см и диаметр донышка – 5 см.

Можно полагать, что в состав погребального убора умершей входили перстнеобразные височные кольца с завитком, а также, вероятно, ожерелье, состоявшее из спиральных пронизок, разделенных четырнадцатигранными бусами (рис. 15, Б: *1*). Возможно, как дополнительный элемент к ожерелью подвешивались при помощи миниатюрных полуторооборотных колечек орнаментированные трапециевидные подвески (рис. 15, Б*: 2*).

Шурф XVII был заложен к югу от Шурфа IV и к востоку от Раскопа III и имел квадратную форму и общую площадь 9 кв. м (рис. 1: *3, 5*). Характер стратиграфии Шурфа XVII аналогичен Шурфу XVI. В его заполнении были выявлены фрагмент бусины (скорее всего, четырнадцатигранной) из прозрачного голубого стекла (рис. 16, А: *1*) и фрагменты орнаментированных обоймиц от головного венчика (рис. 16, А: *2–3*), а также отдельные кальцинированные кости, фрагменты лепной керамики, которые, вероятно, принадлежали двум горшкам (рис. 16, А: *4–15*).

Объект 15 – погребение по обряду кремации на дневной поверхности (?). В процессе разборки грунта в квадаратах 5, 6, 8 была зафиксирована концентрация кальцинированных костей (рис. 16, Б), не образовывавших, однако, четко очерченного пятна. При этом на уровне материковой поверхности были зафиксированы два скопления кальцинированных костей, окруженных пятнами от сгнивших корней деревьев. В процессе выборки этих пятен в их заполнении встречались переотложенные кальцинированные кости и фрагменты раннесредневековой лепной керамики. Значительная концентрация костей позволяет предполагать тут наличие разрушенного погребения по обряду кремации, аналогичного по характеру объекту 17. Погребение, вероятно, первоначально представляло из себя высыпанные (или помещенные в органической конструкции или лепном горшке) на древнюю дневную поверхность кальцинированные кости и остатки инвентаря. В результате естественных процессов большая часть погребения была уничтожена, что не позволяет определить его первоначальные размеры.

Археологические разведки в окрестностях деревни Навры в 2020 г.

С целью поиска сельских поселений, синхронных погребальным памятникам, в окрестностях деревни Навры в 2020 г. было заложено 3 шурфа.

Шурф I размещался в северной части деревни Навры на возвышенной местности над поймой канализированной реки Узлянки на территории частного земельного участка. Поводом для проведения шурфовки стала находка на одном из соседних участков бронзовой подковообразной орнаментированной фибулы с расширенными концами (рис. 17, А).[2] Шурф имел вид траншеи размером 1×4 м. Мощность перемешанного в результате сельскохозяйственной деятельности культурного слоя составляла 0,6–0,7 м. Массовые находки состояли из мелких фрагментов круговой посуды (рис. 17, Б: *3–14*), железных гвоздей, костей животных, фрагментов оплавленного стекла, металлургического шлака, небольшого количества кремневых артефактов. В шурфе были также найдены миниатюрное калачевидное кресало с закрученными на внешнюю сторону концами (рис. 17, Б: *1*) и фрагмент бронзовой круглой поясной пряжки с насечками (рис. 17, Б: *2*).

Находки из Шурфа I в большинстве своем относятся к XIV–XVIII вв. (*Макоўская*, 2021). В небольшом количестве присутствуют также артефакты

[2] Заложение шурфа непосредственно на месте находки фибулы не имело смысла, так как значительный пласт земли на данном участке был снят во время строительных работ.

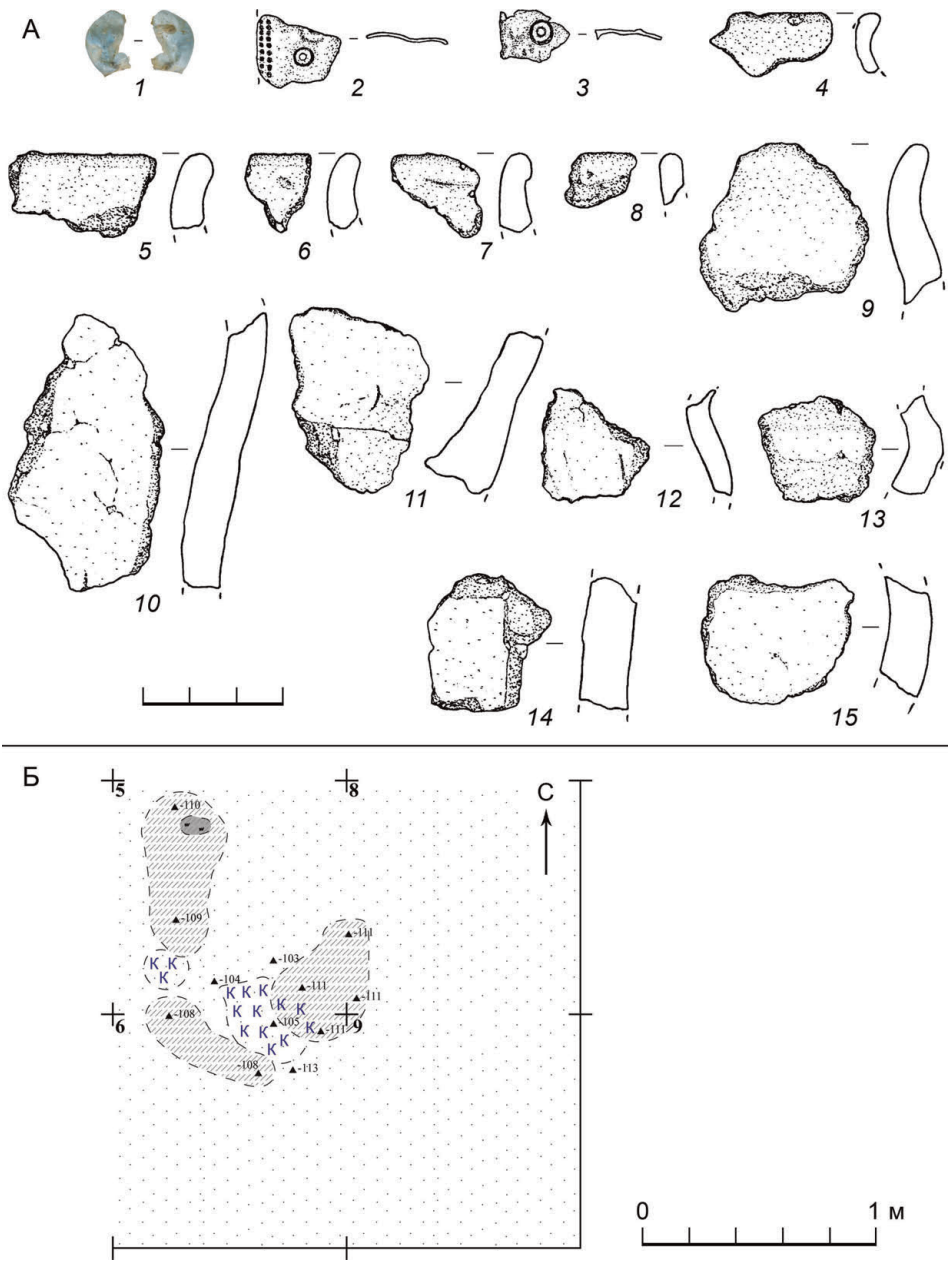


Рис. 16. Некрополь Навры II, 2020. Шурф XVII. А: *1* – оплавленная стеклянная бусина, *2–3* – фрагменты обоймиц от головного венчика, *4–15* – фрагменты лепной керамики; Б – план Объекта 15 (А, *1*, Б – фото и рис. В. Н. Тарасевич, А, *2–15* – рис. Н. А. Плавинского)

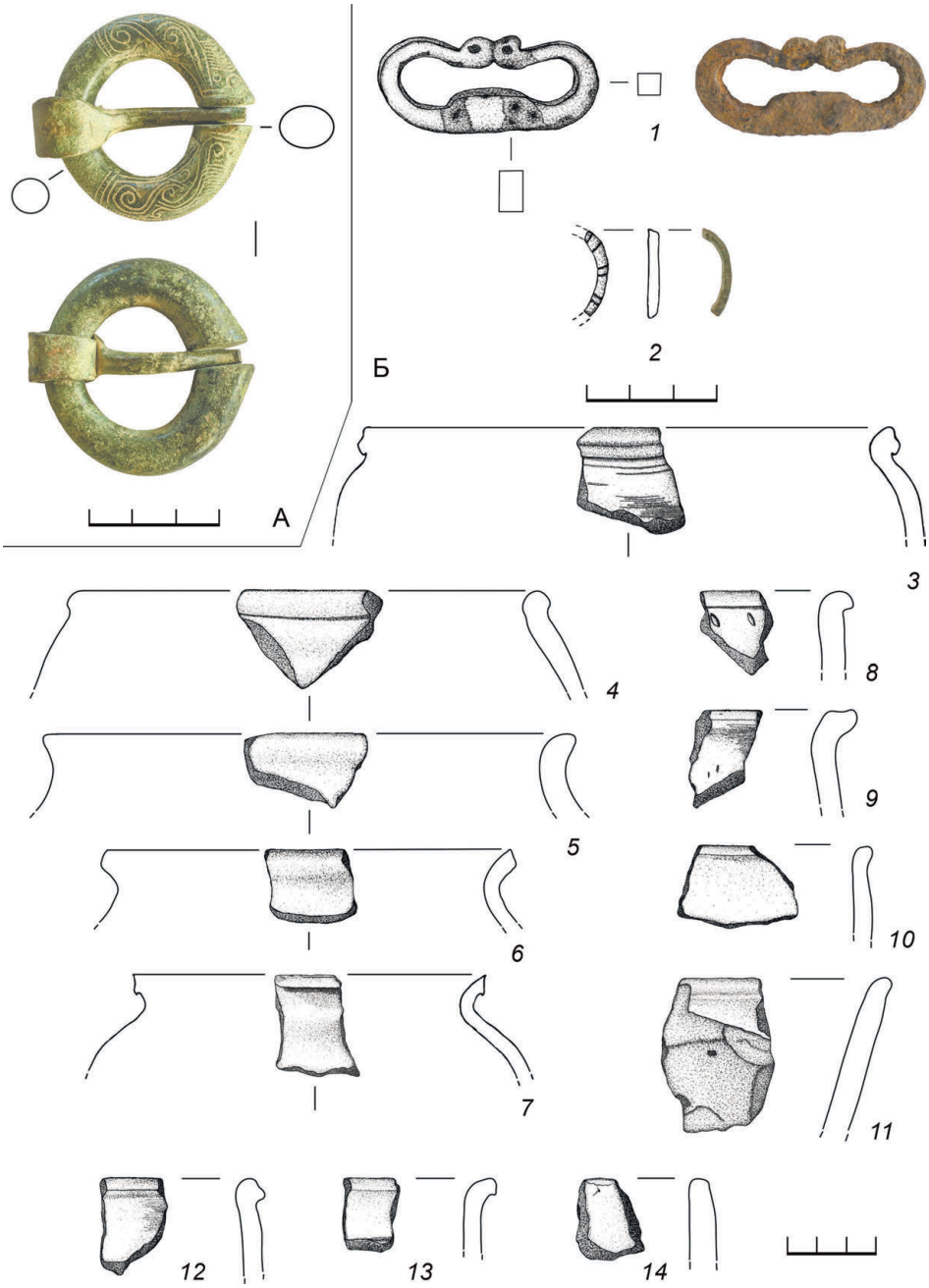


Рис. 17. Деревня Навры. А – подковообразная фибула (случайная находка); Б – находки из шурфа I: *1* – калачевидное кресало, *2* – фрагмент поясной пряжки, *3–7* – венчики горшков, *8–14* – венчики макотр (?) (рис. В. А. Маковской)

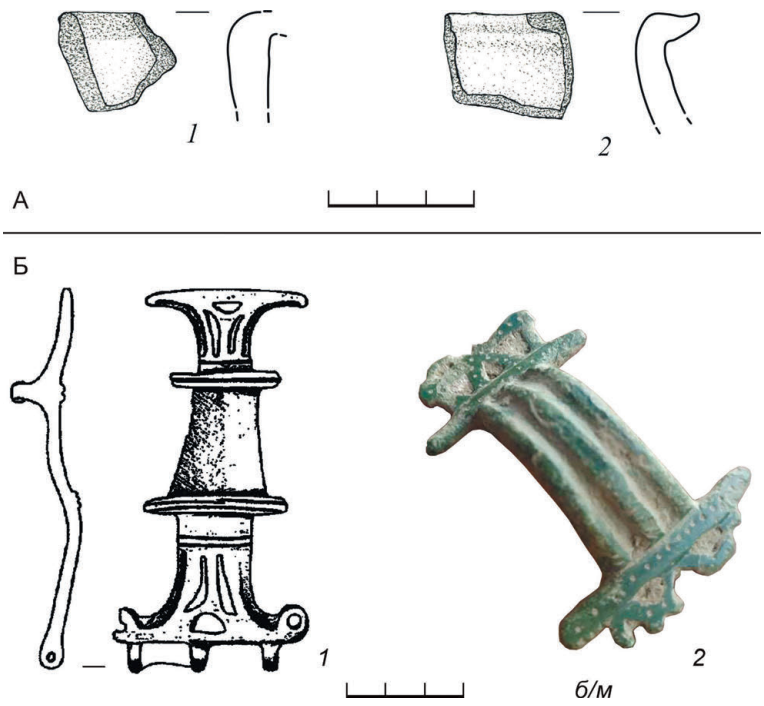


Рис. 18. Деревня Довжани. А – находки из шурфа около деревни Довжани: *1–2* – венчики круговой посуды; Б – фибулы круга выемчатых эмалей из окрестностей деревни Довжани: *1* – Т-образная перекладчатая фибула без эмалей, *2* – фрагмент фибулы, найденный в 2020 г. (А – рис. В. А. Маковской, Б, *1* – по О. А. Радюшу)

каменного – бронзового веков и XIX–XX вв. Материалы из Шурфа I отражают историю деревни Навры, впервые упоминаемой в письменных источниках под 1606 г. как село Навра на 10 дворов, принадлежавшее княжескому роду Радзивиллов (Гарады..., 2012. С. 569).

Шурф II размером 1×1 м был заложен на северной окраине деревни на возвышенности над поймой Узлянки. В напластованиях мощностью 0,45–0,60 м было найдено несколько мелких фрагментов глиняной посуды XIX–XX вв., две гильзы от винтовки Мосина, а также кремневые артефакты каменного – бронзового веков.

Кроме исследований на территории деревни Навры, еще один **шурф** размером 2×1 м был заложен на правом берегу Узлянки возле деревни Довжани. Шурф был заложен приблизительно в месте находки фрагмента фибулы (рис. 18, Б: *1*), относящейся к финалу вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей и датируемой IV в.[3] Следует отметить, что из окрестностей де-

[3] Фрагмент фибулы был выявлен в результате несанкционированного металлодетекторного поиска. Датировка артефакта определена научным сотрудником отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья ИА РАН О. А. Радюшем.

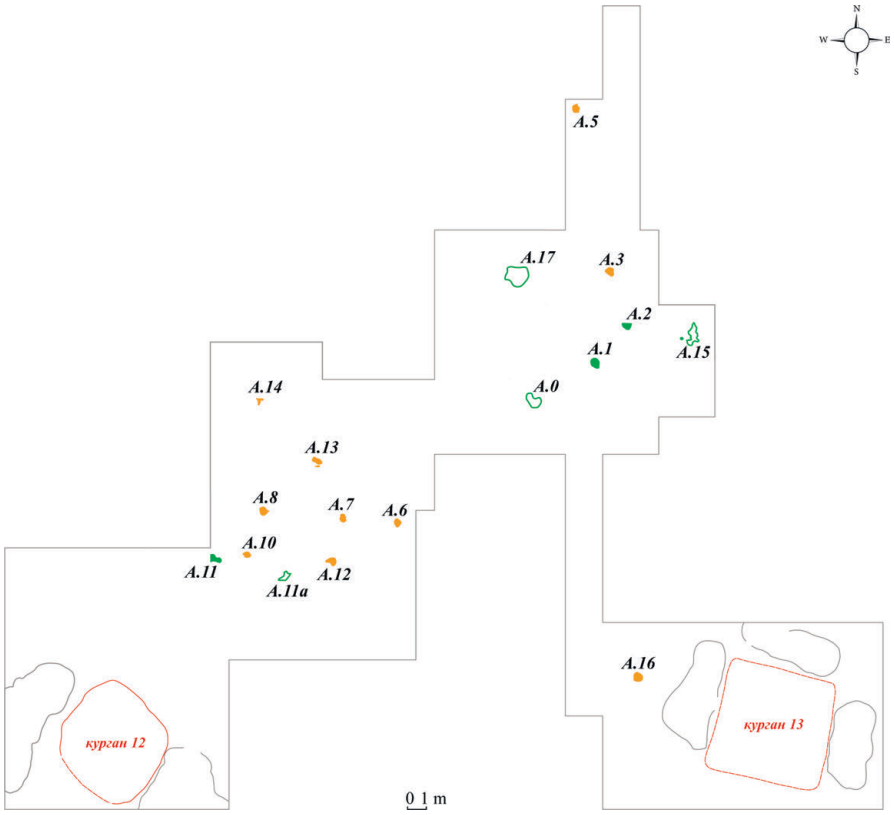


Рис. 19. Некрополь Навры II. Сводный план исследованных курганов и бескурганных погребений: оранжевым цветом обозначены объекты типа I, зелёным – объекты типа II, зелёным контуром – объекты типа II, фиксировавшиеся по скоплениям кальцинированных костей (рис. В. Н. Тарасевич)

ревни Довжани происходит также находка Т-образной перекладчатой фибулы без эмалей (рис. 18, Б: *2*) (*Радюш*, 2021. С. 67, 96, рис. 5: *2*). Перемешанные в результате сельскохозяйственной деятельности напластования в шурфе достигали мощности 0,3–0,36 м. Наиболее массовым видом находок был металлургический шлак, выявлены также мелкие фрагменты круговой керамики (рис. 18, А) и три кремневые пластины каменного – бронзового веков. Не исключено, что шурфовкой могла быть затронута какая-то часть производственной зоны поселения, чем могла бы объясняться большая концентрация шлака в материалах шурфа.

Выводы

Основные результаты исследований комплекса археологических памятников Навры в 2020 г. сводятся к следующему:

– на территории некрополя Навры II была вскрыта общая площадь 277 кв. м, была уточнена топография могильника, его хронология и культурная

принадлежность. К первому культурно-хронологическому горизонту функционирования некрополя относятся курганы 12 и 13, датируемые третьей четвертью I тыс. н. э., ко второму принадлежат бескурганные погребения по обряду кремации, которые размещаются к северу от курганов 12 и 13 (рис. 19), относятся к КСПДК и датируются в рамках существования этой культурной общности VIII – первой половиной XI в.;

– на исследованной площади бескурганного некрополя в 2020 г. было выявлено пять погребений по обряду кремации разной степени сохранности (рис. 19), которые разделяются на два типа. Погребения первого типа, вероятно, размещались в каких-то конструкциях или емкостях из органических материалов в неглубокие ямки, выкопанные в древней дневной поверхности (объекты 13, 14, 16). Остатки погребений второго типа, по всей видимости, помещались непосредственно на дневную поверхность, возможно, также в каких-то конструкциях или емкостях из органических материалов (объекты 15 и 17).

Таким образом, некрополь Навры II на сегодняшний день является единственным могильником второй половины I – начала II тыс. н. э., где на большой площади были выявлены и исследованы бескурганные погребения кривичей.

В ходе проведенных в 2020 г. разведок было уточнено количество и топография селищ и отдельных находок артефактов, относящихся к комплексу археологических памятников Навры.

Литература

Гарады і вёскі Беларусі: энцыклапедыя. Т. 8. Мінская вобласць. Кн. 3. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2012. 624 с.: іл.

Енуков В. В., 1990. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.: Курский пед. ин-т. 262 с.

Макоўская В. А., 2021. Археалагічныя разведкі Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту ў 2019–2020 гг. // Памяць продкаў праз музейны свет: мінулае, сучаснасць і будучыня музеяў пад адкрытым небам: матэрыялы рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі. Мінск: Нацыянальная бібліятэка Беларусі. С. 287–297.

Минасян Р. С., 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 21. Л. С. 68–74.

Михайлова Е. Р., 2014. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing. 427 с.

Нефедов В. С., 2009. Височные кольца культуры смоленско-полоцких длинных курганов (по материалам погребений Смоленского Поднепровья и Подвинья) // Российская археология. № 3. С. 35–41.

Плавинский Н. А., 2017. Курганный могильник Навры в Верховьях Вилии (по материалам раскопок 2012 и 2015 годов) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания (2016 г.). М.: ИА РАН. С. 320–340.

Плавинский Н. А., 2019. Раскопки курганного некрополя Навры I в 2017 году // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 34. Материалы 64-го заседания (2018 г.). М.; Псков: ИА РАН. С. 286–299.

Плавинский Н. А., Тарасевич В. Н., 2021. Предварительные результаты раскопок некрополя второй половины I тыс. н. э. Навры II в контексте изучения погребальных памятников северных регионов Республики Беларусь // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 263. С. 298–326.

Плавінскі А. М., Плавінскі М. А., Тарасевіч В. М., 2021. Раскопкі некропаля Наўры II у 2017 годзе // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск: Колорград. С. 115–161.

Плавінскі У. А., Плавінскі М. А., 2020. Разведачныя раскопкі на беразе возера Наўры ў 2017 годзе // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А: Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). № 2 (56). Магілёў. С. 9–21.

Радюш О. А., 2021. Новые данные о распространении вещей круга выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра, Нёмана, Западного Буга, Западной Двины, Ловати на территории Беларуси и России (материалы к каталогу) // Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: зборнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск: Колорград. С. 59–105.

Штыхаў Г. В., 1992. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. Мінск: Навука і тэхніка. 191 с.: іл.

Blujienė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius: Diemedžio. 300 p.: il.

Cehak-Hołubowiczowa H., 1937. Materiał i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim // Rocznik archeologiczny. T. 1. Wilno. S. 5–49.

Žiemgaliai: baltu archeologijos paroda: katalogas. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2005. 238 p.

* * *

Тарасевич Виктория Николаевна, *Республика Беларусь, Минск, Национальный исторический музей Республики Беларусь; e-mail: tarasevichvika475@gmail.com*

Маковская Виктория Александровна, *Республика Беларусь, Минск, Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта; e-mail: makouskayav@gmail.com*

Плавинский Николай Александрович, *кандидат исторических наук, Республика Беларусь, Минск, Институт истории Национальной академии наук Беларуси; e-mail: plavinsky_arc@mail.ru*

И. В. Магалинский

Химический состав изделий из цветного металла X–XI вв. из материалов исследований на территории археологического комплекса Кордон

Резюме. Представлены результаты анализа данных о химическом составе 115 изделий из цветных металлов, происходящих из материалов археологических исследований на территории археологического комплекса Кордон (Витебская область, Республика Беларусь). Автором установлено преобладание в выборке цинкосодержащих сплавов, а именно свинцовых и многокомпонентных латуней (41,7%). Значительная концентрация цинка в образцах свидетельствует о поступлении на территорию памятника «свежего» металла. Отмечается также, что важное место в цветной металлообработке занимали бронзы (свинцовые и оловянно-свинцовые), которые составляют 21,7% исследованных образцов. Для бронзовых сплавов характерно существенное преобладание свинцовой бронзы с высокими концентрациями свинца, часто превышающими 20%. Автором отметается также значительное количество в выборке образцов из «чистой» меди (11,3%) и легкоплавких сплавов (16,5%).

Ключевые слова: археометаллургия, археология Беларуси, ювелирное производство, материальная культура, химический состав древних металлов.

I. V. Mahalinski. Chemical Composition of 10–11th Centuries Non-ferrous Metal from Research Materials of the Cordon Archaeological Complex

Abstract. The results of the analysis of data on the chemical composition of 115 articles made of non-ferrous metals originating from materials of archaeological research on the territory of the archaeological complex Kordon (Vitebsk region, Republic of Belarus) are presented. The author has established that zinc-containing alloys are widespread in the sample, namely, lead and multicomponent brasses (41,7%). The high content of volatile zinc in the samples indicates the arrival of "fresh" metal on the territory of the site. It is also noted that bronzes (lead and tin-lead), which make up 21,7% of the studied samples, occupied an important place in non-ferrous metalworking on the territory of the archaeological complex. Bronze alloys are characterized by a significant predominance of lead bronze with high lead concentrations, often exceeding 20%. The author also notes a high percentage of objects of "pure" copper (11,3%) and products from low-melting alloys (16,5%) in the studied samples.

Keywords: archaeometallurgy, archeology of Belarus, jewelry production, material culture, chemical composition of ancient metals.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.300-310

Археологический комплекс Кордон расположен на участке правого берега р. Западная Двина между современными деревнями Кордон и Илово Шумилинского района Витебской области (Республика Беларусь). Памятник был открыт в 2015 г. и изучался экспедицией Института истории НАН Беларуси под общим руководством Ольги Николаевны Левко (21.05.1947–26.10.2021). Проведенные исследования показали, что из рядового сельского поселка в IX–XI вв. археологический комплекс Кордон развился в обширное торгово-ремесленное поселение. В ходе археологических работ на территории памятника был выявлен разносторонний вещевой материал, среди которого значительное количество артефактов возможно соотнести с производством по обработке цветных металлов (*Левко*, 2018. С. 89–90).

Целью работы является анализ данных по элементному составу предметов из цветных металлов, обнаруженных в ходе исследований археологического комплекса Кордон.

Изучение химического состава образцов проводилось методом оптико-эмиссионного спектрального анализа в отделе «Испытательно-исследовательский центр» Полоцкого государственного университета под руководством С. Ф. Денисёнка на портативном искровом оптико-эмиссионном спектрометре SPECTROPORT производства компании Spectro Analytical Instruments GmbH (Германия) (81 образец), а также автором настоящей статьи в археологической лаборатории Полоцкого государственного университета по методу рентгенофлуоресцентного анализа на портативном РФА-спектрометре Vanta C, производства компании Olimpus (34 образца).

Для систематизации результатов используется классификация сплавов Й. Ридерера, дополненная российскими исследователями Н. В. Ениосовой, Р. А. Митаяном и Т. Г. Сарачевой (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 129–130).

В работе анализируются данные о химическом составе 115 образцов из цветных металлов, обнаруженных в ходе археологических исследований на территории памятника (табл. 1). Предметы относятся к разным типологическим группам: украшения и детали одежды (52 образца), инструменты (2 образца), предметы христианского культа (4 образца), хозяйственные и бытовые изделия (3 образца), изделия неопределенного назначения (37 образцов), предметы письменности (1 образец), сырьевой металл (16 образцов)[1].

В ходе исследования установлены наиболее распространенные группы сплавов: «чистая» медь (13 экз., 11,3% выборки), латунь (17 экз., 14,8% выборки), бронза (25 экз., 21,7% выборки), многокомпонентные сплавы (38 экз., 33%), легкоплавкие сплавы (19 экз., 16,5% выборки), сплавы драгоценных металлов (3 экз., 2,6% выборки) (рис. 1). Необходимо также отметить, что в настоящей работе при определении типов сплавов не учитывалось обнаруженное в ряде образцов железо (Fe), которое следует связывать с поверхностным загрязнением предметов.

[1] Коллекция находится в обработке, поэтому изображения предметов здесь не публикуются.

Таблица 1

Элементный состав изделий из цветных металлов X–XI вв. из Кордона

№	Название предмета	Концентрация элементов, %					
		Cu	Pb	Sn	Zn	Ag	Au
1	Крест нательный	74,55	15,75	3,637	4,306	0	0
2	Подвеска	31	35,17	27,46	3,766	0	0
3	Бляшка	0,018	69,39	28,48	0,066	0	0
4	Бляшка	0,11	44,24	53,31	0,047	0	0
5	Бляшка	0,051	51,23	46,61	0,05	0	0
6	Браслет	53,75	36,86	1,64	4,412	0	0
7	Пластинка	69,18	2,362	10,3	15,683	0	0
8	Накладка поясная	79,31	7,275	7,86	0,239	0	0
9	Пуговица	10,89	38,04	35,18	0,673	0	0
10	Накладка поясная	7,84	80,12	6,78	1,115	0	0
11	Накладка	38,04	59,18	0,106	1,836	0	0
12	Наконечник поясной	32,65	32	23,57	0,483	2,458	0,108
13	Крест нательный	24,51	39,1	27,03	1,825	0	0
14	Накладка	42,02	37,09	12,79	1,091	0	0
15	Пряжка	28,91	29,75	26,06	2,451	0	0
16	Книжная застежка	25,92	29,49	32,04	2,921	0	0
17	Пуговица	24,88	70,74	0	1,46	0	0
18	Накладка поясная	36,44	27,01	30,56	2,49	0	0
19	Гирька	38,21	58,65	0,089	1,505	0	0
20	Крест нательный	29,36	32,02	25,15	4,789	0	0
21	Крест нательный	85,45	7,486	1,372	3,027	0	0
22	Подвеска	9,8	86,24	0,177	0,545	0	0
23	Пуговица	21,17	64,5	6,42	2,71	0	0
24	Накладка	83,15	9,77	4,03	0,413	0	0
25	Подвеска	17,15	29,55	48,5	0,609	0	0
26	Конус	0,051	97,96	0,097	0,031	0	0
27	Накладка поясная	78,5	4,41	12,28	1,528	0	0
28	Булавка	65,9	16,24	2,55	1,953	0	0
29	Накладка	69,28	15,1	5,793	2,744	0	0
30	Накладка поясная	52,66	6,709	33,47	0,107	0	0
31	Накладка поясная	57,2	3,706	37,9	0,113	0	0
32	Накладка	37,18	7,769	0,85	0,137	44,79	0,253
33	Накладка поясная	20,72	34,56	30,54	2	0	0
34	Накладка поясная	29,58	44,44	16,63	7,761	0	0
35	Литник	69	23,85	1,18	6,49	0,052	0
36	Булавка	63,1	27	1,32	1,57	0,0075	0
37	Оплавок	95,3	0,51	0,076	0,171	0,093	0
38	Фибула	62	30,55	0,9	0,71	0,014	0
39	Фибула	65,8	15,85	2,59	10,34	0,036	0
40	Литник	77	22,5	0,024	0,27	0,017	0
41	Фибула	72,2	14,29	0,99	7,29	0,017	0
42	Изделие	77,3	22,7	0,002	0,02	0,0047	0
43	Браслет	57,6	28,37	1,29	6,27	0,021	0
44	Пластинка	99	0,292	0,142	0,02	0,057	0
45	Пластинка	98,9	0,4	0,0061	0,02	0,205	0

№	Название предмета	Концентрация элементов, %					
		Cu	Pb	Sn	Zn	Ag	Au
46	Оплавок	71	24,5	0,039	3,39	0,055	0
47	Пластинка	76,4	5,97	0,31	11,97	0,106	0
48	Пластинка	85,6	6,71	0,002	5,96	0,17	0
49	Пластинка	60,1	13,04	2,8	12,38	0,028	0
50	Пластинка	97,4	0,83	0,3	0,42	0,071	0
51	Браслет	64,5	23,01	2,89	9,52	0,084	0
52	Пластинка	64,1	27,1	3,45	5,32	0,0176	0
53	Пластинка	77,3	22,6	0,039	0,048	0,0119	0
54	Булавка	67,9	23,35	0,0135	8,74	0,073	0
55	Пластинка	65,1	22,67	12,22	0,02	0,004	0
56	Фибула	82,8	5,37	0,036	10,15	0,087	0
57	Оплавок	63,1	19,29	1,97	12,66	0,068	0
58	Оплавок	77,4	22,59	0,002	0,022	0,0068	0
59	Шейная гривна	63,2	17,8	3,65	6,3	1,85	0
60	Пластинка	99	0,167	0,05	0,02	0,073	0
61	Пластинка	99,1	0,33	0,04	0,02	0,33	0
62	Оплавок	77,3	22,69	0,002	0,02	0,0078	0
63	Оплавок	97,6	1,09	0,144	0,02	0,34	0
64	Оплавок	55,6	29,01	13,72	1,65	0,3	0
65	Пластинка	77,1	22,89	0,003	0,235	0,0143	0
66	Оплавок	59,8	18,67	2,99	13,53	0,123	0
67	Пластинка	98,4	0,36	0,04	0,02	0,079	0
68	Наковальня	99,8	0,019	0,002	0,02	0,0236	0
69	Изделие	75,2	23,57	1,22	0,188	0,037	0
70	Оплавок	93,2	3,69	1,13	0,06	0,091	0
71	Браслет	58,8	1,11	12,73	19,54	0,0155	0
72	Язычок фибулы	99,6	0,129	0,0025	0,02	0,086	0
73	Пластинка	71,5	10,27	2,88	7,27	0,033	0
74	Пластинка	99	0,48	0,0287	0,02	0,087	0
75	Язычок фибулы	68,2	4,93	2,25	22,24	0,034	0
76	Пластинка	97,6	2,13	0,0125	0,02	0,0114	0
77	Пластинка	71,6	11,5	4,4	8,87	0,083	0
78	Изделие	99,6	0,004	0,002	0,02	0,0087	0
79	Пластинка	99,1	0,079	0,005	0,02	0,067	0
80	Фибула	64,2	24,75	1,32	8,05	0,0132	0
81	Пластинка	97,7	0,25	1,07	0,02	0,054	0
82	Изделие	69,2	23,18	0,44	7,17	0,065	0
83	Пластинка	97,7	0,12	0,002	0,042	0,0231	0
84	Накладка поясная	53,1	24,7	4,32	17,18	0,282	0
85	Булавка	85,2	4,82	0,002	9,03	0,099	0
86	Фибула	72,4	23,06	0,005	4,44	0,064	0
87	Изделие	69	6,63	0,53	21,6	0,127	0
88	Оплавок	66,5	24,23	7	2,17	0,054	0
89	Пинцет	72,8	11,24	1,87	13,01	0,084	0
90	Изделие	55,9	21,55	4,78	15,78	0,073	0
91	Пластинка	63,4	24,34	5,16	7	0,036	0
92	Пуговица с литником	75,3	22,95	0,02	1,65	0,015	0
93	Пластинка	60,4	18,65	4,52	9,07	0,182	0
94	Игла фибулы	66	23,57	1,05	9,28	0,047	0

№	Название предмета	Концентрация элементов, %					
		Cu	Pb	Sn	Zn	Ag	Au
95	Стержень	75	23,73	0,01	0,31	0,0065	0
96	Фибула	74,6	4,58	3,62	11,95	0,044	0
97	Стержень	77,2	22,7	0,011	0,054	0,01	0
98	Слиток	63,6	25,01	1,72	8,57	0,031	0
99	Оплавок	84	7,93	0,94	1,75	0,077	0
100	Бубенчик	67,1	22,71	5,51	4,58	0,078	0
101	Стержень	80,8	0,42	1,84	13,75	0,099	0
102	Игла фибулы	77,2	22,7	0,004	0,025	0,0094	0
103	Цепедержатель	74,2	24,65	0,0135	0,94	0,0134	0
104	Стержень	63,2	25,82	2,88	6,87	0,0242	0
105	Пластинка	49,29	21,36	11,86	13,07	0,044	0
106	Изделие	68,4	8,12	2,19	19,94	0,147	0
107	Браслет	62,4	27,36	0,39	8,08	0,0261	0
108	Шейная гривна	76,8	23,1	0,0046	0,148	0,0078	0
109	Пластинка	75,7	23,2	0,069	0,84	0,0195	0
110	Пластинка	71	7,46	0,002	19,86	0,03	0
111	Шейная гривна	76,8	22,9	0,0046	0,148	0,0078	0
112	Пластинка	59,8	22,16	3,43	11,61	0,0115	0
113	Браслет	82,8	10,79	0,002	5,47	0,13	0
114	Оплавок	76,6	23,3	0,044	0,43	0,0072	0
115	Цепедержатель	74,8	13,69	0,034	9,15	0,049	0

Изделия из ***«чистой» меди*** (Cu) встречены в количестве 13 образцов, что составляет 11,3% выборки. Предметы характеризуются достаточно высокой чистотой металла, содержание Cu в сплавах варьируется от 95,3 до 99,8%. Максимальная концентрация свинца в изделиях из «чистой» меди не превышает 0,82%, олова – 0,3%, цинка – 0,42%. В металле восьми предметов обнаружено более 99% меди. Среди исследованных предметов наибольшим количеством представлены фрагменты пластинок и оплавки (11 образцов). Из сплава с содержанием более 99% меди изготовлен также язычок подковообразной фибулы и наковальня.

Использование «чистой» меди для производства инструментов, украшений, а также в качестве сырьевого металла является свидетельством доступа местных ремесленников к «свежему» металлу. Следует отметить, что изделия из «чистой» меди составляют 28% от выборки синхронных материалов из Гнездово, в Новгороде – 30%, Пскове – 11% (*Ениосова*, 2016. С. 726; *Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 145). На территории Беларуси в Бирулях зафиксировано 5,6% образцов из данного металла, в Полоцке – 8,75% (*Магалінскі, Кенько,* 2021. С. 65; *Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 394; *Магалинский, Райков,* 2014. С. 121).

Медно-цинковые сплавы представлены в выборке свинцовыми и оловянными латунями.

Свинцовые латуни (CuZnPb) встречены в металле 16 образцов (13,9% выборки). Преобладают изделия со значительными концентрациями цинка в сплавах. Так, в металле 4 предметов выявлено более 10% Zn. Максимальная концентрация этого металла (21,6%) зафиксирована в составе изделия неопределенного

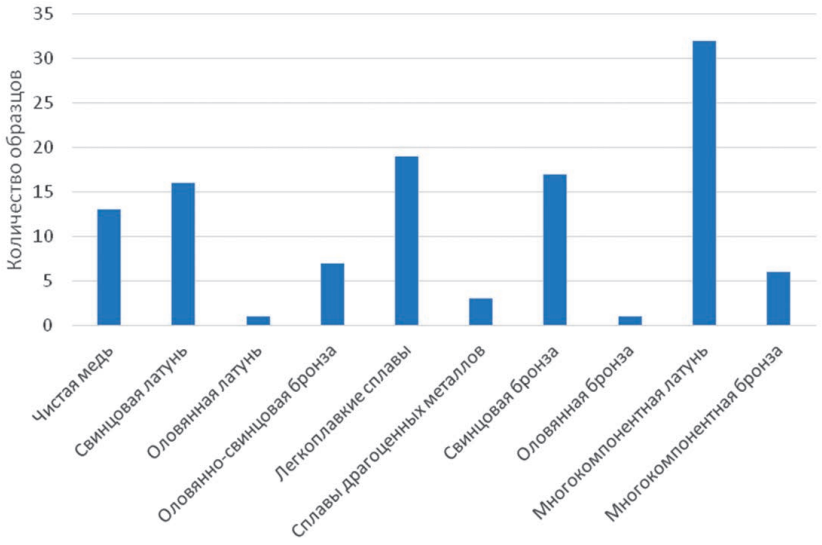


Рис. 1. Распределение образцов из Кордона по типам сплавов

назначения. Менее 4% цинка обнаружено только в 4 образцах. Необходимо также отметить достаточно высокие концентрации в предметах свинца. В составе 9 изделий обнаружено свыше 10% Pb, в 4 из которых 20% этого металла.

Среди предметов из свинцовой латуни встречены 3 оплавка, 3 фибулы, 2 фрагмента кольцевидных булавок, цепедержатель, 2 браслета, перстень, а также изделия неопределенного назначения.

Среди синхронных материалов свинцовые латуни составляют 24% от исследованных образцов из Гнездово (*Ениосова,* 2016. С. 728). Изделия из данного сплава получили также широкое распространение на территории Северо-Западной Руси, Прибалтики, Скандинавии (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 134). В Беларуси предметы из свинцовой латуни встречены в Бирулях (21,5%), Полоцке (18,6%), памятниках Центральной Беларуси (8,9%) (*Магалінскі, Кенько,* 2021. С. 65; *Магалинский, Кенько,* 2020. С. 72; *Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 394; *Магалинский, Райков,* 2014. С. 121; *Магалинский, Войтехович,* 2021. С. 70).

Оловянная латунь (CuZnSn) представлена одним образцом (стержень неопределенного назначения). Содержание цинка – 13,75%, олова – 1,84%. Изделия из данного сплава являются достаточно редкими и чаще всего являлись результатом многочисленных переплавок исходного сырья из оловянной бронзы и двойной латуни (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 134).

Бронзовые сплавы представлены в выборке изделиями из оловянной, оловянно-свинцовой и свинцовой бронзы.

Оловянно-свинцовая (CuSnPb) бронза являлась сырьем для производства 7 образцов (6% выборки). В составе двух предметов обнаружено высокое содержание олова – 33,47% и 37,9% соответственно. При этом концентрация

свинца в сплавах в основном не превышает 10% и колеблется в пределах от 6,71 до 9,77%, однако встречены также два образца с высоким содержанием свинца (22,67% и 23,57%). Четыре изделия из выборки относятся к поясным накладкам, назначение еще трех предметов не установлено.

Оловянная бронза (CuSn) представлена экземпляром пластинки неправильной формы со следами резания, концентрация олова в предмете – 1,07%, свинца – 0,25%, цинка – 0,02%.

Наибольшее распространение оловянные и оловянно-свинцовые бронзы получили на территории Северо-Восточной Руси, в Серенске, вятичских курганах, Москве и поселениях Московской области (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 137). На территории Беларуси оловянно-свинцовые бронзы встречены в Бирулях (4,6%), Полоцке (21%), на памятниках Центральной Беларуси (23%) (*Магалінскі, Кенько,* 2021. С. 68; *Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 395; *Магалинский, Войтехович,* 2021. С. 71).

Свинцовая бронза (CuPb) представлена самым большим числом образцов – 17 (14,8% выборки). Большинство изделий содержат в составе свинец в высоких концентрациях, превышающих 20% – 15 образцов. Максимальное количество Pb зафиксировано в металле фрагмента дужки подковоподобной фибулы – 30,55%.

Среди изделий из свинцовых бронз в выборке представлены 3 оплавка, игла фибулы, цепедержатель, 2 фрагмента шейных гривен, 7 предметов неопределенного назначения.

Для синхронной выборки из Гнездово не характерно широкое распространение свинцовых бронз, которые составляют только 4% выборки (*Ениосова,* 2016. С. 726). Между тем, значительный процент изделий из данного сплава характерен для северорусских памятников, таких как Новгород, Псков, Залахтовье и др., где встречаются образцы с низким содержанием свинца, часто не превышающим 8% (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 145*)*. Некоторые исследователи считают, что свинцовые бронзы, встречающиеся в виде слитков в Латвии и на Готланде, происходят из одного месторождения (*Svarāne,* 2013. lpp. 107). В Беларуси свинцовые бронзы встречены в Бирулях (7,5%), Полоцке (1,8%), на отдельных памятниках Центральной Беларуси (2,5%) (*Магалінскі, Кенько,* 2021. С. 68; *Магалинский, Кенько,* 2020. С. 72; *Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 395; *Магалинский, Райков,* 2014. С. 121; *Магалинский, Войтехович,* 2021. С. 71).

Многокомпонентные сплавы, образованные в результате смешения разносоставного металлического лома, представлены в материалах исследований образцами из многокомпонентной латуни и многокомпонентной бронзы.

Изделия из *многокомпонентные латуни* (CuZnSnPb) встречены в количестве 32 образцов (27,8% выборки). Для предметов характерно значительное содержание цинка в сплавах. Так, в составе 12 образцов выявлено 5–10% цинка, в металле 15 изделий – более 10%. Максимальная концентрация Zn зафиксирована в составе язычка подковоподобной фибулы – 22,24%.

При этом отмечается большое количество образцов с повышенным содержанием свинца (более 10% – 23 экземпляра, среди которых в металле 15 образцов – более 20% (максимально 28,37%).

Наибольшим количеством представлены изделия с концентрацией олова до 5% – 26 предметов (от 1,05 до 4,78%). В металле 1 изделия выявлено 5,6% Sn, в оставшихся образцах зафиксировано более 10% этого металла. Максимальное количество олова обнаружено в составе поясной накладки – 30,56%.

Среди изделий из многокомпонентной латуни в выборке встречено 12 предметов, относящихся к категории украшений и деталей одежды (5 фрагментов подковообразных фибул, 4 браслета, 2 поясные накладки), 5 оплавков, 2 креста-тельника, 1 ювелирный широкогубый пинцет, пластинки и предметы не установленного назначения.

Многокомпонентные латуни в Гнездово составляют 9% выборки (*Ениосова,* 2016. С. 728). Распространение данный сплав получил также на территории Северо-Западной Руси, Прибалтики, Восточной Пруссии и Швеции. При этом многокомпонентные латуни из Прибалтики, Восточной Пруссии и Швеции отличаются высокими концентрациями цинка (от 10% до 20%) (*Ениосова, Митоян, Сарачева*, 2008. С. 147*)*. На территории Беларуси данный сплав получил распространение в Бирулях (40%), Полоцке (13%), памятниках Центральной Беларуси (30%). Белорусские образцы, как правило, отличаются высоким содержанием цинка в сплавах (более 10%) (*Магалінскі, Кенько,* 2021. С. 68; *Магалинский, Кенько,* 2020. С. 72; *Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 397; *Магалинский, Райков,* 2014. С. 121; *Магалинский, Войтехович,* 2021. С. 70).

Многокомпонентные бронзы (CuSnZnPb) представлены 6 образцами (5,2% выборки). Предметы содержат цинк в концентрациях от 1,1 до 4,58%, олово в пределах 2,55–12,79%, при этом в металле только двух изделий количество Sn превышает 10%. Исследованные образцы содержат также свинец в значительных концентрациях. Так, в составе трех предметов содержание Pb превышает 20% и достигает максимального значения в металле поясной накладки (Pb=37,09%).

Изделия из многокомпонентной бронзы представлены в выборке 3 поясными накладками, фрагментом кольцевидной булавки, оплавком и фрагментом бубенчика.

Сложные сплавы, в том числе многокомпонентные бронзы, получили распространение на территориях, которые имели ограниченный доступ к источникам «свежего» металла. На Северо-Западе Руси доля данных металов в выборке минимальна. Так, среди исследованных образцов из Гнездово многокомпонентные бронзы составляют 2,6%, в Новгороде – 1% (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 147). На территории Беларуси изделия из данного сплава встречены в Полоцке (6,6%), в Бирулях (9,3%), на памятниках Центральной Беларуси (24%) (*Магалінскі, Кенько,* 2021. С. 68; *Магалинский, Кенько,* 2020. С. 72; *Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 395; *Магалинский, Райков,* 2014. С. 121; *Магалинский, Войтехович,* 2021. С. 71).

Легкоплавкие сплавы на основе олова и свинца представлены в выборке 19 образцами (16,5% выборки). Среди исследованных предметов выявлен сплав олова с медью, цинком и свинцом (2 образца); сплав олова со свинцом (1 образец); сплав свинца с медью (1 образец); сплав свинца с медью и оловом (1 образец); сплав свинца с медью и цинком (3 образца); сплав свинца с медью,

оловом и цинком (8 образцов); сплав свинца с оловом (2 образца); чистый свинец (1 образец).

Таким образом, наибольшим количеством образов представлены сложные сплавы на основе свинца с содержанием олова, меди и цинка. Концентрация свинца в таких сплавах колеблется в пределах от 29,75 до 80,12%, олова – от 6,42 до 30,54%, меди – от 7,84 до 31,0%. Содержание цинка находится в пределах от 1,1 до 7,8%. Подобные сплавы, вероятно, следует связывать с характером сырья, имевшегося в распоряжении местных ремесленников, которые для производства изделий часто использовали металлический лом.

Среди изделий из легкоплавких сплавов встречены 4 накладки, 4 пуговицы, гирька-разновес, книжная застежка, 3 поясные накладки, 2 подвески, 2 креста-тельника, пряжка, конус (грузик).

Изделия из легкоплавких сплавов редко становились предметом специального исследования, в связи с чем отсутствует надежная информация о характере распространения данной группы сплавов в цветной металлообработке периода Средневековья. Кроме того, масштаб применения данных металлов в ювелирном деле сложно оценить в связи с плохой сохранностью изделий из данных сплавов в культурном слое. Вероятно, использование легкоплавких сплавов было обусловлено относительной доступностью сырья, возможностью его обработки при низких температурах, а также внешней схожестью готовых предметов с более дорогими серебряными изделиями. Следует также полагать, что часть предметов из данной группы сплавов является результатом смешения разнохарактерного металлического лома, что проявилось в появлении сложных сплавов на свинцовой либо оловянной основе с содержанием цинка и меди.

Предметы из легкоплавких сплавов встречены в Новгороде (13%), Пскове (5%), Старой Ладоге (13%), Рюриковом городище (11%) и др. (*Ениосова, Митоян, Сарачева,* 2008. С. 148). На территории Беларуси достоверные данные относительно характера распространения легкоплавких сплавов есть для полоцкой выборки, где их доля составляет 12,1% (*Магалинский, Райков, Бельков,* 2012. С. 396).

Сплавы драгоценных металлов представлены предметом из многокомпонентного низкопробного серебра (накладка), а также двумя предметами из сплава на основе меди с повышенным содержанием серебра (поясной наконечник, шейная гривна).

Таким образом, в ходе изучения химического состава изделий из цветных металлов, полученных в результате исследования археологического комплекса Кордон, удалось установить, что наибольшее распространение на территории памятника получили цинкосодержащие сплавы, прежде всего свинцовые и многокомпонентные латуни. Высокое содержание летучего цинка в изделиях из многокомпонентного сплава свидетельствует о наличии у местных ремесленников непосредственного доступа к «свежему» металлу. Сырье в мастерские поступало не только в виде лома, но также в виде слитков металла, о чем свидетельствует наличие в выборке подобного изделия из многокомпонентной латуни. Важной отличительной чертой медно-цинковых сплавов из Кордона является также преобладание образцов с высоким содержанием свинца.

Значительную часть цветной металлообработки на территории памятника занимали бронзы, общая доля которых в исследованной выборке составляет 21,4%. Среди образцов в наибольшем количестве представлены свинцовые бронзы, которые отличаются высокими концентрациями свинца, часто превышающими 20%. Также важно отметить наличие изделий из «чистой» меди (11% выборки) и образцов из сплавов на основе олова и свинца (16% выборки).

Среди синхронных памятников с известным химическим составом большой серии образцов цветной металл Кордона наиболее близок находкам из торгово-ремесленного поселения Бирули, одного из наиболее изученных памятников X–XI вв. на территории Северной и Центральной Беларуси. Важную роль в цветной металлообработке этих археологических комплексов играли свинцовые и многокомпонентные латуни со значительным содержанием цинка (*Магалинский, Кенько,* 2020. С. 67*)*. Данное обстоятельство существенно отличает цветной металл Кордона и Бирулей от изделий из Гнездово, где в выборке преобладает «чистая» медь, двойные и свинцовые латуни (*Ениосова,* 2016. С. 728).

Литература

Ениосова Н. В., 2016. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: научные исследования. № 6. С. 724–733.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А, Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература. С. 107–188.

Левко О. Н., 2018. Кордон – ключевой объект предгосударственной истории Белорусского Подвинья // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Шумілінскі край: зборнік навуковых артыкулаў. Мінск: Беларуская навука. С. 87–103.

Магалинский И. В., Войтехович А. В., 2021. Элементный состав цветного металла X–XIII вв. с территории Центральной Беларуси (по материалам исследований археологических комплексов Менка, Василевщина, Фрунзе, Дружба) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. № 9. С. 69–72.

Магалинский И. В., Кенько П. М., 2020. Химический состав сырьевых слитков из цветных металлов X–XI вв. (по материалам археологических исследований торгово-ремесленного поселения Бирули) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 31. Даследванне беларускіх старажытнасцей (да 80-годдзя з дня нараджэння А. Г. Калечыц). Мінск: Беларуская навука. С. 64–69.

Магалинский И. В., Райков С. Н., 2014. Применение данных лазерного спектрального анализа химического состава цветных металлов при изучении ювелирного ремесла Полоцка X–XVII вв. // Доклады Национальной академии наук Беларуси. Т. 58, № 2. С. 119–122.

Магалинский И. В., Райков С. Н., Бельков М. В., 2012. Предварительные результаты исследования химического состава изделий из цветных металлов X–XVII вв. из Полоцка // Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22–23 мая 2012 г.). Мінск: Беларуская навука. С. 392–399.

Магалінскі І. У., Кенько П. М., 2021. Вырабы з каляровых металаў X–XI стст. з тэрыторыі гандлёва-рамесніцкага паселішча Бірулі (суадносіны тыпалагічных і металургічных груп) // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зборнік артыкулаў V міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 15–16 красавіка 2021 г.). Наваполацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт. С. 64–70.

Svarāne D., 2013. Pētījumi Latvijas seno metālu tehnoloģijā 11.–17. gs. Riga: Latvijas vēstures institūta apgāds. 239 lpp.

* * *

Магалинский Игорь Владимирович, *кандидат исторических наук, доцент,*
Республика Беларусь, Полоцкий государственный университет; e-mail: mahalinski@tut.by

Д. С. Грицкевич

Случаи синусита среди населения г. Полоцка XIII–XVIII вв.

Резюме. Представлены результаты палеопатологического исследования остеологического материала из археологических памятников города Полоцка: Нижний замок (XIII–XIV, XVII–XVIII вв.), Спасо-Преображенский храм (XII–XVIII вв.), Полоцкое городище (XVII–XVIII вв.), Великий посад (XVII–XVIII вв.), Доминиканский монастырь (XVII–XVIII вв.), Заполотский посад (XVII в.). Цель исследования – выявление среди городского населения следов воспаления верхнечелюстных пазух (синусит). В результате анализа остеологического материала было зафиксировано 13 случаев заболевания. Следы воспалений были выявлены у 7 мужчин, 5 женщин и на остеологическом материал одного индивида, пол которого установить не удалось. Согласно возрастному разделению, заболевание чаще фиксировалось у индивидов от 20 до 30 лет (5 случаев), далее – у индивидов в возрасте 50+ (4 случая), в возрасте от 30 до 40 и от 40 до 50 лет было выявлено по 2 случая. В двух случаях удалось показать причины возникновения заболевания (травматогенная и одонтогенная). В остальных же установление этиологии заболевания оказалось затруднительным.

Ключевые слова: Полоцк, Беларусь, XIII–XVIII вв., городское население, палеопатология, синусит.

D. S. Gritskevich. Cases of Sinusitis among the Population of Polotsk in the 13th–18th Centuries

Abstract. The results of a paleopathological study of osteological material from the archaeological sites of the city of Polotsk are presented: the Lower Castle (XIII–XIV, XVII–XVIII centuries), the Church of the Transfiguration of the Savior (XII–XVIII centuries), the Polotsk Gorodische (XVII–XVIII centuries), Veliky Posad (XVII–XVIII centuries), Dominican monastery (XVII–XVIII centuries), Zapolotsky Posad (XVII century). The aim of the study was to identify traces of inflammation of the maxillary sinuses (sinusitis) among the urban population. The analysis of osteological material revealed13 cases of the disease. Traces of inflammation were found on the osteological material of 7 men, 5 women, and one individual, the sex of whom appeared impossible to be determined. According to the age classification, the disease was more often recorded in individuals aged 20 to 30 years (5 cases), then in individuals aged 50+ (4 cases), and in those, aged 30 to 40 and 40 to 50, 2 cases were detected. In two cases, it became possible to identify the causes of the disease (traumatic and odontogenic). In the other cases, the establishment of the etiology of the disease proved to be difficult.

Keywords: Polotsk, Belarus, 13th–18th centuries, urban population, paleopathology, sinusitis.

https://doi.org/10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-382-4.311-318

Введение

Околоносовые пазухи – это заполненные воздухом пространства в костях лица и черепа, которые связаны через отверстия с носовой полостью. Всего пазух четыре: верхнечелюстная, лобная, решетчатая и клиновидная. Верхнечелюстные пазухи самые большие, они находятся в тесной связи с глазницей и передней черепной ямкой (*Waldron*, 2009. P. 113–114).

Верхнечелюстные пазухи выполняют ряд важных функций, среди которых выделяют дыхательную (транспортировка вдыхаемого и выдыхаемого воздуха) и защитную (согревание, увлажнение и очищение вдыхаемого воздуха) (*Блоцкий,* 2005. С. 37). Кроме того, эти анатомические образования защищают орбиту и полость черепа от негативного воздействия факторов внешней среды (*Пискунов, Пискунов*, 2002. С. 91).

Синусит, являясь воспалением околоносовых пазух, можно разделить на пять типов: острый бактериальный (продолжительность болезни менее 30 дней), подострый бактериальный (сохранение симптомов на протяжении 30–90 дней), рецидивирующий острый бактериальный (повторные эпизоды менее чем на 30 дней каждый), хронический (продолжительность заболевания более 90 дней), острый бактериальный синусит, наслоившийся на хроническую форму (*Яблонева*, 2006. С. 70).

Согласно исследованиям палеопатологов, очагом воспалительных реакций, затрагивавших костные ткани, были бактерии, распространявшиеся из горла, уха или носовых пазух (*Roberts, Manchester*, 2010. С. 421). Заболевания носовых пазух (синуситы) и среднего уха (отиты) существенно влияли на состояние здоровья древнего населения. Хотя они, в отличие от эпидемий, не имели катастрофических последствий, однако из-за осложнений могли быть причиной уменьшения продолжительности жизни и повышения общего уровня заболеваемости (*Козак*, 2010. С. 168).

Отсутствие систематического изучения и выявления следов болезней и патологий на остеологическом материале, принадлежащем древним белорусам, определило проведение палеопатологических исследований населения Белорусского Подвинья XIII–XVIII вв. как одного из актуальных направлений отечественной палеоантропологии. Полученные результаты данного исследования позволяют дополнить исторический и археологический контекст, а также представить новые факты о жизни древнего населения Беларуси.

Целью исследования является выявление следов воспалений внутренних стенок верхнечелюстных пазух (синусит), а также интерпретация полученных результатов через призму истории и антропологии.

Материалы и методы

Материал исследования – скелеты разной степени сохранности, представляющие взрослое население города Полоцка XIII–XVIII вв. Для выявления следов воспалений околоносовых пазух был проведен палеопатологический анализ 242 костяков, принадлежащих взрослым (114 мужчин и 63 женщины). Из данного числа только у 26 индивидов наблюдался разлом в области синусов либо присутствовали фрагменты лицевых костей с открытыми верхнечелюст-

Таблица 1

Воспаления околоносовых пазух у населения г. Полоцка (XIII–XVIII вв.)

Археологический памятник	Датировка (вв.)	№ погребения (год проведения арх. раскопок)	Пол, возраст
Нижний замок	XIII–XIV	10	М, 20–25
		14	Ж?, 30–40
		48	М, 20–30
	XVII–XVIII	5	?, 20–30
		7	М?, 20–40
		28	М?, 20–25
		38	М, 20–30
Спасо-Преображенский храм	XII–XVIII	10 (2017)	Ж, 50+
		20.4 (2017)	Ж, 40–50
		1 р-4 (2019)	Ж, 50+
Полоцкое городище	XVII–XVIII	17 (2007)	Ж, 50+
Великий посад	XVII	6	М, 50+
		42	М, 40–50

ными пазухами. Согласно половой идентификации 10 черепов принадлежали мужчинам, 9 – женщинам, определение пола остальных 7 костяков было затруднено ввиду их фрагментарности.

Фиксация заболевания (синуситов) производилась в процессе морфологического изучения внутренней поверхности полостей верхнечелюстных пазух на черепах, разрушенных посмертно. Частота встречаемости заболевания не рассчитывалась ввиду нерепрезентативности проанализированной выборки фрагментированных черепов по отношению к общему числу краниологической серии.

Диагностика воспалений околоносовых пазух (синусит) осуществлялась по методике Ф. Бьюкока и коллег (*Boocock, Roberts, Manchester*, 1995. P. 486) согласно следующему описанию:

1) Мелкие ямки, часто наблюдающиеся в сочетании с другими типами костных изменений;

2) Тонкие костные спикулы, прикрепленные к исходной поверхности кости;

3) Ремоделирование спикул, их слияние и преобразование в пластинчатую форму, образование кости, напоминающей расплавленный воск;

4) Белая изъязвленная кость, высокая степень изъязвления, передача инфекции на внешнюю поверхность пазухи.

Результаты и обсуждение

В результате палеопатологического исследования наличие следов воспаления верхнечелюстных пазух было зафиксировано у 13 индивидов из археологических комплексов Нижний замок, Спасо-Преображенский храм, Полоцкое городище, Великий посад (табл. 1).

Согласно полученным данным, среди мужчин было выявлено 7 случаев, а среди женщин – 5 случаев. В это же время синусит был зафиксирован у одного индивида, пол которого установить не удалось. Согласно возрастному распределению, следы заболевания присутствовали на костяках индивидов в возрасте 20–30 лет в 5 случаях, в возрасте 30–40 лет в 2 случаях, в возрасте 40–50 лет в 2 случаях и в возрасте 50+ в 4 случаях.

Причины развития синусита у женщин и мужчин разнятся. Для женского населения характерными факторами являются систематическое нахождение вблизи очагов и у постели больных детей (*Козак*, 2010. С. 180). Кроме того, доказано, что беременные женщины и женщины, находящиеся в менопаузе, более восприимчивы к заболеваниям и инфекциям ввиду подавления иммунной системы будущей матери в пользу развития плода, а также из-за возрастных гормональных изменений (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 499; *Bellizzi et al.*, 1984. P. 62).

Мужское население подвергалось риску развития воспаления околоносовых пазух из-за длительного нахождения в мастерских с загрязненным воздухом или влажных, плохо проветриваемых кельях (*Козак*, 2010. С. 180).

Рассмотрим несколько случаев более подробно. При исследовании остеологического материала из археологического памятника Великий посад (погребение № 6, археологические раскопки 2010 г.), следы синусита были зафиксированы у мужчины старше 50 лет. Индивид имел проникающую травму лицевых костей, которая вызвала нарушение целостности левой верхнечелюстной пазухи (рис. 1: *1*). Вероятно, ранение сопровождалось обильным кровотечением в пазуху и носовую полость, что могло вызвать воспаление (рис. 1: *2*).

Травматические синуситы возникают как следствие механических травм околоносовых пазух (ушибы, трещины, переломы). Повреждения зачастую сопровождаются переломами стенок глазниц или фронтобазальными переломами. В результате возникает кровоизлияние в мягкие ткани отдела, а также в пазуху с образованием гемосинуса (скопления крови в полости) (*Говорун, Горохов*, 2010. С. 11).

Случай одонтогенного синусита был выявлен у женщины старше 50 лет, погребенной при Спасо-Преображенском храме (погребение № 1, р-4, археологические раскопки 2019 г.). Следы заболевания зафиксированы в обеих полостях верхнечелюстных пазух. Причина ее появления – обширный воспалительный процесс, возникший на верхушке корня второго моляра справа (рис. 2: *1*). В результате этого процесса образовавшиеся продукты воспаления попали в ткани пазухи и вызвали ее инфицирование, впоследствии перешедшее в хроническую форму (рис. 2: *2*).

Одонтогенный синусит возникает в случае, когда воспаление пазух является результатом периапикального абсцесса или заболеваний пародонта (*Merrett, Pfeiffer*, 2000. P. 303). Непосредственная близость зубов к околоносовым пазухам подвергает их опасности в случае развития периапикального абсцесса и формирования ороантрального свища, соединяющего полость рта и пазуху, тем самым вызывая воспаление слизистой оболочки (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 499).

Рис. 1. Череп мужчины из Полоцка.
1 – проникающая травма лицевых костей черепа; *2* – фрагменты костных спикул на внутренней поверхности пазухи

Среди факторов, влияющих на возникновение одонтогенной формы синусита, выделяют особенности диеты населения (употребление сахаросодержащих продуктов), специфику гигиенических практик, распространение стоматологических заболеваний (кариес, абсцессы, пародонтопатии) (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 499, 501).

В остальных 11 случаях определить причину патологии затруднительно из-за фрагментарности материала или же отсутствия маркеров, позволяющих определить ее тип. Однако во всех случаях, когда на костном материале были выявлены признаки развития заболевания, воспалительные изменения стенок верхнечелюстных пазух имели хроническую форму. При отсутствии медицинского ухода симптомы хронического или рецидивирующего синусита могут сохраняться многие годы. На развитие данной формы заболевания влияет степень устойчивости организма человека, вирулентность инфекционного агента и количество присутствующих инфекционных организмов (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 498).

Согласно патогенезу, помимо вышеуказанных типов верхнечелюстных синусов ученые так же выделяют риногенные и аллергические. В некоторых случаях возникает поражение комбинированного типа, например, одонтогенный синусит может развиться после перенесенного острого респираторного заболевания (*Сипкин и др.*, 2013. С. 83).

Риногенный синусит возникает вследствие проникновения патогенных микроорганизмов и твердых частиц через средний носовой ход (*Merrett, Pfeiffer*, 2000. P. 303). Поэтому повышенный риск возникновения заболевания

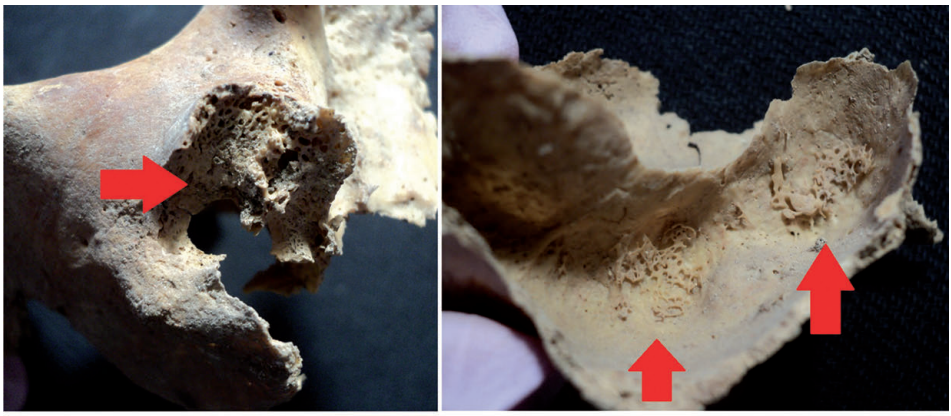


Рис. 2. Череп женщины из Полоцка.
1 – следы воспалительного процесса в лунке М2; *2* – фрагменты костной пластинки, образованной из ремоделированных спикул (дно левой пазухи)

тесно связан с санитарно-бытовыми условиями, в которых проживало и трудилось древнее население. К развитию синусита предрасполагает промышленная деятельность и загрязнение воздуха продуктами горения (дым от сжигания дерева или соломы), местная экология, высокая плотность населения, проживание в плохо проветриваемом жилище. Все это способствует быстрой передаче бактерий и вирусов из окружающей среды от паразитов (крысы, вши) к людям, либо от человека к человеку. Кроме этого, воспаление околоносовых пазух вызывают пыльца, домашняя пыль, шерсть животных и табачный дым (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 499; *Козак*, 2010. С. 178–179; *Mushrif-Tripathy*, 2014. P. 12; *Merrett, Pfeiffer*, 2000. P. 305).

На снижение иммунитета и последующее развитие патологических изменений в околоносовых пазухах оказывают влияние и сопутствующие болезни, например инфекционные заболевания (проказа, туберкелез, трепонематозы) или воспаления верхних дыхательных путей (бронхит, ринит, отит) (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 499).

Аллергические синуситы вызывают сенная лихорадка (или поллиноз) и астма. В результате развития и прогрессирования данных заболеваний в полостях носа возникают полипы и отеки слизистой оболочки, что нарушает естественный процесс дренирования пазух и приводит к их воспалению (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 499).

Среди других причин, имеющих влияние на развитие синусита, ученые выделяют природные факторы (географическая широта, высота над уровнем моря, климат, влажность) (*Козак*, 2010. С. 169; *Mushrif-Tripathy*, 2014. P. 12) и врожденную предрасположенность (синдром неподвижных ресничек, болезнь Гоше, иммунодефицитные заболевания) (*Lewis, Roberts, Manchester*, 1995. P. 498).

Согласно полученным результатам, можно предположить, что среди факторов, влияющих на развитие воспалений верхнечелюстных пазух у городско-

го населения Полоцка XIII–XVIII вв., выделялись: последствия травматизации вследствие межличностного насилия и осложнения течения заболеваний зубочелюстного аппарата. Безусловно, дополнительными стрессорами, создающими благоприятные условия для развития болезни, могли служить внешние факторы. К ним относятся жилищно-бытовые условия, а также специфика некоторых видов ремесленной деятельности.

Выводы

В результате палеопатологического исследования остеологического материала из археологических памятников г. Полоцка XIII–XVIII вв. было выявлено 13 случаев воспаления верхнечелюстных пазух (синусит). Все зафиксированные факты болезни носят хронический характер. Следы воспалений были выявлены у 7 мужчин, 5 женщин, и у индивида, пол которого установить не удалось. Согласно возрастному разделению, заболевание чаще фиксировалось у индивидов от 20 до 30 лет (5 случаев), далее – у индивидов в возрасте 50+ (4 случая), в возрасте от 30 до 40 и от 40 до 50 лет было выявлено по 2 случая.

В двух случаях удалось показать причины возникновения заболевания (травматогенная и одонтогенная). В остальных же установление этиологии заболевания оказалось затруднительным. По литературным источникам известно, что развитие синусита зависит от множества факторов (негативное влияние окружающей среды, воспалительные процессы зубочелюстной системы, травмы, аллергии и т. д.).

Не исключено, что жилищно-бытовые условия, скученность, антисанитария, ограниченность медицинского обслуживания, как и сопутствующие заболевания, могли быть причинами развития воспалений верхнечелюстных пазух у городского населения г. Полоцка XIII–XVIII вв.

Литература

Блоцкий А. А., 2005. Клиническая анатомия ЛОР-органов: метод. пособие для студентов, врачей интернов, клинич. ординаторов оториноларингологов. Благовещенск. 195 с.

Говорун М. И., Горохов А. А., 2010. Повреждения ЛОР-органов и шеи в мирное и военное время: руководство для врачей. СПб.: СпецЛит. 126 с.

Козак О. Д., 2010. Кияни княжої доби. Біоархеологічні студії. Київ: Академперіодика. 396 с.

Пискунов Г. З., Пискунов С. З., 2002. Клиническая ринология. М.: Миклош. 390 с.

Сипкин А. М., Никитин А. А., Лапшин В. П., Никитин Д. А., Чукумов Р. М., Кряжинова И. А., 2013. Верхнечелюстной синусит: современный взгляд на диагностику, лечение и реабилитацию // Альманах клинической медицины. № 28. С. 82–87.

Яблонева В. Н., 2006. Клиническое руководство: диагностика и лечение синусита (по материалам Американской академии педиатрии) // Педиатрическая фармакология. Т. 3, № 4. С. 69–79.

Bellizzi R., Drobotij E., Keller D., Kenevan R., 1983. Sinusitis secondary to pregnancy rhinitis, mimicking pain of endodontic origin: a case report // Journal of endodontics. Vol. 9, iss. 2. P. 60–64.

Boocock P., Roberts C., Manchester K., 1995. Maxillary sinusitis in medieval Chichester, England // American journal of physical anthropology. Vol. 98, iss. 4. P. 483–495.
Lewis M., Roberts C., Manchester K., 1995. Comparative study of the prevalence of maxillary sinusitis in later Medieval urban and rural populations in Northern England // American journal of physical anthropology. Vol. 98, № 4. P. 497–506.
Merrett D., Pfeiffer S., 2000. Maxillary sinusitis as an indicator of respiratory health in past populations // American journal of physical anthropology. Vol. 111, № 3. P. 301–318.
Mushrif-Tripathy V., 2014. Maxillary sinusitis from India: a bio-cultural approach // Korean journal of physical anthropology. Vol. 27, № 1. P. 11–28.
Roberts Ch., Manchester K., 2010. The Archaeology of Disease. Stroud, Gloucestershire: The History Press. 829 p.
Waldron T., 2009. Paleopathology. London. 299 p.

* * *

Грицкевич Дарья Сергеевна, *Республика Беларусь, Минск, аспирант отдела антропологии Института истории Национальной академии наук Беларуси; e-mail: gritskevichdarya@gmail.com*

Научное издание

Археология и история Пскова и Псковской земли:
Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова
Выпуск 36.
Материалы 66-го заседания (2021 г.)

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

Редактор *А. И. Ершова*
Перевод резюме *С. Ф. Мацевич*
Художники *Н. С. Сафронова, А. В. Голикова*
Оригинал-макет: *В. Б. Степанов*

Подписано в печать 25.12. 2021. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага мелованная 115 г/м^2.
Уч.-изд. л. 25,5. Тираж 300 экз. Заказ № 4426

Институт археологии РАН
117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский,
ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещ. XIX ком. 321
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-382-4